

ИСТОРИЯ СССР

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

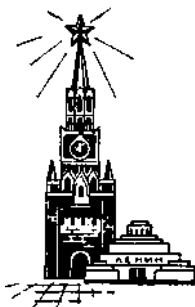
ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ
СССР

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1957 ГОДУ

ВЫХОДИТ
6 РАЗ В ГОД

4 · 1980

ИЮЛЬ · АВГУСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА
МОСКВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО (*главный редактор*),
К. В. ГУСЕВ, С. С. ДМИТРИЕВ,
И. Е. ЗЕЛЕНИН (*зам. главного редактора*),
В. И. КАСЬЯНЕНКО, Г. Д. КОМКОВ,
Б. И. КРАСНОБАЕВ (*зам. главного редактора*),
В. И. КУЛИКОВ, В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ,
И. И. МИНЦ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ,
М. В. НЕЧКИНА, А. П. ОКЛАДНИКОВ,
А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, Г. А. ЦЫПКИН

Адрес редакции:

103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 19, тел. 223-56-93

Ответственный секретарь *Г. С. Осипян*, тел. 294-29-31

EDITORIAL BOARD:

I. D. KOVALCHENKO (*Editor-in-chief*),
K. V. GUSEV, S. S. DMITRIEV,
I. Ye. ZELENIN (*Assistant editor-in-chief*)
V. I. KASYANENKO, G. D. KOMKOV,
B. I. KRASNOBAEV (*Assistant editor-in-chief*),
V. I. KULIKOV, V. Ya. LAVERYCHEV,
I. I. MINTS, A. L. NAROCHNITSKY,
M. V. NECHKINA, A. P. OKLADNIKOV,
A. A. PREOBRAZHENSKY, G. A. TSYPKIN

Address:

19. Kuznetsky Most, Moscow, U.S.S.R. Tel. 223-56-93

Managing Editor *G. S. Osipian*, tel. 294-29-31

**РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ
В ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ
1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНО-
ПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА). В СЛУЧАЕ
ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРА-
ЩАЕТСЯ ОДИН ЭКЗЕМПЛЯР, ДРУГОЙ ОСТА-
ЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ.**

К 50-ЛЕТИЮ НАЧАЛА МАССОВОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В СССР

И. Е. ЗЕЛЕНИН

РЕШАЮЩИЕ УСПЕХИ КОЛХОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В ПЕРИОД СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (осень 1930—1932 г.)

К концу 1929 г. широкие массы крестьянства важнейших зерновых районов страны на собственном опыте убедились в преимуществах коллективного хозяйства. «Вслед за бедняками,— отмечалось в резолюции ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП(б),— в колхозы двинулась и середняцкая масса»¹. В деревне начался великий перелом, она вступила на путь сплошной коллективизации. Коммунистическая партия своевременно и правильно определила этот важный момент. В решениях ноябрьского Пленума содержались отправные положения для решения вопросов, связанных с осуществлением сплошной коллективизации. Опираясь на ленинский кооперативный план и указания Пленума, Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) разработала проект постановления «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», принятого ЦК партии 5 января 1930 г.²

В основу постановления легли важнейшие ленинские принципы объединения крестьян в колхозы: добровольность и постепенность коллективизации, учет особенностей различных районов СССР, сочетание общественных и личных интересов крестьянства как основы успешного развития коллективного хозяйства, руководящая роль и широкая помощь государства колхозному строительству. Вместе с тем это был научно обоснованный и, как показал последующий опыт, вполне реальный план коллективизации. В нем намечались сроки социалистического преобразования сельского хозяйства важнейших сельскохозяйственных районов страны, устанавливалось (на основе опыта колхозного строительства), что сельскохозяйственная артель должна быть главной формой колхозного движения, говорилось о недопущении кулака в колхозы, предусматривалось выделение дополнительных средств для социалистической перестройки деревни.

И хотя переход мелкого крестьянского хозяйства на социалистический путь развития осуществлялся на всем протяжении переходной эпохи, основная масса единоличного крестьянства вступила в колхозы в

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 4. М., 1970, с. 345.

² Там же, с. 383—386.

годы сплошной коллективизации (со второй половины 1929 по 1932 г.). Истории коллективизации посвящено большое число общих и специальных исследований советских ученых³. Глубокий анализ исторического опыта КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана дан в фундаментальном труде члена-корреспондента АН СССР С. П. Трапезникова⁴.

Однако, как отмечается в историографических обзорах, ряд проблем истории коллективизации нуждается в дальнейшей научной разработке. Так, далеко не всегда убедительно раскрывается глубинная основа коллективизации как движения самих крестьянских масс, слабо показана их творческая инициатива в процессе социалистических преобразований⁵. В последние годы большое внимание исследователи уделяли началу сплошной коллективизации (конец 1929 — лето 1930 г.). В настоящее время полностью преодолен субъективизм в освещении некоторых вопросов этого этапа, привлечение богатого фактического материала позволило исправить ряд ошибок и неточностей⁶. Вместе с тем следующему этапу сплошной коллективизации (осень 1930 — конец 1932 г.), когда колхозное движение одержало решающие победы, уделялось значительно меньше внимания⁷. Появившиеся за последние 10—15 лет исследования, раскрывающие процесс коллективизации в национальных республиках и регионах в этот период должным образом еще не обобщены.

В настоящей статье делается попытка на основе привлечения новых источников и новейшей литературы исследовать процесс объединения крестьян в колхозы, динамику, масштабы колхозного движения с осени 1930 г., когда начался его новый подъем, до конца первой пятилетки, важнейшим итогом которой явилось утверждение колхозного строя в основных сельскохозяйственных районах страны. Проблемы классовой борьбы и ликвидации кулачества как класса, а также организационно-хозяйственного укрепления колхозов, получившие достаточное освещение в литературе, специально не рассматриваются.

* * *

В решениях XVI съезда ВКП(б) была поставлена задача всемерного укрепления колхозов и дальнейшего развертывания колхозного движения. 24 сентября 1930 г. ЦК ВКП(б) утвердил письмо всем крайкомам, обкомам и ЦК компартий республик «О коллективизации», в котором призвал коммунистов развернуть активную политическую ра-

³ См. Чинчиков А. М. Советская историография социалистического преобразования сельского хозяйства. М., 1971; Масов Р. М. Историография социалистической реконструкции сельского хозяйства и дальнейшего развития колхозного строительства в Таджикистане (1917—1967 гг.). Душанбе, 1974; Погудин В. И. Путь советского крестьянства к социализму. Историографический очерк. М., 1975; Историография крестьянства Советской Сибири. Новосибирск, 1976, гл. 4 и 9; Зеленин И. Е. Проблемы коллективизации сельского хозяйства в новейшей советской историографии.— «История СССР», 1978, № 1; Михнюк В. Н. Крестьянство Белоруссии на пути к социализму. Историографический очерк. Минск, 1979 и др.

⁴ Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, тт. 1, 2. Изд. 2, доп. М., 1976.

⁵ См. Погудин В. И. Указ. соч., с. 118.

⁶ См. Абрамов Б. А., Ваганов Ф. М., Голиков В. А. О некоторых вопросах истории первого этапа сплошной коллективизации сельского хозяйства.— «Вопросы истории КПСС», 1972, № 4.

⁷ Специальную статью обобщающего характера, посвященную колхозному строительству этих лет, см. «История СССР», 1960, № 6.

боту среди крестьянства и на этой основе «добиться нового мощного подъема колхозного движения»⁸.

Осенью 1930 г. начался новый подъем колхозного движения. К этому времени были преодолены последствия допущенных в начале года ошибок в колхозном строительстве, укреплена материально-техническая база колхозов, активизировалась работа местных партийных, советских и земельных органов. Неплохие хозяйственные итоги 1930 г. способствовали росту политической и трудовой активности крестьянства и создали благоприятную почву для развертывания колхозного движения.

Партийные организации деревни активно поддержали инициативу, передовых колхозов о проведении повсеместной кампании отчетов колхозов перед единоличниками. Широкая популяризация первых достижений колхозов способствовала повороту на путь коллективизации новых слоев трудящегося крестьянства⁹.

В ходе отчетов колхозов возникали сотни так называемых вербовочных бригад, состоявших из наиболее активных и политически грамотных крестьян. Располагая конкретными материалами о работе своих хозяйств, о доходах колхозников и единоличников, они могли вести действительную агитацию. Не случайно членов этих бригад иногда называли «красными сватами». В Белоруссии, например, 716 вербовочных бригад в октябре 1930 г. убедили вступить в колхозы 2488 единоличников¹⁰. В Таловском районе Центрально-Черноземной области вербовочные бригады способствовали значительному росту уровня коллективизации — с 25 до 60%. К концу 1930 г. на Северном Кавказе функционировало около 3000 вербовочных бригад, на Украине — 5700, в Нижне-Волжском крае — 1670, в Ленинградской области — 539¹¹.

Первоначально вербовочные бригады проводили работу в соседних с их колхозами деревнях, в пределах одного административного района¹². Первые межрайонные бригады появились в Россошанском округе ЦЧО. В сентябре 1930 г. здесь было организовано 26 бригад из активистов-колхозников для работы в соседних районах округа (всего было послано 130 человек). Они посетили 200 отстающих колхозов, помогли им распределить урожай, укрепить трудовую дисциплину, приняли участие в 318 собраниях единоличников, на которых присутствовало около 10 тыс. человек. Кроме того, члены бригады провели индивидуальные беседы среди 4 тыс. крестьян-единоличников. Россошанские колхозники выступали на пленумах сельсоветов, на районных совещаниях и собраниях групп бедноты, а также в колхозах (всего было сделано более 230 докладов).

В районах, где проводили работу эти бригады, появилось 37 новых колхозов и 673 хозяйства были приняты в ранее организованные колхозы; возникло 157 местных вербовочных бригад. Межрайонные бригады создавались и в других районах страны. Так, на Украине осенью 1930 г. действовало 150 таких бригад¹³.

⁸ Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление. М., 1969, с. 117; История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 2. М., 1971, с. 158.

⁹ См. «Правда», 1930, 21 октября; «Известия», 1931 г., 3 января; «Социалистическое земледелие», 1931 г., 1 февраля; Шарова П. Н. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области. М., 1963, с. 209; Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927—1937 гг.). Сб. док. Ростов н/Д, 1972, с. 426—428; Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927—1937 гг.). Сб. док. Томск, 1972, с. 169—170.

¹⁰ «Известия», 1931 г., 3 января.

¹¹ «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства» (далее — СРСХ), 1931, № 1, с. 32, 34, 37, 38, 40.

¹² ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 5, д. 39, л. 74.

¹³ СРСХ, 1931, № 1, с. 32.

В ходе кампании колхозных отчетов возникли инициативные группы крестьян-единоличников, являвшиеся по сути организационной ячейкой будущих коллективных хозяйств. В ЦЧО за сентябрь — октябрь 1930 г. было создано 4356 инициативных групп, из которых 1071 уже к 1 ноября превратились в колхозы¹⁴. На Украине в конце 1930 г. действовало 2 тыс. инициативных групп, на Северном Кавказе — 650, на Нижней Волге — 764, в Ленинградской области — 920. Всего, по неполным данным, осенью 1930 г. в СССР было организовано более 10 тыс. инициативных групп¹⁵.

ЦК ВКП(б) в постановлении от 20 января 1931 г. «О развертывании производственной агитации и массовой работы в связи с подготовкой к весенней посевной кампании и об укреплении земельно-колхозных органов», обобщив опыт массовой работы в деревне по вовлечению в колхозы трудящихся-единоличников, одобрил организацию инициативных групп и вербовочных бригад, направление опытных колхозников во вновь организованные хозяйства, создание так называемых «буксирных» бригад и рекомендовал крайкомам, обкомам и ЦК компартий союзных республик широко использовать этот опыт¹⁶.

Зимой и весной 1931 г. новые формы массовой работы в деревне получили самое широкое распространение и дальнейшее развитие.

Проблема вовлечения крестьян в колхозы занимала большое место и в деятельности сельских партийных организаций. Часто практиковались в это время такие формы агитации среди единоличников, как прикрепление коммунистов-колхозников к близлежащим деревням и к отдельным хозяйствам, приглашение крестьян на открытые партийные собрания, участие коммунистов в работе вербовочных бригад¹⁷.

В период подготовки и проведения весеннего сева число инициативных групп и вербовочных бригад значительно возросло. Так, в марте 1931 г. в зерновых районах РСФСР действовало 17 079 вербовочных бригад, на Северном Кавказе — 4081, в Средне-Волжском крае — 2074, в Центрально-Черноземной области — 6924. Эффективность их работы была значительна. В Краснодарском крае, например, в результате четырехдневного рейда одной бригады в колхозы вступило 586 единоличных хозяйств¹⁸. В феврале 1931 г. в РСФСР насчитывалось 15 505 инициативных групп, в том числе 7413 — в ЦЧО, более 3 тыс. — на Урале, 1098 — на Средней Волге, 807 — на Северном Кавказе¹⁹.

Весной 1931 г. идея создания вербовочных бригад получила дальнейшее развитие. Колхозцентр принял решение послать 20 тыс. опытных колхозников во вновь организованные колхозы. Бригады «двадцатитысячников» распространяли свою деятельность на целые края и национальные республики; часть их направлялась в отдаленные районы (вторая и третья очередь коллективизации). Главной задачей «двадцатитысячников» являлась помощь новым колхозам в организации труда, разработке производственных планов, заготовке семян и фуража²⁰. Так, бригада, состоявшая из трех человек (Г. И. Цыплаков, Ф. Г. Гераси-

¹⁴ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 5, д. 39, л. 6; Шарова П. Н. Указ. соч., с. 210—211.

¹⁵ СРСХ, 1931, № 1, с. 32, 34, 37, 40; «Известия», 1931 г., 9 января.

¹⁶ Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927—1935. М., 1957, с. 354—356.

¹⁷ См. «Коллективист», 1931, № 5, с. 50; № 7, с. 42; № 10, с. 42.

¹⁸ Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. 2, с. 295—296; «Правда», 1931 г., 18 февраля.

¹⁹ Трапезников С. П. Указ. соч., с. 297; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3751, л. 40 об.

²⁰ «Сельскохозяйственный бюллетень», 1931, № 3, с. 15.

менко, Г. М. Логинов), за период с 17 февраля по 4 апреля 1931 г. провела в Рязском районе Московской области 17 общегражданских, 12 колхозных, 20 собраний бедноты; с 79 единоличниками беседы состоялись дома. В результате возникло 6 инициативных групп, 345 крестьянских дворов влилось в старые и новые колхозы. Бригада оказала большую практическую помощь рязским колхозникам в организации колхозного хозяйства²¹.

По данным на 8 июля 1931 г., в новые колхозы было направлено 38 400 опытных колхозников²².

Получила распространение и такая форма массовой работы по организации подъема колхозного движения, как направление колхозников из вновь организованных в уже действующие хозяйства. В постановлении Колхозцентра, принятом 11 марта 1931 г., предлагалось направить 60 тыс. колхозников на 10 дней в лучшие колхозы с целью ознакомления с передовым опытом организации производства. По возвращении каждый из «шестидесятитысячников» должен был сделать доклад на общем собрании колхозников и единоличников; правлениям колхозов вменялось в обязанность широко применять опыт передовых хозяйств страны. Уже через полтора месяца в передовые колхозы было послано 42 889 колхозников²³.

Ленинский призыв в колхозы (январь 1931 г.) охватил повсеместно десятки тысяч крестьян-единоличников. Среди инициаторов этого движения были колхозники и батраки Калачеевского района ЦЧО, которые в связи с приближавшейся годовщиной со дня смерти В. И. Ленина обратились через газету «Правда» с призывом ко всем крестьянам-единоличникам «мощной волной ленинского набора пополнить колхозные ряды». С 20 по 25 января 1931 г. в ЦЧО было организовано 193 новых колхоза, а всего во второй декаде января в колхозы области влилось 28,5 тыс. единоличных хозяйств и было создано 216 колхозов²⁴.

На Северном Кавказе в дни ленинского призыва в колхозы влилось свыше 9,5 тыс. новых хозяйств, в Башкирии — более 3 тыс. хозяйств²⁵.

Волны нового подъема коллективизации докатывались до самых отдаленных районов страны. В мае 1931 г., например, бедняки Большеземельного района Ненецкого округа решили организовать колхоз в тундре. На общем собрании выступили Семериков, Филиппов, Артеев, Ануфриев. Они говорили, что объединиться в колхоз — единственный выход из нищеты и кулацкой кабалы, что государство отпускает большие средства на колхозное строительство. Собрание постановило: «Организовать колхоз и дать название „Кара-Хартей“»²⁶.

Главные черты всех форм работы по вовлечению единоличников в колхозы — массовость, активное участие в коллективизации десятков тысяч агитаторов и организаторов из самих колхозников.

²¹ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 1, д. 180, л. 74; оп. 2, д. 450, л. 44; оп. 2, д. 449, л. 120. См. также: Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927—1937 гг.). Сб. док. с. 429, 430; Коллективизация сельского хозяйства Центрального Промышленного района (1927—1937 гг.). Сб. док. Рязань, 1971, с. 532—533.

²² ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 1, д. 452, л. 12.

²³ «Сельскохозяйственный бюллетень», 1931, № 11, с. 39; ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 2, д. 450, л. 87 об.; оп. 5, д. 108, л. 54.

²⁴ «Правда», 1931 г., 15 января; «Социалистическое земледелие», 1931 г., 13, 24 и 30 января.

²⁵ «Социалистическое земледелие», 1931 г., 24 и 30 января; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3250, л. 52.

²⁶ Коллективизация сельского хозяйства в Северном крае (1927—1937 гг.). Сб. док. Вологда, 1963, с. 437.

Объединение крестьянских хозяйств в колхозы осуществлялось в целом в соответствии со сроками, намеченными в постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. В то же время в ходе коллективизации они уточнялись, корректировались, детализировались. Задания по коллективизации на 1931 г. были определены декабрьским (1930 г.) Пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б), утвердившим контрольные цифры народнохозяйственного плана СССР на 1931 г. Пленум уточнил разбивку СССР на три группы сельскохозяйственных районов в соответствии со сроками коллективизации в каждом из них²⁷ и предусмотрел в течение года завершить в основном сплошную коллективизацию в зерновых районах первой группы (Степная Украина, Северный Кавказ, Нижняя Волга, Левобережье Средней Волги). В зерновых районах второй очереди (ЦЧО, Сибирь, Урал, Лесостепная Украина, зерновые районы Казахстана), а также в хлопковых и свекловичных районах предполагалось объединить в колхозы не менее 50% крестьянских хозяйств; в потребляющей полосе — 20—25%. Пленум разъяснил, что под завершением в основном сплошной коллективизации следует понимать такое состояние, когда коллективизировано примерно 80% крестьянских хозяйств²⁸.

Третья сессия ЦИК СССР пятого созыва (январь 1931 г.) указала на возможность коллективизировать в течение 1931 г. не менее половины всех крестьянских хозяйств, а по основным зерновым районам — не менее 80%²⁹.

Намеченным темпам коллективизации должна была соответствовать прочная экономическая основа. В совхозы и МТС мощным потоком стала поступать новая техника. Декабрьский Пленум наметил довести число МТС Трактороцентра к концу 1931 г. до 1400, т. е. в течение одного года построить 1040 новых МТС. Предусматривалось, что большая часть новых МТС (745) должна начать свою работу уже весной. В сельское хозяйство предполагалось направить 120 тыс. тракторов (в 10-кратном исчислении), 7 тыс. автомашин, много другой сельскохозяйственной техники на сумму 768 млн. руб. (против 400 млн. в 1930 г.)³⁰. Грандиозная программа строительства МТС была успешно выполнена; в конце 1931 г. сетью МТС были охвачены все основные сельскохозяйственные районы страны, включая хлопковые, льноводческие, свекловичные³¹, что усиливало материально-технические предпосылки коллективизации в районах второй и третьей очереди.

Реальный ход коллективизации значительно опережал темпы, установленные декабрьским Пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б) и третьей сессии ЦИК СССР (см. табл. 1).

²⁷ Согласно уточненной и детализированной в 1931 г. разбивке СССР на группы районов в первую группу включали: Северный Кавказ (без некоторых национальных районов), Нижне-Волжский край (без национальных районов), Левобережье Средней Волги, Крым, Степь Украины; во вторую группу — Западную и Восточную Сибирь (без Бурят-Монголии и Якутии), Урал, Казахстан, Башкирию, Татарскую АССР, Дальневосточный край, ЦЧО, Правобережье Средней Волги, Левобережье и Правобережье Украины, а также основные хлопковые районы Средней Азии и Закавказья; к третьей группе были отнесены все остальные районы СССР — Северный край, Карелия, Ленинградская, Западная, Московская и Ивановская области, Нижегородский край, национальные районы Нижней Волги и Северного Кавказа, Дагестан, Якутия, Бурят-Монголия, Белоруссия, Полесье Украины, Средняя Азия и Закавказье (исключая хлопковые районы), районы Крайнего Севера.

²⁸ КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 493—494.

²⁹ Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления..., с. 351.

³⁰ КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 494; Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления..., с. 347, 357.

³¹ См. Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935 г. М., 1936, с. 665; СРСХ, 1932, № 11, с. 17.

Июньский (1931 г.) Пленум ЦК ВКП(б) отметил, что весной 1931 г. завершена коллективизация в основных зерновых районах (Украинская степь, Северный Кавказ, Нижняя Волга, Заволжье Средней Волги, Крымская степь), где было объединено больше 80% общего числа хозяйств и более 90% всего крестьянского посева и средств сельскохозяйственного производства³². В постановлении «О темпах дальнейшей коллективизации и задачах укрепления колхозов», принятом 2 августа 1931 г., ЦК ВКП(б) дал директиву партийным организациям этой группы районов в связи с окончанием в основном сплошной коллективизации считать своей центральной задачей организационно-хозяйственное укрепление колхозов. ЦК партии, обобщив имеющийся опыт, уточнил критерии завершения в основном коллективизации того или иного района или области, а именно — вовлечение в колхозы не менее 68—70% крестьянских хозяйств с охватом не менее 75—80% посевных площадей крестьянских хозяйств³³.

Пленум отметил значительные достижения в области коллективизации районов второй очереди, где было объединено 50% крестьянских хозяйств и свыше 60% посевной площади. Пленум поставил задачу завершить здесь в основном сплошную коллективизацию в конце 1931 или начале 1932 г. К началу уборочной кампании в этой группе районов было коллективизировано 61,4% крестьянских хозяйств. Постановление ЦК ВКП(б) от 2 августа 1931 г. констатировало, что из районов второй группы завершили в основном сплошную коллективизацию Левобережная Украина, зерновые районы Урала, а также Молдавия. Для остальных районов этой группы ЦК установил срок завершения сплошной коллективизации — 1932 г.³⁴

Для районов третьей очереди (Белоруссия, Закавказье, часть Средней Азии, Нечерноземный центр и северо-западные области РСФСР) характерны постепенное нарастание темпов коллективизации с января по май включительно (среднемесячный прирост в январе — марте составил 4,2%, в апреле — мае — 4,5%) и небольшое снижение их в период подготовки к уборке (прирост 3,8%).

Данные таблицы 1 показывают, что в большинстве районов третьей группы поворот широких крестьянских масс в сторону колхозов произошел не ранее осени 1930 г. Концом 1930 — началом 1931 г. или даже позже в ряде исследований датируется начало этого поворота в Северном, Северо-Западном и Центральном Промышленном районах РСФСР, республиках Закавказья, в Киргизии, Таджикистане и Узбекистане, некоторых национальных автономиях Поволжья (Марийская и Мордовская автономные области), Сибири (Якутская и Бурят-Монгольская АССР, Ойротская автономная область), Северного Кавказа (Дагестан, Чеченская и Ингушская автономные области)³⁵. Есть осно-

³² КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 525.

³³ Там же, с. 559—560.

³⁴ Там же, с. 525—526, 559—560.

³⁵ См. Очерк истории колхозного строительства в Таджикистане (1917—1965). Душанбе, 1968, с. 57, 67, 73; Ибрагимов А. Ю. Победа ленинского кооперативного плана в Узбекистане (1929—1933 гг.). Ташкент, 1969, с. 46, 144, 167; Шустов А. К. Победа колхозного строя в Верхнем Поволжье (1927—1937). Ярославль, 1971, с. 56, 81; Ломашвили П. Н. Великий поворот. Тбилиси, 1972, с. 209; Селезнев В. А., Гутаров А. Н. Начало массового колхозного движения на Северо-Западе РСФСР 1930—1932 гг. Ленинградская область. Л., 1972, с. 107, 119—120; Осуществление ленинского кооперативного плана в Киргизии. Фрунзе, 1976, с. 116; Попов А. Г. Социалистическое преобразование сельского хозяйства в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976, с. 203; Зеленин И. Е., Шустов А. К. Колхозы и сельское хозяйство Центрального Промышленного района РСФСР в годы социалистического строительства. — «История СССР», 1979, № 4, с. 39; Погудин В. И. Указ, соч., с. 199—204; Историография крестьянства Советской Сибири, с. 432—434.

Таблица 1

Динамика коллективизации крестьянских хозяйств на решающем этапе сплошной коллективизации (осень 1930 — лето 1931 г.)
(в % на начало месяца)*

Группы районов	1930 г.				1931 г.								
	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь
РСФСР	19,9	20,3	21,2	22,7	24,9	27,7	33,4	39,7	46,4	51,0	53,6	57,3	59,8
в том числе:													
I группа													
Северо-Кавказский край	53,0	54,3	56,2	59,7	62,2	64,9	76,0	78,1	81,6	82,0	82,2	82,6	81,9
Крымская АССР	38,4	40,5	45,2	49,0	55,0	57,0	69,5	76,8	83,3	83,7	83,7	83,0	83,0
Средне-Волжский край	22,3	22,9	23,1	23,3	23,2	33,1	43,6	56,0	62,9	64,6	65,8	73,4	79,3
Нижне-Волжский край	34,3	36,0	43,0	48,2	56,5	60,9	65,3	74,6	80,0	81,9	82,2	83,1	83,1
II группа													
Уральская область			26,7	30,4	32,8	35,6	40,2	47,8	52,1	60,6	63,7	65,9	66,0
Башкирская АССР	21,2	21,2	21,7	23,0	23,4	26,2	33,1	38,8	48,5	53,8	57,6	61,5	65,8
Татарская АССР	9,4	9,4	9,8	11,5	12,5	15,3	18,2	23,8	34,2	47,2	53,0	56,2	61,1
Центрально-Черноземная область	15,1	15,8	17,5	19,3	22,9	27,7	39,4	46,9	51,5	55,1	60,0	68,0	69,5
Западно-Сибирский край	20,5	20,5	20,9	21,9	22,5	24,3	28,5	34,9	39,4	45,4	52,5	55,6	56,3
Восточно-Сибирский край	17,8	17,8	18,0	17,4	17,7	21,1	23,7	27,4	33,9	40,3	43,3	45,6	48,3
Казахская АССР	32,0	32,0	32,0	33,9	34,9	37,8	41,0	43,7	48,8	55,2	53,2	59,1	60,8
Дальневосточный край					26,8			32,5		55,7	55,4	56,8	56,9

III группа	Северный край	10,5	10,6	10,6	11,0	11,8	13,0	14,8	17,9	25,0	36,9	45,2	52,5	55,4
	Карельская АССР	12,1	12,1	12,1	11,1	12,8	14,0	15,0	21,5	33,7	40,7	42,4	44,8	48,4
	Ленинградская обл.					7,1			23,5	31,0	34,1		39,5	39,5
	Западная область	6,8	7,1	7,3	7,6	8,4	10,2	14,6	25,6	35,7	40,2			44,4
	Московская область	7,3	7,6	7,8	8,1	8,3			20,6	25,0	36,4	38,2	40,2	47,0
	Ивановская промышленная область	5,9	6,5	6,6	6,7	7,3	11,8	15,5	22,7	29,1	34,1	38,5	40,4	40,5
	Нижегородский край	10,1	10,2	10,3	10,6	12,0	13,7	16,5	20,3	26,2	31,5	32,9	36,0	39,8
	Якутская АССР	10,1	11,4	11,4	11,4	14,4	14,4	14,4	16,5	18,9	18,9	23,9	23,9	28,4
	Киргизская АССР	25,9	25,9	25,9	25,9	25,5	27,6	29,4	36,8	42,8	43,9	43,9	49,9	51,3
	УССР	28,7	28,7	28,7	30,5	34,4	38,6	45,9	54,7	62,2	64,7	65,7	66,3	66,8
в том числе:														
Молдавская АССР	19,2	18,6		25,2	25,3		50,3	59,0		67,0	66,4	66,8	66,7	
БССР	11,2	11,6	12,3	13,5	14,6	15,6	18,3	21,2	25,5	32,0	39,6	42,6	46,4	
ЗСФСР	14,8	14,8	15,1	16,4	17,0	19,1	23,6	29,8	34,8	36,3	37,0	37,4	37,8	
в том числе:														
Азербайджан	12,2	12,3	12,6	15,5	16,6	18,2	23,1	32,9	38,9	40,0	41,1	41,4	41,9	
Грузия	18,8	18,8	19,4	19,5	19,7	20,9	26,3	31,4	36,9	36,8	38,7	38,8	38,9	
Армения	8,8	8,8	8,8	9,4	10,4	16,2	17,7	19,4	21,4	38,4	24,7	26,0	26,9	
Туркменская ССР	25,7	26,2	26,2	27,6	27,6	29,9	31,6	46,1	51,3	53,1	55,0	59,7	56,0	
Узбекская ССР	27,0	27,0	28,4	34,3	36,7	37,0	51,0	56,0	56,8	64,2	64,4	65,4	66,7	
Таджикская ССР	13,2	13,2	13,2	13,2	14,7	23,4	23,9	24,5	25,6	27,6	27,6	28,3	28,5	
СССР	21,4	22,2	23,0	24,6	26,4	29,4	35,5	42,0	48,7	52,7	55,1	57,9	59,9	

* ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 13, д. 48, лл. 149—150; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник, 1935, М., 1936, с. 633—634 (данные на 1 июня 1931 г.). Данные по Уралу, ЦЧО и Молдавии взяты из работы Н. В. Ефременкова («Ученые записки» Уральского ун-та, 1968, № 81, вып. 14, сб. 2, с. 28, 71), П. Н. Шаровой (Указ. соч., с. 213, 222) В. К. Сытника («Коллективизация сельского хозяйства и формирование класса колхозного крестьянства в Молдавии», Кишинев, 1976, с. 63); по Западной области — из сборника документов «Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР (1927—1937 гг.)» (Смоленск, 1968, с. 352, 368; 419); по Московской и Ивановской областям — из сборника документов «Коллективизация сельского хозяйства в Центральном Промышленном районе 1927—1937 гг.» (с. 460, 542); данные по Западной Сибири уточнены по книге Н. Я. Гущина «Сибирская деревня на пути к социализму» (Новосибирск, 1973, с. 306, 308).

вания для аналогичного заключения в отношении Белоруссии, Карелии, Западной области.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 2 августа 1931 г. ставилась задача завершить в основном сплошную коллективизацию в этой группе районов в 1932—1933 гг.

Таким образом, к осени 1931 г. произошли решающие сдвиги в ходе сплошной коллективизации. В районах первой группы и в ряде районов второй сплошная коллективизация в основном завершилась. В целом по СССР к началу сентября 1931 г. в колхозах было объединено почти 60% бедняцко-средняцких хозяйств и не менее 75% посевных площадей крестьянства, в то время как осенью 1930 г. — немногим более 20% хозяйств. Достигнутый осенью 1931 г. общий уровень коллективизации почти не изменился вплоть до конца первой пятилетки.

Успехи коллективизации были одержаны в условиях ожесточенной классовой борьбы с кулачеством. В 1931 г., как и в предшествующий период, кулаки, контрреволюционное духовенство распространяли различного рода клеветнические слухи провокационного характера, антиколхозные и антисоветские вымыслы; подстрекали крестьян к убою скота, к невыходу на работу и т. п.³⁶ В борьбе против колхозного строительства кулаки часто применяли такие средства, как порча общественного имущества, отравление скота, поджоги, террористические акты.

По данным колхозных рапортов-отчетов, весной 1931 г. подверглось нападению кулачества 15,8% всех колхозов. Из 100 случаев нападений на колхозы 21,9% составляли поджоги, 7,4% — отравление скота, 35,1% — террористические акты против актива, 15,4% — порча машин. В национальных районах особенно широкий размах получил кулацкий террор против колхозного актива. На 100 случаев нападения на долю террористических актов приходилось в Чувашской АССР — 52,3%, в Удмуртии — 50, в Адыгейской автономной области — 70, в Черкесской — 51% и т. д.³⁷

Велико было число нападений на колхозы в хуторских районах Белоруссии, Западной области, Сибири. Это объяснялось разбросанностью и изолированностью крестьянских хозяйств, а также наличием большого количества кулацких элементов³⁸.

Усилившееся в связи с бурным ростом колхозного движения сопротивление кулачества заставило местные партийные и советские организации обратиться в ЦК ВКП(б) и правительство с просьбой разрешить временно приостановленное раскулачивание и выселение кулацких хозяйств из районов сплошной коллективизации. Эти меры, которые начали осуществляться в январе — феврале 1931 г. в отдельных районах страны, а с весны — повсеместно, проходили под непосредственным руководством и контролем ЦК партии. 1931 год явился решающим этапом ликвидации кулачества, на протяжении которого было раскулачено около 200 тыс. хозяйств и выселено из районов сплошной коллективизации (включая и часть раскулаченных в 1930 г.) более 160 тыс. семей кулаков³⁹.

Сплошная коллективизация основывалась на обобществлении средств производства крестьянских хозяйств. В первую очередь это от-

³⁶ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 1, д. 182, л. 72; д. 190, л. 84; «Советское строительство», 1932, № 4, с. 99.

³⁷ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 14, д. 187, л. 22.

³⁸ «На аграрном фронте», 1931, № 4—5, с. 141; ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 1, д. 182, л. 73.

³⁹ Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972, с. 279—282, 285, 292; Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление, с. 121.

носились к их земельным наделам. Примерный устав сельскохозяйственной артели, утвержденный ЦИК и СНК СССР 1 марта 1930 г., предусматривал полное обобществление всех полевых наделов вступивших в артель крестьянских хозяйств, за исключением приусадебных земель — огородов, садов и т. п.

Гораздо медленнее шел процесс обобществления рабочего и продуктивного скота. И хотя, по данным весенней переписи колхозов 1931 г., 96,9% хозяйств имели рабочий скот, все же уровень обобществления был невысок. Многие колхозы по существу только приступали к обобществлению скота. В целом по стране было обобществлено — 9 948,6 тыс. голов, или 43,5%. В основных зерновых районах этот процент повышался до 56—64, а в потребляющей полосе снижался до 27—30. Еще ниже был уровень обобществления продуктивного скота. Подавляющее большинство колхозов (74%) имело в общественном стаде менее 25 коров, только немногим больше трети колхозов обобществило свиней и овец⁴⁰.

Медленные темпы обобществления скота в колхозах вполне естественны, если учесть условия того времени: отсутствие необходимых помещений, неподготовленность кормовой базы, острый недостаток животноводческих кадров, нерешенность многих вопросов организации общественного животноводства. Создание предпосылок для обобществления скота в широких масштабах требовало времени, и притом гораздо большего, чем в полеводстве.

Особенностью рассматриваемого периода явилось абсолютное и относительное сокращение числа коммун и товариществ по совместной обработке земли. К лету 1931 г. удельный вес сельскохозяйственной артели среди колхозов СССР по сравнению с летом 1930 г. вырос с 73,9 до 91,7%; коммун и тозов снизился: первых — с 8,8 до 3,6%, вторых — с 17,3 до 4,7%.

Новые колхозы создавались преимущественно в форме сельскохозяйственной артели. Тозы и другие формы крестьянских объединений возникали главным образом в отсталых национальных и животноводческих районах. По данным весенней переписи колхозов 1931 г., среди колхозов, созданных с осени 1930 г., было 0,2% коммун, 93% артелей, 3,8% тозов.

В ряде национальных республик и областей доминировали товарищества по совместной обработке земли. Так, весной 1931 г. удельный вес тозов в Ингушской автономной области составлял 96,7%, в Чеченской — 73,5, в Кабардино-Балкарской — 64,2, в Карачаевской — 58,1, в Черкесской — 42,8, в Хакасской — 41,3% и т. д. В конце 1931 г. в национальных районах Северного Кавказа на 926 колхозов 526 (около 55%) являлись тозами⁴¹. Преобладание тозов в этих районах определялось экономическим и культурным уровнем местного крестьянства. Попытки форсированного перехода от тозов к артели в этих местах наносили большой ущерб колхозному строительству⁴².

В ходе сплошной коллективизации существенные изменения происходили в социальном составе колхозов (см. табл. 2).

В целом по СССР весной 1931 г. соотношение внутри колхозов между бывшими батраками и бедняками, с одной стороны, и середняками — с другой, было примерно одинаковым. Заметно преобладали середняки (56,3%) в колхозах, возникших во второй половине 1930 г. («новые»),

⁴⁰ Колхозы весной 1931 года. М.—Л., 1932, с. 54, 60—69, 78.

⁴¹ Там же, с. 10—11; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3250, л. 21.

⁴² См. Попов А. Г. Указ. соч., с. 218—221.

Социальный состав колхозов на 1 июня 1931 г.*
(в %)

Территория	Батраки и бедняки	Середняки	Прочие
СССР	47,2	46,9	5,9
в том числе:			
старые колхозы	50,8	40,6	8,6
новые колхозы	37,5	56,3	6,2
РСФСР	43,9	47,9	8,2
Северный край	32,8	59,5	7,7
Ленинградская область	29,3	60,0	10,7
Западная область	28,1	64,2	7,7
Московская область	28,1	60,4	11,5
Ивановская область	25,8	65,9	8,3
Средне-Волжский край	36,9	56,3	6,8
Нижегородский край	36,5	54,6	8,9
Центрально-Черноземная область	40,1	53,2	5,7
Северо-Кавказский край	38,6	54,2	7,2
Западная Сибирь	44,6	42,8	12,6
Хакасская АО	51,7	36,7	11,6
Ойротская АО	55,3	33,2	11,5
Казахская АССР	63,5	28,8	7,9
Дагестанская АССР	61,5	27,6	10,9
Восточная Сибирь	41,0	43,9	15,1
Бурят-Монгольская АССР	44,9	44,4	10,7
Украина	44,5	48,4	7,1
Белоруссия	42,8	45,0	12,2
Армения	56,0	31,8	12,2

* ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 14, д. 108, л. 32.

поскольку именно с этого времени в колхозы стали втягиваться основные середняцкие массы. В колхозах же, возникших в 1927—1929 гг. и в первой половине 1930 г. («старые»), преобладали бедняки и батраки (50,8%), так как они первыми вступали в коллективные хозяйства, а отлив в начале 1930 г. происходил главным образом за счет середняцких хозяйств.

О значительном преобладании середняка в колхозах весной 1931 г. свидетельствуют данные по отдельным областям РСФСР. Показательно, например, что удельный вес середняцких хозяйств в колхозах за период с середины 1930 до весны 1931 г. вырос в Западной области с 43,9% до 64,2%, а в Нижегородском крае — с 44,7 до 54,6%⁴³.

В ряде отсталых национальных районов (Хакасская и Ойротская автономные области, Дагестан, Бурят-Монголия и др.) сравнительно небольшой удельный вес середняцких хозяйств в колхозах объясняется общим низким уровнем коллективизации, а также некоторыми особенностями классовой дифференциации крестьянства в доколхозный и колхозный периоды. Известно, например, что в большей части Таджикистана и в Бурят-Монголии земельно-водная реформа была проведена не накануне, а в ходе сплошной коллективизации, в связи с чем осереднячивание деревни здесь произошло позднее, чем в других районах СССР⁴⁴.

⁴³ ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 9, д. 427, лл. 1, 3—6.⁴⁴ Очерк истории колхозного строительства в Таджикистане (1917—1965 гг.), с. 44; История Бурятской АССР, т. II. Улан-Удэ, 1959, с. 299.

Таким образом, в конце 1930—начале 1931 г. середняк в большинстве районов страны становится преобладающей силой колхозного движения, что придало коллективизации невиданный размах, подлинно массовый характер.

* * *

С осени 1931 г. в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 2 августа 1931 г. основное внимание партийных, советских и хозяйственных органов важнейших зерновых и сырьевых районов страны, завершивших в основном сплошную коллективизацию, сосредоточивается на вопросах организационно-хозяйственного укрепления колхозов⁴⁵. В районах же третьей очереди, где более половины крестьянских хозяйств оставалось еще вне колхозов, проблема вовлечения крестьян в коллективные хозяйства не потеряла своей остроты. В этих условиях Советское государство продолжало наращивать темпы технической реконструкции сельского хозяйства, уделяло большое внимание дальнейшему укреплению политических факторов колхозного строительства.

На протяжении 1932 г. в стране было организовано более 1100 МТС, а их общая сеть к концу года достигла 2502. Число обслуживаемых МТС колхозов, несмотря на быстрый рост последних, увеличилось с 24,5 до 34%. В конце 1932 г. в сельском хозяйстве имелось 148,5 тыс. тракторов против 72,1 тыс. в начале 1931 г.⁴⁶ Государственные вложения в сельское хозяйство в 1932 г. составили 3,8 млрд. руб. против 3,6 млрд. в 1931 г. и 2,6 млрд. руб. в 1930 г.⁴⁷

Непосредственными проводниками политики партии в деревне являлись партийные ячейки колхозов, МТС и совхозов. Только в партийных ячейках колхозов летом 1932 г. насчитывалось более 600 тыс. коммунистов, или на 140 тыс. больше, чем в 1931 г.⁴⁸

О ходе коллективизации с осени 1931 г. до конца 1932 г. можно судить по данным таблицы 3.

Для страны в целом этот период характеризуется небольшими темпами коллективизации. Отметим, что в основных сельскохозяйственных районах зимой—весной 1932 г. даже наблюдался некоторый спад колхозного движения. В районах, отнесенных по срокам коллективизации к первой группе, и в большинстве районов второй группы уровень коллективизации снизился в среднем на 2—4%.

Спад колхозного движения имел место также в Белоруссии, на Украине, в Грузии и в Армении. При этом если одна часть крестьян выходила из коллективных хозяйств, другая в то же время участвовала в создании новых колхозов или вступала в уже существующие. По СССР в целом, за период с 1 октября 1931 по 10 февраля 1932 г. число вступивших в колхозы превышало число выбывших из них (всего вступило 462,1 тыс. крестьянских хозяйств, а выбыло — 167,5 тыс.), благодаря чему общий уровень коллективизации повысился до 62,2%⁴⁹.

Основные причины, вызвавшие спад колхозного движения зимой—весной 1932 г., следует искать в крайне тяжелом положении многих колхозов, вызванном засухой и недородом в важнейших сельскохозяйственных районах, организационно-хозяйственной неустроенностью, а также ошибками, допущенными при обобществлении скота.

⁴⁵ КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 560.

⁴⁶ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935 г., с. 199, 655.

⁴⁷ Социалистическое строительство СССР. М., 1936, с. 384.

⁴⁸ «Партийное строительство», 1932, № 23—24, с. 1.

⁴⁹ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 8, д. 191, лл. 131—132.

Таблица 3

Динамика коллективизации крестьянских хозяйств с осени 1931 г. до конца 1932 г.*
(в % на начало месяца)

Группы районов	1931 г.				1932 г.				1933 г.	Обобщественные посевные площа- дей (июль 1932 г. в %)
	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль	июнь	июль	январь	
РСФСР	59,8	61,2	61,8	62,1	62,0	61,8	60,3	59,3	нет свед.	78,5
в том числе:										
I группа										
Северо-Кавказский край	81,9	81,8	81,4	81,5	81,5	80,1	70,1	70,6	71,3	91,5
Крымская АССР	83,0	84,0	84,0	83,6	83,6	84,3	83,7		84,4	
Средне-Волжский край	79,3	81,2	82,0	82,5	82,5	82,4	78,5	77,6	77,5	95,6
Нижне-Волжский край	83,1	82,9	82,8	81,5	83,2	82,5	79,3		82,5	
II группа										
Уральская область	66,0	66,2	67,3	67,5	67,6	66,9	68,6		67,8	
Башкирская АССР	85,8	66,7	67,8	68,2	68,2	69,0	66,4	68,4	66,0	89,8
Татарская АССР	61,1	62,4	63,2	63,2	63,1	62,9		62,6	63,8	72,1
Центрально-Черноземная область	69,5	70,2	70,2	70,2	70,2	69,9	68,0	65,3	67,9	74,8
Западно-Сибирский край	56,3	57,6	59,9	60,1	60,7	60,6	58,1	61,2	63,2	90,1
Восточно-Сибирский край	48,3	50,0	50,9	51,2	51,8	51,9	49,3	50,4	49,2	74,2
Казахская АССР	60,8	63,0	62,7	62,9	62,3	63,0	73,1	73,1	69,1	80,0**
Дальневосточный край	56,9	58,8	59,3	59,5	59,5	61,0	61,5	59,4	55,3	79,8

III группа	Северный край	55,4	56,4	57,2	57,9	58,1	58,0	57,7	55,9	60,5	64,2
	Карельская АССР	58,4	52,3	56,7	59,3	59,1	60,5	59,6		59,3	
	Ленинградская область	39,5	43,4	44,1	44,1	43,8	43,8	38,0	45,8	45,3	54,6
	Западная область	44,4	50,1	51,1	51,5	51,2	51,7	49,5		46,9	
	Московская область	47,0	49,4	50,3	50,2	50,0	49,6	48,0	45,1	53,3	55,7
	Ивановская промышленная область	40,5	42,3	44,0	44,6	44,7	44,5	43,8		46,5	
	Нижегородский (Горьковский) край	39,8	43,3	44,9	45,2	45,2	45,0	48,8	51,8	45,1	61,3
	Якутская АССР	28,4	28,4	28,4	28,4	28,4	28,4	41,7	67,4	44,6	67,1
	Киргизская АССР	51,3	51,3	54,6	58,1	58,1	58,1	66,1			
УССР		66,8	67,1	68,5	69,3	72,0	69,7	69,0	69,0	69,9	80,5
в том числе:											
Молдавская АССР		66,7	68,7	70,0	70,2	71,7	71,9	68,9	47,8	80,3	48,7
БССР		46,4	48,5	49,5	49,8	49,9	49,5	47,8		41,9	
ЗСФСР		37,8	39,6	40,2	41,2	41,1	42,0	41,6	41,6	41,2	46,4
в том числе:											
Азербайджан		41,9	43,0		46,0	46,1		50,6	50,6	51,6	63,7
Грузия		38,9	40,0		38,3	38,5		36,4	36,4	36,1	36,3
Армения		26,9	27,2		38,9	40,2		37,9	37,9	36,9	39,2
Туркменская ССР		56,0	56,7	64,1	65,9	68,1	68,1	73,0	73,0	66,3	65,9
Узбекская ССР		66,7	66,7	70,2	71,4	75,7	75,7		81,7	70,5	68,1
Таджикская ССР		28,5	28,5	28,7	30,5	33,7	33,7	41,9	41,9	43,6	65,3
СССР		59,9	61,0	61,9	62,4	62,6	62,5	61,5	61,5	61,8	77,7

* ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 263, л. 30; оп. 3, д. 1095, л. 100; оп. 13, д. 48, лл. 149—151; оп. 14, д. 108, л. 34; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935, с. 633—634 (данные на июль 1932 г.). Данные по Уралу, ЦЧО, Западной Сибири, Молдавской АССР, Татарии уточнены по указанным выше работам Н. В. Ефременкова, П. Н. Шаровой, Н. Я. Гушина, В. К. Сытника, а также по книге А. М. Залядова «Социалистическое преобразование сельского хозяйства в Татарии» (Казань, 1974, с. 236, 239).

** Уточнено по кн. История Казахской ССР, т. 2, Алма-Ата, 1949, с. 232.

В начале 1932 г. комиссия ЦИК СССР по поручению М. И. Калинина произвела проверку жалобы группы крестьян Кузнецкого района Средне-Волжского края. Она собрала большой материал о выходах из колхозов по всему региону. После многочисленных бесед с крестьянами и изучения положения дел на местах члены комиссии пришли к выводу, что основными причинами массовых выходов были бесхозяйственность в колхозах, нерешенность вопросов организации и учета труда, низкая оплата по трудодням, антиколхозная агитация кулачества⁵⁰.

На имя М. И. Калинина ежедневно поступали сотни писем. В его приемную шли ходоки со всех уголков Советского Союза. Характерно, что большинство писем и заявлений крестьян, относящихся к 1932 г., затрагивало вопросы внутрихозяйственного устройства колхозов⁵¹.

Учитывая тяжелое положение, сложившееся в конце 1931 — начале 1932 г. в неурожайных районах, ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение о выдаче колхозам продовольственной и семенной ссуды в размере 39 млн. пудов. В дальнейшем было выдано еще 68 млн. пудов зерна⁵². Многим хозяйствам помощь была оказана безвозмездно.

26 марта 1932 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О принудительном обобществлении скота», в котором разъяснялось, что принуждение и насилие при обобществлении коров и мелкого скота не имеет ничего общего с политикой партии. ЦК предложил всем партийным, советским и колхозным организациям оказать помощь колхозникам в обзаведении скотом. Проведение в жизнь этого постановления началось с возвращения крестьянам незаконно отобранного у них скота⁵³.

В мае 1932 г. ЦК партии и правительство принимают важнейшие решения по вопросам хлебозаготовок и мясозаготовок и развития колхозной торговли. Планы заготовок по крестьянскому сектору были значительно снижены. После выполнения плана хлебозаготовок и мясозаготовок и образования семенных фондов колхозы и колхозники получали право беспрепятственной торговли хлебом, животноводческой продукцией и скотом. 20 мая 1932 г. было принято постановление, установившее порядок торговли колхозами, колхозниками и крестьянами-единоличниками. Оно предусматривало отмену всех республиканских и местных налогов и сборов с торговли колхозов и отдельных крестьян⁵⁴.

Коллективизирующаяся деревня с большим одобрением встретила эти постановления. На январском (1933 г.) Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) отмечалось, что проведение в жизнь решений партии и правительства о колхозной торговле содействовало «прекращению выходов из колхозов» и «нарастанию тяги единоличников в колхозы»⁵⁵.

В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об уборочной кампании 1932 года», принятом 5 июля, были проанализированы причины низкой оплаты труда колхозников и указаны пути преодоления недостатков в организации уборки и распределении урожая. В частности, предписывалось уже в ходе обмолота производить выдачу колхозникам натуральных авансов в размере 10—15% намолоченного хлеба, а остальную причитающуюся колхозникам часть доходов распределять строго по трудодням без всякой задержки⁵⁶.

Исключительно важное значение имели постановления ЦИК и СНК СССР «О революционной законности» и «Об охране имущества госу-

⁵⁰ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 8, д. 191, л. 122.

⁵¹ «Советское строительство», 1934, № 1, с. 47—49, 52.

⁵² СЗ СССР, 1932, № 12, ст. 63; «Большевик», 1932, № 14, с. 2.

⁵³ КПСС в резолюциях..., т. 5, с. 43.

⁵⁴ Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления..., с. 412—418.

⁵⁵ См. Сталин И. В. Соч., т. 13, с. 221.

⁵⁶ Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления..., с. 421.

дарственных предприятий, колхозов и кооперации и укрепления общественной (социалистической) собственности», принятые летом 1932 г.⁵⁷

Уже весной 1932 г. выходы крестьян из колхозов почти повсеместно прекратились, а вскоре в большинстве районов СССР усилился приток новых членов. С июня 1932 до января 1933 г. уровень коллективизации крестьянских хозяйств на Урале вырос с 64,3% до 67,8%, в Западной Сибири — с 58,1% до 68,9%, в Нижегородском крае — с 41,8% до 45%, в Ленинградской области — с 38,0% до 45,3%, в Московской области — с 48% до 53,3%. В зерновых районах, завершивших в основном сплошную коллективизацию, достигнутый к 1 июля уровень не изменился. В целом по СССР к концу 1932 г. в колхозах было 61,8% крестьянских хозяйств. Снижение процента коллективизированных хозяйств во второй половине 1932 г. произошло лишь в некоторых республиках Востока, а также в Белорусской ССР.

К концу первой пятилетки в районах, отнесенных к первой и второй очередям, было коллективизировано от 65% до 80% бедняцко-средняцких хозяйств и от 75% до 95% крестьянских посевных площадей. Хлопковые районы Средней Азии уже в 1931 г. были коллективизированы (по числу хозяйств) на 62%, а к концу 1932 г. на 75—80%⁵⁸. В хлопковых районах Таджикистана сплошная коллективизация была в основном завершена к осени 1931 г., а в Узбекистане и Туркмении — в 1932 г.; в районах зерновых и технических культур Казахстана она закончилась весной 1932 г.⁵⁹

Развертыванию коллективизации в хлопководческих районах во многом способствовали производственные особенности возделывания хлопчатника — исключительно трудоемкой культуры. Имело значение и то обстоятельство, что они издавна были оседло-земледельческими. Советская власть заботилась о быстрейшем создании материальных предпосылок для успешного проведения коллективизации. В республиках Средней Азии хлопковые районы стали ведущими по коллективизации.

В районах третьей очереди уровень коллективизации к концу первой пятилетки достиг в среднем 50—55% по числу хозяйств и 55—65% по посевной площади. Не завершена она была на западе и северо-западе страны (Белоруссия, Западная и Ленинградская области), где преобладали огромные пространства, занятые лесами, озерами, болотами; пригодные для обработки земли расположены среди неудобных и малоплодородных участков. В этих районах получила значительное распространение хуторская и отрубная система землепользования. Наконец, здесь земледельческому труду крестьян сопутствовали отхожие промыслы. Все это создавало значительные трудности в развитии колхозов.

Много общего с этим регионом имеет и Нечерноземный центр РСФСР. Перепись 1926 г. зафиксировала здесь большую разбросанность деревень и малочисленность их жителей. Низкое естественное плодородие земель, небольшие размеры пашни на душу крестьянского

⁵⁷ См. там же, с. 423; СЗ СССР, 1932 г., № 50, ст. 298.

⁵⁸ См. Социалистическая реконструкция хлопководства. М.—Л., 1934, с. 57; Социалистическая перестройка сельского хозяйства советских республик Средней Азии. Ташкент, 1932, с. 30.

⁵⁹ Очерк истории колхозного строительства в Таджикистане (1917—1965 гг.), с. 78; Аминова Р. Х. Осуществление коллективизации в Узбекистане (1929—1932 гг.). Ташкент, 1977, с. 114; Какабаев С. Д. Коллективизация сельского хозяйства Туркменской ССР (1926—1937 гг.). Ашхабад, 1978, с. 13, 111; Турсунбаев А. Б. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата, 1957, с. 220.

населения способствовали распространению в этой зоне неземледельческих промыслов, отходничества.

Как уже отмечалось, поворот широких масс крестьянства в сторону колхозов в Северо-Западном и Центральном Промышленном районах произошел на год позже, чем в основных зерновых зонах страны, соответственно позже завершилась здесь и сплошная коллективизация. В Белоруссии к концу 1932 г. было коллективизировано менее половины (41,9%) крестьянских хозяйств, т. е. массовая коллективизация не завершилась еще и в основном.

Невысоким в конце первой пятилетки оказался уровень коллективизации крестьянских хозяйств в республиках Закавказья (41,2%, причём в Грузии и Армении было коллективизировано немногим более трети хозяйств). Это объяснялось прежде всего тем, что, хотя на большей части территории Закавказья к моменту Октябрьской революции утвердились капиталистические отношения (исключением являлась часть Азербайджана), общий уровень социально-экономического развития деревни региона заметно отставал от уровня развития основных сельскохозяйственных районов страны. В животноводческих районах сохранялось еще немало полукочевых хозяйств (на начало 30-х годов их насчитывалось более 120 тыс.); среди закавказского крестьянства были сильны пережитки кочевого и полукочевого быта; в целом для него характерны низкий культурный уровень и неразвитое политическое сознание. Кроме того, в деревне господствовали хуторская и подворная формы землепользования, способствующие сохранению частнособственнической психологии крестьян; значительное влияние имели буржуазно-националистические элементы, которые наряду со злобной антиколхозной агитацией, прибегали к вооруженной борьбе против Советской власти⁶⁰.

Следует иметь в виду и такой фактор, сдерживающий коллективизацию, как специализация сельского хозяйства региона. Значительная часть крестьянского населения Закавказья занималась садоводством и виноградарством — отраслями земледелия, всецело базирующимися на ручном труде. Крестьянин-собственник крайне неохотно шел на обобществление многолетних насаждений, посадка и выращивание которых требует больших материальных и трудовых затрат, а доходы они приносят лишь через несколько лет⁶¹. Не случайно поэтому именно эти отрасли земледелия, где привязанность крестьянина к своему хозяйству была особенно сильной, с большим трудом поддавались кооперированию.

Все это и предопределило более медленные темпы колхозного строительства в Закавказском регионе. Примечательно, что в конце 1929 г. машинно-тракторных станций здесь еще не было, в колхозы вступило всего 3,5% крестьянских хозяйств. Перелом в развитии коллективизации произошел весной 1931 г. Большое значение в этой связи имели директивы декабрьского (1930 г.) Пленума ЦК ВКП(б) и постановление Закавказского крайкома партии от 12 февраля 1931 г. «О состоянии и задачах колхозного движения в ЗСФСР». Партийные организации Закавказских республик были нацелены на вовлечение широких масс крестьянства в колхозы, решительное подавление сопротивления кулацких и других враждебных элементов. В постановлении от 31 октября 1931 г. ЦК ВКП(б) обязал Закавказский крайком и ЦК компартий

⁶⁰ См. Домашвили П. Н. Указ. соч., с. 13, 221—228.

⁶¹ См. История коллективизации сельского хозяйства Грузинской ССР (1927—1937 гг.). Сб. док. Тбилиси, 1970, с. 21—22.

республик сосредоточить силы на организационно-хозяйственном и политическом укреплении колхозов⁶².

Прежде всего были приняты меры по улучшению технической оснащённости коллективизирующейся закавказской деревни. По данным на весну 1932 г., в республиках Закавказья действовало 49 МТС, которые обслуживали 2,6 тыс. (33,8%) колхозов. К концу пятилетки в регионе было коллективизировано 64—68% крестьянских хозяйств в хлопководческих и чаеводческих районах; в животноводческих и садоводческих — уровень коллективизации был еще невысоким: в первых — менее трети, во вторых — немногим более трети хозяйств⁶³.

Имела свои особенности коллективизация в национальных республиках и областях Северного Кавказа. Если в наиболее развитых в социально-экономическом и культурном отношении и лучше подготовленных к проведению коллективизации Адыгейской, Северо-Осетинской областях, а также в Кабардино-Балкарии сплошная коллективизация осуществлялась примерно в те же сроки, что и в основных зерновых и сырьевых районах страны, то в Черкессии, Карачае, Ингушетии, Чечне и Дагестане, где исходный уровень развития производительных сил и производственных отношений был наиболее низким, положение было иным. К концу 1932 г. было коллективизировано крестьянских хозяйств (в % ко всем хозяйствам)⁶⁴:

Адыгея	.84,5	Карачай	.30,1
Северная Осетия	.84,6	Ингушетия	.32,0
Кабардино-Балкария	.86,0	Чечня	.39,0
Черкессия	.66,4	Дагестан	.20,8

Таким образом, в Адыгее, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Черкессии к концу первой пятилетки сплошная коллективизация в основном завершилась. Что же касается остальных автономных областей и Дагестана, то здесь коллективизацией были охвачены главным образом земледельческо-скотоводческие (плоскостные) районы, в животноводческих (горных) она только начиналась. Так, в Чечено-Ингушетии в декабре 1932 г. уровень коллективизации в плоскостных районах достиг 46,5%, а в горных — всего 2,5; в Дагестане он соответственно составлял 35,5 и 6,1%⁶⁵. В связи с тем, что основной формой объединения здесь были тозы, то и уровень обобществления скота оставался крайне низким. В Дагестане, например, в 1932 г. на общественное стадо колхозов приходилось всего 4,9% коров и 18% овец и коз от общего поголовья скота в республике⁶⁶.

Сходным было положение в Якутской АССР. Земледельческие районы республики вступили на путь массовой коллективизации в конце 1930 — начале 1931 г. и к концу первой пятилетки в основном ее завершили: уровень коллективизации в центральных районах достиг 60%, а в Олекминском и Ленском районах — 66—75%. В животноводческих же районах, где преобладали полукочевые хозяйства, поворот крестьянства в сторону колхозов произошел позже. В конце пятилетки, когда в

⁶² Справочник партработника Закавказья, вып. 1. Тифлис, 1931, с. 144—149; История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 2, с. 177—178.

⁶³ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935 г., с. 60; Ломашвили П. Н. Указ. соч., с. 359; История Коммунистической партии Советского Союза, т. IV, кн. 2, с. 178—179.

⁶⁴ Текуев А. К. Осуществление ленинского кооперативного плана в национальных республиках и областях Северного Кавказа. Нальчик, 1972, с. 218; Попов А. Г. Указ. соч., с. 225, 254.

⁶⁵ Попов А. Г. Указ. соч., с. 254; Социалистическое народное хозяйство в 1933—1940 гг. М., 1963, с. 432.

⁶⁶ Булатов Г. И. Победа колхозного строя в Дагестане. Махачкала, 1973, с. 74.

целом по республике было объединено в колхозах около 45% крестьянских хозяйств, в животноводческих районах процент коллективизации колебался в пределах 16—22⁶⁷.

Своя специфика была характерна для процесса коллективизации земледельческо-скотоводческих (полукочевых) и животноводческих (кочевых) крестьянских хозяйств в районах Казахстана, Средней Азии, Сибири, где одновременно осуществлялся переход населения к оседлости. Учитывая сложность решения этой проблемы, Коммунистическая партия и Советское правительство предусмотрели для республик Средней Азии и Казахстана (за исключением хлопковых районов) наиболее длительные сроки социалистического преобразования сельского хозяйства.

Тяга к оседлости у кочевого и полукочевого населения Средней Азии и Казахстана появилась задолго до сплошной коллективизации. Но без помощи государства этот процесс протекал крайне медленно. Нередко оседавшие крестьяне из-за отсутствия материальной поддержки вновь возвращались к кочевому образу жизни.

К началу первой пятилетки в стране насчитывалось более 700 тыс. кочевых и полукочевых хозяйств, из них около 80% приходилось на Казахстан⁶⁸. По подсчетам Г. Ф. Дахшлейгера, в Казахстане в это время имелось 530—540 тыс. кочевых и полукочевых хозяйств, или примерно две трети от общего числа казахских хозяйств⁶⁹. В Киргизии, Бурятии, Хакасии, Калмыкии, Горном Алтае не менее 50—70% коренного населения занималось кочевым и полукочевым скотоводством⁷⁰.

Коммунистическая партия и Советское правительство выделили большие материальные средства для перехода к оседлому образу жизни кочевого и полукочевого населения. При наркомземах Среднеазиатских республик и Казахстана были созданы специальные группы работников. За 1930—1932 гг. на эти цели в Казахстане было израсходовано 23,7 млн. руб., в Киргизии — 15,4 млн. руб., в Бурят-Монголии — 2,6 млн. руб.⁷¹ О результатах работы можно судить по данным таблицы 4.

К концу первой пятилетки было переведено на оседлость в плановом порядке около 110 тыс. бедняцко-средняцких кочевых и полукочевых хозяйств. Значительно большее число хозяйств (200 тыс.) было охвачено подготовительными мероприятиями. Если учесть, что массовое оседание началось в большинстве районов не раньше 1930—1931 гг. (в Казахстане — в 1930 г., в Киргизии — в 1931 г.), то темпы этого процесса следует признать быстрыми.

Для бывших кочевников были построены 25 953 жилых дома, 1819 скотных дворов, 988 зернохранилищ, 530 сараев, 406 кузниц, 193 школы, 30 больниц и амбулаторий, 102 бани⁷².

Массовое оседание происходило одновременно с производственным кооперированием хозяйств бывших кочевников и полукочевников. Однако руководящие советские и партийные органы Казахстана, а также республик Средней Азии с лета 1931 г. попытались без учета местных

⁶⁷ См. Избекова А. А. Победа колхозного строя в Якутской АССР. Хабаровск, 1958, с. 123, 133; Историография крестьянства Советской Сибири, с. 432—433.

⁶⁸ Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг., с. 436.

⁶⁹ Дахшлейгер Г. Ф. Маршрутом социального прогресса. Алма-Ата, 1978, с. 40.

⁷⁰ Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг., с. 414.

⁷¹ Дахшлейгер Г. Ф. Указ. соч., с. 68; Санжиев Г. Л. Коммунистическая партия — организатор победы колхозного строя в Бурят-Монголии. Улан-Удэ, 1957, с. 26; Дуйшемалев Г. Борьба КПСС за укрепление колхозов (Из истории колхозного строительства в Киргизии). Фрунзе, 1959, с. 12.

⁷² Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг., с. 436.

Таблица 4

Перевод на оседлость кочевых и полукочевых хозяйств (на конец 1932 г.)*

Автономные республики и области	Всего подлежало переводу на оседлость (тыс. хозяйств)	Охвачено мероприятиями по оседанию (тыс. хозяйств)	Из них	
			фактически осело и устроено (тыс. хозяйств)	в % к общему числу хозяйств, подлежащих переводу на оседлость
Казахская АССР	400,0	242,6	70,5	14,6
Киргизская АССР	82,0	43,5	21,9	28,6
Бурят-Монгольская АССР	39,0	11,8	11,8	30,5
Кара-Калпакская АССР	15,5	2,4	2,4	15,5
Ойротская авт. обл.	12,5	7,8	1,5	12,0
Калмыцкая авт. обл.	12,4	—	—	—
Итого (включая районы Восточной Сибири и Урала)	568,0	309,6	109,4	19,1

* «Советское строительство», 1934, № 3, с. 85; ЦГАОР СССР, ф. 6985, оп. 1, д. 5, л. 92.

особенностей форсировать темпы коллективизации в кочевых и полукочевых районах, ускорить переход тозов на устав сельскохозяйственной артели⁷³. Это было грубым нарушением директив XVI съезда партии, зафиксировавшего что «форма колхозов должна соответствовать хозяйственным особенностям района и отрасли хозяйства», что «в национальных районах Востока может получить на первое время массовое распространение товарищество по общественной обработке земли как переходная форма к артели»⁷⁴.

Поэтому сравнительно высокий уровень коллективизации, достигнутый к концу первой пятилетки в кочевых и полукочевых районах Казахстана и Средней Азии, не отвечал объективным условиям. Форсирование коллективизации, игнорирование тозов как переходной формы, повсеместная организация артелей вызвали недовольство у части крестьянства. Кроме того, в республиках Советского Востока кулаки, байы, манапы, ламы всеми силами противодействовали оседанию кочевого и полукочевого населения и вовлечению его в колхозы, видя в этом угрозу своему влиянию. Подстрекаемое байскими элементами, крестьянство стало покидать обжитые места и переселяться в другие районы Казахстана, в соседние республики и области и даже за рубеж. Только в Киргизию из Казахстана откочевало 12 тыс. хозяйств⁷⁵. Подобное явление имело место и в Таджикистане⁷⁶.

17 сентября 1932 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О сельском хозяйстве и, в частности, животноводстве Казахстана», в котором указал, что обязательными условиями коллективизации сельского хозяйства кочевых и полукочевых районов являются создание прочной хозяйственной базы для животноводства и расселение населения в поселках европейского типа. ЦК особо подчеркнул, что задачи оседания и коллективизации могут быть успешно решены только на основе добровольности в самодеятельности бедняцко-средняцких масс, что формой колхозов в животноводческих районах должны стать товарищества по совместной обработке земли. Учитывая специфические условия регио-

⁷³ См. Коммунистическая партия Киргизии в резолюциях и решениях конференций и пленумов обкома, ч. 1. Фрунзе, 1958, с. 372, 499, 500; История Казахской ССР. Эпоха социализма. Алма-Ата, 1963, с. 348—349; Очерк истории колхозного строительства в Таджикистане (1917—1965 гг.), с. 78.

⁷⁴ КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 450.

⁷⁵ Тулепбаев Б. А. Торжество ленинских идей социалистического преобразования сельского хозяйства в Средней Азии и Казахстане. М., 1971, с. 206.

⁷⁶ См. Очерк истории Советского Таджикистана (1917—1965 гг.), с. 204.

на, ЦК признал допустимым иметь в индивидуальном пользовании каждой семьи — членов животноводческого товарищества или артели — до 100 овец, 8—10 голов рогатого скота, 3—5 верблюдов, 8—10 табунных лошадей⁷⁷.

Решение ЦК от 17 сентября явилось основой для преодоления ошибок, допущенных в колхозном строительстве республик Советского Востока, дало мощный толчок для дальнейшей реорганизации экстенсивного кочевого и полукочевого хозяйства на прочной основе. В животноводческих районах многие сельскохозяйственные артели стали переводиться на устав тозов (в Казахстане, например, удельный вес тозов к весне 1933 г. вырос до 29,3% против 1,8% в 1932 г.)⁷⁸. В то же время некоторые колхозы, созданные без учета реальных возможностей и желания крестьянства, были ликвидированы. К концу 1932 г. уровень коллективизации по сравнению с летом снизился в Туркмении с 73% до 66,3%, в Казахстане — с 73,1% до 69,1%, в Киргизии с 67,4% до 66,1%. Местные советские и партийные органы при определении темпов коллективизации стали исходить из количества хозяйств, переведенных на оседлость.

Переход кочевого и полукочевого населения на оседлость и объединение его в колхозы ускорили ликвидацию докапиталистических отношений в кишлаках, аулах и анлах. Вместо экстенсивного пастбищно-кочевого скотоводческого хозяйства постепенно создавалось крупное общественное производство.

Наиболее длительным был процесс социалистического преобразования хозяйства малых народов Севера, которые переходили к социализму непосредственно от патриархально-родовых отношений. Образ жизни в большинстве случаев они вели кочевой, основными их занятиями были охота, рыболовство, оленеводство. Первая пятилетка в этих районах была по существу начальным, подготовительным этапом коллективизации; к концу ее было коллективизировано менее 20% хозяйств региона⁷⁹. Основной формой колхозного строительства в этих районах были простейшие производственные объединения (ППО), близкие к тозам. Попытки местных организаций форсировать процесс коллективизации хозяйств северных народов и придать ему массовый характер, предприняемые в начале 30-х годов, не увенчались успехом. В постановлении ЦК ВКП(б) от 1 сентября 1932 г. «О формах коллективизации в районах народностей Крайнего Севера» подчеркивалось, что главное внимание должно быть сосредоточено на организации простейших форм производственного кооперирования. Создание промысловых артелей по типу сельхозартели допускалось лишь в наиболее развитых в хозяйственном и политическом отношении районах⁸⁰. Это постановление сыграло большую роль в развитии кооперативного движения на Крайнем Севере. Массовое объединение северных народов в кооперативы началось в годы второй пятилетки.

Несмотря на отмеченные особенности коллективизации, обусловленные различиями природно-географических, социально-экономических и

⁷⁷ Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926 — июнь 1941 гг.) ч. 1. Сб. док. Алма-Ата, 1967, с. 538—539.

⁷⁸ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935 г., с. 637; Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг., с. 435.

⁷⁹ См. Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.—Л., 1955; Увачан В. Н. Путь народов Севера к социализму. М., 1971; Зибарев В. А. Большая судьба малых народов. Новосибирск, 1972; Беленкин И. Ф., Новгородов А. И., Фетисов А. П. Изучение кооперирования и коллективизации сельского и промыслового хозяйства малых народов Крайнего Севера СССР.— «Вопросы истории», 1978, № 11.

⁸⁰ См. История Коммунистической партии Советского Союза, т. IV, кн. 2, с. 194.

культурно-бытовых условий ряда районов страны, в основе ее лежали общие закономерности социалистического строительства. Именно они определяли сущность, общую направленность и конечные результаты происходивших в деревне преобразований. Анализ приведенного материала показывает, что в развитии колхозного движения с осени 1930 г. до конца 1932 г. можно выделить два периода с разграничительным рубежом — осень 1931 г. На первом — в ходе коллективизации произошли решающие сдвиги: начавшийся в конце 1929 г. в основных зерновых районах поворот широких крестьянских масс в сторону колхозов в конце 1930 — начале 1931 г. захватил почти все районы страны, стал повсеместным; к осени 1931 г. сплошная коллективизация завершилась в основном в районах первой и в ряде районов второй группы. Для второго периода характерны относительно невысокие темпы коллективизации, ее стабилизация в важнейших сельскохозяйственных районах, дальнейший рост колхозного движения в районах третьей группы.

В 1932 г. коллективизация в большинстве районов страны достигла того уровня, который, согласно постановлению ЦК партии от 2 августа 1931 г., соответствовал завершению в основном сплошной коллективизации. В целом по стране колхозы охватили 61,8% крестьянских хозяйств и почти 80% посевных площадей крестьянства. На январском (1933 г.) Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) был сделан вывод, что к концу первой пятилетки «решена историческая задача перевода мелкого индивидуального раздробленного хозяйства на рельсы социалистического крупного земледелия...»⁸¹. На основе сплошной коллективизации кулачество было почти полностью разгромлено, а в важнейших зерновых и сырьевых районах страны ликвидировано как класс. Колхозное крестьянство, составлявшее уже более 2/3 всего крестьянства, стало прочной опорой Советской власти.

Завершение в основном сплошной коллективизации привело к решающим сдвигам в социально-экономическом строе советской деревни, открыло перед многомиллионными массами крестьянства путь к новой жизни.

Переход советской деревни к крупному социалистическому хозяйству был осуществлен под руководством Коммунистической партии на основе ленинского кооперативного плана.

Идеи и принципы ленинского кооперативного плана и в настоящее время остаются на вооружении партии. «КПСС, — отмечал Л. И. Брежнев на июльском (1978 г.) Пленуме ЦК партии, — неизменно руководствуется ими с учетом конкретных исторических условий и развивает дальше. Учение, заветы В. И. Ленина будут и впредь служить нам верным компасом в разработке и осуществлении планов дальнейшего развития сельского хозяйства»⁸².

⁸¹ КПСС в резолюциях..., т. 5, с. 68.

⁸² Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 7. М., 1979, с. 394.

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ЭВОЛЮЦИИ РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД [1861—1914 гг.]

В пореформенный период с ростом товарно-денежных отношений и расслоением деревни происходил интенсивный процесс перестройки внутриобщинных отношений. Установление конкретных форм, характера и масштабов этих изменений — одна из наиболее важных и сложных задач советских историков-аграрников.

Теоретические основы изучения общины были заложены в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Борясь с народническими теориями, В. И. Ленин поставил проблему широко, в непосредственной связи с социально-экономическим развитием деревни. Он указывал, что «строй экономических отношений в „общинной“ деревне отнюдь не представляет из себя особого уклада („народного производства“ и т. п.), а обыкновенный мелкобуржуазный уклад», и что «русское общинное крестьянство — не антагонист капитализма, а, напротив, самая глубокая и самая прочная основа его»¹. Другими словами, капитализм прочно проник в пореформенную общину.

В. И. Ленин показал, что принцип уравнительности уже мало влиял на земельную обеспеченность крестьян, особенно в крупных общинах. Он определял общины как «союзы по владению наделной землей»², рассматривая их как средневековые перегородки, разобщающие крестьян, «точно прикованных к мелким союзам»³, называл общину феодально-крепостнической обузой⁴. Но в общине, кроме навязанных ей фискально-полицейских функций, были свои, органически присущие ей функции и демократические черты. В. И. Ленин писал, что «общину, как демократическую организацию местного управления, как товарищеский или соседский союз, мы безусловно будем защищать от всякого посягательства бюрократов», одновременно выступая за уничтожение ее сословности⁵.

Важнейшие положения и оценки классиков марксизма-ленинизма, касающиеся пореформенной русской общины, были приведены в ряде работ советских историков⁶. Однако в конкретно-историческом изуче-

¹ Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 165.

² Там же, т. 16, с. 406.

³ Там же, т. 17, с. 65.

⁴ См. там же, т. 6, с. 344.

⁵ Там же, с. 344—345.

⁶ См. Алексеев Ю. Г. В. И. Ленин о некоторых чертах русской общины конца XIX в. В кн. В. И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970; Ковальченко И. Д. В. И. Ленин о характере аграрного строя капиталистической России. — «Вопросы истории», 1970, № 3; Данилов В. П. К вопросу о характере и значении крестьянской поземельной общины в России. В кн. Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971; Андреев И. Л. К. Маркс о закономерности развития общины. — «Вопросы истории», 1979, № 12.

нии пореформенной общины наблюдается отставание. Оно тем более заметно, что предреформенная община уже стала предметом специального монографического исследования⁷.

Настоящая статья не претендует на всесторонний охват проблемы. Авторы ставили своей целью показать основные направления пореформенной перестройки русской крестьянской общины в Европейской России и влияние на этот процесс правительственной политики.

Исследователь, занимающийся историей пореформенной общины, имеет дело с обширным и разнородным комплексом источников. Это законодательные акты, официальная статистика, материалы различных обследований, воспоминания, записки и отзывы представителей местной администрации, документы органов крестьянского управления и суда. В 1873—1874 гг. были изданы «Труды комиссии по преобразованию волостных судов», заключающие в себе типичные, с точки зрения составителей, решения волостных судов различных губерний⁸. Незаменимым источником по истории общины 60—70-х годов являются конкретные описания отдельных сельских обществ. В 1880 г. вышел «Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины», подготовленный ВЭО и РГО и состоящий из описаний ряда общин⁹. В последующий период роль основного источника по истории общины перешла к материалам земских обследований. Первичная обработка и систематизация этих материалов была проведена В. П. Воронцовым, В. Пругавиным и К. Р. Качоровским. Все трое, как известно, придерживались народнических взглядов. Не забывая об этом, работы названных авторов можно использовать в качестве своеобразной сводки материалов земских обследований. К сожалению, эти обследования проводились разновремено и по разным программам (иногда даже в пределах одной губернии). Это затрудняет составление сводных обобщающих данных. Поэтому во многих случаях мы вынуждены ограничиваться привлечением отдельных примеров.

По своему экономическому типу российская община подразделялась на передельную и беспередельную. В Центре и в Поволжье преобладала передельная община. Беспередельная была характерна для западных украинских и белорусских губерний, и отчасти для Европейского Севера. Земледелие передельной общины строилось на основе трехпольного севооборота. Пахотные земли разделялись на три поля (озимое, яровое и пар), которые периодически переделялись между общинниками. Целью передела являлось наделение каждой крестьянской семьи тем количеством земли, которое соответствовало записанным за этой семьей земельно-раскладочным единицам — «душам», «тяглам» и пр. «Души» могли быть «наличные», т. е. реальные, и «ревизские» — переписанные в ходе последней ревизии в 1857 г., и постепенно терявшие реальное значение. Ревизская раскладка в пореформенный период встречалась как в бывшей помещичьей, так и в бывшей государственной деревне, но в последней она сохранялась гораздо дольше. Многие общины бывших помещичьих крестьян продолжали пользоваться разверсткой по «тяглам», унаследованной от крепостных порядков. При этом за единицу принимались два работоспособных мужчины и две

⁷ Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976.

⁸ Большая работа по систематизации этих решений была проделана С. В. Пахманом, сочинение которого, вне зависимости от авторских выводов, используется в настоящей статье. См. Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки, т. I. СПб., 1877.

⁹ Подробнее см.: Кучумова Л. И. Из истории обследования сельской поземельной общины в 1877—1880 годах.— «История СССР», 1978, № 3.

женщины¹⁰. В целом же для большинства общин были характерны раскладки налогов и разверстание угодий в соответствии с численностью мужского работоспособного населения¹¹. Распределение и использование природных ресурсов в общине было нацелено прежде всего на воспроизводство рабочей силы ее членов. Наличие здоровых и сильных работников, мужчин-пахарей, считалось залогом благополучия общины.

За свою долгую историю земельные переделы в общине развились в довольно сложный механизм. Его основной частью был общий («коренной») передел, повторявшийся периодически через 10—15 лет и приводивший к ломке межевания пахотных земель. Каждый душевой надел, принятый за единицу наделения, равномерно распределялся по всем трем полям общинной пашни. Однако эти поля состояли из разнокачественных земель. Поэтому каждое поле делилось на несколько конов. Соответственно и душевой надел разбивался на полосы в каждом из этих конов. Один показательный пример: в сравнительно небольшой Грузинской общине (Новгородской губернии) при 133 ревизских душах надел каждой души состоял из 25 отдельных полос в озимом и яровом полях¹². Правда, при этом соблюдалось правило, чтобы в пределах каждого кона наделы одной семьи находились «к ряду».

Естественное и механическое движение населения в общине, а также случаи снятия части надела с недоимщиков вызывали ежегодные частные переделы («скидки-накидки»), когда душевые наделы передавались из одной семьи в другую. Семейные наделы постепенно рассеивались по разным частям кона и чересполосица увеличивалась. Поэтому через несколько лет производилась «пережеребьевка». При этом виде передела сохранялось прежнее количество душевых наделов и оставался неизменным их размер, но каждая семья получала новые наделы, сведенные по возможности «к ряду». Однако постепенный прирост населения приводил к тому, что численность членов общины, имеющих право на надел, начинала превышать количество душевых наделов. Назревала необходимость в новом коренном переделе, с расчетом на новое число душ и с ломкой межевания.

Луговые угодья переделывались ежегодно. С увеличением количества раскладочных единиц сенокосные делянки мельчали, и тогда луг скашивался сообща всем «миром», и сено делилось в копнах¹³. Один из исследователей общины — К. Р. Качоровский — отмечал, что «не найдется, пожалуй, в России уезда, где бы не встретилось хотя несколько случаев артельной уборки сенокосов»¹⁴.

Сложившаяся в течение веков система общинного землевладения основывалась на преобладании патриархального крестьянства, на практически полной освоенности имеющихся в распоряжении общины угодий и низком уровне агротехники. Даже чересполосица, возникавшая при переделах и сильно мешавшая крестьянскому хозяйству, тем не менее по-своему защищала его от разорения. Имея участки в разных местах, крестьянин мог рассчитывать на ежегодный средний урожай. В засушливый год выручали полосы в низинах и лощинах, в дождливый — на возвышенных местах.

¹⁰ См. Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины, т. 1. СПб., 1880, с. 181.

¹¹ См. Там же, с. 162, 232, 338, 373, 393.

¹² Георгиевский П. Очерк быта одной сельской общины. — «Слово», 1879, № 1, с. 105.

¹³ Вечеслав Н. Н. Сведения о сельских поземельных общинах Казанской губернии. Казань, 1879, с. 11, 40; Потанин Г. Н. Никольский уезд и его жители. — «Древняя и новая Россия», 1876, № 10, с. 153.

¹⁴ Качоровский К. Р. Русская община. М., 1906, с. 160.

В свое время общинное землевладение сыграло большую положительную роль в утверждении трехпольной системы севооборота. И в пореформенный период русская крестьянская община продолжала раздвигать границы трехполья на север Европейской России, на юг — в причерноморские и кубанские степи, и на восток — в Зауралье. В этих местах ежегодный засев одних и тех же площадей сменялся более упорядоченным севооборотом. Вслед за трехпольем обычно приходили и переделы. До начала XX в. этот процесс дальше всего зашел в северной общине¹⁵.

В Центральной же России в пореформенный период передельная община все менее успешно справлялась с основной своей задачей — поддержанием платежеспособности дворов и воспроизводством рабочей силы членов общины. Повсеместно наблюдалось измельчание наделов. Если в 1860 г. по 50 губерниям Европейской России средняя величина душевого надела составляла 3,5 дес., то в 1900 г. она уменьшилась до 2,6 дес. В некоторых губерниях средний надел был еще меньше. В Курской губернии, например, он сократился до 1,7 дес.¹⁶ Измельчание наделов препятствовало улучшению обработки земли. В условиях постоянной передвижки полос отдельные крестьяне не решались производить такие агротехнические улучшения, которые не давали немедленной отдачи. Передельная община стала задерживать развитие земледельческой культуры. Однако в условиях жесточайшего гнета со стороны государства и помещиков основной массе крестьянства было не до агротехнических нововведений: все заботы, как правило, сводились к тому, чтобы «перебиться» и «продержаться» до нового урожая. В таких условиях передельная община, несмотря на свои недостатки, все же обеспечивала минимальное приложение трудовых сил своих членов. Средний крестьянин мог существовать, лишь при помощи общины.

Тем не менее развитие капиталистических отношений, связанный с этим постепенный процесс интенсификации земледелия, наложили свой отпечаток на поземельные порядки в пореформенной общине. Начавшееся в пореформенный период более широкое применение органических удобрений в черноземных и поволжских губерниях, а также в Зауралье отнюдь не сразу встретило поддержку здешней общины. Например, в селе Сюкееве Тегюшского уезда Казанской губернии уваженные участки из общего передела не исключались¹⁷. В Шадринском уезде Пермской губернии удобренные полосы бывали и объектом «скидки-накидки»¹⁸.

Однако в некоторых сельских обществах крестьяне стали исключать «навозники» из переделов¹⁹. В ряде общин Хвалынского уезда Саратовской губернии крестьяне прекратили «скидки-накидки». В общинах Кузнецкого уезда той же губернии и Острогжского уезда Воронеж-

¹⁵ См. Л [а]ло ш Ал. Сельская община в Олонецкой губернии. — «Отечественные записки», 1874, т. 212, № 2, с. 228, 232; Качоровский К. Р. Указ. соч., с. 202; Рагушняк В. Н. Эволюция землепользования и систем земледелия на Кубани (конец XVIII в. — 1914 г.). В кн. Проблемы отечественной истории. Сб. статей, ч. 1. М., 1973, с. 222—223.

¹⁶ См. Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903, ч. 1, с. 76—79.

¹⁷ Вечеслав Н. Н. Указ. соч., с. 40.

¹⁸ Госархив Челябинской области, ф. 143 (земского начальника), оп. 1, д. 87, лл. 20, 23.

¹⁹ См. Вечеслав Н. Н. Указ. соч., с. 52; Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины, с. 361.

ской губернии наблюдалось удлинение сроков между пережеребьевками²⁰.

В результате подобных новшеств приходил в расстройство передельный механизм общины. И действительно, в огромном количестве общин центральночерноземных губерний переделы в 70-х годах прекратились. Крестьяне владели землей согласно записанным за каждым двором «ревизским душам». По данным В. П. Воронцова, такое положение являлось типичным для большинства общин Курского, Тимского и Шигровского уездов Курской губернии, Елецкого уезда Орловской губернии, Усманского, Липецкого и Лебедянского уездов Тамбовской губернии, Данковского и Раненбургского уездов Рязанской губернии²¹.

Поскольку возникшее несоответствие между ревизскими и наличными душами невозможно было ликвидировать путем «скидок-накидок», то постепенно стали исчезать и последние. Отсутствие «скидок-накидок» делало ненужными пережеребьевки. Общинный земельно-распределительный механизм неизбежно останавливался если время от времени не производился очередной «подзавод», т. е. коренной передел. Когда крестьян Тимского уезда Курской губернии спрашивали, не хотят ли они в распределении земли и податей перейти с ревизских душ на наличные, крестьяне не сразу понимали о чем идет речь²². Длительное отсутствие переделов вызывало неравенство в распределении земли внутри общины. Усиливалось расслоение деревни.

Однако в 80-е годы ряд обстоятельств заставил крестьян черноземной полосы вновь поставить вопрос о переделах. В первую очередь это было вызвано ростом арендной платы на помещичьих землях в связи с мировым сельскохозяйственным кризисом. Многие арендаторы были вынуждены вернуться на наделные земли. Вернувшись, они потребовали передела. На этом же настаивала и крестьянская молодежь, «заревизское» поколение. В социальном плане сторонниками передела выступали, как правило, беднейшие и средние слои крестьянства. Зажиточная часть деревни противилась переделам. Борьба между «стародушниками» и «новодушниками» нередко носила затяжной характер и принимала острые формы.

С начала 80-х годов, в течение 5—6 лет, переделы у бывших государственных крестьян черноземной полосы совершались подобно цепной реакции. Например, в губерниях Тамбовской, Курской, Воронежской и Рязанской переделы охватили около 50% общин. В то же время этот процесс слабо затронул бывших помещичьих крестьян²³. В некоторых случаях крестьяне, совершив передел, отменяли жеребьевки²⁴.

В пореформенный период в общине черноземной полосы явно обнаружилась тенденция к утрате поземельно-распределительных функций. Переделы 80-х годов сильно замедлили развитие этой тенденции, но не смогли заглушить ее вовсе.

Иначе обстояло дело в нечерноземной зоне. Переобложенность земли выкупными платежами приводила к тому, что передельный механизм продолжал исправно действовать. Повсеместное применение естественных удобрений началось в нечерноземной зоне еще до реформы.

²⁰ В. В. (Воронцов В.). Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892, с. 124—125.

²¹ Там же, с. 121, 128.

²² См. В. В. (Воронцов В.). Крестьянская община. В кн. Итоги экономического развития России по данным земской статистики, т. 1. М., 1892, с. 163.

²³ В. В. (Воронцов В.). Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве, с. 134; Пругавин В. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. М., 1888, с. 46—51.

²⁴ В. В. (Воронцов В.). Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве, с. 125.

Но в условиях пореформенного разложения деревни, в связи с сокращением поголовья скота в бедных хозяйствах происходило сильное истощение наделов бедноты²⁶. Иногда наблюдалось забрасывание таких наделов. Но и помимо этого система восстановления плодородия почв при помощи имеющегося в хозяйстве естественного удобрения становилась все менее эффективной. Луга постепенно истощались, и неурожаи трав становились все более частым явлением²⁶.

В таких условиях община Нечерноземного центра не только не утрачивала своих земельно-распределительных функций, но, наоборот, в ряде мест стала еще более активно вмешиваться в процесс сельскохозяйственного производства. В 90-е годы ряд общин Московской губернии, воспользовавшись помощью земских агрономов, отказался от традиционного трехполья, включил в состав полевой земли сенокосные луга и перешел к многопольным севооборотам с посевом кормовых трав. В 1897 г. правильное травосеяние было введено в 184 сельских обществах Московской губернии²⁷. Всего в губернии насчитывалось 3594 сельских общества²⁸. Таким образом, к 1905 г. переход к многопольным севооборотам осуществило лишь 5,1% крестьянских обществ этой губернии. Наблюдавшийся и в ряде других нечерноземных губерний (Петербургской, Псковской, Смоленской, Тверской) переход целых сельских обществ к многопольным севооборотам с высевом кормовых трав находился на начальной стадии своего развития²⁹.

Пореформенное развитие крестьянской общины было крайне противоречивым. Однако все же можно выделить две указанные выше тенденции, одна из которых полнее проявилась в черноземной полосе, другая — в Нечерноземном центре. Тяготевший над пореформенной общиной гнет крепостнических пережитков задерживал развитие обеих тенденций. И в начале XX в. господствующее положение в крестьянском землепользовании по-прежнему оставалось за традиционной трехпольной передельной общиной, находившейся в состоянии затяжного кризиса. Указанные выше внутриобщинные процессы, обусловленные развитием капиталистических отношений и усилением двух социальных войн в деревне, оказали воздействие и на эволюцию норм обычного права³⁰.

На обычное право, сложившееся в условиях патриархального быта, наложили свой отпечаток в основном три главных условия крестьянской жизни: общинное землевладение, коллективная ответственность общины за поступление податей (фискальная функция общины) и личный труд как главный источник существования основной части крестьянства.

²⁶ См. Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. X. СПб., 1901, с. 54, 55, 57.

²⁷ См. Положение и нужды сельскохозяйственной промышленности на основании отчетов генерал-губернаторов, губернаторов и начальников областей за 1891, 1892 и 1893 гг. СПб., 1897. 1891 г., с. 17.

²⁸ См. Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев, вып. 12. СПб., 1905, с. 183—184.

²⁹ См. Население сельских обществ и количество у них пахотной надельной земли по обследованию 1893 г. о сельских обществах 46 губерний Европейской России. СПб., 1894, с. 2.

³⁰ См. Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев, вып. 12, с. 245—246, 350—351; Положение и нужды сельскохозяйственной промышленности на основании всеподданнейших отчетов..., 1891 г., с. 18; В. В. (Воронцов В.). Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве, с. 157.

³¹ Подробнее об этом см.: Зырянков П. Н. Обычное гражданское право в пореформенной общине.— Ежегодник по аграрной истории, вып. VI (Проблемы истории русской общины). Вологда, 1976.

Особенности земледелия в передельной общине, когда земельный участок все время менялся, постоянным же оказывался прилагаемый к нему труд, привели к тому, что в крестьянском мировоззрении земля стала рассматриваться скорее не как объект собственности, а как условие труда, на который имеет право каждый взрослый член общины.

Фискальные функции общины, круговая порука заставляли крестьянский «мир» следить за платежеспособностью каждого двора. Отсюда проистекал известный контроль «мира» за хозяйственными операциями отдельных крестьян. Нередко общество признавало недействительной продажу дома или какого-либо строения, составлявшего «крестьянскую необходимость»³¹.

Наибольшее влияние фискальная функция общины оказала на понятие семьи в обычном праве. Возлагая ответственность за поступление податей на главу семейства, обычное право ограничивало юридическую правоспособность остальных членов семьи. Нередко глава семьи отдавал в работники своего взрослого сына или брата³². В случае нарушения договора о найме отвечать тоже должен был глава семьи. Но тогда из чисто гражданского дела могло выделиться другое, которое в практике мирских сходов и волостных судов рассматривалось как уголовное, — дело о неповиновении родительской власти³³.

Трудовые начало в обычном праве преобладало над понятием собственности. В первую очередь это относилось к частым в условиях чересполосицы вольным или невольным запахиваниям чужой полосы и к порубкам в чужом лесу. В таких случаях обычное право не считало возможным оставить без вознаграждения труд, затраченный ответчиком. Иногда в пользу засеявшего чужую землю присуждалась половина и даже $\frac{2}{3}$ урожая. Нарубивший по ошибке дрова в чужом лесу обязан был отдать их владельцу, но при этом получал вознаграждение за свой труд³⁴.

Обычное право не оставалось неизменным на протяжении пореформенного периода. В общинах, где длительное время отсутствовали переделы, землю начинали передавать по наследству, отдавать в аренду и даже продавать. Шел стихийный процесс образования частной собственности на надельную землю. Подобные явления наблюдались в губерниях Курской, Тамбовской, Таврической, Херсонской, Петербургской³⁵. Волна переделов, последовавшая в 80-е годы, затормозила этот процесс. Тем не менее с дальнейшим разложением деревни борьба вокруг канонов обычного права не прекращалась. Единое в условиях докапиталистической деревни обычное право, в новых условиях распадалось: у одних — «уступочные» и «духовные» грамоты на землю, давно признаваемые в крестьянском быту³⁶, у других — освященное веками право на надел. Иными словами, у нарождающейся сельской буржуазии — свой обычай, у массы крестьянской бедноты — свой. Затяжная борьба вокруг норм обычного права отражала процесс классового расщепления в деревне. К началу XX в. российской деревне уже необходимы были твердые основания писаного права. Интересам сельской буржуазии отвечало распространение на крестьянство норм действовавшего в

³¹ См. Пахман С. В. Указ. соч., т. 1, с. 6.

³² Там же, с. 56.

³³ Астырев Н. М. В волостных писарях. М., 1896, с. 235.

³⁴ Пахман С. В. Указ. соч., т. 1, с. 46—47.

³⁵ См. Итоги экономического развития России по данным земской статистики, т. 1, с. 159, 161, 163, 167.

³⁶ О формах юридических документов, сложившихся в крестьянском быту, см.: Риттих А. А. Крестьянский правопорядок. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб., 1904, с. 46.

стране общего гражданского права. Демократическое разрешение вопроса требовало введения в систему гражданского права трудовых начал, свойственных обычному праву.

Одновременно с указанными изменениями в составе обычного права происходила и важная перестройка в организации крестьянского «мира». Основным распорядительным органом в общине являлся сельский сход, на котором были представлены главы семейств. Состав дореформенного сельского схода обычно был невелик, поскольку деревни в тот период были не столь многочисленны, а большие патриархальные семьи встречались довольно часто. Дореформенный сельский сход решал немногочисленные традиционные дела сельских общин на основании норм обычного права³⁷.

Первое и наиболее крупное изменение в составе сельских сходов связано с начавшимся в пореформенную эпоху распадом больших патриархальных семей. Этот процесс затронул прежде всего деревню нечерноземной полосы, где отход и внеземледельческие заработки ставили молодежь в более независимое положение. В черноземной полосе распадением больших семей отчасти сдерживалось ревизской раскладкой и отсутствием переделов³⁸.

По мере распада патриархальных семей менялась картина схода. Хотя во многих местах его участники сохраняли почетное наименование «стариков», их возрастной состав стал чрезвычайно пестрым. В целом произошло омоложение сходов. С течением времени в числе «стариков» все чаще стали появляться и женщины. Подобные явления наблюдались и до 1861 г.³⁹, но лишь после реформы они приняли массовый характер.

Включение женщин в состав сельского схода было связано, во-первых, с возрастанием их роли в хозяйственной жизни, во-вторых, с увеличением отходничества в ряде губерний, что вызывало временный отлив из деревни большей части мужского населения. В конце века женское крестьянское население в ряде мест начинает борьбу за равное участие в мирском наделе. Были отмечены факты, когда «бабы подняли бунт, потребовали себе земли и одолели»⁴⁰. В таких случаях положение женщин на сходе еще более укреплялось. Безземельные члены общины не имели решающего голоса в земельных делах, но при обсуждении прочих вопросов они, как правило, считались полноправными членами схода⁴¹. Сход все более стремился к тому, чтобы охватить все взрослое население общины. Принцип представительства домохозяев становился все более шатким. Имеются данные, говорящие о том, что сходы стали перерастать и рамки подворного представительства. Правительственные чиновники с неудовольствием отмечали, что «на сходы являются иногда от некоторых дворов, без всякого права, вместо одного 2—3 человека», что сход превратился в «толпу со всеобщей подачей голосов»⁴².

В новую эпоху сход начинает вторгаться в каноны обычного права. Компетенция схода расширяется и приобретает чисто распорядительный характер. Об этом, в частности, говорят решения некоторых сходов о замене трехполья многопольным севооборотом. Сельский сход стано-

³⁷ См. Ефименко А. Трудовое начало в народном обычном праве.— «Слово», 1878, № 1, с. 160.

³⁸ См. Риттих А. А. Указ. соч., с. 101.

³⁹ См. Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII—первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975, с. 519 и др.

⁴⁰ Риттих А. А. Указ. соч., с. 37.

⁴¹ Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины, т. 1, с. 219.

⁴² Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах, т. 1. СПб., 1897, с. 196, 229.

вится ареной борьбы различных группировок, отражавшей конфликт между бедной и зажиточными крестьянами. Выше уже говорилось о борьбе «стародушников» и «новодушников». Сходы, как правило, стремились отстоять права своих членов от произвола дворянской администрации⁴³. Борьба между сходами и администрацией особенно обострилась с введением института земских начальников. В ряде мест земским начальникам удалось свести на нет самостоятельность сходов и установить свое единоличное правление. Но в основном сходы упорно отстаивали свою автономию. Так, Нижегородское губернское совещание с неудовольствием отмечало «вечевую организацию» сельских сходов⁴⁴. Демократическая сторона общины с особой силой сказалась в годы первой русской революции, когда община использовалась крестьянами как «аппарат для воздействия на помещичьи усадьбы»⁴⁵.

Говоря об общинной демократии, мы не должны упускать из виду, что она выростала на почве традиционных крестьянских поземельных отношений и была еще во многом несовершенна. В. И. Ленин подчеркивал, что «средневековым является в России не только помещичье, но и крестьянское надельное землевладение»⁴⁶. Сосредоточение в одном союзе административных и экономических функций приводило к тому, что права меньшинства оказывались недостаточно обеспеченными. Все это в какой-то мере сдерживало предприимчивость отдельных домохозяев. Демократическое решение вопроса потребовало бы отделения поземельного союза от органа самоуправления с сохранением и расширением демократических завоеваний крестьянского «мира». Ибо общинная демократия являлась не только и не столько наследием далеких эпох, сколько определенным достижением пореформенного крестьянства, стремившегося в условиях царизма воплотить в жизнь принцип всеобщей подачи голосов.

Вместе с тем отнюдь не везде развитие крестьянского «мира» шло по пути его демократизации. Иногда в его составе выделялся «совет стариков» — своеобразный президиум сельского схода, подготавливавший и осуществлявший его решения⁴⁷.

В пореформенный период «совет стариков» действовал, видимо, во многих общинах. Являясь осколком патриархальной старины, этот орган в новых условиях начинает наполняться новым содержанием. Дело в том, что семьям зажиточным и богатым гораздо чаще удавалось избежать распада. В то время, как работающие члены этих семей находились в городе или в поле, старики-домохозяева оставались дома и могли заниматься мирскими делами⁴⁸. Так в «совете стариков» стала группироваться зажиточная часть крестьянства. Бывший земский начальник С. А. Дедюлин сообщает, что ему встречались «старики» и в возрасте до 35 лет⁴⁹. Должность выборного «старика» начинает утрачивать возрастной ценз, оставаясь привилегией «домовитых» хозяев. В сельских обществах, где действовал «совет стариков», отмечалось удлинение сроков переделов или совершенное их отсутствие. В общине

⁴³ См. Симонова М. С. Отмена круговой поруки.— «Исторические записки», т. 83. М., 1969, с. 173.

⁴⁴ Свод заключений губернских совещаний..., т. 1, с. 201.

⁴⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 16, с. 398. Ленин приводит выражение члена II Думы социал-демократа Г. А. Алексинского.

⁴⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 16, с. 405.

⁴⁷ Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины, т. 1, с. 308; Дедюлин С. А. Крестьянское самоуправление в связи с дворянским вопросом. СПб., 1902, с. 85.

⁴⁸ См. Трирогов В. Община и подать. СПб., 1882, с. 117—118.

⁴⁹ Дедюлин С. А. Указ. соч., с. 86.

Борок (Псковской губернии) борьба вокруг передела закончилась поражением «маловытных» его сторонников⁵⁰. Обе отмеченные выше тенденции в трансформации земельных распорядков в общине были обусловлены развитием аграрного капитализма и носили капиталистический характер. Однако тенденция, связанная с утратой общиной земельно-распределительных функций, как представляется, была более консервативной.

Вообще же община пореформенного периода обнаруживает большое разнообразие форм своей эволюции. Единство в этом многообразии представляло расслоение общины. Она все более и более становилась полем столкновения различных классовых интересов. Росло земельное утеснение в общине, росла конфронтация общины с местными помещиками и дворянской администрацией, в конечном счете — с самодержавием, оберегавшим интересы помещиков.

Политика царского правительства по отношению к крестьянской общине в рассматриваемый период отражала в конечном счете происшедшие в российской деревне социально-экономические процессы, основным содержанием которых было развитие аграрного капитализма. Эта политика за рассматриваемое время проделала удивительную на первый взгляд эволюцию от настоячивых мер по сохранению общины в период 1861—1905 гг. до решительного штурма ее в последующее время. В этой связи нельзя не признать решающим фактором крестьянское движение, которое было еще слабым на первом из указанных двух этапов, хотя неуклонно нарастало и приняло грозные масштабы в годы первой революции, поднявшись на качественно новую ступень и угрожая полной ликвидацией помещичьему землевладению.

Но и на первом этапе политика по вопросу об общине не отличалась неизменностью. Это отчасти объясняется и тем, что в самих правящих кругах не было единства мнений об общине. Еще в дворянских комитетах и редакционных комиссиях (1858—1860 гг.) кроме сторонников общины находились и ее убежденные противники, сторонники принципа частной собственности, независимости крестьянина от общины. Первые одержали верх главным образом доказательствами удобства управления крестьянами, объединенными в общинные группы. Этими соображениями было продиктовано и само определение поземельной общины, данное в ст. 113 Великороссийского положения: «Общинным называется то обычное пользование, при котором земли, по приговору мира, передаются или распределяются между крестьянами: по душам, тяглам или иным способом, а повинности, наложенные на землю, отбываются за круговую порукою»⁵¹. Как видим, в этом просматривается главная фискальная функция общины, которая ей была навязана царским правительством. Круговая порука обусловила установление такой паспортной системы, при которой сельское общество могло не отпустить на отхожие заработки неисправного плательщика податей или вызвать недоимщика обратно по этапу.

Проведение реформы не погасило споров об общине. Противники общины были не только среди прогрессивной общественности, но и среди помещиков и высшей бюрократии. Перед помещиками, переходившими на вольнонаемный труд, община создавала трудности с присканием рабочих рук. Связанные с наделом работники отвлекались на его обработку. Обезземеливание общинников такие помещики считали для себя более выгодным. Особенно отчетливо позиция противников об-

⁵⁰ Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины, т. I, с. 308.

⁵¹ ПСЗ, собр. 2, т. 36, № 36660.

шины выявилась в 1865 г. на Первом Всероссийском съезде сельских хозяев, где доказывались преимущества личной собственности для прогресса сельского хозяйства. Часть реакционных помещиков сетовала на то, что помещик лишился власти над общиной и потому в ней «нет порядка»⁵². Подобного рода выступления против общины в 60—70-х годах были нередкими, правда, практического значения для политики правительства они не имели. Более того, столкнувшись с фактом резкого возрастания недоимок по выкупным платежам, правительство вместо содействия развитию личного хозяйства, как более платежеспособного, сделало новый шаг в ущемлении прав общины на надельную землю, разрешив в 1878 г. принудительную сдачу земли недоимщиков в аренду посторонним лицам или состоятельным членам общины сроком до 6 лет.

Тем временем взыскание налогов с разорявшегося крестьянства становилось делом все более трудным. Правительству все чаще приходилось предоставлять льготы недоимочным обществам в виде рассрочки платежа и в редких случаях — сложением недоимки. Положение, однако, все ухудшалось и особенно усугубилось в связи с неурожаем и голодом 1880 г. в ряде юго-восточных и южных губерний. В результате правительству пришлось пойти на понижение выкупных платежей в сумме до 12 млн. руб. Надо заметить, что в данном случае оказал влияние не только голод, но и нараставшие в период второй революционной ситуации (1878—1882 гг.) крестьянские выступления, принимавшие нередко острый и затяжной характер, которые приходилось подавлять при помощи войска.

В 80-е годы в четыре этапа (1883, 1884, 1886, 1887 гг.) была отменена почти 60-миллионная подушная подать. Предложивший податную реформу министр финансов Н. Х. Бунге так объяснял ее необходимость: «Когда сделалось очевидным, что подушный налог с крестьян обещает в будущем лишь громадное приращение недоимок, тогда надо было заменить его чем-либо другим»⁵³. И сразу же заменил почти весь этот прямой налог косвенным, увеличив на 1 коп. цену за градус спирта, что дало казне 27 млн. руб. дохода в год. Мы сказали «почти весь», потому что подушная подать для государственных крестьян была уменьшена всего лишь на 2,6 млн. руб., остальные 15,2 млн. руб. прибавлены к уплачивавшейся ими оброчной подати при превращении ее с 1 января 1887 г. в выкупные платежи. Податная реформа в целом не дала ожидаемых результатов. Вскоре начался новый, еще более быстрый рост недоимок как следствие упадка благосостояния крестьянского хозяйства.

Революционная ситуация 1878—1882 гг. не переросла в революцию, царизм вышел победителем, хотя и не без некоторых уступок крестьянам. Зато помещики были изрядно напуганы. Смолкли их голоса против общины. С приходом к власти в 1882 г. нового министра внутренних дел графа Д. А. Толстого начинается полоса «укрепления» общины путем дальнейшего ограничения ее прав с целью поддержания «патриархального духа» крестьян.

В период контрреформ даже семейные разделы в общинах стали предметом государственной политики. До 1886 г. разделы разрешались сельским сходом простым большинством голосов, да и это правило редко соблюдалось. В 1886 г. был проведен закон, обязывавший сельские общины давать разрешения на разделы двумя третями голосов схо-

⁵² См. Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60—70 годы XIX в.). Л., 1972, с. 134.

⁵³ Бунге Н. Х. Исследования по вопросу о восстановлении налога на соль. СПб., 1893, с. 15.

да⁵⁴. Однако разделы не сократились, и чаще всего совершались без разрешения общества, что свидетельствовало о нежизненности изданного закона⁵⁵.

В 1889 г. власть дворянства над крестьянской общиной была многократно усилена введением института земских участковых начальников, ставших полновластными распорядителями жизни деревни и даже личности крестьянина. Земский начальник мог не утвердить любой приговор схода, даже касающийся чисто хозяйственных вопросов. Упраздняясь выборный волостной суд. Судьи, как и другие должностные лица волости, назначались теперь земским начальником, который мог отстранить их от должности и приостановить вынесенный волостным судом приговор⁵⁶. Реакция вторглась и в главную сферу хозяйственной жизни общины — земельные отношения. Законом 8 июня 1893 г. сильно ограничивалось право общины на переделы своей земли. Теперь они могли производиться не ранее чем через 12 лет⁵⁷. В том же году, 14 декабря, был издан закон, поведший на деле к полному прекращению досрочного выкупа земли по 165-й статье Положения о выкупе⁵⁸. В то же время был полностью запрещен выход из общины.

Однако, если в 80-х — первой половине 90-х годов с принятием в 1881 г. чрезвычайного положения об охране государственного порядка и общественного спокойствия, крестьянское движение слабо проявляло себя, то с середины 90-х годов положение заметно изменилось. Под влиянием массового рабочего движения стали нарастать крестьянские протесты. Число открытых выступлений растет год от года и выливается в грандиозное для своего времени восстание крестьян Полтавской и Харьковской губерний в 1902 г. Именно развитие капитализма в деревне и рост крестьянского движения предопределили крах политики контрреформ. Крестьяне переделывали землю, даже уплачивая штрафы, налагаемые земскими начальниками. Продолжались семейные разделы без разрешений.

В условиях нарастания аграрного кризиса в начале XX в. правящие круги пытались подновить отживший дворянско-крепостнический аграрный курс. Это отразилось, в частности, в проекте пересмотра крестьянского законодательства, выработанном Редакционной комиссией МВД и в Манифесте 26 февраля 1903 г. В последнем провозглашалась неизменность курса на «неприкосновенность» общины, однако в то же время содержалось обещание облегчить выход из нее отдельным крестьянам⁵⁹. В 1903 г. была окончательно отменена круговая порука⁶⁰. В 1904 г. были разрешены переселения и отменено взыскание контрибуции, наложенной в 1903 г. на восставших крестьян в пользу владельцев разгромленных имений. Указом 12 декабря 1904 г. провозглашался курс на постепенную ликвидацию сословно-правовых ограничений для крестьян⁶¹.

Политические иллюзии царизма в отношении общины пока еще сохранялись. Даже во время революции правительство не теряло надежд на патриархальность и консерватизм крестьянства. Поэтому и первая, и вторая Государственные думы были в значительной мере составлены из крестьянских депутатов. Но ни та, ни другая не оправдали надежд

⁵⁴ ПСЗ, собр. 3, т. 6, № 3578.

⁵⁵ См. Р и т т и х А. А. Указ. соч., с. 102.

⁵⁶ ПСЗ, собр. 3, т. 9, № 6196.

⁵⁷ ПСЗ, собр. 3, т. 13, № 9754.

⁵⁸ ПСЗ, собр. 3, т. 13, № 10151.

⁵⁹ ПСЗ, собр. 3, т. 23, № 22581.

⁶⁰ Подробнее см.: С и м о н о в а М. С. Указ. соч.

⁶¹ ПСЗ, собр. 3, т. 24, № 25495.

правлящих кругов. Не сбылись и упования на крестьянскую общину, как оплот спокойствия и порядка. Во время обсуждения Указа 9 ноября 1906 г. в Государственном совете докладчик М. В. Красовский сказал: «Составу первых двух Дум, почти наполовину набранному из крестьян, суждено было разрушить эти иллюзии. Оказалось, что вместо степенных мужиков, которых думали получить в Думу в качестве представителей крестьянства, явилась буйная толпа, слепо идущая за любым руководителем, который разжигает ее аппетит. Тех консервативных начал, охранителем которых считалось крестьянство, в нем не оказалось»⁶².

Резкий поворот в политике царизма по отношению к крестьянству выразился в ряде мер, крупнейшей из которых был Указ 9 ноября 1906 г., направленный на разрушение крестьянской общины. Вместо «защиты слабого от сильного» была сделана откровенная ставка на сильного крепкого мужика, который должен был стать новой опорой царизма в деревне⁶³. Член Государственного совета В. А. Бутлеров, выступая при обсуждении упомянутого указа, сказал: «Во всяком случае кулаки и мироеды — это люди стойкие, люди крепкие, люди трудолюбивые, люди своим трудом и скопидомством нажившие копейку. Вот эти люди, приобретая в свою собственность наделы от крестьян слабых, от крестьян, пропивающих свои земли, они, без всякого сомнения, вложат капиталы в свое хозяйство»⁶⁴.

В интересах укрепляющегося в деревне слоя сельской буржуазии правительство провозгласило право выхода крестьян из общины с выделением домохозяину в личную собственность отдельного участка земли с теми излишками против надельной нормы, которые обычно имелись у зажиточных хозяев. Производилось также укрепление земельных наделов в личную собственность с правом их продажи, что прямо способствовало концентрации земли у зажиточных верхов деревни⁶⁵.

Но стремление к выходу из общины с переселением на хутора или с выделением отдельного участка земли без переселения из деревни (отруба) захватило не только зажиточную часть деревни, но и средние, а подчас и беднейшие слои. Одних привлекала предоставляемая ссуда на домообзаведение (при этом пребывавшие в нужде крестьяне говорили: «Если некуда, так на хутора»), других — возможность продать укрепленный в собственность надел.

Чего же достигло правительство в деле разрушения крестьянской общины? По статистике 1905 г., в 50 губерниях Европейской России насчитывалось 12 298 тыс. крестьянских дворов, имевших 138 768 тыс. дес. земли. На общинном праве владели землей 9480 тыс. дворов, или 77,1%. Земли в общинном пользовании было 115 390 тыс. дес., или 83,2%. По данным на 1 сентября 1914 г., заявления об укреплении земли в личную собственность подали 2690 тыс. домохозяев, получили от общества согласие лишь 718 тыс. человек, или 26,6%, а отвод земли 1831 тыс. человек (67,8%) власти провели в принудительном порядке. Около одной десятой части выделенцев из-за боязни расправы со стороны однообщинников взяли обратно свои заявления.

⁶² Герье В. Второе раскрепощение. М., 1911, с. 140.

⁶³ О столыпинской аграрной реформе подробнее см.: Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963; Першин П. Н. Аграрная революция в России, кн. 1. М., 1966; Сидельников С. М. Аграрная реформа Столыпина. Сб. док. М., 1973; Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. 1. М., 1976 и др.

⁶⁴ Герье В. Указ. соч., с. 126.

⁶⁵ ПСЗ, собр. 3, т. 30, № 33742.

Всего за 1907—1914 гг. по 47 губерниям Европейской России из общины выдвинулось 1950 тыс. домохозяев, т. е. менее $\frac{1}{4}$ числа всех общинников. Кроме добровольных выходов были объявлены перешедшими к личному владению около 470 тыс. хозяйств в общинах, где не было переделов в течение последних 24 лет. Всего было укреплено в личную собственность 16,9 млн. дес. земли, т. е. менее $\frac{1}{3}$ части всей общинной земли. За 1908—1915 гг. свои земельные наделы полностью или частично продали 1,1 млн. крестьян, количество проданной земли исчислялось площадью почти в 4 млн. дес.⁶⁶

Меры, принятые против общины, вызвали наибольшее волнение не в Черноземном земледельческом центре, как предполагало правительство. Из общины охотнее выделялись крестьяне в районах со сравнительно высоко развитым капиталистическим земледелием — часть Самарской губернии, Северное Причерноморье, Северо-Западный и Западный районы. И меньше всего выделяющихся приходилось на районы, где сильнее были пережитки крепостничества и гнет помещичьих латифундий. Следовательно, одна из основных целей реформы — разрушение надежд на создание массы новых очагов капиталистического земледелия в виде хуторов и отрубков. В самом деле, укрепили землю в личную собственность 2,5 млн. крестьян, в то же время 1,1 млн. новых владельцев продали свою землю. Но главное заключалось в том, что в числе оставшихся личных владельцев земли действительно крепких хозяев было немного. Доля хуторян и отрубников в числе новых личных собственников была невелика. Так, в Самарском уезде, по обследованию 1911 г., только 2,9% земли было укреплено хуторами, 8,6% — отрубками, а 88,5% — чересполосно. Указанные 11,5% крестьян — хуторян и отрубников — владели 869,9 тыс. дес. земли. Из этого количества на хозяйства зажиточных крестьян с посевом более 15 дес. на двор приходилось 159,3 тыс. дес., т. е. 18,3%, а общее количество укрепленной в собственность земли (7024,7 тыс. дес.) составляло только 0,2%⁶⁷.

Среди обследованных Казенной палатой в 1912 г. 372 хозяйств хуторян и отрубников пяти уездов Тамбовской губернии безлошадных дворов было 2,9%, с одной лошадей — 61,3%, с 2—3 лошадьми — 32,8%, с 3-мя и более — 3,0%. Из обследованных земством 2092 таких же хозяйств четырех уездов той же губернии было без коров — 17,7%, с 1 коровой — 63,5%, с 2-мя и более — 18,1%⁶⁸.

Аналогичные данные и по другим районам, как и приведенные выше, подтверждают, во-первых, что подавляющее большинство новых личных собственников земли осталось в чересполосном владении с односельчанами, не улучшив для себя условий землепользования и не получив, таким образом, возможностей для переустройства своего хозяйства на новых началах. Во-вторых, среди хуторян и отрубников прослойка действительно зажиточных хозяев, способных организовать настоящее фермерское хозяйство, оказалась незначительной.

Большая часть хуторян, несмотря на материальную помощь от правительства (правда, весьма скромную), не смогла в силу своей бедности, использовать преимущества участкового землепользования. Если брать все землеустроенные хозяйства вместе, то по произведенному обследованию 1913 г. оказывается, что в хозяйствах 11 уездов рабочего

⁶⁶ См. Статистика землевладения 1905 года. СПб., 1907; Дубровский С. М. Указ. соч., с. 203—204, 361, 581.

⁶⁷ Подворная перепись крестьянских хозяйств Самарской губернии 1911 г. Самарский уезд. Самара, 1913, с. 244.

⁶⁸ Тюрин Н. Т. Хутора и отруба в Тамбовской губернии. Тамбов, 1915, с. 17, 19.

скота не прибавилось вовсе, количество крупного рогатого скота уменьшилось на 0,1 головы на двор, овец и коз — тоже на 0,1 и свиней прибавилось на 0,1 головы⁶⁹. Следовательно, и здесь столыпинская земельная реформа не продвинула вперед сельское хозяйство.

И тем не менее нельзя отрицать того, что наблюдавшийся некоторый прогресс сельского хозяйства России в рассматриваемое время отчасти был связан с улучшением землепользования у крестьян, укрепивших землю хуторами и отрубями. Участковое землепользование создавало более благоприятные условия для ведения хозяйства. Частично уничтожались мелкополосица, чересполосица и дальнотемелье. Хозяйство освобождалось от принудительного общинного севооборота. Хуторяне и отрубники имели больше средств производства, чем общинники. Так, в Епифанском уезде Тульской губернии у первых приходилось 16 лошадей на 10 дворов, а у последних — по 9 лошадей⁷⁰. В землеустроенных хозяйствах увеличилось число плугов, сенокосилок, молотилок и т. д. По обследованию 1913 г., в Богородицком уезде Тульской губернии у хуторян при выделе из общины приходилось на двор сельскохозяйственных орудий на сумму 63,2 руб., а в момент обследования (1913 г.) — на 104,0 руб. У отрубников соответственно — 27,2 и 47,9 руб. на двор⁷¹. Особенно выделяется в этом отношении зажиточная верхушка. В хозяйствах хуторян с землевладением свыше 20 дес. сельскохозяйственного инвентаря во время выдела было на 106,6 руб. на двор, а во время обследования — на 207,0 руб.⁷² В хуторских хозяйствах Торопецкого уезда Псковской губернии в 1910 г. многопольные севообороты применялись в 6% хозяйств, а в зажиточной группе (с землевладением свыше 20 дес.) — в 29,4% хозяйств⁷³. В Тульской губернии И. В. Мозжухин установил, что чем крупнее было хуторское хозяйство, тем чаще употреблялись в нем удобрения и улучшенные системы полеводства.

В хозяйствах с участковым землепользованием урожайность хлебов была выше, чем с чересполосным. В Богородицком уезде Тульской губернии в 1912 г. хуторяне собрали ржи по 65 пудов с десятины, отрубники — по 44,6 пуда, а все земледельцы по уезду — по 35 пудов⁷⁴. В землеустроенных хозяйствах Бердянского уезда Таврической губернии в 1912—1913 гг. озимая пшеница дала урожай в среднем 68,2 пуда, а в сельских обществах — 43,5 пуда с десятины⁷⁵.

Однако главная масса земледельцев была представлена крестьянами, оставшимися при старых формах землепользования и именно она определяла уровень сельскохозяйственного производства страны.

В результате проведения столыпинской земельной реформы царизм не добился поставленных целей ни в экономической, ни в социальной, ни в политической областях. Провал аграрной реформы в экономическом отношении выразился в том, что прогресс земледелия оказался совершенно ничтожным. В социальном плане — в том, что массовой социальной опоры в лице хуторян и отрубников царизм не получил. В политическом отношении итогом явилось не «умиротворение» дерев-

⁶⁹ Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика России. Пг., 1922, с. 183.

⁷⁰ Крестьянское хозяйство по переписи 1899—1911 гг. Епифанский уезд, ч. 2. Тула, 1916, с. 107.

⁷¹ Мозжухин И. В. Землеустройство в Богородицком уезде Тульской губернии. М., 1915, с. 221—223.

⁷² Там же, с. 224.

⁷³ Неймарк П. Я. Хуторское расселение на надельных землях Торопецкого уезда Псковской губернии. Псков, 1913, с. 32.

⁷⁴ Мозжухин И. В. Указ. соч., с. 259.

⁷⁵ Землеустроенные хозяйства по 12 уездам. Пг., 1915, раздел XXI.

ни, а новое усиление первой социальной войны против помещиков и царских властей. Усилилась вторая социальная война — против кулачества. Община яростно сопротивлялась попыткам ее разрушить и сохранилась почти в прежних размерах, потеряв лишь четвертую часть своих членов.

После реформы 1861 г. в условиях капиталистического развития царское правительство, выражавшее волю дворян-помещиков, по самой своей классовой природе было ограничено в выборе политической линии по отношению к крестьянской общине. При всех комбинациях и отклонениях возможны были по существу только два варианта такой политики. Первый из них заключался в попытках насильственного удержания крестьянства в общинных рамках, искусственного сохранения и даже насаждения элементов патриархальной старины. Второй вариант подразумевал разрушение общины, выделение из нее слоя зажиточного крестьянства за счет разорения и пролетаризации остальной массы. Эти варианты, как мы видели, были выдвинуты еще в ходе подготовки реформы 1861 г. За сорок пореформенных лет царизм поочередно испробовал оба варианта и потерпел провал в обоих случаях. Ему не удалось ни «оградить» общину от проникновения капиталистических отношений, ни разрушить ее. Когда стало очевидно, что столыпинская аграрная реформа уже в значительной степени себя исчерпала, а вместо «двадцати лет покоя» надвигается новая волна революционного движения — третьего варианта аграрной политики в распоряжении правящих классов не оказалось. Проблема общины в условиях царизма, при сохранении помещичьего землевладения не поддавалась решению. Общинное крестьянство оставалось важным резервом будущей буржуазно-демократической революции.

ПОХОД ИГОРЯ В 1185 ГОДУ. МЕСТО БИТВЫ

В мае 1985 г. исполняется 800 лет со дня битвы новгород-северского князя Игоря Святославича с половцами на р. Каяле.

Походу Игоря посвящено много работ, однако до настоящего времени нет единого мнения в определении места битвы. В опубликованных за последние 25 лет наиболее значительных трудах советских ученых предложены различные варианты¹. Так, В. М. Глухов место битвы находит за р. Быстрая в районе станции Николаевская и даже называет его более конкретно — о. Лебяжий в районе впадения р. Кагальник в Азовское море, В. Г. Федоров — вблизи слияния рек Орели и Орельки, К. В. Кудряшов — около р. Каменки, Б. А. Рыбаков — между реками Самара и Бык, М. Ф. Гетманец — между реками Голая Долина и Макашиха. Объем статьи не позволяет остановиться на подробной аргументации предлагаемых вариантов, да это и не требуется, так как они обстоятельно рассмотрены Б. А. Рыбаковым и М. Ф. Гетманцем, а мнение В. М. Глухова — еще и К. В. Кудряшовым². Однако необходимо отметить главное: при определении места битвы В. М. Глухов исходит из убеждения, что Дон русскими летописей — современный нам Дон; остальные же авторы — В. Г. Федоров, К. В. Кудряшов, Б. А. Рыбаков, М. Ф. Гетманец — полагают, что летописный Дон — это современный Северский Донец и что Игорь к месту битвы на правом его берегу шел через р. Сальницу в Изюмской излучине.

Однако анализ последних данных о размещении половцев по С. Донцу, оценка реальной военно-политической обстановки, сложившейся на Руси к моменту похода, учет целей похода и свидетельств летописей дают основание утверждать, что битва произошла на левом берегу реки. Идти на правый берег, а тем более на кочевья Коичака (не говоря уже о районах современного Дона) Игорь не мог по следующим причинам.

Восточная граница Переяславской земли с половцами, как известно, «охватывала среднее течение Псла и Ворсклы и затем в низовьях Уды вклинивалась в направлении Северского Донца»³. Далее она проходила восточнее С. Донца к верховью Оскола через славянские поселения у с. Крапивное на р. Корень и у с. Холок на Осколе⁴. Указанная линия границы Южной Руси по левой стороне Днепра подтверждается данными распространения половецких каменных изваяний⁵. Однако это была весьма условная граница в виде широкой полосы земли, где действова-

¹ Глухов В. М. К вопросу о пути князя Игоря в Половецкую степь. — ТОДРЛ, т. XI. Л., 1955, с. 22—38; Федоров В. Г. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена Каяла. М., 1956; Кудряшов К. В. Про Игоря Северского, про Землю русскую. М., 1959; Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; Гетманец М. Ф. По следам Игоря. — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976, с. 305—326.

² Кудряшов К. В. Путь Игоря Северского. — «Дон», 1958, № 6, с. 165.

³ Кучер М. П. Переяславское княжество. В сб. Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 124.

⁴ См. Зайцев А. К. Черниговское княжество. В сб. Древнерусские княжества X—XIII вв., с. 80 (рис. 2); Плетнева С. А. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время. Краткие сообщения Института археологии АН СССР, вып. 99. М., 1964, с. 25 (рис. 11).

⁵ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. — Археология СССР. Свод археологических источников. Е 4—2. М., 1974, с. 19 (рис. 5).

ли сторожевые разъезды противников. Половцы, усилившие во второй половине XII в. натиск на Русь, легко и часто ее нарушали, глубоко вторгаясь в ее земли. Более определенная граница проходила по р. Суле, «ставшей в XII в. пограничной рекой»⁶, с городами Воинь, Желни, Ривов, Лукомль, Лубен, Ромен и по р. Сейм с городами Путивль, Рыльск, Ольгов, Курск. Изюмский курган (гора Кременец) во второй половине XII в. не мог быть, как думают некоторые историки, пограничным холмом-шеломянем между Русью и половцами, так как в это время находился в глубине половецких земель.

На территории, ограниченной с севера р. Великий Бурлук, с запада и юга — С. Донцом и с востока — Осколом, имевшей прекрасные природные условия для кочевий (луговая степь с большим количеством рек и озер), с давних пор (с VIII в.) кочевники размещали свои летовки, а порой даже зимники⁷. С XI в., как свидетельствуют найденные в районе Изюма, Купянска, Балаклеи и Змиева каменные изваяния, здесь кочевали половцы⁸. Судя по замечанию С. А. Плетневой, во второй половине XII в. на этой территории уже размещались кочевья хана Кзы⁹. Очевидно, что Кза, упоминаемый в летописи и «Слове» наравне с Кончаком, стоял во главе находившегося в этом районе небольшого верхнедонецкого «союза» половцев¹⁰. Отсюда Кза, легко переправляясь через С. Донец выше Уды, совершал свои постоянные набеги на Посемье. Напомним, что еще в 1168 г. брат Игоря, новгород-северский князь Олег, отражая вторжение Кзы в Северскую землю, нанес ему поражение и даже захватил в плен его жену и детей. Поэтому маршрут движения войск Игоря во время похода 1185 г. не мог пролегать по этой территории, так как невозможно было бы миновать кочевий Кзы. Считать же, что данный район в то время был свободным от половецких кочевий, у нас нет никаких оснований. Именно отсюда, на восток от С. Донца, начиналось для русских, как сказано в «Слове», «поле незнаеме среди земли Половецкын»¹¹, куда русские дружины в XII в. не входили. Мономах в Шаруканском походе дошел, как известно, только до западной границы района на р. С. Донец. О положении в этом районе князья знали со слов пленных половцев и от бежавших или выкупленных из плена русских воинов.

Возглавляемые Кончаком «донские половцы занимали бассейн среднего течения Северского Донца»¹². Их кочевья располагались на правом берегу С. Донца, южнее Изюмской излучины в районах, прилегающих к рекам Голая Долина, Сухой и Казенный Торец (летописный Тор), на правом берегу которого, недалеко от С. Донца, находилась ханская ставка. Это подтверждается обнаруженным в бассейне Тора большим количеством половецких каменных изваяний XI — начала XIII в. Подавляющая их часть относится к концу XII в.¹³

Что касается политической обстановки на Руси в XII в. и особенно во второй его половине, то она характеризовалась дальнейшим усилением феодальной раздробленности. Русские князья не только не выступали единым фронтом против половцев, но для выполнения своих частных за-

⁶ Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 164.

⁷ Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967, с. 11 (рис. 2).

⁸ Ее же. Половецкие каменные изваяния, с. 15 (табл. 1).

⁹ См. там же, с. 22.

¹⁰ Там же, с. 19 (рис. 5).

¹¹ Слово о полку Игореве. Под ред. И. П. Еремнина. М., 1967. Все дальнейшие ссылки на «Слово» даются по этому изданию.

¹² Плетнева С. А. Половецкая земля. В сб. Древнерусские княжества X—XIII вв., с. 291.

¹³ Там же, с. 292.

дач часто обращались к их помощи. К примеру, киевский князь Святослав в 1180 г. для борьбы с князем Рюриком привлек войска Кончака и Кобяка, которыми, по их просьбе, командовал Игорь. Брат же Святослава, черниговский князь Ярослав, «...по традиции не любил выступать против половцев»¹⁴. Так, он не принял участия в двух походах в 1184 г. Даже в 1185 г., когда Кончак с объединенными силами шел на Переяславль и Киев, он под разными предлогами не оказал помощи Святославу и переяславскому князю. Игорь, в свою очередь, следовал проводимой Ярославом политической линии, так как для черниговских и северских князей «... всегда интересы их земли были выше общерусских интересов»¹⁵. Преследуя свои собственные цели, Игорь устанавливает с Кончаком дружественные отношения, закрепляя их впоследствии женитьбой сына Владимира на дочери Кончака. Поэтому не мог Игорь в 1185 г. идти на его кочевья, расположенные ниже Изюмской излучины, и этим разорвать выгодный союз. Кроме того, если бы Игорь планировал поход против Кончака, то Ярослав не только бы не послал с ним своих козюев во главе с бывшим послом к Кончаку Ольстином, но и всячески препятствовал бы его организации.

Решающим основанием для Игоря не нападать в 1185 г. на Кончака было то, что с весны 1184 г. он и переяславский князь Владимир стали злейшими врагами. Владимир, не получив от Игоря, командовавшего в весеннем походе 1184 г. на половцев, выгодного места в авангарде, не только оставил отряд, но «и оттоле идя иде на Северские города и взя в них много добыток»¹⁶. Игорь нанес ему ответный удар: «взях на щит город Глебов у Переяславля»¹⁷ и, опасаясь мести со стороны Владимира, поспешил укрепить союз с Кончаком родственными связями. После весеннего похода 1184 г. вовсе не в интересах Игоря было нападать на Кончака и тем самым оказывать помощь своему врагу Владимиру и терять такого сильного союзника. Поэтому летом 1184 г. он уже не принял участия в походе на половцев, шедших на Переяславль, а в феврале 1185 г., дав согласие на выступление против Кончака, направлявшегося на Переяславль и Киев, обещания своего не выполнил, сославшись на плохую погоду, якобы помешавшую ему идти к месту битвы.

Другой важный момент. Многие авторы работ о походе 1185 г. вообще не обращают внимания на то, что и среди половецких ханов не было единства и они часто ставили свои интересы выше общеполовецких. Власть Кончака, объединявшего половецкие орды на территории бассейна среднего течения С. Донца, над их ханами была номинальной. Подтверждается это, в частности, отказом хана Кзы подчиниться Кончаку и идти вместе с ним после победы над Игорем на Переяславль. Сам Кончак нередко свои интересы также ставил на первый план. В литературе справедливо отмечается, что, «добиваясь мести за своего отца и деда, Кончак стремился действовать не против черниговских князей, а против Киева»¹⁸, и что «от его набегов пострадали больше всего Переяславское княжество и Посулье, а с конца 80-х годов он перенес удары на Рось, грозя уже самому Киеву»¹⁹. Поэтому Кончак нуждался в союзе с Ярославом и Игорем, так как этим обеспечивал их нейтралитет в его действиях против Переяславля и Киева. Не случайно Кончак в интере-

¹⁴ Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 88.

¹⁵ Там же, с. 124.

¹⁶ ПСРЛ, т. II. Ипатьевская летопись. М., 1962, стб. 629.

¹⁷ Ипатьевская летопись, стб. 643.

¹⁸ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978, с. 111.

¹⁹ Плетнева С. А. Половецкая земля, с. 293.

сах сохранения союза с Игорем сразу же после боя на Каяле отправил его с сыном Владимиром в свою ставку на р. Тор и не только не пошел с давним врагом Северского княжества ханом Кзой на оставшиеся беззащитными земли Игоря, но и потребовал, чтобы тот направился вместе с ним на город его врага и врага Игоря — Переяславль. Кончак явно не желал, чтобы земля его союзника и родственника подвергалась разорению. События 1185 г. (захват Игорем кочевий на Каяле, побег его из плена, нападение Кзы на Посемье) не нарушили их хороших отношений. Кончак не только отказался выполнить обычное для того времени требование Кзы убить Владимира за побег отца, но отдал ему в жены дочь. В свою очередь Игорь после возвращения из плена Владимира с Кончаковой и ребенком справил их свадьбу по церковному обряду. Не следует, конечно, думать, что союз Кончака с Игорем был прочным. В любой момент по достижении одним из них поставленной цели или изменении обстановки он мог быть нарушен. Но в 1185 г. и Игорь, и Кончак принимали все меры к его укреплению.

Военная обстановка в рассматриваемом районе, сложившаяся к весне 1185 г., характеризовалась скоплением на правом берегу С. Донца больших сил половцев, в том числе и хана Кзы, собранных Кончаком для намеченного похода на Переяславль. Поэтому на левом берегу реки почти не осталось войск для охраны кочевий. Все это Игорь хорошо знал и, конечно, не мог принять решения со сравнительно небольшими силами пойти на правый берег С. Донца и подставить свое войско под удар превосходящих сил половцев. Используя же благоприятную ситуацию на левом берегу С. Донца, он вполне мог рассчитывать захватить врасплох размещавшиеся там кочевья враждебных ханов.

Если обратиться к истории походов русских князей в Половецкую землю во второй половине XII в., то видно, что наиболее глубокий из них был совершен в 1170 г. киевским князем Мстиславом, дошедшим до излучины р. Самары. Однако это еще далеко от предполагаемых исследователями мест битвы 1185 г. (см. схему 1). Если бы Игорь выступил против Кончака, то он, безусловно, начал бы на его ставку на р. Тор, что гарантировало богатую добычу. Но поход в этот район, в центр кочевий Кончака, как мы уже отметили выше, мог быть совершен значительно большими силами, чем располагал Игорь. Он должен был быть подобным походу Вл. Мономаха 1141 г., для которого он собрал 30-тысячное войско. Такой поход «к Дюнови на все лето», в район ставки Кончака, в 1185 г. начал готовить Святослав, но жестокое поражение северских князей на Каяле сорвало его осуществление.

Следует заметить, что если бы Игорь действительно двигался от Оскола на правый берег С. Донца с переправой в Изюмской излучине, то в этом случае он легко был бы перехвачен и не допущен к кочевьям войсками Кончака, находившимися в то время, как считает Б. А. Рыбаков, «где-нибудь в низовьях Орели или Самары»²⁰, т. е. в 180—220 км от Изюмской излучины.

Маршрут похода определялся его целью. Северские князья не ставили перед походом 1185 г., как и в 1184 г., задачи борьбы с основными силами половцев на правом берегу С. Донца и оказания помощи киевскому и переяславскому князьям. Цель выступления была иная — без больших боев и потерь, используя благоприятную военную обстановку, внезапным нападением захватить кочевья враждебных им ханов, оставшиеся без надежного прикрытия на левом берегу С. Донца, и беспрепятственно вернуться в свои города. Они, как и в 1184 г., рассчитывали, что «По-

²⁰ Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 257.

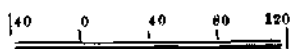
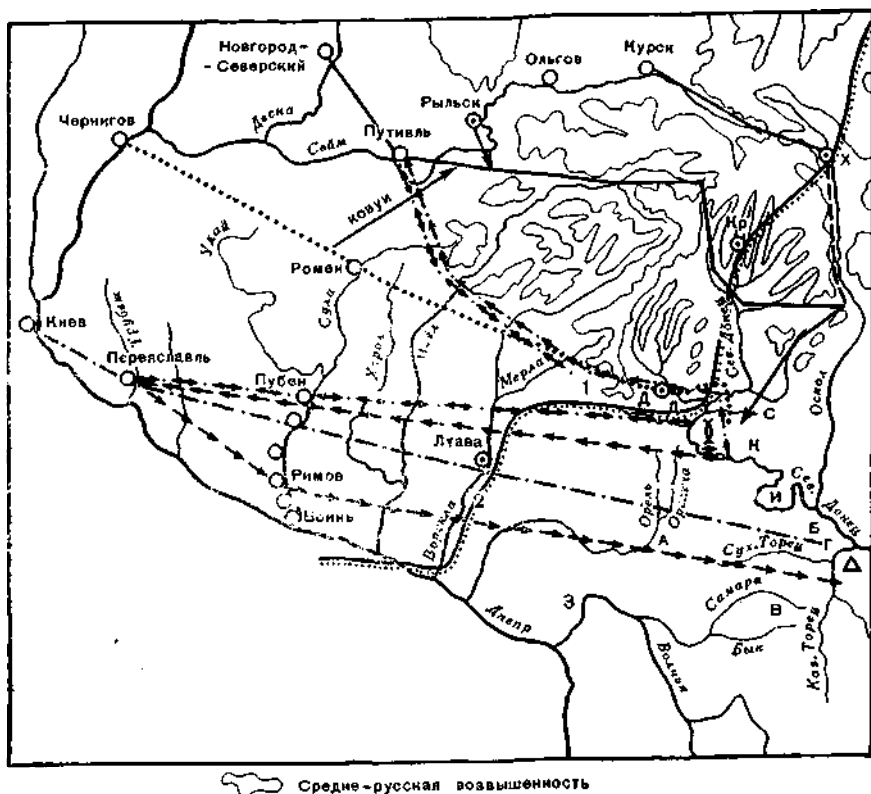

Схема 1

.....	Примерная южная граница Руси	3 —	Битва Мстислава в 1170 г.
— · — · — · —	Поход Мономаха в 1111 г.	A —	Место битвы по В. Г. Федорову
—	Путь Игоря в 1185 г.	B —	то же по К. В. Кудряшова
— · — · —	Путь Всеволода	B —	То же по Б. А. Рыбакову
— · — · — · —	Поход Игоря в 1184 г.	Г —	То же по М. Ф. Гетманцу
· · · · ·	Путь Беловода Просовича	Д —	г. Донец
← ← ←	Поход Кончака в мае 1185 г.	С —	Река Сюрлий (Гвилица)
← · — · —	Поход Кзы в мае 1185 г.	К —	Река Каяла (Крайняя Балаклея)
— · — · —	Поход, планируемый Святославом	И —	Изюмская излучина
⌘	Место битвы Игоря в 1185 г.		Славянские поселения:
1	Место битвы Игоря в 1184 г.	Кр. у с	Крапивинского
2	Бой Романа Нездилевича 21.4.1185 г.	X —	у с. Холок
		Δ	Ставка Кончака на р. Тор

ловцы оборотилися противу Руским княземъ и мы без них кушаемъ на вежах их ударити»²¹. Следовательно, избранный Игорем район нападения на кочевья должен был гарантировать не только легкость предприятия, но и обеспечить максимальную безопасность медленного отхода войск под защиту стен своих городов с захваченными ценностями, скотом и пленными, что вовсе не учитывается теми исследователями, которые находят место битвы за сто и более километров от границ Русской

²¹ Ипатьевская летопись, стб. 633.

земли. Не принимается в расчет и то обстоятельство, что только города могли быть надежным укрытием от половцев для войск, идущих с громоздким обозом.

На наш взгляд, правильно заметил В. Г. Федоров, что «...поход Игоря в 1185 г. преимущественно был набегом»²². Набеги же, как правило, совершались только в приграничные районы. Именно о таком походе-набеге в приграничный район говорится в обращении Игоря к воинам перед выступлением, приведенном в «Слове»: «Хощу бо, рече, копие приломити конец поля половецкаго с вами, русици!» Точное значение этого обращения дает Д. С. Лихачев: «Хочу вступить в единоборство в начале Половецкого поля»²³. Именно в начале, а не вдали от границ не только Северной, но и вообще Русской земли, где пытаются обнаружить место битвы многие исследователи. Это вполне отвечало той цели, которую ставил перед своим походом Игорь, направленным против легкодоступных кочевий половцев, расположенных на левом берегу С. Донца в приграничном с русскими землями районе.

Рассмотрим теперь имеющиеся в летописях и «Слове» свидетельства, которые помогут нам определить маршрут движения войск Игоря и место битвы с половцами в 1185 г.

Как уже упоминалось выше, в обращении Игоря к воинам перед выступлением говорилось о походе в район кочевий в начале Половецкой земли. Ни в «Слове», ни в летописях не содержится упоминания о том, что войска Игоря и Всеволода, следуя от Оскола, где-либо переправлялись через «Дон» (С. Донец), а без этого они, разумеется, не могли попасть в район битвы, определяемый исследователями на его правом берегу. В «Слове» «Дон» является конечным рубежом похода: «А всядем, братие, на свои борзые комоны, да позрим синего Дону!», «Игорь к Дону вой ведет» и т. д. Ошибки в определении конечного рубежа похода автор «Слова» допустить не мог, так как был не только современником, а, вероятнее всего, и участником битвы, да и писал он для современников и участников похода. Поэтому «Слово» следует рассматривать не только как литературное произведение, но и как источник, дающий много важных сведений о походе: рубеж и район похода, время начала боя, характеристика р. Каялы и другие данные, подтверждающие и дополняющие летописи.

Относясь сочувственно к Игорю, автор «Слова» не стал бы умышленно замалчивать столь важный факт, как переход полками Игоря «Дона» и вторжение их в центр владений Кончака. По той же причине не стали бы умалчивать об этом летописцы. Приведенное, например, в Лаврентьевской летописи заявление северских князей, сделанное ими после успешного захвата кочевий, не только подтверждает «Слово» в том, что Игорь «Дона» не переходил, но и определяет район битвы: «братья наша ходили с Святославом великим князем и бились с ними зряче на Переяславль, а они сами к ним пришли а в землю их не смели по них ити а мы в земли их есмы и самех избили а жены их полонены и дети у нас а ноне поидем на них за Дон и до конца изьем их»²⁴.

Действительно, если, двигаясь от Оскола, перейдя «Салницу», Сюрлий и захватив кочевья половцев «в земли их», т. е. в Половецкой земле, князья еще только обсуждали возможность продолжения похода за «Дон» и были затем здесь окружены половцами, то битва, конечно, происходила на левом берегу С. Донца, на территории, заключенной между ним и Осколом (см. схемы 1 и 2). Приведенное свидетельство Лаврентье-

²² Федоров В. Г. Указ. соч., с. 25.

²³ Лихачев Д. С. Указ. соч., с. 176.

²⁴ ПСРЛ, т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1962, стб. 397.

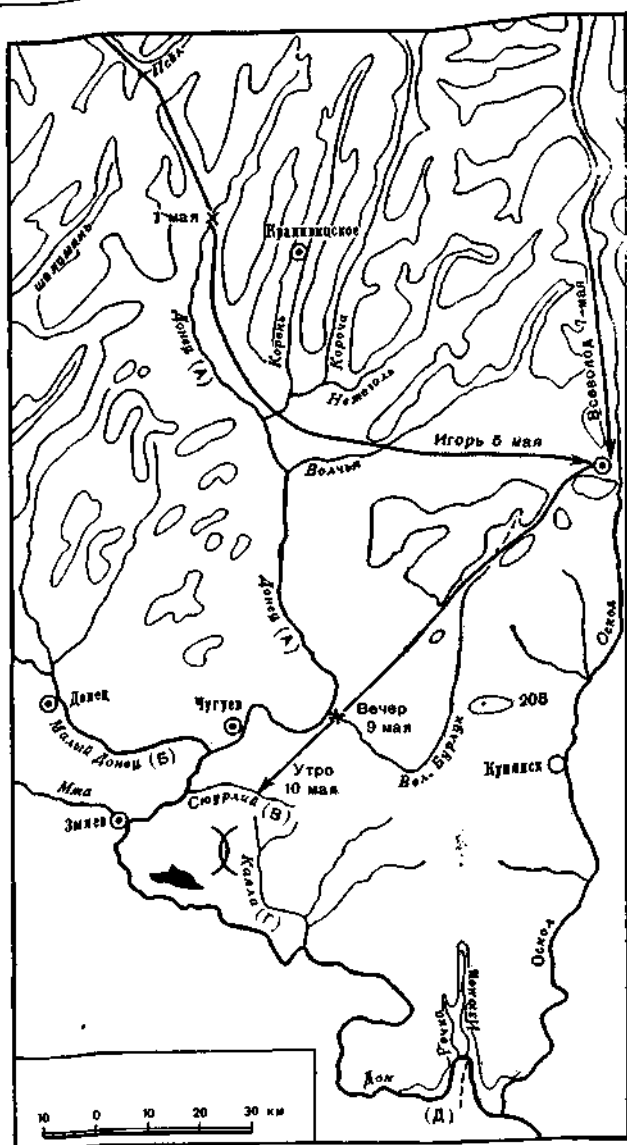

Схема 2

Путь Игоря от Псла до Сюрлий

- А — Река Северский Донец
- Б — Река Уда
- В — Река Гнилица
- Г — Река Крайняя Балаклея
- Д — Река Сальница по «Книге Большому Чертежу»

евской летописи, а также показания летописей и «Слова» о захвате Игорем большого полона опровергают версию С. А. Плетневой о том, что половцы заманили Игоря «в пустой район» ложными вежами²⁵.

Имеющиеся в Лаврентьевской летописи отдельные неточности в описании похода Игоря (о Переяславле /следовало: Путивле/ как городе, где собирались якобы войска Игоря перед походом; о трехсуточной стоянке Игоря на захваченных вежах и о трех днях, когда половцы не

²⁵ Плетнева С. А. Половецкая земля, с. 291.

допускали воинов Игоря к воде) объясняются тем, что летописец находился далеко от района событий (во Владимире) и был недостаточно осведомлен о походе. Но если даже не считать их ошибочными, то в принципе они не влияют на достоверность сообщения о месте битвы.

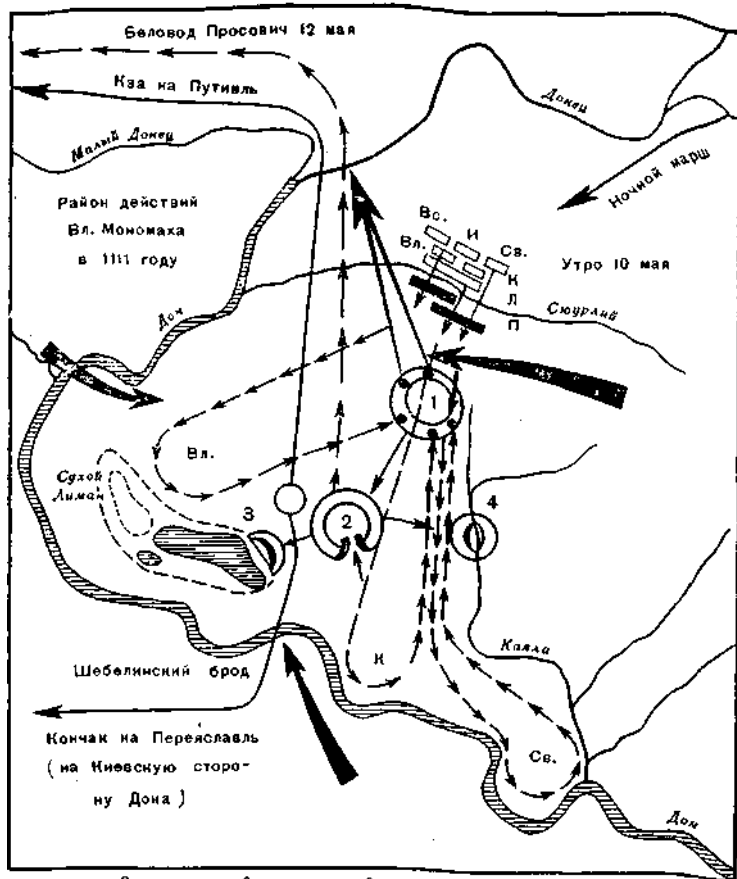
Важным подтверждением того, что битва происходила на левом берегу С. Донца является указание Ипатьевской летописи о том, что войска Игоря из окружения на Каяле пробивались в пешем строю к летописной реке Донец, т. е. к той же реке Донец, на левый берег которой они перешли 1 мая на пути к Осколу, но, безусловно, к участку в нижнем течении ее. Последнее указывает не только на то, что битва произошла на левом берегу летописного Донца, но и на то, что она началась недалеко от него, так как в пешем строю можно было рассчитывать пробиться сквозь конные полки половцев только в том случае, если до места начала битвы на Каяле было не более 15—20 км. То, что битва происходила на левом берегу, подтверждают и маршруты движения Кончака и Кзы после сражения. В летописи приведено обсуждение Кончаком и Кзой сразу же после победы плана дальнейших их действий: «молвляшеть бо Кончак поидем на Киевскую сторону где суть избита братья наша... а Кза молвляшеть поидем на Семь где ся остали жены и дети готов нам полон собран»²⁶. В то время ни у русских, ни у половцев не существовало понятия «правый — левый» берег, а берега рек назывались по каким-либо характерным отличительным признакам. Так, русские территорию от правого берега Днепра называли русской стороной: «по сей стороне Днепра по Руской». Осевшие на С. Донце половцы правую сторону реки до Киева обозначали как «Киевская сторона». Выражение «Киевская сторона» в летописи — это калька половецкого названия правобережья С. Донца. Поэтому только с места битвы на левом берегу реки Кончак мог предлагать Кзе идти с ним на киевскую сторону, т. е. на правый берег. Не придя к единому решению, Кончак и Кза «разделишася на двое Кончак поиде к Переяславлю и оступи город... а друзии Половце идоша по оной стороне к Путивлю Кза у силах тяжьких»²⁷. Все это ясно показывает, что Кза, в отличие от Кончака, ушедшего на киевскую сторону к Переяславлю, пошел по «оной стороне», т. е. по другой, левой стороне С. Донца. Он направился к Путивлю обычным путем, по которому не раз совершались набеги на Посемье, переправившись через реку в наиболее удобном для этого месте выше Уды (см. схемы 1, 3). Если бы место битвы было действительно на правой, киевской, стороне С. Донца и оба отряда находились там же, то в летописи не различались бы четко две стороны реки — «киевская» и «оная». Для доказательства расположения места битвы на правой стороне С. Донца совершенно неправомерно понимать словосочетание «киевская сторона» как указание «по направлению к Киеву» — эти понятия имеют разный смысл.

Для более точного определения района битвы необходимо по данным источников установить местоположение и современные названия тех рек, которые являются указующими ориентирами маршрута движения войска Игоря и места самой битвы.

Путь Игоря от Новгород-Северского к Осколу через Путивль подтверждается «Словом», где сказано, что полки Игоря были предварительно собраны в Путивле: «...стоять стязи в Путивле». Дальнейшее направление движения выявляется по следующим ориентирам: Дон, Донец, Оскол, Салница, Сюрлий, Каяла. Из них нам известен только Оскол, сохранивший свое летописное название.

²⁶ Ипатьевская летопись, стб. 646.

²⁷ Там же, стб. 646—648.

Ориентировочная граница оз. Лиман в XII в.

Схема 3

- Бой с половцами за р. Сюрский
Полки: И — Игоря, Вл. — Владимира, Св. — Святослава, Вс. — Всеволода, К — ковуц, л — лучники
- Полки половцев
- Маршруты движения полков по захвату кочевий 10 мая
- Подход половцев в ночь на 11 мая
- Направление прорыва русских к Донцу

- 1 — Положение войск утром 11 мая
- 2 — Положение войск утром 12 мая, прорыв половцами круговой обороны русских
- 3 — Бой отряда Всеволода у озера до 12 час. 12 мая
- 4 — Возможное кратковременное сопротивление другой группы

Любые попытки найти место битвы, не определив прежде местонахождения летописных рек Дона и Донца, обречены на неудачу, так как если «Дон» дает возможность судить об общем направлении движения Игоря, то «Донец» практически позволяет установить уже район битвы, остальные ориентиры только уточняют маршрут и место начала битвы.

Как справедливо заметил еще В. Н. Татишев, Доном в XII в. называли современный Донец Северский. С этим ныне согласно большинство исследователей. В частности, Б. А. Рыбаков пишет: «Среднюю часть этого пространства занимали степи в бассейне Северского Донца, который тогда называли Доном»²⁸.

Однако при этом у многих исследователей один и тот же участок С. Донца в зависимости от характера действий войск Игоря выполняет роль то летописного Дона, то летописного Донца. Когда Игорь идет к С. Донцу, они обоснованно считают среднюю часть его летописным Доном, давая же описание боя в связи с решением пробиваться к «Донцу», они этот же участок С. Донца, т. е. летописный Дон, объявляют летописным Донцом. Так, например, М. Ф. Гетманец, правильно отмечая вначале, что «Дон где-то здесь, рядом, он является одним из важных ориентиров движения», далее вдруг пишет: «Летописец сообщает, что князь Игорь, оценив обстановку, решил пробиваться к Донцу... до которого было всего 5—6 км»²⁹. Однако 5—6 км было от определенного им места битвы между реками Голая Долина и Макатиха до летописного Дона, а не до летописного Донца. Аналогичная картина и у Б. А. Рыбакова, когда он пишет: «Как мог Игорь надеяться в пешем строю, пробиваясь сквозь конные полки половцев, преодолеть 60—70 км до Донца?»³⁰ Но 60—70 км было от предполагаемого им места битвы между реками Самара и Бык до летописного Дона, а не до летописного Донца. Такая путаница с наименованием одного и того же участка С. Донца дополнительно подтверждает, что в таком случае место битвы установлено неверно.

Летописный Дон и летописный Донец в понятии современников битвы были самостоятельными реками. Совершенно неверно при отыскании места битвы считать, как это делает В. М. Глухов, что современный нам Дон это и есть летописный Дон. Дон наших дней в XII в. находился настолько далеко от границы Южной Руси (от Ворсклы по прямой 400 км), что в ее истории тогда существенной роли не играл, что подтверждают летописи. Место битвы при этом относится от Новгорода Северского почти на 1000 км. Скакать туда Игорь должен был бы через всю Половецкую землю 15 суток с невероятной средней скоростью — свыше 60 км в сутки, а для возвращения с полоном ему потребовалось бы более 40 суток.

Кроме «Дона» и Каялы в «Слове» говорится и о реке Малый Донец. Малый Донец упомянут в «Слове» с целью точно указать направление побега Игоря из ставки Кончака на р. Тор: «Игорь мыслню поля мерит от великаго Дону до малого Донца». Указав вначале, о каком Донце идет речь, автор «Слова» в дальнейшем определении «малый» опускает, как это делается и сейчас в подобных случаях. Это уточнение ему потребовалось не с целью преуменьшения «Донца» по сравнению с «Доном», а потому что в этом районе имелась (летопись это подтверждает) другая река, называвшаяся в XII в. тоже Донцом. То, что «Малый Донец», упоминаемый в «Слове», это р. Уды, сомнений не вызывает, так как существовавший в XII в. г. Донец, согласно археологическим данным, находился на правом берегу Уды. По летописи, Игорь из плена сначала пришел в г. Донец: «и иде пешь 11 ден до города Донця»³¹, что полностью согласуется с описанием в «Слове» побега Игоря к р. «Малый Донец». То, что р. Уды — «Малый Донец», подтверждает и Б. А. Рыбаков: «До-

²⁸ Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 100.

²⁹ Гетманец М. Ф. Указ. соч., с. 308, 318.

³⁰ Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 254.

³¹ Ипатьевская летопись, стб. 651.

нец был довольно крупным городом... на самом берегу Уды — „Малого Донца”»³².

Река «Донец» трижды упоминается в Ипатьевской летописи. В первом случае — в связи с солнечным затмением при подходе Игоря к ней, во втором — в связи с переходом через нее («перевреде Донець») на пути к Осколу и в третьем — в связи с решением пробиваться к ней из окружения в пешем строю: «вси соседоша с конии хотяхуть бо бьющесе доити реки Донця»³³. Как уже говорилось, идя от Путивля к Осколу, Игорь перешел на левый берег летописного Донца, где-то в верховье, а после окружения на Каяле он пытался пробиться к тому же Донцу, но, безусловно, уже к участку в нижнем течении, очевидно, недалеко от впадения его в летописный Дон.

Анализ карт района и возможного маршрута движения Игоря от Путивля к Осколу позволяет сделать заключение, что летописным Донцом называлось верховье С. Донца, т. е. участок от его истоков до впадения Уды. Никакой другой реки, соответствующей летописному Донцу, в бассейне С. Донца нет. То, что верховье С. Донца в XII в. называлось Донцом, объясняет, почему в дальнейшем река на всем протяжении получила название Северский Донец. Дело в том, что в результате монголо-татарского нашествия бассейн летописного Дона надолго обезлюдел, и название реки — Дон — было забыто; только много позже вся река получила наименование Донец с добавлением «Северский» по названию верховья, так как верховье реки находилось на территории правого фланга «крымской украины» — Северской земли. Если бы весь С. Донец в XII в. назывался Доном, то река сохранила бы это название, как это было с р. Оскол и рядом других рек, истоки которых были на территории, где русское население уцелело хотя бы частично. Следовательно, Дон русских летописей образовался слиянием двух рек — Малого Донца (р. Уды) и Донца (верховье С. Донца до р. Уды).

Известно, что «в XII и XIII вв., в отличие от X и XI вв., русское войско было по преимуществу конным. Этого требовала прежде всего напряженная борьба с конным же войском кочевников»³⁴. Поэтому как у русских, так и у половцев «в непосредственной близости от русских рубежей действовали конные дозоры, которые вели наблюдение за степью и особенно за дорогами...»³⁵ Из-за встречи с одним из таких отрядов половцев за р. Мерла и потерпел неудачу в 1184 г. набег северских князей на кочевья, видимо, в тот же район, что и в 1185 г., когда они шли к кочевьям обычным путем — вдоль южной границы Средне-Русской возвышенности (см. схему 1). Внезапность нападения на кочевья была утрачена, и поход пришлось прекратить. Учтя ошибку похода 1184 г., заключавшуюся в недооценке сторожевой службы половцев, Игорь, убедившись, что дороги, идущие к половцам с запада, контролируются их сторожевыми отрядами, в 1185 г. принял решение напасть на кочевья, расположенные за С. Донцом, не с запада, а с северо-востока, от Оскола, т. е. практически с тыла, откуда половцы нападения не ожидали и далеко выдвинутых дозоров не имели. Для исключения вероятности обнаружения половцами войск на марше, а следовательно, повторения ситуации 1184 г., было принято решение идти к Осколу не только значительно севернее маршрута похода 1184 г. неизвестным половцам путем, но и двумя отрядами — Игоря и Всеволода. Холмистый рельеф местности, изрезанной заросшими кустарником глубокими оврагами, позволял войскам Игоря двигаться только по широкой долине р. Псел. Следует от-

³² Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 274.

³³ Ипатьевская летопись, стб. 641.

³⁴ Лихачев Д. С. Указ. соч., с. 178.

³⁵ Гетманец М. Ф. Указ. соч., с. 310.

метить, что после неожиданного для половцев захвата их кочевий за С. Донцом в 1185 г. с тыла, от Оскола, они организовали и там сторожевую службу. Поэтому зимний поход к Осколу в 1191 г. успеха не имел. Игорю пришлось уходить от половцев ночью, чтобы избежать повторения 1185 г.

Выйдя из Новгород-Северского в поход 23 апреля, Игорь зашел в Путивль, где находились заранее собранные войска, и, двигаясь с ними на восток к долине р. Псел, присоединил по пути полк ковуев и полк племянника Святослава из Рыльска. Учитывая бездорожье и характер похода (набег), конные войска Игоря и Всеволода шли без колесного транспорта, а минимально необходимое количество груза перевозилось на вьючных лошадях. В случае успеха операции, безусловно, надеялись использовать «телеги» половцев. Пройдя по долине р. Псел и перейдя в долину «Донца», Игорь переправился через него вечером 1 мая. Взглянув на физическую карту, вполне можно понять восклицание воинов в «Слове»: «О Руская земле, уже за шеломянем еси!» — когда они спустились в долину летописного Донца и оказались отрезанными от Русской земли высокой и длинной грядой холмов Средне-Русской возвышенности, опускающейся далеко на юг, к р. Мжа (см. схемы 1, 2). Вот эта гряда холмов вполне справедливо и названа в «Слове» *шеломянем*. Понятие слова *шеломянь* как гряда холмов подтверждает Б. А. Рыбаков: «Слово „шоломя“, „шоломень“ служило не столько для обозначения отдельного холма (слово „холм“ широко представлено в памятниках), сколько для выражения понятия гряды холмов, длинной возвышенности»³⁶. Спустившись далее по долине «Донца», к р. Нежеголь и перейдя ее, Игорь повернул на восток и, прикрываясь холмами, подошел к Осколу ниже г. Волоконовка. Избрав этот маршрут, Игорь не только надежно гарантировал себя от встречи с половцами на марше и стоянке на Осколе, но и обеспечил хорошие условия в пути для коней (подножный корм, водой). После прибытия отряда Всеволода войска от Оскола «поидоша к Салнице». Для определения расстояния от места стоянки войск на Осколе до переправы на «Салнице» нужно установить дату их выхода с Оскола. Игорь от Новгород-Северского до переправы через «Донец» вечером 1 мая за 9 суток прошел около 340 км. Однако весь путь следует разделить на два участка. Первый участок — от Новгорода до Путивля — 90 км и второй — от Путивля до «Донца» — около 250 км. Первый участок Игорь, двигаясь налегке (так как войска уже были в Путивле), мог пройти за 1—2 дня и выйти из Путивля 24—25 апреля. Тогда средняя скорость его движения от Путивля до Донца составляла 31—36 км в сутки*, что соответствует замечанию летописи о движении войск медленнее обычного: «и тако идяхуть тихо сбираюче дружину свою бяхуть бо у них кони тучни велми»³⁷. Оставшийся путь от «Донца» до Оскола около 120 км Игорь, двигаясь примерно с той же скоростью, прошел за 3,5—4 суток и подошел к Осколу 5 мая. На Осколе он ждал «два дни брата своего Всеволода тот быше шел инем путем ис Курьска»³⁸. Следовательно, от Оскола к «Салнице» войска могли выступить не ранее утра 8 мая и подойти к ней вечером 9 мая, так как в ночь на 10 мая они уже переправились через «Салницу», чтобы сразу же идти на Сюрлий. Исходя из этого, расстояние от места стоянки войск на Осколе до места их переправы на «Салнице» равно двухсуточному

³⁶ Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 216, примеч. 5.

* По уставу Советской Армии нормальная скорость движения кавчастей — 50 км в сутки.

³⁷ Ипатьевская летопись, стб. 638.

³⁸ Там же.

маршу, т. е. 70—80 км.

Теперь нам нужно найти «Салницу». Многие исследователи считают, что «Салница» — это правый приток С. Донца в Изюмской излучине, т. е. та Сальница, местоположение которой определил еще В. Н. Татищев по Книге Большому Чертежу в связи с походом Мономаха в 1111 г. Однако там, утверждает М. Ф. Гетманец, никакой реки не было и нет. «К сожалению, — пишет он, — некоторые ученые, изучавшие географию событий только по литературным источникам, на своих картах и схемах показывают Сальницу не как левый, а как правый приток Донца, то есть в том месте, где в действительности находится Изюмский курган. Они, очевидно, основываются на данных Книги Большому Чертежу, хотя в ней допущена ошибка, на которую в свое время указал Н. В. Сибилев»³⁹. М. Ф. Гетманец придерживается мнения Н. В. Сибилева, что Сальница — левый приток С. Донца. По Н. В. Сибилеву, это — современная р. Речка, впадающая в С. Донец напротив Паромной улицы г. Изюма⁴⁰. Н. В. Сибилев и М. Ф. Гетманец, стремясь поместить Сальницу в Изюмской излучине, находят ее на левом берегу «Дона», полностью игнорируя звучательство Ипатьевской летописи о том, что в Шаруканском походе войска на левый берег «Дона» не переправлялись. Чтобы попасть к Сальнице, найденной Н. В. Сибилевым, даже при условии, что города Шарукань и Сугров стояли на правом берегу С. Донца, ниже впадения в него Оскола, Вл. Мономах должен был бы, идя от Сугрова в конце марта в Переяславль, без всякой на то необходимости с огромным войском и полоним дважды форсировать С. Донец в ледоход (С. Донец вскрывается во второй половине марта, уровень воды повышается в нем почти на 4 метра, и река разливается от 2 до 5 км) — сначала в Изюмской излучине, а затем где-то выше нее. Этого он практически выполнить бы не мог. Кроме того, долина, где протекают речки Изюмец и Речка, в это время залита водой, непроходима, и невозможно определить, где находится та или иная река. К сожалению, ошибочное мнение Н. В. Сибилева о том, что р. Речка это «Салница», попало в «Историю городов и сел Украинской ССР»⁴¹. Следует отметить, что территория, заключенная в Изюмской излучине, крайне мала (12 кв. км) для ведения там крупных боевых операций большими массами войск. Общая численность войск Мономаха и половцев, принимавших участие в битве на «Салнице», как известно, составляла более 60 тыс. человек.

Установить местоположение реки «Салницы» в Шаруканском походе можно только зная местоположение Шаруканя и Сугрова. По мнению С. А. Плетневой, эти города «стояли где-то на участке реки от Чугуева до Змнева»⁴². Судя по летописям, Сугров находился за Шаруканем не далее половины суточного перехода одетых в доспехи воинов, совершавших марш в тяжелых условиях весенней распутицы, т. е. в 8—10 км. По летописи, Мономах, выйдя 22 марта от Шаруканя к Сугрову, в тот же день его сжег и 23 марта пошел в Переяславль, но 24 был атакован половцами «на потоци Дегея». 25 войска отдыхали, а 26 продолжали движение, но 27 марта на «реце Салнице» на них снова напали половцы. Маршрут Шаруканского похода, проложенный по карте, показывает, что бой 27 марта произошел на одном из левых притоков р. Мжа, так как войска от Сугрова к Переяславлю могли пройти не более 30—40 км. Найденные В. Н. Татищевым и Н. В. Сибилевым Сальницы в районе Изюмской излучины находятся более чем в 100 км от вероятного марш-

³⁹ Гетманец М. Ф. Указ. соч., с. 311.

⁴⁰ Сибилев М. В. Археологічні пам'ятки на Дінці в зв'язку з походами Володимиром Мономахом та Ігоря Сіверського. — «Археологія», т. 4. Київ, 1950, с. 104.

⁴¹ История городов и сел Украинской ССР. Харьковская обл. Киев, 1976, с. 392.

⁴² Плетнева С. А. Половецкая земля, с. 271.

рута Шаруканского похода. Нельзя отождествлять «Салницу» в Шаруканском походе с «Салницей» в походе Игоря. Это были (если даже признать, что «Салница» в походе Игоря — река) совершенно различные реки, имеющие одинаковые названия (как, например, две реки в этом районе носят название «Волчья»), но они не находились в Изюмской излучине.

В XII в. многие реки назывались совсем не так, как сейчас или даже в XVI в., и, естественно, такие незначительные из них, как «Салницы», не могли сохранить свои названия более чем за три века чужеземного господства, которое надолго сделало этот район безлюдным. Даже такая большая река, как «Дон», получила другое название — С. Донец. Поэтому искать «Салницы» в списках Книги Большому Чертежу и на более поздних картах — бесплодное занятие, тем более, что «Салница» в походе Игоря, возможно, даже и не река. Такое предположение основывается на том, что древнеславянское слово *сал*, сохранившееся в болгарском языке, означает «плот-паром», а на Дону у казаков словом *салы* называли связанные в ряд камышовые пучки, на которые казак, переправляясь через реку, клал седло и вьюки, т. е. слово *сал* связано с переправой через реку. Очевидно, под словом *Салница* в XII в. понимали не только реку (как в Шаруканском походе), но и места переправ через реки, поэтому летописец и не назвал «Салницу» в походе Игоря рекой, что он аккуратно делал в отношении других рек. Не исключено, что словом *Сальница* в Книге Большому Чертежу была обозначена известная уже тогда Изюмская переправа, а при составлении отдельных ее экземпляров она ошибочно была принята за реку. Не случайно р. Сальница указана только в нескольких экземплярах Книги Большому Чертежу одного издания, при составлении которых были использованы три списка Книги. Ныне выявлено 37 списков Книги Большому Чертежу, и ни в одном из них не указана р. Сальница в Изюмской излучине. Определить местоположение «переправы-Салницы» в походе Игоря возможно только исходя из расчета расстояний, отделяющих ее от стоянки войск на Осколе и от места битвы на р. Сюурлий.

К реке Сюурлий войска Игоря подошли 10 мая после ночного марша от «Салницы», и на ней произошла их первая битва с половцами. Никаких прямых данных, характеризующих эту реку, в источниках нет. Однако можно считать, что это неширокая и неглубокая река с пологими берегами, так как по летописи она убойно простреливалась из луков и легко преодолевалась всадниками, и берег, на котором находился Игорь, был выше половецкого, так как с него были видны отряды половцев, стоявшие далеко за вежами. Название реки Сюурлий связано с тюркским словом *sūjūr* — мошкара⁴³. Следовательно, это река с очень медленным течением и заводьями. Для того, чтобы установить расстояние от «Салницы» до места боя на Сюурлии, необходимо определить время начала боя. По «Слову» и Ипатьевской летописи, бой на Сюурлии начался утром. В «Слове» сказано. «С зарания в пяток потопташа поганыя полкы половецкыя...» Летопись не только подтверждает время начала боя в «Слове» — утром в пятницу, но и уточняет его «заутра же пятьку наставшу во обеднее вереме усретоша полкы Половецкые»⁴⁴. В этой фразе летописец говорит об обеде — церковной службе. В настоящее время обедня служится в 8 часов по международному поясному времени, а тогда, возможно, и ранее. Тем самым можно считать, что бой начался около 8 часов утра, а войска вышли к Сюурлию раньше. Однако многие

⁴³ Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 233.

⁴⁴ Ипатьевская летопись, стб. 639.

исследователи, понимая слова летописи *обеднее веремя* как обеденное время, превращают фразу летописи в бессмысленную («утром в обеденное время... встретили полки половецкие»), фактически не соответствующую сообщениям «Слова» и летописи о начале боя и тем продляют время марша от «Салницы» к Сюрлию минимум на 4 часа дневного времени, а сам марш — на 45—50 км. То, что бой начался утром, находит свое подтверждение в решении Игоря о ночном марше. Цель его состояла во внезапности для половцев выхода войск на рубеж атаки (к р. Сюрлий) и обеспечении как можно большего светлого времени суток для операции по захвату кочевий за Сюрлием, а не в дальности совершаемого марша. Если бы марш Игоря к Сюрлию продолжался до обеда, то никакой внезапности его появления на берегу Сюрлия рядом с вежами для половцев не было бы, так как русские были бы обнаружены ими еще утром на марше, далеко от Сюрлия хотя бы по демаскирующему столбу пыли. И у половцев было бы вполне достаточно времени (минимум 4 часа), чтобы угнать «телеги» вместе с женщинами, детьми и ценностями в безопасные районы, и Игорь подошел бы к опустевшим кочевьям.

Исходя из вышесказанного, учитывая небольшую скорость движения войск ночью по бездорожью в незнакомой местности при строгом соблюдении условий скрытности марша, а также и время на переправу, следует считать, что расстояние, которое могли пройти за ночь полки Игоря от «Салницы» до места боя на Сюрлий, было не более 20—25 км.

Несколько раз в «Слове» и один раз в летописи упоминается р. Каяла. В «Слове» о ней говорится, как о реке половецкой, с быстрым течением, текущей не только в бассейне «Дона», но и рядом с ним — «у Дону великаго». Неверно отрицать существование р. Каялы, признавая справедливой формулу Барсова — «Каяла — река, Жаль — река», так как и в «Слове», и в летописи о ней говорится как о реальной реке, на берегу которой и произошла битва. Например, в летописи сказано: «наведе... желю на реце Каялы»⁴⁵, в «Слове»: «на реце на Каяле, у Дону великаго», «на брезе быстрой Каялы» «погрузи жир во дне Каялы, реки половецкия» и т. д. Находясь в Половецкой земле, она, как и Сюрлий, русского названия не имела, и у русских, во всяком случае, жителей Северной земли, после тяжелого поражения на ней северских войск, слово *каяла* стало символом большого горя, тяжелого поражения, как, например, для шведов таким словом, после поражения их войск под г. Полтавой в 1709 г., стало слово *полтава*. Новый символ большого горя — *каяла* — незамедлительно употребил автор «Слова», вспоминая о битве на Нежатиной ниве, где был убит киевский князь Изяслав: «С тоя же Каялы Святополкъ полелея отца своего между угорьскими иноходьцы».

Расстояние от места битвы на Сюрлии до места ночевки на Каяле, куда неспеша («по малу идяста») прошли полки Игоря и Всеволода, не принимавшие участия в преследовании половцев, не могло быть более 10—15 км. Ошибочно думать, что для Игоря «Каялы была подготовленной врагами западней»⁴⁶, так как Каялу для ночевки выбрали сами русские, безусловно, для удобства водопоя коней, там, где берег был пологий. Река находилась в Половецкой земле, и половцы не могли и думать, что им на ней когда-либо придется вести бой с русскими. Важное значение для установления места битвы имеет упоминание в летописи об озере, вблизи которого закончился бой, когда половцы прорвали круговую оборону русских и прижали часть их со Всеволодом к воде: «Все-

⁴⁵ Ипатьевская летопись, стб. 643.

⁴⁶ Гетманец М. Ф. Указ. соч., с. 323

волод же... бяху бо ся идуще в круг при езере»⁴⁷. Озеро было очень большим, даже громадным, так как далее летописец назвал его морем: «но наших Русь с 15 мужь утекши а Ковуемь мнее а прочии в море истопоша»⁴⁸. Последнее не должно создать у нас мнения, что битва происходила недалеко от Азовского моря и ковуи утонули в нем. Для того, чтобы ковуи могли попасть к Азовскому морю, нужно было сначала пробиться из окружения половцев, а это смогли сделать, по летописи, всего 15 русских и еще меньше ковуев, которые поскакали не к Азовскому морю, а в Чернигов вместе с Беловодом Просовичем, который «был, очевидно, одним из черниговских ковуев»⁴⁹. Все же уцелевшие после прорыва половцами круговой обороны ковуи, прижатые вместе с отрядом Всеволода к воде, сражались, отступая в озеро, а затем, чтобы избежать неминуемой смерти, пытались спастись вплавь, но утонули. Некоторые исследователи выражают сомнение в том, что летописец мог употребить слово море вместо озера. В этом вопросе они исходят из современного определения понятия моря (хотя и сейчас часто говорят о больших озерах, как о морях). В летописное время, как считают многие ученые, озеро могло быть свободно названо морем (особенно в поэтическом произведении). Зависело это и от размеров озера, и от событий, которые произошли на нем. Так, М. Андриевский пишет, что «в старинном языке слово море имело более обширное значение, чем теперь: оно прилагалось и к морю и к озеру»⁵⁰. В словаре украинских слов XVII в. П. Житецкого слово *море* означает «состав водный, озеро»⁵¹. Основным критерием различия указанных понятий в то время, очевидно, был следующий: *морем* называли водный бассейн, значительная часть берегов которого скрывалась за горизонтом. Для стоящего человека линия горизонта проходит на расстоянии 4,5—5 км. Таким образом, чтобы озеро было названо морем, оно должно было иметь достаточно большие размеры: более 10 км в длину и 5 км в ширину. М. Н. Тихомиров, допуская, что «летописец мог употребить выражение „море“ по отношению к озеру»⁵², прав, считая, что озеро при этом должно быть громадным, хотя следует отметить, что это понятие весьма относительное и субъективное.

Согласно вышеизложенному анализу военно-политической обстановки на южных границах Руси, целям похода и данным, приведенным в источниках, район битвы в 1185 г. должен удовлетворять следующим основным условиям:

1. Находиться на левом берегу летописного Дона, на территории, ограниченной с запада и юга летописным Доном, с севера, т. е. со стороны стоянки Игоря на Осколе,— р. Сяурлий и с востока — р. Каялой.
2. Являться для северских князей началом Половецкой земли и в то же время быть для них «землей незнаемой».
3. Иметь хорошие природные условия и достаточную площадь, как для размещения кочевий, так и для действий войск Игоря в соответствии с показаниями источников.
4. Место, где утром 11 мая началась битва с половцами, должно находиться на берегу Каялы в 10—15 км южнее Сяурлия, но не далее 20 км от летописного Донца.

⁴⁷ Ипатьевская летопись, стб. 642.

⁴⁸ Там же, стб. 644.

⁴⁹ Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 259.

⁵⁰ Андриевский М. Перепетовское поле.— «Киевская старина». Киев, 1882, т. III, № IX, с. 451.

⁵¹ Житецкий П. Очерки литературной истории малорусского наречия в XVII в. с приложением словаря XVII в. Киев, 1889, с. 42.

⁵² Тихомиров М. Н. Новое о «Слове о полку Игореве».— Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, с. 61.

5. В зоне боевых действий на последнем этапе битвы должно быть большое озеро с ориентировочными размерами: ширина — 5, длина — 10 км.

6. Географическое положение района битвы должно четко объяснять, почему Беловод Просович с места битвы поскакал в Чернигов, а не в Переяславль или другой город.

7. Топография района битвы должна наглядно показывать, почему полку Святослава, действовавшему 10 мая на левом фланге, пришлось, преследуя половцев за р. Сюурлий, совершить марш значительно больший, чем другим, и утомить коней так, что они в ночь на 11 мая в обратный путь двинуться не смогли: «и рече Святослав Олгович строема своима далече есмь гонил по Половцех а кони мои не могут»⁵³, что крайне отрицательно сказалось на развитии дальнейших событий.

8. На пути полков, преследовавших половцев за р. Сюурлий, должны встречаться болотистые места.

9. Расположение р. Каялы должно подтверждать указание «Слова» о том, что она на каком-то участке течет вдоль летописного Дона — «у Дону великаго».

10. Севернее р. Сюурлий должна находиться «Салница», через которую полки Игоря переправлялись в ночь на 10 мая. Место переправы должно находиться на расстоянии двухсуточного перехода от места стоянки войск на Осколе (70—80 км) и на расстоянии ночного марша от места боя на Сюурлии (20—25 км).

Район битвы Игоря с половцами в 1185 г., полностью удовлетворяющий вышеприведенным условиям, находится на левом берегу С. Донца и, несмотря на прошедшие почти 800 лет, не претерпел существенных гидрогеологических изменений. Это район, ограниченный с севера рекой Гнилицей, с запада и юга — С. Донцом и с востока — р. Крайней Балаклежкой (см. схему 2). Этот район во второй половине XII в. находился в приграничной области Северной земли и для северских князей являлся началом поля Половецкого и одновременно был для них «поле незнаемое», так как, хорошо защищенный надежными естественными препятствиями (реками), он в XII в. не подвергался вторжениям русских. Мономах дошел только до его западной границы — реки «Дон». В этом районе находились, безусловно, богатые кочевья, что и привлекало туда северских князей.

Река Гнилица, текущая с востока на запад, поперек общего уклона местности от Средне-Русской возвышенности, имеет в силу этого незначительное падение, а следовательно, тихое течение и неглубокое русло. Река мелкая и неширокая. В ряде мест ее правый берег господствует над левым, что обеспечивает хороший обзор местности на левом берегу. Река полностью отвечает всем признакам, характеризующим Сюурлий, о чем даже свидетельствует ее современное название — Гнилица, целиком соответствующее ее половецкому названию Сюурлий, т. е. «комариная река».

Река Крайняя Балаклейка также отвечает всем признакам, которыми характеризуется в «Слове» р. Каяла. Во-первых, в отличие от Гнилицы, она, протекая строго с севера на юг почти до С. Донца по общему уклону местности от Средне-Русской возвышенности, имеет для равнинной реки значительное падение — в среднем до 0,8 м на километр, а на отдельных участках и больше. Так, разница отметок уровней воды в месте впадения ее в С. Донец и на расстоянии 30 км вверх по течению (у впадения ручья) составляет 23,2 м. Такое большое падение, прибли-

⁵³ Ипатьевская летопись, стб. 640.

жающееся к падению горных рек (от 1 м и более на километр), обеспечивает скорость течения до 0,8 м/сек, значительно большую, чем у равнинных рек (0,3—0,5 м/сек). В верховье река имеет пологие берега, а в среднем течении, на участке от впадения в нее ручья (см. схему 3) до поворота на восток к р. Средняя Балаклея, русло реки переходит в канавообразное, шириной 3—3,5 м и глубиной 1,6—2 м. На этом участке половцы не только не могли переправиться через нее с кибитками, но даже перегнуть скот. Даже в настоящее время без дополнительных работ (отсыпка в мае после паводка временной грунтовой плотины) невозможно здесь устраивать водопой для скота. Поэтому войска Игоря и могли остановиться на ночевку на Каяле только в верховьях реки, где берега пологие (в районе с. Мосыпанова) и удобен водопой для коней. Это подтверждает и ранее определенное нами расстояние (10—15 км) от р. Сюурлий. Во-вторых, она была полностью Половецкой рекой, так как находилась в Половецкой земле, за «Доном», «Салницей» и Сюурлием. В-третьих, она, как никакая другая река, соответствует замечанию в «Слове», что Каяла течет «у Дону великаго», т. е. параллельно с ним, так как, не доходя до С. Донца около 6 км, поворачивает на восток и течет 11—12 км вдоль него, а затем соединяется со Средней Балаклеей. Такое хорошее знание этой особенности Каялы дополнительно подтверждает, что автор «Слова» был участником битвы.

Озеро-море. В 11—12 км западнее Крайней Балаклеи находится группа озер: о. Лиман, длиной до 7 км и шириной 2,5 км, о. Чайка, длиной 1 км и шириной 0,5 км и другие озера меньших размеров. От западного края о. Лиман на северо-запад пролегает почти на 7 км озерная впадина — Сухой Лиман (см. схему 3). Озеро Лиман постепенно усыхает, и местное рыболовецкое хозяйство вынуждено пополнять его водой из С. Донца. Еще в конце XIX в. оно имело длину 7 верст (7,4 км), ширину 5 верст (5,3 км) и глубину до 2 сажен (4,2 м)⁵⁴. По свидетельству проф. Борисяка в книге «О черноземе», изданной в Харькове в 1852 г., приводимому В. Г. Федоровым⁵⁵, на месте Сухого Лимана еще в начале XIX в. находилось озеро, равное по размеру о. Лиман. Очевидно, в XII в. вся группа этих озер составляла одно огромное озеро, как минимум длиной 14—15 км и шириной 6—7 км с площадью поверхности 65—70 кв. км. Находясь в Половецкой земле, это огромное для тех мест озеро у русских не имело названия, и в отличие от других и для указания направления о нем говорили как о море. Автор «Слова» в соответствии с этим и сказал об Игоре: «О, далече зайде сокол, птичь бья, к морю!» Становится понятной и фраза «половци идут от Дона и от моря», так как, переправившись в районе о. Лиман через «Дон» по существовавшему там броду (Шебелинский), они выходили к месту битвы от «морья» и веяли «с моря стрелами на храбрыя полкы Игоревы». Видеть же движение половцев от Азовского моря с места битвы на Каяле воины Игоря не могли. Когда же автор «Слова» говорит об Азовском море и его побережье, то он, чтобы не было путаницы с озером-морем, где сражался Игорь, употребляет слова «синее море», «лука моря», например: «а поганого Кобяка из луку моря... выторже», «готския красныя девы воспеша на брезе синему морю» и т. д. Озеро Лиман даже в границах XIX в. было самым большим в этом регионе и на жителей степи производило впечатление моря. Большие размеры озера, хотя оно и находится далеко от моря, предопределили и его современное название — Лиман, что на греческом языке означает «морской залив, бухта». Так

⁵⁴ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз и И. Е. Ефрон, кн. 24, т. XIII, с. 607.

⁵⁵ См. Федоров В. Г. Указ. соч., с. 80.

жители юга Руси, широко общаясь с греками, стали называть затопленные морем низовья рек и балок.

Площадь района битвы, свободная от леса, росшего по берегам С. Донца, составляла более 400 кв. км и представляла собой в XII в. луговую степь с большим количеством рек и озер. Как по площади, так и по гидрологическим данным район полностью удовлетворял всем условиям для размещения там летовок и даже зимников кочевников, что, как выше было сказано, подтверждается археологическим материалом. Он также соответствует описанию действий в нем войск Игоря по захвату кочевий и битве в окружении. Болотистые места находились в середине района, как раз на пути полков, преследовавших половцев, по берегам озер и С. Донца.

Топография района битвы также хорошо объясняет, почему 10 мая полку Святослава пришлось дальше всех преследовать половцев и сильно утомить коней. Святослав, как известно, действовал на левом фланге, где половцы имели возможность уйти далеко в «угол», образованный Каялой и «Доном» (см. схему 3). Если полки Владимира и Ольстина от «Салницы» совершили марш с учетом пути к месту сбора на Каяле расстоянием около 70 км, то полк Святослава, действовавший вдоль Каялы, отсекая пытавшихся уйти за нее половцев, вынужден был пройти не менее 100 км.

Географическое положение района битвы хорошо показывает, почему Беловод Просович, пробившись из окружения, прискакал в Чернигов. С места битвы в районе о. Лиман путь его шел через летописный Донец в г. Донец, а затем в стороне от отрядов половцев по известному ему пути через Ромен, где можно было заменить лошадей, и далее в Чернигов (см. схему 1). Хотя в Путивль ему и было несколько ближе, но там никого не было, кто мог бы что-либо предпринять в связи с поражением Игоря. Скакать в Переяславль он не мог, так как на пути туда он был бы перехвачен двигавшимися к «Дону», т. е. ему навстречу, отставшими от основных сил отрядами половцев. Кроме того, переяславский князь был врагом Игоря, и рассчитывать на его помощь не приходилось.

Исходя из установленного местоположения р. Сюурлий (Гнилица) и места начала битвы на Каяле (р. Крайняя Балаклея), на карте находим «Салницу». При движении войск от Оскола к Сюурлию на их пути встречается только одна река, переправа через которую могла быть расположена от места стоянки войск на Осколе на расстоянии двухсуточного марша (70—80 км) и на расстоянии ночного марша (20—25 км) от Сюурлия, — это р. Великий Бурлук. Ее, или место переправы через нее летописец и назвал «Салницей».

Планируя поход на половцев, северские князья должны были решить две основные задачи: стратегическую — исходя из сложившейся военно-политической обстановки и данных разведки, установить район нападения на кочевья, время и маршрут похода, исключавшие встречу со сторожевыми отрядами половцев на марше к кочевьям и с их основными силами в районе кочевий, а также и на обратном пути с полоном; тактическую — обеспечить внезапность нападения на кочевья, чтобы исключить возможность для половцев в самый последний момент покинуть кочевья и уйти в безопасный район.

Первая задача решалась северскими князьями на основании опыта 1184 г., когда его маршрут, принятый без учета сторожевой службы половцев, привел поход к неудаче, и из данных о расположении основных сил половцев до их боя 21 апреля в районе Ворсклы с киевским воеводой Романом Нездиловичем. Таким образом, организаторы похода исходили из предположения, что главные силы половцев находятся с

Кончаком на правом берегу С. Донца у Переяславля, так далеко от района нападения на кочевья, что не успеют не только помешать их захвату, но и возвращению с захваченным полоном в свои города. Однако после поражения в битве с Романом Нездировичем половцы временно отказались от похода на Переяславль, и собранные для этого полки начали отходить к «Дону», что резко изменило благоприятную для Игоря ситуацию. Выйдя в поход 23 апреля, Игорь не знал о происшедшем изменении обстановки после поражения половцев 21 апреля, и его движение к кочевьям в районе «Дона» практически началось одновременно с отходом полков половцев к «Дону». В этом была главная причина, приведшая поход к трагическому исходу. Двухсуточное опоздание Всеволода к месту встречи на Осколе сыграло свою отрицательную роль, так как за это время полки половцев еще ближе подошли к «Дону», а отдельные отряды даже прибыли в район кочевий на его левом берегу, т. е. к цели похода Игоря.

Войска северских князей, выйдя утром 8 мая от Оскола к «Салнице», двигались, прикрываясь от половцев сначала холмами, а затем поросшими лесом берегами р. Великий Бурлук. Переночевав с 8 на 9 мая в ее верховьях, они вечером 9 мая подошли к месту переправы через нее, недалеко от впадения в С. Донец (см. схему 2). Только лишь на переправе из донесений разведчиков («видихомся с ратными ратници ваши соз доспехом ездять») ⁵⁶ северские князья узнали, что в районе кочевий находятся отдельные боевые отряды половцев, присутствия которых они там вовсе не ожидали. Этим неожиданным обстоятельством князья были сильно обескуражены, и даже возник вопрос о прекращении похода, так как в их расчеты не входило вести большой затяжной бой с боевыми отрядами половцев. Однако сожаление о напрасно проделанном марше и несколько обнадеживающая часть донесения разведчиков о возможности захвата кочевий («да или поедете борзо») толкнули Игоря на продолжение похода. Посчитав, что основные силы половцев находятся еще далеко, а с обнаруженными разведкой отдельными отрядами он легко справится, Игорь принял решение без промедления «черес ночь» продолжать поход. Следует отметить, что скрытность движения войск Игорем была настолько хорошо организована, что даже половцы, кочевавшие между реками Великий Бурлук и Сюурлий, узнали о появлении больших сил русских только при их переправе через р. Великий Бурлук в ночь на 10 мая, так как, по «Слову», ночью в панике, без дорог побежали к «Дону», очевидно, к Савинской или Изюмской переправам: «А половици неготовами дорогами побегоша к Дону великому; крычат телегы в полунощи». Это сообщение нельзя относить к боевым силам половцев, двинувшихся на выручку кочевий, так как они шли форсированным маршем (более 100 км в сутки) без обозов. О движении же полков Кончака и Кзы в «Слове» говорится далее.

Первый этап операции по захвату кочевий начался ночным маршем от «Салницы» к Сюурлию. Пройдя ночью 20—25 км, войска утром 10 мая вышли на берег Сюурлия к стоянкам половцев, хотя уже и знавших о появлении русских на «Салнице» и снимавших по этой причине кочевья, но совершенно не ожидавших их здесь в это время, и заперли их между «Доном» и Каялой — «бо до них доспеле». Тактическая внезапность нападения на кочевья за Сюурлий, которую обеспечил Игорь ночным маршем, подтверждается описанием действий половцев в летописях: «веже свое пустили за ся а сами собравшеся от мала и до велика стоя-

⁵⁶ Ипатьевская летопись, стб. 638.

хуть на оной стороне реки Сюурлия»⁵⁷, «а сами поидоша к сим и ждаша дружины своя... а дружины не дождавше и ступишася»⁵⁸. Игорь напал на половцев, когда они грузили на «телеги» имущество, о чем говорит В. Н. Татищев, а не на марше. Это уже после боя на Сюурлии с наспех организованными силами половцев русским войскам пришлось преследовать тех, кто пытался уйти за Каялу и «Дон».

География района кочевий и действия войск Игоря свидетельствуют, что поход Игоря совершался в заранее хорошо разведанный район и операция по захвату в нем кочевий была детально продумана. Следует отдать должное Игорю как полководцу, подготовившему и осуществившему поход в этот находящийся за «Доном» половецкий район, ранее недосыгаемый для русских дружин, — район кочевий верхнедонских половцев хана Кзы. Только неблагоприятное стечение обстоятельств, которых Игорь не мог предвидеть (неожиданный отход половцев к «Дону» и опоздание Всеволода), помешало закончить поход успешно.

Второй этап операции начался утром 10 мая боем с отрядами половцев, защищавших кочевья. Русские войска были построены в три эшелона: первый — из лучников, выделенных от всех полков, второй — из полков Владимира и ковуев Ольстина и третий — из полков Всеволода, Игоря и Святослава, стоявшего на левом фланге (см. схему 3). После непродолжительной перестрелки полки Владимира, Святослава и ковуев переправились на левый берег Сюурлия и атаковали половцев. Половцы, не оказав серьезного сопротивления, побежали. Преследовали их и захватывали кочевья полки Владимира, ковуев и Святослава. Полки Игоря и Всеволода, предусмотрительно оставленные в резерве, не принимая участия в погоне, перешли Сюурлий и, пройдя 10—15 км к Каяле, на ее берегу организовали прием добычи и пленных. Половцы, обнаружившие северские войска при переправе их через р. Великий Бурлук, сразу же послали гонцов к полкам на правом берегу «Дона», о чем сказано в летописи: «Половцы же услышавше поидоша рекуще... а се ноне на нас идут послася по всей земли своєю»⁵⁹. Боевые силы половцев, получив известие о появлении русских на «Салнице», поскакали к «Дону». «Гзак бежит серым волком, Кончак ему след править к Дону Великому», — сказано об этом в «Слове». Эта фраза говорит о том, что полки Гзы шли первыми, так как находились ближе к месту битвы, чем полки Кончака. Получив второе известие о выходе Игоря к Сюурлию от гонцов, посланных утром 10 мая, основные силы половцев к рассвету 11 мая стали подходить к русским, ночевавшим на Каяле, и окружили их. С утра 11 мая начался навязанный половцами и не планировавшийся князьями третий этап операции — бой в окружении. Если бы северские князья не остались ночевать, а, бросив полон, в ночь на 11 мая пошли в обратный путь, как предлагал Игорь, убедившийся, что войск половцев больше, чем он ожидал по данным разведки, и что еще больше их на подходе («се же видихом полки Половецькии оже мнози суть ту же ци вся си суть совокупили ныне же поедемы черес ночь»⁶⁰, то большая часть войск спаслась бы, уйдя за ночь к летописному Донцу.

Тактику боев русских конных дружин с половцами определяло большое различие в вооружении. Русский воин был вооружен луком, копьем, мечом или саблей и хорошо защищен панцирем или кольчугой, шлемом и большим мидалевидным щитом. Основным же оружием половцев были луки, метательные дротики и кльчи — особой формы ножи с длиной

⁵⁷ Ипатьевская летопись, стб. 639.

⁵⁸ Лаврентьевская летопись, стб. 397.

⁵⁹ Лаврентьевская летопись, стб. 397.

⁶⁰ Ипатьевская летопись, стб. 640.

лезвия до 25 см. Клычи или клики, как, судя по «Слову», называли их тогда русские, половцы носили за голенищами сапог, как и татары, шельбиры и топчаки, о чем сказано в «Слове». Такие ножи и их название «кльч» сохранились до нашего времени у коренного населения Средней Азии. Только отдельные половцы или их небольшие отряды имели вооружение, равное вооружению русских воинов. Русские конные полки, используя свое превосходство в вооружении, навязывали половцам, даже если уступали им численно (но не настолько, что половцы могли их окружить), выгодный для себя ближний бой и, «врубаясь» в их ряды, наносили мечами и саблями большой урон, приводивший к поражению половцев. Так проходил 10 мая бой на берегу Сююрлия. Совсем по-другому развивался бой, когда половцы, имея значительное численное преимущество, окружали русских плотным кольцом и, используя свое преимущество в силе «огня», наносили большие потери с дальних дистанций из луков, не допуская русских до ближнего боя. В этом случае русским приходилось не только переходить к невыгодной круговой обороне, но и спешиваться и, защищаясь щитами, отстреливаться от половцев, ожидая помощи от других полков, или же пробиваться к ближайшему лесу, чтобы «заложившись лесом», уходить от половцев на свою территорию. По этому варианту и начался бой 11 мая на берегу Каялы. Обороняться, а тем более двигаться с боем к летописному Донцу в конном строю «круг» при полном окружении не менее чем в пять раз превосходившим по численности противником было невозможно. Всадники окруженных полков, стоявшие в первой линии круговой обороны, не могли защищать от поражения стрелами своих коней, а, как сказано в «Слове», обстрел был очень сильный: «С зараниа до вечера, с вечера до света летят стрелы каленые». Пораженные стрелами кони, падая, увлекали за собой всадников, с которыми в момент падения легко расправлялись половцы. Кроме того, раненые лошади нарушали оборонительный строй, а все это резко снижало его боеспособность и в любой момент могло привести к прорыву круговой обороны. В таких условиях могло быть принято единственно возможное решение — спешиться и под прикрытием воинов со щитами в первой линии круговой обороны, выставив вперед копыя и нанеся поражение половцам из луков, пробиваться к находящемуся сравнительно недалеко лесистому берегу летописного Донца. Такое решение и было принято северскими князьями, о чем ясно сказано в летописи: «и тако угадавше вси соседоша с конии хотяхуть бо бьющесе донти реки Донця»⁶¹. Об этом периоде боя в «Слове» сказано: «Дети бесови кликом поля прегородиша, а храбри русици преградиша черлеными щиты». Безусловно, княжеская и военная верхушка могла, собрав хорошо вооруженный на лучших конях отряд, попытаться прорвать на узком участке окружение половцев, ускакать к летописному Донцу, а затем и в г. Донец, предоставив остальным самостоятельно отбиваться от половцев. Судя по летописи, такое предложение князьями рассматривалось, но они его не приняли, видимо, не без основания надеясь пробиться к «Донцу» со всем войском: «бо оже побегнем утечемь сами а черныя люди оставим... но или умремь или живи будем на единомь месте и та рекше вси соседоша с коней и поидоша бьючесе»⁶². В летописи специально отмечено, что Игорь в момент пленения был на коне только из-за ранения: «Игорь же бяшет в то время на коне зане ранен бяше»⁶³. Так что пеший строй — это не ошибка летописца, как думают некоторые исследователи, а реальность битвы Игоря на Каяле, вызванная сложившейся обста-

⁶¹ Ипатьевская летопись, стб. 641.

⁶² Там же.

⁶³ Ипатьевская летопись, стб. 641.

новкой, а «черные люди» в понимании князей — простые воины, набранные для похода из городов и сел княжества.

На направлении движения к летописному Донцу, безусловно, билась наиболее боеспособные и не уставшие полки Игоря и Всеволода. За ними по линии круговой обороны стояли полки Владимира и Святослава. Замыкая оборону с «тыла», т. е. со стороны, противоположной направлению движения к «Донцу», находился самый слабый полк ковуев, но, очевидно, усиленный воинами со щитами от других полков. Ориентировочно диаметр круговой обороны при выставлении в первую линию около 1600—1800 воинов со щитами и около 3200 воинов с копьями и луками за ними из общего числа воинов, бывших с Игорем, (примерно 6000), и наличии резерва для восполнения потерь воинов, стоявших в обороне и ликвидации прорывов половцев, — был 500—550 м. Половцы, понимая, куда хотят прорваться русские, усиливали натиск на полки Игоря и Всеволода, чтобы оттеснить их, а следовательно, и весь «круг» обороны к о. Лиман. Судя по Лаврентьевской летописи, это им удалось, и они оттеснили за сутки непрерывного боя северских князей в пространство между о. Лиман и Каялой, от которой войска Игоря в начальный период битвы отошли сами, двинувшись к «Донцу», не допуская их в ходе битвы к воде: «а к воде не дадуче им нти»⁶⁴. Призвав русских почти к о. Лиман, половцы стали наступать на слабый полк ковуев. На рассвете 12 мая в воскресенье ковуи не выдержали натиска половцев и побежали: «светающе неделе възмятошася Ковуеве в полку побегоша»⁶⁵. Игорь, пытавшийся остановить их, был взят в плен. В круг обороны ворвались половцы. На этом закончился третий период битвы. Круговая оборона распалась на отдельные очаги безнадёжного сопротивления. Основой одного из них явился полк Всеволода. Половцы, как можно заключить из Лаврентьевской летописи, устремились на русских и оттеснили их к воде. Группа под командованием Всеволода («идуше пеши и посреди их Всеволод не мало мужество показа»⁶⁶) была прижата к о. Лиман, а другая, очевидно, к Каяле (см. схему 3). Сопротивление разрозненных групп продолжалось недолго. По «Слову», «третьяго дни к полудню падоша стязи Игоревы». Тогда, пишет В. Н. Татищев, «Половци с копыи и сабли въехав в утомленные полки русские, многих порубили, а достальных с Князи разобрали по рукам более 5000»⁶⁷. Лишь небольшой группе русских и ковуев, и в их числе Беловоду Просовичу, в момент прорыва половцами обороны при возникшей сумятице удалось спастись и принести 16—17 мая известие о поражении Игоря на Каяле в Чернигов, где в это время находился киевский князь Святослав, что дало возможность ему организовать посильную защиту Посемья от последовавшего набега хана Кзы.

Трагический исход похода северских князей в мае 1185 г. стал причиной последовавших сразу же после него разорительных походов Кончака и Кзы, которые, основательно вооружив свои полки оружием, взятым у воинов северских князей, двинулись на русскую землю. Подведем краткие итоги.

1. Место битвы новгород-северского князя Игоря Святославича с половцами в 1185 г. находится на левом берегу Северского Донца в районе, ограниченном с севера р. Гнилицей, с востока р. Крайней Балаклейкой и с запада и юга Северским Донцом.

2. Бой в окружении половцев 11 мая начался на правом берегу Крайней Балаклейки на месте современного с. Мосьпаново Чугуевского

⁶⁴ Лаврентьевская летопись, стб. 398.

⁶⁵ Ипатьевская летопись, стб. 641—642.

⁶⁶ Там же, стб. 642.

⁶⁷ Татищев В. Н. История Российская, т. III, М., 1963, с. 136.

района Харьковской области и закончился на восточном берегу береговой черты XII в. о. Лиман.

3. Дон русских летописей — это река, состоящая из участка С. Донца от впадения в него р. Уды и современного Дона от впадения в него С. Донца и до Азовского моря; летописный Донец — это верховье С. Донца от истоков до р. Уды; Малый Донец — современная р. Уды; р. Сюурлий — р. Гнилица; р. Каяла — Крайняя Балаклея; «Салница» — р. Великий Бурлук или же место переправы через нее недалеко от впадения в С. Донец; упоминаемое в летописи озеро-море — о. Лиман.

Окончательно подтвердить правильность определенного нами места битвы, вероятно, могут археологические раскопки на восточном берегу о. Лиман (в границах XII в.), так как в отложениях ила, возможно, сохранились остатки оружия и доспехов.

Член-корреспондент АН СССР В. Т. ПАШУТО

«И ВЪСКИПЕ ЗЕМЛЯ РУСКАЯ...»

Всемирная история убедительно свидетельствует, несмотря на многочисленные войны и битвы, о преобладании мира над войной, созидания и прогресса над разрушением и регрессом. Она же сохранила поучительные факты о незавидной судьбе кочевых держав-завоевателей и торжестве правого дела борьбы народов за независимость. Одним из таких примеров является освободительная борьба русского народа против Орды.

1. УПАДОК ОРДЫ

В летописи истории человечества немало мрачных страниц, к ним относятся и те, что посвящены монголо-татарскому нашествию на страны Азии и Европы, когда ордами Чингисхана и его преемников целые государства и народы были стерты с лица земли, «как стирают письмена с листа бумаги». Это произошло в начале XIII в. Возникло Древнемонгольское государство, и возглавлявшие его кочевые феодалы обрушили свои рати на более передовые, оседлые земледельческие страны. К тому времени они переживали период феодальной раздробленности и взаимного политического, экономического и религиозного разобщения отдельных империй, королевств, ханств и княжеств: междоусобные распри правителей лишили народы, попавшие под удар завоевателей, возможности оказать им организованный отпор. В течение столетия были захвачены и разорены цветущие земли и государства — Сибирь, Китай, Корея, Центральная и Средняя Азия, Кавказ, Крым, Поволжье, Русь, Польша, Венгрия, Хорватия, Болгария, Иран, Ирак. Повсеместно растущее сопротивление завоевателям вынудило их наконец остановиться у границ Индии, Индокитая, Сирии и Египта, покинуть пределы католической Европы, а также Болгарии (1300 г.), отказаться от высадки на побережья Японии и Индонезии. И, тем не менее, возникла огромная империя со столицей в Каракоруме. Китайские и русские, польские, венгерские и персидские, арабские, армянские и грузинские летописцы с ужасом повествуют о полном разорении цветущих городов — Чжунду и Чхольчжу, Бухары и Самарканда, Владимира, Киева и Галича, Кракова и Пешта, Тибриза и Багдада. Они сообщают, что тысячи ремесленников угонялись в глубь новой империи, что систематическими нашествиями, грабежами и убийствами имперские правители стремились терроризировать подвластное население, а когда убедились, что, «сидя на коне, можно завоевывать страны, но нельзя ими управлять», то, поделив их между представителями своей династии, провели перепись населения и обложили его тяжкими ежегодными денежными и натуральными даними, добавив к ним военную, подводную, почтовую и прочие повинности. Все это отбросило цивилизацию значительной части Азии и Европы вопять, затормозило исторический прогресс, не принеся никакой пользы самому трудовому населению собственно Монголии. Захваченное добро и бога-

тые дани расходились по рукам кочевой знати — ханов, нойонов и их приспешников, не оплодотворяя народного хозяйства страны¹.

Сколоченная путем завоеваний, лишенная единой экономической основы, паразитирующая на эксплуатации земледельческих народов, эта империя оказалась недолговечной и уже в 60-е годы XIII в. фактически распалась на самостоятельные государства-улусы, которые на свой страх и риск еще некоторое время продолжали воевать на Востоке и в Передней Азии.

После окончательного завоевания Китая (1276) здесь возникла империя внука Чингисхана великого хана Хубилая, включавшая также Маньчжурию и Монголию. Под властью потомков Чагатая, сына Чингисхана, обособился улус, охвативший Среднюю Азию к востоку от Аму-Дарьи и другие земли. Западная часть Средней Азии, Иран, Ирак и Закавказье составили улус Хулагу, внука Чингисхана. Наконец, улус Джучи, старшего сына Чингисхана, расположенный к западу от Иртыша, включал Поволжье, Хорезм, Северный Кавказ, Крым, Русь, Молдавию. В русских летописях этот улус, возникший после неудачного исхода попытки хана Бату завоевать всю Европу (1243 г.), именовался позднее Золотой Ордой. Ее столицей был Сарай на Нижней Волге. В Сарай должны были отныне являться русские и другие князья для получения ханских ярлыков (грамот), утверждавших их власть; здесь теперь решались их династические споры, нередко стоившие им головы; сюда направлялись численники, данщики, отряды баскаков, чтобы переписывать население, собирать с него дань и жестоко расправляться с непокорными. Сюда свозили они серебро и меха, оружие и ткани, сгоняли захваченных при набегах пленных. Из этого «глухого царства» шли распоряжения об участии русских в чуждых им ханских походах.

Монгольская империя и государственные образования, возникшие в результате ее распада, охватили в основном земли Монголии, Китая, нашей страны, Центральной и Передней Азии. Общность исторических судеб народов этих регионов, ставших жертвой завоевания, очевидна; она скажется и далее на будущем их освободительной борьбы против власти правителей всех четырех улусов.

Бросается в глаза историческая обусловленность событий, связанных с Куликовской битвой. Золотая Орда — гигантская держава, простиравшая свою власть от Оби и Иртыша до Дуная и от Тебриза до Булгара и Москвы, — вступила во второй половине XIV в. в полосу необратимого политического дробления, отражавшего новый этап закономерного упадка созданных монгольскими завоевателями государств. Под напором освободительного движения народов они теряют Иран (1336 г.), Китай (1368 г.), Среднюю Азию (1370 г.). Созданная ради завоеваний, лишенная исторических корней, прочной экономической и этнической основы, в которой преобладали не социально обособленная монгольская аристократия и не пришедшие некогда с ней татары, а поглотившая их местная тюркская, половецкая и болгарская стихия, сама мусульманская Орда раскололась на две части². На левобережье Волги со столицей в Сараях ад-Джедиде правила местная аристократия, использующая под-

¹ Источники и историографию вопроса см. в сб. «Татары в Азии и Европе» (изд. 2. М., 1977).

² Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. Автор наблюдает в Золотой Орде перерождение удельной сюрреальной системы (с. 145), рост имущественных привилегий знати, т. е. еще один вариант процесса, типичного для социально-экономической эволюции подобного рода обществ (ср. Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 322; Егоров В. Л. Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде. — «Вопросы истории», 1974, № 8).

держку среднеазиатской Кок-Орды. На правобережье, властвуя в междуречье Волги и Дона, на Северном Кавказе, в степном Причерноморье и в Крыму, утвердился (1361 г.) бывший беклярбек (наместник) Мамай. На Руси жителей Золотой Орды традиционно называли татарами.

Политический упадок Золотой Орды повлек за собой утрату ею Хорезма (1361 г.); с образованием Молдавского государства (1359 г.) она была оттеснена с Дуная за Днестр³, а после литовской победы над ордынцами при Синих водах — и за Днепр (1363 г.)⁴. Следовательно, она теряла пути в Среднюю Азию, на Балканы, а с ростом могущества Османов, установивших контроль над Дарданеллами (1354 г.), была отрезана от Средиземного моря и дружественного ей Египта⁵.

2. ВОЗРОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОРОССИИ

Переходя к рассмотрению важного этапа освободительной борьбы, связанного с Куликовской битвой, нужно иметь в виду и международный и собственно русский ее аспекты. Международное значение Куликовской битвы определяется ее неразрывной связью с национальным возрождением России как централизуемого государства. Следовательно оценка Куликовской битвы зависит от ее места в истории образования Русского централизованного государства и, в свою очередь, от определения его роли в международной истории. Централизация государства России это длительный процесс усложнения политической структуры, вызванного сдвигами в хозяйстве страны, в ее общественном строе, в характере и размахе классовой борьбы.

Исследования академика Л. В. Черепнина позволили убедительно датировать первые основные этапы формирования этого государства, связав их с укреплением основ будущего могущества Москвы в годы княжения Ивана Калиты (1325—1340), с признанием за ней руководящей роли в освободительной борьбе в правление Дмитрия Донского (1359—1389), с торжеством Москвы как оплота централизации в феодальной войне начала XV в., с завоеванием государственной независимости и укреплением главных принципов нового политического строя в годы правления Ивана III (1462—1505), когда наличи такие его признаки, как единство территории, государева двора, законодательства, войска, финансов⁶⁻⁷.

Централизация рождалась (а позднее и развивалась) в условиях напряженной национально-освободительной борьбы. Лишь оценивая характер этой борьбы и особенности Русского централизованного государства, можем мы правильно понять место России в формирующейся политической системе Европы.

Что же представляла собой Великороссия и почему именно теперь осмелилась она открыто с оружием в руках выступить против ненавистного, продолжавшегося уже свыше столетия ханского господства?

Великороссия состояла из конфедерации одиннадцати княжеств с

³ Параска П. Ф. Золотая Орда и образование Молдавского феодального государства. В сб. Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972, с. 175—190. Автор интересно анализирует сложный процесс высвобождения Молдавии из-под непосредственной власти ханов. Говоря о роли Польского, Венгерского и Литовского государств в этом процессе, следует, однако, непременно учитывать их сложную этническую структуру и роль славянских полков в их вооруженных силах.

⁴ Vatūga R. Lietuva toutu kovoje prieš Aukso Ordą. Vilnius, 1975.

⁵ Босворт К. Э. Мусульманские династии. М., 1971, с. 206.

⁶⁻⁷ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960.

их почти двадцатью уделами⁶. Исторически сложившейся политической структуре были присущи такие институты, как единство правящей династии, коллективный сюзеренитет сильнейших (прежде всего московских, тверских, нижегородских) князей над номинальным центром — Великим княжеством Владимирским, съезды князей, церковные соборы и вся система светского и церковного вассалитета.

Орда, сохранив эту структуру (сломоть которую она оказалась не в силах), правила Великокорсией через Великое княжество Владимирское, стараясь использовать великокняжеский титул, стол и связанные с ним земли, доходы и права для разжигания взаимных распрей князей. Неоднократно пускала она в дело и свою военную мощь. Достаточно бросить взгляд на составленную И. А. Голубцовым карту «Борьба Северо-Восточной Руси с татарским игом с середины XIV в. до 1462 г.»⁷, чтобы убедиться, в каких нечеловечески трудных условиях приходилось народу возрождать страну: набегами, пожарами, поборами, полонями кочевые властители не раз отбрасывали ее вопять. Потому события, приведшие к Куликовской битве, должны рассматриваться и как великая моральная победа народа.

Великий князь Дмитрий Иванович (родился в 1350 г.), как это было свойственно династическим традициям эпохи, с детства, с девяти лет, оказался вовлеченным в политическую жизнь и военные походы. В ту пору сильные характеры в княжеской среде складывались очень рано. Остроконтрастные впечатления, вызванные участием с детских лет в походах в разные, порой очень несхожие по жизненному укладу земли, зрелища кровавых битв, пожаров, неоднократных моров (1364—1366 гг.), изнурения голодных лет, горя и нужды — развивали потребность познавать, наблюдать, обобщать, — словом, ускоряли формирование князя Дмитрия как государственно мыслящей личности.

Ему досталось в наследство немалое по тем временам владение — Великое княжество Московское с его расположенными вдоль реки Москвы городами (Можайск, Звенигород, Коломна), с селами и слободами в княжествах Углицком, Галицком и самом Великом княжестве Владимирском, которое уже почти традиционно рассматривалось и на Руси и в Орде как принадлежащее Москве. Это означало, что московский князь, помимо политической власти (финансовой, военной, внешнеполитической) в Великом княжестве Московском, располагал экономическим и военным потенциалом таких крупных центров, как Владимир, Переяславль, Юрьев Польский, Ярополч, Кострома, Ростов (наполовину) и имел освященное временем преимущественное право на управление Великим Новгородом (с доходами с Волока, Торжка, Вологды). Весьма существенно и то, что в этом качестве он ведал сбором и доставкой в Сарай общерусской ордынской дани.

Мысленным взором окидывая жизнь Дмитрия Ивановича, можно уверенно утверждать, что она была исполнена ратных и государственных трудов; отмечена она дальновидностью политических военно-стратегических целей и умением окружать себя опытными государственными советниками — среди них находились такие крупные люди, как соправитель первых лет власти митрополит Алексей, печатник Дмитрий (Митяй), неизменный военный помощник серпуховской князь Владимир Андреевич, прозорливый церковный деятель Сергей Радонежский и др.

⁶ Этот вопрос недавно был всесторонне изучен. — См. Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. Автореф. докт. дис. М., 1979.

⁷ Очерки истории СССР (XIV—XV вв.). М., 1953.

К этому можно добавить, что князь был счастлив в своем продолжавшемся почти четверть века браке с суздальской княжной Авдотьей Дмитриевной, которая, как «и многие жены воеводския и боярыни московския и служниа жены», провожала мужа «на острые копыя» ратей «старого злодея Мамая». Она же «с воеводцими женами и с воинскими» встречала его во «Фроловских вратах» (ныне Спасской башни) с победой¹⁰. Князь оставил ее опекушкой над наследниками, наказав им: «А вы, дети мои, живите заодин, а матери своее слушайте во всем», включая и разделы ею земель¹¹. При жизни мужа она занималась хозяйством, совершала «купли» и «прикупы» сел; отмечена ее последующая государственная и церковностроительная деятельность в столице: летопись уподобляет ее Марии — ростовской княгине-книжнице XIII в. и, конечно, не случайно в московский свод включен ее яркий плач по великому князю¹².

Великий князь был человеком решительным, здравомыслящим и политически искушенным. Он пресекал и деятельность, и жизнь враждебных его политическому курсу бояр (вспомним судьбу сына московского тысяцкого Вельяминова, или бояр-сторонников Пимена)¹³ и купцов (вроде Некомата)¹⁴; он гневно поносил как «литовцев»¹⁵, погрязших в распрях властителей Византии, спекулировавших русской митрополией на Руси, в Литве и в Польше¹⁶. Он сослал митрополита Пимена в Чухлому, без колебаний выдворил из Москвы склонившегося было к поддержке Великого княжества Литовского митрополита — болгарина Киприана¹⁷ и вернул сперва второго, а потом и первого, когда после смерти собственного ставленника Митяя, очевидная перемена церковно-политического курса Вильнюса, казалось, гарантировала ему лояльность этих духовных деятелей¹⁸. Ратная жизнь князя началась с участия в походе на Суздаль, после которого Великое княжество Владимирское было решительно объявлено «отчиной» московских князей (1363 г.). Именно с этого политического шага Дмитрия формула «отчины» — патримониальный принцип объединения под властью Москвы всех древнерусских земель и владений, становится все более действенным инструментом политики воссоединения. Отставать этот принцип было не просто — и на Руси, и, особенно, за рубежом.

Надо только на миг представить себе положение Великого княжества Московского — отрезанного от всех морей центрального района политически раздробленной Великороссии. После монголо-татарского нашествия земли Финляндии и части Карелии были захвачены Швецией. Немецкие рыцари завладели исконно связанными с Русью землями Эстонии (1227 г.) и Латвии (1290 г.), где установилось господство Ливонского Ордена, и землями Пруссии (1283 г.), где утвердился Тевтонский Орден.

¹⁰ Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 54, 33, 30, 205.

¹¹ ДДГ, № 12, с. 33, 35.

¹² Приселков М. Д. Троицкая летопись. М., 1951, с. 435 (1390 г.), 444; ПСРЛ, т. XXV, с. 217—218.

¹³ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 137; т. XI, с. 45; Русская историческая библиотека, т. VI. СПб., 1880. Прил. № 133, стб. 210.

¹⁴ ПСРЛ, т. XXV, с. 211.

¹⁵ Прохоров Г. М. «Повесть о Митяе». Л., 1978, с. 50, 201.

¹⁶ О трудном положении патриархии с Галицкой митрополией см. РИБ, т. VI. Прил. № 22 (1370 г.), 23, 25 (1371 г.).

¹⁷ Прохоров Г. М. Указ. соч., с. 55, 196—201.

¹⁸ Иную трактовку см.: Прохоров Г. М. Указ. соч., с. 104, 111. Автор этого интересного исследования, думается, без достаточных оснований пишет о перемене политического курса Дмитрия под влиянием группировки церковных деятелей, примыкавших к Киприану — Сергию Радонежскому: вряд ли князю «уже не нужна была великорусская митрополия» (с. 112).

150 крепостей Ливонии поддерживали господство Ордена, а союз 72 городов немецкой Ганзы — ее торговую монополию на Балтийском море. Земли Белоруссии попали под власть Великого княжества Литовского, с которым москвичам приходилось воевать из-за Смоленска, Брянска, Вязьмы; оно завладело также Волынью и недавно распространилось до Киева. Галичина была завоевана Польшей; Карпатская Русь оказалась под владычеством Венгрии. Волжский путь был в руках Золотой Орды, а на черноморском побережье с ее одобрения обосновались (в Кафе, Тане, Судаке) итальянские — генуэзские и венецианские купеческие фактории¹⁹.

Зарубежные ученые и школьные дидактики, сторонники концепции «европеизации» России (Г. Вернадский, Б. Спюлер и др.)²⁰ утверждают, что наша страна после монголо-татарского нашествия на целые два столетия вообще выпала из всемирной истории, растворившись в Золотой Орде до той поры, пока Иван III своим «еще варварским кулаком, постучал в окно перепуганной Европы»²¹. Факты, однако, свидетельствуют об ином — о тесной взаимосвязи национального возрождения России с переменами в окружающем ее мире и о ее растущем влиянии на их ход и исход.

Спору нет, когда Дмитрий Иванович начал править, Великое княжество Московское находилось в сложном международном положении, далеко, однако, от политической изоляции. Новгородская Русь, при деятельной поддержке Москвы, уже свыше полустолетия имела, несмотря на отдельные конфликты, устойчивые договорные отношения с Данией (1302 г.), Швецией и Норвегией (1326 г.). Неоднократные попытки немецкого Ордена захватить земли Пскова и Новгорода встречали измененный отпор, и он был вынужден и в XV в. придерживаться положения русско-немецкого договора, заключенного еще Александром Невским (1262 г.). Московская политика осложнялась тем, что русско-ливонская граница протяженностью свыше 500 км с русской стороны лишь на 20 км была новгородской, а на 480 — псковской. Новгородское же боярство вовсе не было склонно отождествлять свою политику в Ливонии с псковской, особенно после того, как Псков стал самостоятельной вечевой республикой. Н. А. Казакова прекрасно раскрыла взаимосвязь торговой монополии Ганзы с агрессивной политикой Ордена²².

Первые торговые льготы Ганза как и итальянские купцы в Крыму, получила еще от Менгу-Тимура (1270 г.). Ганза лишила Русь «чистого пути» за море и извлекала огромную прибыль из разницы единиц веса в местах купли и продажи товаров; с другой стороны, она не допускала на русский рынок купцов из Англии, Нидерландов и других стран, более того — решительно препятствовала даже изучению ими русского языка. И все же экономика оказалась сильнее запретов: Новгород, зачастую при поддержке Великого княжества Московского, умело противопоставлял интересы некоторых ливонских и шведских городов, вел торговлю через Нарву и Выборг, привозил товар из Стокгольма, все чаще прони-

¹⁹ Подробнее см.: Итоги и задачи изучения внешней политики России до 1917 г. М., 1980.

²⁰ Verнадsky G. The Mongols in Russia. New Haven, 1963 (см. рец. Н. Я. Мерперта, В. Т. Пашуто. — «Вопросы истории», 1955, № 8); Spuler B. Geschichte der Mongolen, nach östlichen und europäischen Zeugnissen des 13-14 Jh. Zürich — Stuttgart, 1968.

²¹ Это — старая, в остфоршунге восходящая к евразийцам точка зрения. См. Пашуто В. Т. Реваншисты-псевдоисторики России. М., 1971, с. 30—32.

²² Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XV в. Л., 1975.

кал в города Пруссии, а потом до Руси стали добираться и фламандцы и ломбардцы²³.

У нас, к сожалению, еще нет труда, последовательно освещающего формирование внешнего рынка России на этапе ее перехода от естественно-географического разделения труда к более зрелым формам внутриэкономических связей. Но уже отмечен А. Л. Хорошкевич, И. Э. Клейнбергом и другими размах новгородской торговли со странами Северной Европы: десятки тонн воска, десятки тысяч белчихих шкурок приносили боярской республике немалый доход, позволяя, пусть с издержками, ввозить сукна, соль, серебро, золото, цветные металлы и влиять на восточную политику своих агрессивных соседей. Опираясь на поддержку Москвы, новгородцы все энергичнее настаивали на праве иметь «чистый путь» в Балтийское море. Московское правительство твердо поддерживало этот курс, чего нельзя сказать о самом новгородском боярстве, которое, опасаясь властной руки московских князей, перенесло свое традиционное лавирование между сильнейшими князьями Руси в область внешней политики, стараясь выгодно чередовать свои связи с Москвой и Вильнюсом.

Если на Севере Руси удавалось противопоставлять шведские города ганзейским, то на Юге московское правительство находило пути к использованию противоречий между колониальными владениями Венеции и Генуи. М. Н. Тихомиров обратил внимание на тесную взаимосвязь торговых и политических взаимоотношений Руси, Золотой Орды, итальянских колоний и Византии. Думается, дело не только в том, что в итальянские колонии вывозились рабы, меха, воск, мед, моржовый клык, ловчие птицы и через их накладное посредничество Русь получала нужные товары (ткани, оружие, вина) из Византии и даже не в том, что русский экспорт (зерно, соленая рыба) интересовал всю Италию. Гораздо важнее, что итальянское и русское купечество достигало на Юге того, в чем ему прпятствовала Ганза с Севера. А следовательно, Великое княжество Московское по мере сосредоточения торговых путей в одних руках все больше сводило на нет усилия своего беспощадного ганзейского торгового соперника.

Сама Византия, возрожденная после изгнания крестоносцев, не существовав в двух столетий, пала под нарастающими ударами Османов (1453 г.). Исследования М. Н. Тихомирова ясно показали взаимозависимость церковной политики московского правительства в Византии и его отношение к генуэзско-ордынским и ордынско-турецким противоречиям, при использовании венецианских связей, и защитой собственных экономических интересов. Византийское правительство год от года все больше тяготело к русской поддержке и не раз получало щедрую «милостыню». Огромная русская митрополия становилась важным фактором московской политики в борьбе за влияние в Сербии, Болгарии, Венгрии, образующихся румынских княжествах и, особенно, в Великом княжестве Литовском.

Готовясь вступить в открытую борьбу с Золотой Ордой, московское правительство должно было в наибольшей мере считаться с Великим княжеством Литовским. Но и здесь действовали важные исторические факторы, которые, несмотря на видимые успехи восточной экспансии литовских князей, подтачивали политическую мощь их государства. Эти

²³ Впрочем, уже в XIV—XV вв. на Руси отмечены английские и нидерландские «плове» — корабельники. — П о т н и В. М. Корабельники на Руси. В кн. Нумизматика и эпиграфика, вып. 8. М., 1970, с. 101—107.

факторы (они изучаются Б. Н. Флорей, А. Л. Хорошкевич, Р. К. Батурой, Ю. М. Юргинисом, М. А. Ючасом и другими учеными²⁴) таковы.

Во-первых, этнографический. Коренные земли Литвы (Аукштайтия и Жемайтия) составляли лишь около $\frac{1}{10}$ в сравнении с попавшими под ее власть землями Белоруссии, Украины, Великороссии. К тому же эти земли относились к высокоразвитым в общественно-политическом и культурном отношении регионам Древней Руси и были, в основном, мало задеты монголо-татарским разорением и игом. Издревле связанные с другими русскими землями они, по мере возрождения Великороссии, все сильнее тяготели к ней. Несмотря на политические трудности, московское правительство умело использовало вековые торговые связи между Великороссией (с ее 85 городами) и Великим княжеством Литовским (вобравшим около 80 славянских городов) для подрыва торговой монополии Ганзы, в интересах централизации и воссоединения.

Другой фактор — конфессиональный. Литва — последнее раннефеодальное языческое государство Европы. Языческим оставалась она и в качестве господствующей силы в Великом княжестве Литовском (Аукштайтия до 1387 г., Жемайтия — до 1414 г.). Это язычество осложняло социальные и национальные противоречия в стране, подавляющая часть населения которой была православной. Осложняло оно и ее международное положение, ибо под лозунгом католического «просвещения» уже свыше ста лет против нее воевали соединенные силы крестоносцев — немецких рыцарей Ливонии, Пруссии и союзных им держав, поддерживаемых папством. Опасаясь московского влияния, литовское правительство, хотя и дальновидно проявляло веротерпимость, не решалось сделать православие официальной религией. Стремясь лишить рыцарей-крестоносцев их идеологического подспорья, оно все более склонялось к принятию католичества при посредничестве Польши и к союзу с ней. Это вело, однако, к обострению отношений с сильной православной церковью, со всеми славянскими подданными и усиливало их тяготение к Московскому Великому княжеству.

И, наконец, фактор внешнеполитический. Надо вспомнить, как возникло Великое княжество Литовское, тем более, что по этому вопросу высказываются подчас мало обоснованные суждения. Древнелитовское государство образовалось на коренной аукштайтско-жемайтской основе и нет смысла возвращаться к устаревшему взгляду на его якобы славянскую сущность, да еще утверждать, что оно, наряду с Московским княжеством, выступало как равнозначный потенциальный центр объединения народов нашей страны. Этого мнения придерживается И. Б. Греков²⁵. Принимая подобное утверждение, мы должны будем отождествить по существу политику Дмитрия Донского и Альгирдаса. Но источники — против такого отождествления; они характеризуют Альгирдаса не как собирателя, а как разорителя, как яркого выразителя воинственного, репрессивного, проникнутого духом экспансии сравнительно молодого литовского феодального класса. М. А. Ючас уже давно, основываясь на сопоставлении русских, немецких и польских источников, доказывал это. Думается, однако, что многие нечеткости вызваны недостаточной источниковедческой разработкой этой темы. Трактовка русско-литовских от-

²⁴ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973; Хорошкевич А. Л. Очерки социально-экономической истории Северной Белоруссии в XV в. Автореф. докт. дис. М., 1974. См. историографию: Батура Р. К., Пашуто В. Т. Культура Великого княжества Литовского. — «Вопросы истории», 1977, № 4; История Литовской ССР. Вильнюс, 1978.

²⁵ Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963, с. 17, 39, 41, 156

ношений меняется на протяжении от свода 1408 г. к своду 1479 г., переходя от примирительной «семейной» схемы Киприана к государственно-политической концепции Ивана III, внося новые элементы осуждения в оценку политики Альгирдаса и Ягайло. Используя русские летописи для освещения истории Великого княжества Литовского, «мы должны постоянно иметь в виду, к какому этапу истории Русского централизованного государства они относятся», — справедливо писал М. А. Ючас²⁶.

Объем, характер и эволюция внешнеполитических функций властей Новгорода, Твери, Рязани и др., заслуживают специального изучения, чтобы ответить на вопрос, в какой мере государственный полицентрический статус власти Великороссии был деформирован вмешательством соседних держав и насколько правомерно отнесение взаимоотношений московского правительства с этими русскими землями к внешнеполитической сфере. Изучение формуляров всех взаимных договорных грамот под этим углом зрения представляет интересную исследовательскую задачу. Ориентация того или иного русского князя на иностранную державу, думается, еще не даст оснований видеть в ней потенциальный, наряду с Великим княжеством Московским, центр объединения восточнославянских земель.

Дело происходило иначе. Охватив значительную часть Древней Руси своими набегами, используя последствия монголо-татарского нашествия и готовность западнорусских феодалов, напуганных Ордой и Орденом, к политическому компромиссу, литовские князья постепенно нашли с ними соглашение: поделившись рентой с литовским господствующим классом, белорусские и другие феодалы вошли в его состав в качестве субвассалов, сохранив значительную часть своих прежних прав. Это была неравноправная федерация.

В течение ста лет (1240—1340) возникло этнически сложное государство, о равноправии славянской и литовской частей которого не может быть и речи. Славянские феодалы поддерживали его, пока вокруг Москвы не сложился собственно русский центр объединения — Великое княжество Московское. Это был качественный сдвиг в политической системе Восточной Европы, который, однако, отказывались замечать правители Литвы. На интересующее нас время как раз и падают решающие события, когда правительство Дмитрия Ивановича заставило Великое княжество Литовское считаться с политической реальностью. Белорусы, украинцы и великороссы, подвластные Великому княжеству Литовскому активно участвовали в его освободительной борьбе против немецкого Ордена и Золотой Орды. Но литовское правительство, не имея сил одновременно противостоять Ордену и наступать на Русь, вело непоследовательную политику, поступаясь Жемайтией, ради соглашения с Орденом и соглашаясь на уплату дани со славянских земель, ради сближения с Золотой Ордой. Наблюдая эту политику, славянские народы проникались все большим тяготением к России, что обнаруживалось не раз, особенно в переломные моменты ее истории, к каким принадлежит и Куликовская битва.

Сказанное объясняет своеобразие внешней политики Великого княжества Московского. Находясь в зависимости от Сарая, оно умудрялось вести относительно самостоятельную политику в соседних странах Северо-Восточной Европы, как видим, успешных по кускам растащить значительную часть древнерусской «отчины». Можно только удивляться,

²⁶ Ючас М. А. Русские летописи XIV—XV вв. как источники по истории Литвы. — Lietuvos TSR Mokslių Akademijos Darbai, Ser. A, 1958, t. 2, pp. 69—83.

читая сочинения иных зарубежных авторов²⁷, готовых ставить знак равенства между политикой Вильнюса и Москвы, немецкого Ордена и России, и писать о русской экспансии в Восточной Европе, закрывая глаза на то, что это была борьба за воссоединение узурпированных земель.

Во взаимоотношениях с самими ханами, где его действия особенно тесно переплетались с ограничением вассальных прав других князей, московское правительство теперь не только откупалось от Орды, оно использовало самые разнообразные приемы, постепенно меняя и чередуя их — и деньги, и содействие митрополии, и вмешательство во внутренние распри и, наконец, открытую вооруженную борьбу. Нетрудно заметить, что в прямой зависимости от усиления Великого княжества Московского и сужения вассальных свобод князей и бояр других русских земель находилось ограничение и внешнеполитических функций и прежде всего установившегося вскоре после монголо-татарского нашествия права самостоятельно «знать Орду», т. е. сносятся с ней. То же можно сказать и о связях с Литвой, в разной степени зависимости от которой находились Новгород, Тверь, Псков, Смоленск...

В течение всей своей недолгой жизни Дмитрий Иванович внимательно следил за стабилизацией власти внутри самого Великого княжества Московского. Продолжавшееся экономическое оживление страны вело к расширению пахотных земель, налаживанию связей сельской округи с городами, расширению торговых сношений между ними. Это создало основу для начатых Дмитрием преобразований: централизации суда в Москве; организации здесь чеканки монеты; поддержки сословных прав ремесленно-торгового населения и других городов; ограничения прав отъезда русских бояр в другие земли, при охотном включении в великокняжеский двор князей и бояр, особенно оставивших службу в Литве; тесного сотрудничества с церковными феодалами в упрочении московских позиций в Новгороде, Нижнем Новгороде, Твери и сооружении стойких в обороне монастырей; создания первой поокской линии «засечной черты»; введения территориального принципа организации войск и усиления военной роли городских полков и городов-крепостей — присоединение Дмитрова (1360 г.); укрепления Переяславля (1369 г.), строительства Серпухова (1374 г.), а главное, возведения каменного Кремля в Москве (1367 г.). Враждебно настроенные тверские летописцы прямо связывали этот шаг с самовластными побуждениями Дмитрия: «на Москве почали ставити город камен, надеяся на свою на великую силу, князи руськыи начаша приводити в свою волю, а которыи почал не повиноватися их воле, на тых почали посягати злобою»²⁸.

Среди тех, кто «почал не повиноватися», на первом месте стоял тверской князь Михаил Александрович, искавший у Великого княжества Литовского и Золотой Орды поддержки против Москвы. Тверь и по географическому положению (между землями Новгорода, Москвы и Литвы) и по традиции соперничества с Москвой и связей с Вильнюсом, стала ближайшими десятилетия ключевым объектом в столкновении трех стран. Но, притом, экономический потенциал Твери не мог идти в сравнение с московским — и свой стольный город тверской князь смог укрепить лишь деревянным кремлем (1369 г.) с земляным валом (1372 г.), который, однако, не устоял перед московскими войсками.

²⁷ Perry M. Man's Unfinished Journey. A World History. Boston, 1978, p. 423; Wallenbank J. W. and oth. History and Life. The World and its People. Illinois, 1977, pp. 376—377.

²⁸ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 84.

3. ПРОВАЛ ЛИТОВСКИХ ПОХОДОВ НА МОСКВУ

Во главе Литвы стоял известный воин с Орденом и Ордой великий князь Альгирдас (1345—1377). Очевидец и участник превращения небольшого Литовского государства в Великое княжество Литовское он был, естественно, проникнут идеями его великодержавия.

Альгирдас — сын Гедиминоса начал свою долголетнюю политическую жизнь в 1318 г., когда женился на витебской княжне Марии и вскоре (1320 г.) стал местным князем²⁹. Вместе с отцом он боролся против немецкого Ордена (он упомянут литовско-немецким договором 1338 г.)³⁰ и наступал на русские земли Великого княжества Московского (на Можайск — 1341 г.), Пскова (1341, 1348 гг.)³¹ и Новгорода (на Шелоньскую волость — 1346 г.)³², тщетно искавшие тогда литовской защиты от Ордена и Орды.

В 1341—1345 гг. Альгирдас — вассал великого князя Явнутиса, которого он устраняет в сговоре с братом Кейстутисом и с согласия последнего делается великим князем с титулом «великий (высший) князь (*supremus princeps*) Литовский» или «великий король (*magnus rex*) всего королевства», наконец, «господин король литовский»³³.

Пользуясь ослаблением Орды, он вытеснил ее за Днепр, выйдя к Черному морю (1362 г.)³⁴, присоединил Малую Подолию³⁵, старался удержать Воынь от посягательств Польши, энергично наступал на земли Смоленска (1356 г.), Брянска (1359 г.)³⁶, поддерживал тесный союз с Тверью (вторым браком он был женат на дочери тверского князя Михаила)³⁷, старался укрепить свое влияние в Новгороде и Пскове.

Решая внешнеполитические задачи, Альгирдас опирался на помощь династии и особенно соправителя Кейстутиса («герцога Литвы и господина Трокая и Гродно»), с которым хранил «великую верность», деля «пополам» и горе утрат в Литве, и радость приобретения «многих замков» на Руси³⁸; их поддерживали крупные бояре (сатрапы), их «сородичи и друзья (вассалы)»³⁹, «все люди земли» и «все другие крепости»⁴⁰, чьи владельцы князя — «герцоги»⁴¹ и бояре заседали в придворном со-

²⁹ ПСРЛ, т. XVII, стб. 72; Хроника Быховца. М., 1966, с. 54; *Scriptores rerum Prussicarum* (далее — SRP), t. II. Leipzig, 1863, S. 712.

³⁰ Послания Гедиминоса. Вильнюс, 1966, № 18; *Liv-Esth und Curländisches Urkundenbuch* (далее — LUB), t. II. Reval, 1863, № 796, p. 333.

³¹ НПЛ, с. 354 (1341 г.); ПЛ, вып. 2, с. 25, 27, 29; вып. 1, с. 21; Псков не очень доверял Альгирдасу (ПЛ, вып. 1, с. 19; вып. 2, с. 25, 95); его войска не помогли Пскову, а «толк хлеб и сено около Пскова отравиша», брал он с псковичей и «окупы» (ПЛ, вып. 1, с. 21; вып. 2, с. 27, 99; ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 271 /1341 г./).

³² НПЛ, с. 358; ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 276.

³³ SRP, t. I, p. 723; *Codex Masowiensis*. Breslau, 1845, № 80 (1358); *Codex Diplomaticus Lithuaniae* (далее — CDL). Wroclaw, 1845, pp. 55—56; LUB, Bd. III. Reval, 1857, № 1152; *Codex epistolaris saeculi XV*, t. II. Kraków, 1876, № 191.

³⁴ *Batūra R.* Op. cit., pp. 220—300; ПСРЛ, с. XV, вып. 1, стб. 75; т. XI, с. 2. В Киеве сел Владимир, сын Альгирдаса (ПСРЛ, т. XI, с. 26); он упомянут — LUB, т. II, № 1041 (7 ноября 1367 г.).

³⁵ ПСРЛ, т. XVII, стб. 99—100 (Увар. сп.), стб. 81—84 (Супр. сп.).

³⁶ LUB, t. II, № 796, p. 333 (1340 г.); договор Юрия Святославича с Ягайло (1386 г.) — Грамоты XIV ст. Киев, 1974, № 37; ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 65, 68 (1359 г. — Смоленск, Ржев, Брянск).

³⁷ Приселков М. Д. Указ. соч., с. 370 (1349 г.).

³⁸ SRP, t. II, p. 712 (*vil huzer*).

³⁹ SRP, t. II, pp. 80, 88 (*consanguineis et amicis*).

⁴⁰ SRP, t. II, p. 712.

⁴¹ *Codex diplomaticus Masowiae*. Warszawa, 1919, № 80 (1358), pp. 73—74 (*seniores duces, duces*).

вете⁴² и ходили с великим князем в походы с войсками, состоявшими из «смердов» и «язычников»⁴³.

Опираясь на поддержку литовско-славянских ополчений, Альгирдас был, однако, чужд социальным низам: вступив в охваченную антинемецким «восстанием Юрьевой ночи» Ливонию (1345 г.), он встретил близ Риги «одного из руководителей», который заявил ему, что «избран в короли восставшим народом», и, если Альгирдас последует его совету, то подчинит этот край, откуда предполагается изгнать немцев. «Мужик, ты не будешь здесь королем»,— гневно ответил Альгирдас и приказал отрубить ему голову⁴⁴. Королю-феодалу крестьянин казался страшнее Ордена, с которым шла смертельная борьба. «Сородичи и друзья» Альгирдаса владели дворами и деревнями⁴⁵, он сам «имел множество сильно укрепленных замков», табуны коней⁴⁶ и жаловал земли вассалам на феодальном праве⁴⁷; поддерживал он и права свободной торговли городов (Вильнюса)⁴⁸; в договоре о перемирии с Великим княжеством Московским (1371) отмечено, что «торговцам путь чист» с обеих сторон⁴⁹.

Альгирдас соблюдал древние обычаи и мог на переговорах с рыцарями дать им сверх угощения «меда и хлеба предостаточно»⁵⁰ (1377 г.). Он был вспыльчив и не терпел оскорблений и объявил Новгороду войну, когда тамошний посадник назвал его на вече «псом» (1346 г.)⁵¹. Смелый воин, человек горячего темперамента и живых чувств, Альгирдас вместе с Кейстутисом «со смятенной душой»⁵² наблюдал осаду Каунаса рыцарями, не будучи в силах ему помочь. Закоренелый язычник — «огнепоклонник» (как называли его в Византии), Альгирдас пожаловал православным жителям Вильнюса под их церковь место, где стояла виселица, как «более соответствующее, высокое и светлое»⁵³, но ради политических выгод держал принявших православие сыновей наместниками славянских земель Великого княжества Литовского: сам был дважды женат на православных княгинях, а дочерей выдал — Агриппину — за суздальского князя Бориса, а Елену — за серпуховского Владимира⁵⁴. Он сумел добиться от константинопольского патриарха основания литовской православной митрополии, а затем и назначения своего кандидата Киприана на митрополию всея Руси (1375 г.)⁵⁵.

⁴² ПСРЛ, т. XVII, стб. 72, 143, 193.

⁴³ SRP, t. II, p. 533. Альгирдас cum suis bayoribus et smyrdens, Кейстутис cum suis bayoribus et paganis (p. 603).

⁴⁴ SRP, t. II, p. 72.

⁴⁵ SRP, t. II, pp. 553, 573, 576 (о вильнюсском воеводе Дирсуне), 576, (о Вирдоте близ Трокая).

⁴⁶ «Plurima habet fortissima castris»,— писал венгерский король Людовик (Miesiecnik Heraldyczny, XIV, № 7—8. Warszawa, 1935, str. 102; equitarium regis (800 голов близ Каунаса) — SRP, t. II, p. 559.

⁴⁷ Судя по внешнеполитическим прерогативам Любарта — Дмитрия, довольно широко. См. его договор с Казимиром (1366 г.): Грамота XIV ст., № 19; Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959, с. 350; и РИБ, т. VI. Прил. № 3 и 7, стб. 31 (сношения с Византией). Сыну Андрею Альгирдас «выделил и отдал» Полоцкое княжество. Орден это подтвердил как *jure feodali possidendum*.— Codex Diplomaticus Prussicus, t. IV. Königsberg, 1857, pp. 39—40.

⁴⁸ Собрание древних грамот и актов городов, ч. 1. Вильно, 1843, № 6.

⁴⁹ ДДГ, № 6, с. 22.

⁵⁰ SRP, t. II, p. 576.

⁵¹ НПЛ, с. 358.

⁵² SRP, t. II, p. 533 (1362).

⁵³ Сперанский М. Н. Сербское житие литовских мучеников. М., 1909, с. 26.

⁵⁴ Приселков М. Д. Указ. соч., с. 392.

⁵⁵ Прохоров Г. М. Указ. соч., с. 48; Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 390. Сам он подкреплял претензию на Русь тем, что якобы воевал за москвитян с немцами («мы за них воюем с немцами»,— писал он патриарху Филофею). РИБ, т. VI. Прил. № 24, стб. 140 (1371 г.).

Альгирдас не был чужд и идее соглашения с католическими державами, но на явно не приемлемых для них условиях: на предложение польского короля Казимира Великого, папы Климента VI и императора Карла IV принять католичество (1358 г.), он ответил, что готов, если ему вернут земли, простирающиеся от Преголы до Даугавы, а Орден ликвидируют с тем, чтобы он «поместился в пустынях между татарами и русскими для защиты их от нападения татар и чтобы Орден не сохранял никаких прав у русских, но вся Русь принадлежала литовцам»⁵⁶. Он искал антиорденского соглашения с католическими державами за счет Руси, которая бы подчинялась Литве, и оберегалась Орденом от Орды. Собственно литовско-ордынские связи осуществлялись и через послов (1365 г.) и при посредстве тверского князя (1370 г.), но привлечение ордынских континентов (как в битве при Рудаве — 1370 г.) против Ордена больше не отмечено: оно, видимо, казалось сомнительным в глазах и славянских подданных, и католической Европы. В московской летописи (свод 1408 г.) сохранилась такая оценка Альгирдаса: он «не пил ни вина, ни пива, ни кваса, имел великий разум и подчинил многие земли, втайне готовил свои походы, воюя не столько числом, сколько умением»⁵⁷. Вот с каким противником свела судьба великого князя московского (с 1375 г. — «всея Руси») Дмитрия Ивановича.

Рассматривая русскую политику Альгирдаса, невольно поражаешься ее нереалистичности: непонятно, как можно было отрывать силы для походов на Русь, когда немецкие рыцари (числом от 10 до 40 тыс.) ежегодно, да еще по несколько раз, как свидетельствуют хронисты-современники (ливонский Герман Вартберге, прусские — Виганд из Марбурга, торуньские анналисты, Иоанн из Посильге, Детмар из Любека и др.), опустошали земли Понеманья и Подвинья, коренной Литвы и подвластной ей Белоруссии, обрушиваясь на Каунас, Трокай, Вильнюс, Велюню, Гродно, зачастую с привлечением крестоносцев из Германии, Англии, Франции, Австрии⁵⁸. Ответные походы Литвы, при участии белорусских, смоленских, волынских полков направлялись в Занеманье и в глубь Ливонии, вплоть до Риги.

Правителям Литвы нужна была решающая победа на Руси, чтобы удержать свою державу от политического развала. При таких условиях и состоялись три известных похода Альгирдаса на Москву, формально связанные с литовскими союзными обязательствами перед Тверью. Все они (в ноябре 1368 г., в ноябре 1370 г., летом 1372 г.) закончились неудачно. Примечательно, что это — годы ожесточенной борьбы Великого княжества Литовского с Орденom. Первому походу предшествовали вторжения (1367 г.) ливонцев на территорию пяти литовских земель, а прусских рыцарей — к Виелоне и еще в четыре земли⁵⁹. В это время часть немецких сил отвлекли острые столкновения с псковичами⁶⁰, но все же ливонцы сумели дойти до Упите и штурмовали Новое Ковно⁶¹. В 1367 г. Литва подписала мир с Орденom в Ливонии⁶², а уже в 1368 г. рыцари разрушили Новое Ковно⁶³.

⁵⁶ SRP, t. II, p. 79—80.

⁵⁷ Приселков М. Д. Указ. соч., с. 402.

⁵⁸ SRP, t. I. Leipzig, 1861, p. 724 (1348 г.— 40 тыс. немецких, французских и английских войск в битве при Стреве); t. II, p. 75 (1348), 520—521 (1355), 165 (1377), t. III. Leipzig, 1866, p. 106 (1377).

⁵⁹ SRP, t. II, pp. 88—89, 559—560.

⁶⁰ НПЛ, с. 369—370.

⁶¹ SRP, t. II, p. 560.

⁶² LUB, t. II, № 1041, pp. 772—773.

⁶³ SRP, t. II, p. 92.

В этом году и состоялся первый поход на Москву.

В начале 1369 г. Альгирдас с литовско-славянским войском воюет в Ливонии⁶⁴. Орден сооружает у бывшего Нового Ковно свою крепость Готисвердер⁶⁵, а войска Альгирдаса и Кейстутиса разрушают ее⁶⁶.

Год 1370-й открывается вторжением ливонцев в земли Упите и Рампгалы и походом в псковские владения, впрочем, без успеха⁶⁷. В феврале Альгирдас вместе с Кейстутисом и большим литовско-славянским войском берут Рудаву, неподалеку (в 18 км) от Кенигсберга, где в битве гибнут предводители прусского рыцарства; тогда же Кейстутис совершает поход до Ортельсбурга⁶⁸. В августе прусские крестоносцы опустошают девять литовских земель, а ливонцы одновременно грабят Упите⁶⁹. Русские (псковско-новгородские силы) вскоре вторгаются в земли Дерптского епископства⁷⁰.

Осенью этого года состоялся второй поход на Москву.

Находясь в перемирии с Великим княжеством Московским, Альгирдас в 1371 г. «ходи ратью на немцы и много зла сътвори Неметцкой земле»⁷¹, а летом того же года Ганза подписала мир с Новгородом и Псковом⁷². В феврале следующего года ливонцы предприняли поход на землю Лаукиники⁷³, а в августе прусские и ливонские силы совместно опустошили семь литовских земель⁷⁴.

Затем осенью состоялся и третий поход Альгирдаса на Москву!

Последующие годы были отмечены разорительными набегами на Литву: в 1373 г. их было пять! Казалось бы, участие славянских сил в обороне Литвы и сама логика освободительной борьбы диктовала укрепление литовско-русского союза.

Новая крепость москвичей, предводимых Дмитрием Ивановичем и будущим серпуховским князем Владимиром Андреевичем, выдержала боевое крещение. Первый, неожиданный («в таю») и самый сильный поход сопровождался разорением пригородов⁷⁵; после второго — восьмидневной осады Москвы — Альгирдас подписал перемирие (26 октября 1371 г.) и уходил «съ многым опасением, озираясь и бояся за собою погони»⁷⁶. Конечным итогом стало признание им «отчинных» прав московского князя на великое княжение владимирское в рамках ордынской вассальной системы⁷⁷. Это означало провал литовских планов восточной экспансии. В разгар сражений с Орденом в мае 1377 г. умер Альгирдас. С 18 боевыми конями и снаряжением он был сожжен, видимо, близ Майшягалы⁷⁸. Вместе с ним на костре сгорели и несбыточные мечты литовского боярства о завоевании Москвы.

⁶⁴ Ibid., pp. 93—94.

⁶⁵ Ibid., p. 561.

⁶⁶ Ibid., pp. 94—95, 562—563.

⁶⁷ Ibid., pp. 94—96.

⁶⁸ Ibid., pp. 96, 565—568; t. III. Leipzig, 1866, pp. 89—90.

⁶⁹ Ibid., t. II, pp. 98—99, 569.

⁷⁰ НПЛ, с. 371 (1370 г.).

⁷¹ ПСРЛ, т. XI, с. 14; ср. SRP, t. II, p. 571.

⁷² НПЛ, с. 371 (1371 г.); Приселков М. Д. Указ. соч., с. 392; ГВНИП, № 42.

⁷³ SRP, t. II, p. 99; ср. p. 571.

⁷⁴ SRR, t. II, pp. 101—103, 571—572.

⁷⁵ Приселков М. Д. Указ. соч., с. 387—388.

⁷⁶ Там же, с. 391; ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 95.

⁷⁷ ДДГ, № 6.

⁷⁸ SRP, t. II, p. 113 («по их обычаю»); Dlugosii J. Historiae Polonicae, t. III—IV. Cracoviae, 1873, lib. X, p. 144.

4. НАЧАЛО ОТКРЫТОЙ БОРЬБЫ С ОРДОЙ

Неудачи в литовской восточной политике облегчали московскому правительству накопление сил для столкновения с Ордой, которая оставалась главным врагом. Отношения с ней после начала междоусобиц ханов складывались крайне трудно. Московское правительство стремилось создать возможно более широкую, прочную систему политических союзов княжеств Великороссии и в случае решающего столкновения с Ордой избежать одновременного удара со стороны Великого княжества Литовского. В годы литовских походов оно последовательно и целеустремленно укрепляло «одиначество» с Новгородом и Псковом (1371 г.), удерживало Ржеву⁷⁹, заняло Мценск, Калугу, Новосиль, Вязьму, Козельск⁸⁰, дополнительно к союзу с Рязанью, Пронском, привлекало Смоленск, часть брянских сил.

Вся эта система союзов пока еще была зыбка и непрочна, ибо основывалась на недостаточно глубоко проросших экономических связях, но примечательно возрастающее упорство возобновления династических комбинаций на расширяющейся (пусть медленно) территориальной основе.

Упрочению этой системы в интересах московской политики содействовала и митрополия. Она пригрозила интердиктом нижегородскому князю, когда он обнаружил строптивость⁸¹; добивалась отлучения смоленских князей за поддержку Альгирдаса⁸²; устроила владыке Новгорода «истому» и «протор велик», чтобы подбить бояр к антитверскому и антилитовскому выступлению после мира с Тверью (1368 г.)⁸³; а когда Михаила обманом захватили в Москве, но были вынуждены по вмешательству Мамаю освободить, митрополит отпустил Дмитрию Ивановичу вину в нарушении клятвы (1368 г.)⁸⁴. Понять митрополю можно. Ведь в середине века, после смерти митрополита Феогноста (1353 г.), произошел «мятеж во святительстве», когда патриарх византийский столкнулся с необходимостью выбирать кандидата не только от Москвы (им был Алексей), но и от Вильнюса (им был сперва Феодорит, потом — тверитин Роман). И патриарх, уступая давлению Великого княжества Литовского, сделал первый шаг к разделу русской митрополии на «всея Руси» (с центром во Владимире и Киеве) и «Малой Руси» (с центром в Новгородке)⁸⁵ (а потом и с третьим, для Польши, центром — в Галиче). И хотя патриархия надеялась, что «цвет мира» между двумя митрополиями сохранится «во всей красе и свежести»⁸⁶, этого не случилось, и у русской митрополии, по мере усиления прокатолического курса виленской княжеской группировки Ягайло, были все основания для беспокойства.

Это, однако, не значит, что, как любила повествовать русская православная историография, князь Дмитрий правил в полной гармонии с церковной знатью. Показательна его попытка поставить после кончины Алексея (1378 г.) в митрополиты своего духовника и придворного ле-

⁷⁹ ПСРЛ, т. XI, с. 10 (1368 г.).

⁸⁰ РИБ, т. VI. СПб., 1886. Прил. № 24, с. 135—140 (1371 г.—Альгирдас пишет патриарху Филофею о 9 русских походах и занятии этих и еще десяти городов).

⁸¹ Приселков М. Д. Указ. соч., с. 379 (1363 г.).

⁸² РИБ, т. VI. Прил. № 20—21 (1370 г.).

⁸³ ПСРЛ, т. XV, вып. I, стб. 84; ср. РИБ, т. VI. Прил. № 19, стб. 117—118 (1370 г.).

⁸⁴ Приселков М. Д. Указ. соч., с. 386 (1368 г.); ср. РИБ, т. VI. Прил. № 24, стб. 136.

⁸⁵ РИБ, т. VI. Прил. № 13 (1361 г.); о давлении папства — Winter E. *Russland und das Papsttum*, Bd. 1. Berlin, 1960, S. 118—119.

⁸⁶ РИБ, т. VI. Прил. № 15, стб. 94.

чатника (канцлера) Дмитрия. Такое поставление было вполне в традициях борьбы церкви и государства и во Владимиро-Суздальской и в Галицко-Волынской землях XII—XIII вв. Попытка не удалась из-за смерти кандидата буквально у стен Константинополя, породив в среде церковников круга Сергия Радонежского и ниже с ним примечательную своей политической направленностью памфлетную «Повесть о Митяе»⁸⁷. В этой связи достойно внимания и то, что после Куликовской битвы очередной литовский ставленник — болгарин митрополит Киприан — переехал в Москву, где позднее (1390—1406 гг.) осторожно сотрудничал с русским правительством в его объединительной политике.

Отношения с Золотой Ордой отличались неустойчивостью, порождая «великой замятней» по смерти хана Джанибека (1357 г.) — борьбой между правителями право- и левобережной орд. Мамай — кризисная фигура истории распада Золотой Орды. Беклярбек, не Чингизид родом, поднявший руку на старую монгольскую аристократию, властитель, ненадежно поддерживаемый феодалами правобережной Орды, неоднократно переплывавший с одного берега Волги на другой, чтобы подтолкнуть к трону очередного из своих подставных ханов, Абдуллаха или Махаммед-Булака, выбросить на рынок Сарая монеты со своим именем, а потом, спасаясь от местной знати, спешно бежать на правобережье. Коварный и нетерпеливый, вспыльчивый и мстительный, волею судьбы правитель-импровизатор, остро нуждавшийся в военных успехах и не имевший устойчивой силы, чтобы их осуществить, лишенный доверия всеми невольными и вольными союзниками (и русскими, и литовскими, и итальянскими), он столкнулся в лице Дмитрия с политическим деятелем, знавшим цену столетней государственной традиции укрепления русского единогодержавия.

Поначалу московское правительство сочло целесообразным обзавестись ярлыком на великое княжение владимирское и в Сарае, и у Мамаея. Орда, в свою очередь, нуждаясь в средствах и стараясь ослабить московское великое княжение, сделала попытку передать ярлык князю нижегородскому (1364 г.), но тщетно. Тогда главной фигурой в руках Орды стал тверской князь Михаил.

Мамай, занявший в ту пору Сарай, помог ему избежать московского плена, потом в его поддержку выступил Альгирдас. После неудачи первого литовского похода Мамай послал Твери свой ярлык на великое княжение, но сам утратил тогда Сарай, и союзники Дмитрия попросту не пропустили его послов в Тверь (1370 г.). После неуспеха второго литовского похода Мамай, обретший вновь власть над Сараем, опять поддержал Тверь своим ярлыком. В Москве сперва недооценили этот акт: слишком калейдоскопично сменялись властители на волжских берегах. Поэтому, прикрыв войском Владимирское великое княжество, Дмитрий Иванович велел передать мамаеву послу Сырохоже: «к ярлыку не еду, а в землю на княжение на великое не лущаю, а тебе, послу, путь чист»⁸⁸. По этому пути посол и прибыл вместо Владимира в Москву (1371 г.). Тут его одарили, получили нужную информацию и решили, что в предвидении нового похода Альгирдаса на Москву следует как-то урегулировать отношения с Мамаем. Дмитрий Иванович поехал в Орду. Мамай признал его великим князем, не лишив, однако, ярлыка и тверского князя. Да и за это полупризнание пришлось столько заплатить, что вернулся князь «съ многими длъжники»⁸⁹ и тяжелая дань

⁸⁷ Прохоров Г. М. Указ. соч.

⁸⁸ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 95.

⁸⁹ Там же, стб. 430—431.

легла на города и людей. Как всегда, вся тягота и успехов и неудач политики падала на простой народ.

Провал московских походов Альгирдаса предопределил на ближайшие годы судьбу Твери. Для московского правительства наступление на Тверь, своими нападениями с санкции Мамаю не раз разорявшую земли Великого княжества Владимирского и Новгорода (Дмитров, Кашин, Торжок), было естественным шагом в политике объединения.

Дальнейшие события показывают, что политическая неустойчивость в Орде лишала Мамаю возможности в одиночку посягать на Великое княжество Московское. Он начал военные действия на Руси, но не против самой Москвы, а нападая на ее ближайших к Орде союзников — на Рязанскую землю (1373 г.). Ордынско-московская война развертывалась как бы по касательной. Поход Мамаю ослабил Рязань: «грады пожгоша, а людии многое множество плениша и побниша»⁹⁰, — что сказалося на ее связях с Москвой. Дмитрий Иванович, опасаясь Мамаю, привел свои войска к Оке, но тот в глубь Руси не пошел. Довольно скоро Мамаю вновь утратил Сарай и Дмитрий прекратил выплату ему дани (1374 г.). Попытка хана нанести удар по Нижнему Новгороду не удалась: там «побиша послов Мамаевых, а с ними татар с тысящу»⁹¹.

В эту пору тверской князь то признавал Владимирское великое княжение «отчиной» Дмитрия (1374 г.), то получал вновь от Мамаю великокняжеский ярлык; в Литве ему серьезной поддержкой заручиться не удалось. Со своей стороны, Дмитрий Иванович осуществляет новую важную меру — созывает в Переяславле съезд князей и церковных иерархов, после чего направляет на Тверь большое объединенное войско из городских полков и княжеских дружин земель московских, великокняжеско-владимирских, нижегородских, ростовских, ярославских, белоозерских, вологодских, стародубских, кашинских, новосильских, обленских, тарусских, части смоленских и брянских. Муромские, рязанские и пронские силы, видимо, прикрывали русско-ордынский рубеж. Даже новгородцы подошли к стенам Твери. После месячной осады тверской князь капитулировал. В отличие от тверского князя Дмитрий Иванович русских городов не разорял, предвидя в них опорные центры воссоединения. Михаил подписал договор на московской воле (сентябрь 1375 г.), признав себя вассалом («молодшим князем») Дмитрия и обязавшись выступать под русским стягом против Орды и Литвы⁹².

События прямо вели к открытой войне с Ордой, независимо от того, какова будет позиция Мамаю в Поволжье. Поэтому в 1376 г. князь Дмитрий ходил с ратью к Оке «стерегася рати татарское», а в следующем году отправил нижегородский полк на Булгар, где ставленник Мамаю был заменен московским. Князь обеспечивал себе тылы и контроль над Волгой. С Дмитрия исследователи (М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков⁹³) ведут начало нового этапа московской восточной политики в Поволжье, не без оснований видя в нем предтечу Ивана Грозного. Тому свидетельство не только действия великого князя в Булгарии и Мордовии, но и его стремление жестко контролировать разбойную стихию новгородских ушкуйников в Поволжье. Дела шли не всегда удачно. На Нижней Волге появилась новая орда Араб-шаха (1377 г.). Дмитрий, чтобы охра-

⁹⁰ Там же, стб. 104.

⁹¹ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 106.

⁹² ДДГ, № 9, с. 25—28; Черепнин Л. В. Указ. соч., с. 52—54.

⁹³ Рыбаков Б. А. Военное искусство. В кн. Очерки русской культуры XIII—XV вв., ч. 1. М., 1970, с. 387.

нить Нижний Новгород, пришел к нему «в силе тяжце» и, не найдя здесь непосредственной угрозы, оставил пять великокняжеских городовых полков, которые, однако, из-за беспечности воевод были вместе с нижегородцами неожиданно разгромлены на реке Пьяне (август 1377 г.) ратью «из Мамаевой Орды» и подвластными ей мордвинами. После чего войска сперва Мамаю, а потом Араб-шаха опустошили Нижний Новгород.

Хотя два важных опорных центра московской обороны — Рязань и Нижний Новгород — сильно пострадали, военный потенциал московского князя был настолько высок, что московско-нижегородская рать прошла войной по Мордовии, а когда осмелевший Мамай направил «вои многи» во главе с воеводой Бегичем «на всю землю Русскую» (1378 г.), то Дмитрий вышел ему навстречу «в силе тяжце» на Оку. Противники встретились в Рязанской земле у реки Вожи, неподалеку от Переяславля-Рязанского. Неожиданно увидевший русских Бегич нерешительно потоптался на месте, потом перешел реку и попал в окружение трех ратей — окольничьего Тимофея, пронского князя Даниила и стоявшего в центре Дмитрия. Разгром был полным: в битве пали пятеро ордынских князей⁹⁴. К. Маркс в «Хронологических выписках» отметил это событие, как правильное полевое сражение с Ордой, выигранное русскими⁹⁵. Разгневанный Мамай обратил свою ярость на Переяславль-Рязанский, опустошив его и прилежащие земли; причем рязанский князь Олег, едва из их «рук бежа, изстрелян»⁹⁶. Эти первые шаги опаленной и истерзанной страны к освобождению невольной поражают воображение историка.

Между тем крупные политические перемены назревали в Великом княжестве Литовском, где после смерти Альгирдаса великим князем стал Ягайло. Этим переменам была суждена важная роль в исходе предстоящего столкновения Руси с Ордой.

Ягайло, видя успех восточной политики Альгирдаса, твердо решил добиваться ее поддержки католическими державами и папством ценою принятия христианства и политической унии с Польшей. К этому его побуждали и сдвиги в общественном строе Литвы, которой была необходима не языческая, к тому же одолеваемая искушенным в поддержке политического курса Москвы православием, а феодальная, притом поднаторевшая в агрессии против «схизматиков» католическая идеология⁹⁷.

Новый курс Ягайло не встретил, однако, сочувствия в той части Литвы, которая уже второе столетие особенно жестоко воевала с католическими державами: трокайская группировка князей во главе с братом Альгирдаса Кейстутисом и его сыном Витаутасом, выступила против виленской группировки Ягайло. Вмешательство в их борьбу Ордена (с которым Ягайло заключил сепаратный договор от 31 мая 1380 г.)⁹⁸ настолько накалило отношения, что практически лишало Ягайло вооруженной поддержки Жемайтии и Западной Аукштайтии.

Со своей стороны Дмитрий Иванович делал все, чтобы использовать временное ослабление Орды и разногласия в Великом княжестве Ли-

⁹⁴ Подробнее см.: Назаров В. Д. Русь накануне Куликовской битвы (К 600-летию сражения на р. Воже). — «Вопросы истории», 1978, № 8, с. 98—114.

⁹⁵ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, с. 151.

⁹⁶ ПСРЛ, т. V, с. 237; т. IV, ч. 1, с. 308.

⁹⁷ Батура Р., Пашуто В. Указ. соч., с. 111—112.

⁹⁸ CDL, pp. 55—56. Обзор историографии и источников вопроса см.: Ючас М. Литовское великое княжество во второй половине XIV — нач. XV в. и борьба литовского народа за независимость. Автореф. канд. дис. М., 1956; см. также диссертацию (хранится в Научном кабинете Института истории АН СССР), с. 272—279.

товском для привлечения симпатий подвластных Ягайло славянских земель. Действия московского князя имели успех. Опасаясь нового курса Ягайло, пришел во Псков служить Дмитрию полоцкий князь Андрей, сын Альгирдаса. Вместе с его литовскими боярами и псковско-полоцкой дружиной и волынским выходцем воеводой Дмитрием великий князь отправил своего соратника Владимира Андреевича в глубокий рейд в южном направлении, по брянским землям. Заняв Трубчевск и Стародуб Северский, они ослабили связи Литвы с Ордой. Сидевший в Трубчевске князь Дмитрий, другой сын Альгирдаса, также со своими боярами перешел («в ряд») на московскую службу⁹⁹.

В ответ Ягайло пытался закрепить в Новгороде, вынудив бояр принять своего наместника на важные пригороды. Москва выразила свое недовольство этой акцией и новгородским боярам пришлось послать к Дмитрию большое посольство, чтобы восстановить мир «по старине» (март 1380 г.)¹⁰⁰. Предвидя обострение борьбы, местное боярство старалось остаться над схваткой, признавая власть Дмитрия как великого князя над Новгородом и патронат Ягайло над некоторыми пригородами. Притом в решающем походе против Мамай новгородцы не участвовали.

5. СЛАВНАЯ ПОБЕДА

К 1380 г. положение властителя правобережной Орды Мамай вновь осложнилось. В Сарае вместо Араб-шаха утвердился Тохтамыш, поддержанный Кок-Ордой и могущественным Тимуром. Он завладел основными центрами левобережья — столицим Сараем ад-Джедидом, старым Сараем — ал-Махрусом и Хаджитарханом. Беклярибек Мамай поэтому связывал с походом на Москву надежды на укрепление своего господства в Поволжье, рассчитывая на денежные поборы и людские ресурсы. По сведениям летописей, он настаивал на уплате «выхода» в размере, который взимался еще при хане Джаннибеке, а «не по своему докончанию» с Дмитрием, когда дань была, видимо, уменьшена. Насколько можно судить по нашим довольно запутанным и противоречивым летописным и повествовательным источникам¹⁰¹, он обеспечил себе военную поддержку со стороны Ягайло и заручился, если не открытым выступлением, то нейтралитетом Рязанской земли. Вместе с тем рязанский князь Олег Иванович считал нужным сохранить отношения и с Дмитрием, предупредив его о замыслах хана («повсдая Мамаев приход»). Наконец, Мамай использовал наемников из подвластных владений Поволжья, Крыма и Кавказа (армян, черкесов, буртасов, итальянцев, болгар). По мнению известного статистика Б. Ц. Урланиса, это пестрое, состоящее в основном из кочевников войско насчитывало до 60 тыс. человек¹⁰².

⁹⁹ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 138. Вместе с этими князьями на московскую службу пришли литовские бояре и приняли участие в Куликовской битве. См. *Batūga R. Lietuvos kova su Aukso Orda.* — «Mokslas ir gyvenimas», 1966, № 10, p. 30; Повести о Куликовской битве, с. 17.

¹⁰⁰ НПЛ, с. 376.

¹⁰¹ О них см.: Адрианова-Перетц В. П. Историческая литература XI — нач. XV в. и народная поэзия. ТОДРЛ, т. VIII. Л., 1951, с. 128—137; Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 г. В кн. Повести о Куликовской битве. М., 1959; его же. Куликовская битва. 1380 г. — «Вопросы истории», 1955, № 8, с. 11—25; Черепнин Л. В. Указ. соч., с. 596—623; Азбелев С. Н. Об устных источниках летописных текстов (по материалам Куликовского цикла). — Летописи и хроники. М., 1976, с. 78—101; а также статьи Ю. К. Бегунова, Л. А. Дмитриева, М. А. Салминой, О. В. Творогова. В кн. «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М. — Л., 1966.

¹⁰² Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960, с. 38—39.

Войско Великого княжества Московского состояло из великокняжеских дружин, дружин вассальных князей, не менее 14 городовых полков и пешего народного ополчения. Это было общерусское войско, к которому присоединились дружины сыновей Альгирдаса из Полоцка и Трубчевска. Повествовательный источник называет среди участников битвы Юрку сапожника, Васюка Сухоборца, Сеньку Быкова, Гридю Хрулеца — «черных», «молодых», словом, простых людей. Вооружено это войско было и для ближнего боя — мечами, саблями, топорами, сулицами, кинжалами, ножами, и для дальнего — луками и самострелами¹⁰³. Пушек тогда в походы еще не брали, хотя на кремлевских стенах они уже стояли. Воинов предохраняли в бою щиты, шлемы, кольчуги, латы, наконечники. В среднем каждый воин нес на себе около 16 кг вооружения. К этому времени на Руси выработался пятичленный порядок деления на полки — сторожевой, передовой, большой, правой и левой руки; к ним добавлялся резервный (засадный). Такое построение обеспечивало и должную глубину боевых порядков, и возможность маневра.

Сохранившиеся источники — летописи, повести, предания, возникшие на протяжении XIV—XVI вв., не содержат подробного описания хода Куликовской битвы; даже самое раннее из них — «Слово» рязанца Софония создано им не на основании строгих свидетельств документов и очевидцев, а «по делом и по былинам», когда факты осмысляются поэтически. Но примечательная черта всех повествований — осознание великого значения битвы, несомненно отражающее нарастающее стремление русского народа возвеличить битву и ее победоносных участников.

Имея в виду эти особенности сохранившихся описаний, мы все же можем восстановить если не детальный ход сражения, то народное представление о нем.

Численность русских войск в наших описаниях достигает фантастической цифры — 428 тыс., а понесенных потерь — 250 тыс. Соответственно и число павших бояр и воевод колеблется от 400 до 600; среди них лишь количество потерь великих московских бояр (40), суздальских (50) и муромских (40) неизменно. Судя по происхождению павших бояр, число городов, пославших на битву свои полки, было от 11 до 15, причем по мере объединения Великим княжеством Московским земель Великороссии, в сказания включались все новые участники битвы — и Рязань, и Великий Новгород, и Тверь... Этим подчеркивалось значение битвы для судеб всей тогдашней России.

Из упомянутых источников складывается такая картина.

Готовя отпор в этот решающий момент, Дмитрий Иванович свой призыв собирать войско «разосла по вся князи русския, и по воеводы, и по вся люди». Он собрал войско с «полуотчины» (как говорили в Древней Руси), но решать предстояло судьбу всей родины. Широкие военные сборы последних лет и неоднократные походы к Оке, бесспорно, создали должную мобильность войск, усовершенствовали их оружием и провиантское снабжение, разведку и т. п.

Местом сбора войск стала Коломна. Здесь был смотр полкам, сформированным под «многих труб ратных гласы»; они были уряжены воеводами и распределены между полководцами. Отсюда после смотра русские и выступили в поход 20 августа 1380 г. Мамай со своей ратью находился «в поле близ Дону», дожидаясь подхода союзных сил Ягайло, когда на разведку в сторону Мамаи были отправлены три отряда раз-

¹⁰³ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. М., 1976; Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII—XVI вв. М., 1962.

ведчиков; из них последний, воеводы боярина Семена Мелика, сообщил, что Мамай распорядился по улусам не пахать и не сеять — «хочет бо на осен быти на роуския хлебы». Эти хлеба обернулись ему полынью. Мамай напрасно ждал Ягайло, тот опоздал примерно на сутки — «и не успе за едино днищо и меньше». Можно полагать, что он и не стремился прийти вовремя: у него, кроме восточноаукштайтских, не было надежных сил — ни белорусские земли, ни украинские (Киев, Чернигов, Воынь), в большинстве пережившие ужасы золотоордынских нашествий и лишь недавно вышедшие из улуса, издревле связанные с Русью и тяготевшие к ней, не были заинтересованы ни в восточной экспансии, ни в торжестве прокатолического курса Ягайло.

Пока Мамай выжидал на Дону, («подвиемся к Дону» прежде чем «приспеет к нам Ягайло», решил Мамай), Дмитрий Иванович предпринял продуманный марш-маневр, двинувшись вдоль Оки, чтобы опередить Ягайло, не втягивать в военные действия рязанского князя (он «заповеда коемуждо плъку и въеводам: «Да аще кто пойдет по Рязанской земли, то же не коснися ни единому власу!») и преградить ему путь к соединению с войском Ягайло. Одновременно его правый фланг прикрывали от Ягайло полки Дмитрия и Андрея, сыновей Альгирдаса. На Лопасне рати русского войска соединились, форсировали Оку (здесь к ним примкнули силы Дмитрия и Андрея) и двинулись к Дону. Подойдя к Дону, провели военный совет, на котором решение главного вопроса — переходить реку или нет — вызвало разногласия: одни опасались, попав под удар, лишиться путей отхода; другие, напротив, видели в реке прикрытие от возможного удара с тыла литовцев или рязанцев. Сражение было решающим и при любом варианте определяющим судьбу и войска, и, вероятно, Руси. И тогда князь Дмитрий «повеле мосты мостити черес Дон и бродов пытати в ноши». В густом тумане ночью с 7 на 8 сентября русские переправились через Дон и расположились на Куликовом поле, лежащем при впадении Непрядвы в Дон (западнее нынешнего села Монастырщина Куркинского района Тульской области).

В происшедшей трехчасовой битве главными руководителями с русской стороны были Дмитрий Иванович, его ближний боярин Михаил Бренок, стоявший во главе засадного полка Владимир Андреевич и вольнец Дмитрий Боброк. При этих полководцах состояли помощники — князья и воеводы.

По традиции битва началась единоборством богатырей, в котором погибли и русский, родом из Брянска, Пересвет (погребен в Москве в Симоновом монастыре), и Темир-мирза — «и спадоша оба на землю мертви и ту конец приаша оба». А затем «бысть сеча велика, и брань крепка» и «паде множество трупу обоих».

За схваткой сторожевого и передового полков с легкой конницей Мамаю последовало фронтальное столкновение главных сил: «сступишася обои силы велицей на долг час въместо, и покрыша полки поле, яко на десять верст от множества вой; и бысть сеча зла и велика и брань крепка, трус велик зело, а жоже от начала миру сеча не бывала такова великим князем руским...» Русские были потеснены, и даже поник великокняжеский стяг, под которым пал Михаил Бренок. «Уже поганые поля наши наступают, а храбрую дружину у нас стреляли, и в трупу челоувечью борз конь не может скочити, в крови по колено бродят». Правое крыло приступ отбило, а левое было смято и отходило к Непрядве, потеряв павшими всех воевод; кое-кто из «небывальцев»-ополченцев¹⁰⁴, впервые попавших на поле боя, не устоял.

¹⁰⁴ Повести о Куликовской битве, с. 36.

Но в дело вступил засадный полк. Едва сдерживал его порыв воевода Дмитрий до решающего часа, когда его «буйеви сынове» единомысленно и борзо, подобно соколам ринулись на застигнутых врасплох врагов. Мамай потерпел сокрушительное поражение. «Тогда князь великий Дмитрий Иванович и брат его Володимер Андреевич полки поганных вспять поворотил и нача их бити гораздо», а «поганыи» в страхе «покрыша руками главы своа».

С русской стороны в битве пали и князья, и несколько сот бояр, а прочих воинов такое множество, что, как говорят летописцы, и перечислить невозможно («а прочих остави множества ради»). Мамай бежал, потеряв войско — «избиша их многое множество» и все имущество — «и взяша все богатство их и стада». Князь Дмитрий, весь доспех которого был «бит и язвен», объехал поле кровавой битвы, где «един за единого умре», где рядом лежали простые люди и полегли все двенадцать белозерских князей; среди павших был и «твердый страж» — разведчик Семен Мелик.

Потом Дмитрий «повеле трубити в събранные трубы, съзывать люди», чтобы предать павших земле. Восемь дней стояла русская рать «на костех», хороня сратников. Ягайло, которого весть об исходе битвы настигла у Одоева, пограбил русские арьергарды — так смутно сообщают немецкие хроники¹⁰⁵ и повернул обратно. Рязанский князь в дело не вмешался. Сорокатысячное население Москвы колокольным звоном встречало победителей. Великий князь Дмитрий Иванович получил в народе прозвание Донского.

6. ЗНАЧЕНИЕ БИТВЫ И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Итак, грозный властелин был разбит. Он потерял доверие улусной аристократии, а вместе с ним не только надежды на Сарай, но и правобережное Поволжье. Опрокинутый Тохтамышем, он бежал и погиб. Сам Тохтамыш вскоре (1382 г.) предательски разорил Москву, ордынское нго было восстановлено и просуществовало еще сто лет.

Спрашивается, не напрасно ли русские пролили столько крови на Куликовом поле? Именно так и думают современные зарубежные апологеты Золотой Орды. Следуя прадедовским схемам русской дворянской историографии и дополняя их в угоду тем, кто тщится создать ложную родословную советской внешней политики, целый ряд зарубежных авторов (Б. Шпулер, Г. Франке, Р. Траузеттель, Д. Соундрс, П. Г. Силфен, Ш. Коммо и др.¹⁰⁶), силясь доказать антиевропейскую сущность

¹⁰⁵ SRP, t. III, pp. 114—115. В известиях Торунских анналов, хроник Детмара и Иоанна Поссильге сообщение о победе русских над татарами приурочено к Синим Водам. Это — контаминация известий Куликовской и Синеводской битв. Хроники Детмара и Иоанна восходят к Торунским анналам, которые, однако, о нападении войск Ягайло на уходивших с добычей русских не сообщают. В контексте постоянных тенденциозных дополнений Детмаром и Иоанном их торуньского источника и их стремления разжечь войну Литвы с Русью сообщение 1380 г. представляется весьма сомнительным. Подробнее см.: Ючас М. А. Указ. дн., с. 95—96. Покуликовским временем датирует события О. Кучинский: Kucziński S. M. Ziemia czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936, s. 202—205; eju s dem. Władysław Yagiello. 1350—1434. Warszawa, 1971, s. 23—26. Ср. Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». В кн. «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 507—509.

¹⁰⁶ Spuler B. Die Mongolen in Russland. 1223—1502. Wiesbaden, 1965; eju s dem. Der mongolische Nomadismus in einer sesschaften Gesellschaft: Die Goldene Horde. San Francisco, 1975. Franke H. Asien und Europa in Zeitalter der Mongolen. Freiburg u. a., 1970; Sanders J. J. The History of the Mongol Conquests. London, 1971; Commaux Ch. La vie quotidienne chez les mongols de conquête (XIII-e siècle). Paris, 1972; Silfen P. H. The Influence of the Morgols on Russia: A Dimencional History. N. Y., 1974.

России, идеализируют ее «мирный симбиоз» с Золотой Ордой. Приложили руку к этой теме и маонистские историки, старающиеся выдать Монгольскую империю за великий пример прогрессивного объединения народов, а Чингисхана и его преемников — за своих политических предтеч. Но это тенденциозный и близорукий взгляд. Исследования А. Н. Насонова, А. Ю. Якубовского, М. Г. Сафаргалиева, Г. А. Федорова-Давыдова, В. Л. Егорова¹⁰⁷ и других советских ученых, а также их монгольских коллег — Ш. Биры, Н. Ишжамца, Ш. Нацагдоржа, Д. Гонгора и других¹⁰⁸ ясно показали глубинный закономерный смысл происшедшего — ближние и дальние последствия этой исторической битвы в реальной политике и в общественно-политической мысли. Перечислим важнейшие.

Отныне Великое княжество Московское становится организатором и идеологическим центром воссоединения и национального освобождения России из-под ига, в то время как его главные внешнеполитические противники — Золотая Орда и Великое княжество Литовское — вступают в полосу безысходного кризиса.

Куликовская победа вызвала национальный подъем духа, укрепление самой великорусской народности. «И вскипе земля Руская в дне княжения его», — сказано в «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича»¹⁰⁹. Битве посвящены летописные повествования, художественная поэма («Задонщина»), воинские повести («Сказание о Мамаевом побоище»), отражающие взгляды различных групп светских и духовных феодалов — участников события. При общей высокой оценке самой битвы, они не сходны в изложении событий. Дошли эти сочинения во многих списках, художественная форма изложения — «по делом и по былинам» — затрудняет анализ. Всестороннее исследование этого драгоценного фонда памятников — назревшая задача. Вершиной национального подъема стали и бессмертная живопись Андрея Рублева и развитые архитектурного ансамбля столпцы. Куликовская символика посвящения храмов перерастает в общегосударственную¹¹⁰. Народный эпос не отразил Куликовскую битву в особом сюжете, но и Куликово поле, и Мамай, и союзные ему литовские короли, которые тщетно пытались «каменну Москву под себя забрать», широко представлены в нем¹¹¹. Примечательно, что и в «Сказание о Мамаевом побоище» вставлена песня, отражающая думы простых новгородцев, которые, в отличие от корыстных бояр, сетуют на «великом веча», что им «не поспеть на пособь к великому князю Дмитрию»¹¹².

В «Задонщине» оценивается и международный отклик на Куликовскую победу: «кликнуло диво в Руской земли, велит послушати рожнымь землям, шибла слава к Железным вратом (Дербенту), к Риму и

¹⁰⁷ Насонов А. Н. Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.—Л., 1940; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов; Егоров В. Л. Золотоордынский город. Автореф. канд. дис. М., 1973.

¹⁰⁸ История Монгольской Народной Республики. М., 1954; сб. Общественные науки в МНР. М., 1977; Матвеева Г. С. Историческая наука в МНР.— «Вопросы истории», 1978, № 8.

¹⁰⁹ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, с. 353.

¹¹⁰ Борисов Н. С. Русская культура и монголо-татарское иго. Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 14, 12.

¹¹¹ Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958, с. 312, 411.

¹¹² Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор. XIII—XVI вв., М., 1960, с. 135; его же. Куликовская битва в фольклоре. ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 107—129.

к Кафы по морю, и к Торнаву, и оттоле к Царюграду (Константинополю) на похвалу. Русь великая одолеша Мамаю на поле Куликове»¹¹³.

Среди городов назван и Тырнов, тогдашняя столица Болгарии. Куликовская битва — важная веха в истории взаимоотношений России с южнославянским балканским миром. Ведь вскоре он стал жертвой Османской империи. Завоевание Болгарии, Сербии, Балкан привело к резкому упадку южнославянской культуры, сопоставимому лишь с последствиями монголо-татарского разорения для России. И важно отметить, что в эту пору, особенно тяжелую для России, а чуть позднее для южных славян, эти страны и народы старались возродить давнее общее свое достояние, взаимно обогатить его, искали опоры в культуре друг друга, в частности, и в культуре Руси, пережившей свой взлет после Куликовской победы, и в итоге создали такую культурную традицию, значение которой в их последующей многовековой борьбе за национальное возрождение, да и в нынешнем мире трудно переоценить. Понятно, что и автор «Задонщины» вспомнил недавно разоренную Болгарию. Понятно и то, что Куликовская битва была воспета в сербском народном эпосе, где она вплетается в тему борьбы славянства с османским игом¹¹⁴.

Куликовская битва не только яркая победа русского народа, это и светлая страница в истории народов Белоруссии и Украины, которые остановили литовский меч, занесенный тогда над Великороссией. Сами отношения с Великим княжеством Литовским отныне определялись крахом восточной экспансии литовских феодалов. Они пытались найти выход в политической и церковной унии с Польшей (1386 г.), возобновляя которую, все более поступались собственным суверенитетом в ее пользу. Это не спасло их от поражения в решающем столкновении с Ордой на Ворскле (1399 г.), хотя и принесло славную победу над Орденом под Грюнвальдом. Если литовское правительство не раз использовало соглашения с рыцарями в тщетных попытках превратить Новгородскую и Псковскую республики в свои «русские воеводства», то Москва твердой рукой поддерживала сопротивление русских земель немецкому Ордену и в итоге выиграла борьбу с Литвой за земли Велико-россии, успешно реализуя патримониальную программу собирания своей славянской «отчины».

В «Задонщине» упомянуты и Рим, и Константинополь — важнейшие церковные центры Европы. Русская церковь — огромная идеологическая сила — после Куликовской битвы освятила ее, канонизировав споспешествовавшего Дмитрию Сергия Радонежского. Будучи реальными политиками и к тому же опасаясь распространения католицизма на Восточную Европу, церковные иерархи действовали заодно с московским правительством в политике воссоединения.

Отношения с Ордой определялись тем, что отныне московское правительство активизировало военно-дипломатическую подготовку свержения ига. После битвы размер дани уменьшился, достигая, однако, огромной суммы в 10 000 рублей (на деньги конца XIX в. это составляло 1 000 000 рублей), причем на рубль можно было купить 100 пудов ржи¹¹⁵. Тяжелые поборы и разорения продолжались: Тохтамыш, Тимур, Едигей, Улу Мухаммед — зловещие фигуры в нашей истории. И все же куликовские традиции жили, и решающим этапом в подготовке победы

¹¹³ Повести о Куликовской битве, с. 13.

¹¹⁴ Погодин А. Српска народна песма о Куликовом боју 1380 г.— Прилози за књижевност, език, историју и фолклор, књ. 18. Београд, 1938, с. 500—508.

¹¹⁵ См. Павлов П. Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду.— «Ученые записки» Красноярского пед. ин-та, т. 13, сер. истор.-филол., вып. II, 1958, с. 74—112.

стала феодальная война 1425—1462 гг. Это был перелом на пути к централизации страны, хотя Орда и Орден, Литва и Швеция всячески препятствовали победе московской политики. Этим в значительной мере объясняется и затяжной характер высвобождения России.

В то же время Золотая Орда, в силу феодального дробления и сопротивления народов вступила в заключительный этап политического распада — на ханства Крымское (1433 г.), Казанское (1446 г.), Астраханское (1465 г.) и Большую Орду (1430 г.). Это открывало перед Великим княжеством Московским новые военно-дипломатические возможности, хотя и осложнялось выходом на восточноевропейскую политическую арену Османской державы. При Иване III правительство, умело сочетая военные походы с дипломатией, нейтрализуя и даже привлекая на свою сторону отдельных ханов, достигло решающего экономического и военного перевеса, воссоединив значительную часть Великороссии, а также обширную Новгородскую землю (1478 г.). Чувствуя свою силу, Иван III прекратил выплату дани в Орду (1480 г.), а когда большеордынский Ахмед-хан прислал за ней своих послов с грамотами, гневно прогнал их. Попытка вооруженной рукой добиться подчинения окончательно провалилась, натолкнувшись на четырехдневное противостояние русского войска на Угре (8—11 октября 1480 г.).

Россия обрела национальную независимость, за которую бились воины Дмитрия Донского на Куликовом поле и о которой думал сорокалетний князь, умирая. В его духовной грамоте-завещании сказано: «А переменит бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду, и который сын возмет дань на своем уделе, тому и есть»¹¹⁶. Централизованная и возрожденная Россия вновь заняла подобающее ей место в истории Европы, и иностранные державы спешили установить или возобновить с ней дипломатические отношения. Москва сносится с Испанией, Молдавией, Венгрией, Австрией, Францией. Централизация России породила обширную литературу о «Московии», державшей в своих руках торговые пути на Восток; этот своеобразный информационный взрыв затмил предшествующие сведения о России и создал ложное впечатление об «открытии» России Европой подобно открытию ею Америки.

На территории современной Европы было немного феодальных полиэтнических государств, еще меньше было среди них централизованных, и ни одно по своей прочности не может сравниться с Российским. В самом деле, история стала свидетельницей упадка всех этнически неоднородных феодальных государств, простиравших свою власть на территорию Восточной Европы, — Хазарии, Византии, Булгарии, Золотой Орды, немецкого Ордена, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Швеции, Турции, Австрии. Лишь Россия сохраняла и увеличивала свой славянский, а затем и неславянский ареал с той поры, как ее централизованное государство, сбросив иго Орды, возродило и укрепило древнерусское ядро¹¹⁷.

К куликовским временам восходят корни торжества патримониальной концепции внешней политики централизуемой России, политики, провозгласившей приведение государственных границ в соответствие с этническими, над агрессивной политикой децентрализуемых держав. С Дмитрия Донского начинается действительное влияние «русского» элемента Великого княжества Литовского и Польши на судьбу их политических проектов поглощения России. В сущности, три бескорольва,

¹¹⁶ ДДГ, № 12, с. 36.

¹¹⁷ Пашуто В. Т. Пути изучения истории Древней Руси.— «Будущее науки», вып. II, 1978, с. 279.

интервенцию в Россию и крах восточной политики — вот что получило Великое княжество Литовское, доведя унию 1386 г. до унии 1569 г., после безуспешных попыток Альгирдаса и его преемников продолжать восточную политику Гедиминаса в условиях политической централизации Великороссии.

В своем последнем труде Б. Н. Флоря отлично показал¹¹⁸ тупиковый, химерический характер последующих магнатских и шляхетских проектов русско-польской и русско-литовской унии, поразительную неосведомленность их творцов, их превратное представление о русском, как теперь принято говорить, хронотопе, органическую связь с внутренней политикой правящих сословий Речи Посполитой, их взаимоотношениями между собой и с династическими группировками.

То же относится к оценкам планов русской стороны с ее защитой своеобразной модификации сословной монархии, попытками столкнуть шляхту с магнатерней, Великое княжество Литовское с Речью Посполитой. Впрочем, русское дворянство долгие десятилетия наблюдавшее за политическими судьбами Речи Посполитой, само прошедшее, пусть кратковременную, школу выборной монархии, — не привлекли «вольности» польско-литовской шляхты.

Стоило бы подчеркнуть пагубное влияние восточной экспансии Речи Посполитой и ее союзников на само ужесточение форм российского самодержавия и абсолютизма. Тем более, что последние учебники США и ФРГ по всемирной и русской истории не только отождествляют собиравшие централизованной Россией своих исконных земель с агрессивной политикой захвативших их немецкого Ордена, Великого княжества Литовского, Польши, Швеции, но и противопоставляют «враждебный Европе» русский деспотизм овеванным западным влияниям «демократическим институтам» этих держав.

* * *

Прошли столетия. Советский народ, знающий цену национальной свободы, глубоко чтит память своих мужественных предков. В годы Великой Отечественной войны имя Дмитрия Донского прозвучало на историческом параде войск на Красной площади среди тех, чей пример воодушевлял наш народ на ратные подвиги во имя защиты социалистического Отечества. На Куликовом поле бережно сохраняется мемориальный ансамбль, сто лет назад возведенный на народные пожертвования. Ныне он включает и церковь, талантом А. В. Шусева воплощенную в формы древнерусского хоромного строения¹¹⁹. Славная битва вдохновляла поэтический гений не только современников. Ей посвятили проникновенные строки В. А. Жуковский и К. Ф. Рылеев, А. А. Блок и В. М. Саянов. Она живет в живописи В. А. Серова, в музыке Ю. А. Шапорина. Она живет в наших сердцах.

¹¹⁸ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978.

¹¹⁹ Ашурков В. Н. На поле Куликовом. Тула, 1967.

А. Л. ХОРОШКЕВИЧ

О МЕСТЕ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ*

Куликовская битва, явившаяся поворотным моментом не только в русско-ордынских отношениях, но и в дальнейших судьбах всей Восточной Европы,— предмет пристального исследования. В ее истории осталось сравнительно немного «белых пятен». Одно из них — вопрос о государственной принадлежности территории (неоднократно описанной¹), где происходила битва. Отвечая на него, историки единодушно исходили из предпосылки о том, что район Верхнего Дона в IX—XII вв. входил в состав славянских и древнерусских земель², как об этом свидетельствуют археологические памятники³ и данные гидронимии⁴. Вопрос о границах русских земель в конце XIV в., разумеется, не столь определенных, как позднее, казался несущественным.

На современных картах при обозначении места битвы указываются границы русских княжеств более позднего времени — либо середины XV, либо начала XVI в.⁵ Куликово поле обычно включается в состав Рязанской земли. При этом исходят из неверного допущения, что ее границы в XIV в. оставались неизменными с домонгольского времени⁶. Чаще же всего вопрос о государственной принадлежности места, где произошла битва, в литературе вообще обходится. Лишь в работах И. Афремова и Д. И. Багалея вскользь говорится о принадлежности Куликова поля Орде⁷. Однако эти высказывания не привлекли внимания исследователей, что объясняется, на наш взгляд, неизученностью вопроса о юго-западных и западных границах Рязанского княжества в XIV в. Единственным историком, который занимался данным сюжетом в XIX в., был Д. И. Иловайский, включавший в пределы Рязанского княжества Елец (1395 г.) и земли между Холмом и Доном (1400 г.)⁸. Верховья Дона к Рязанскому княжеству начала XVI в. относили М. К. Любавский и П. П. Некрасов. Последний указывал, что к Рязани тяготели окрестности Епифани и Данкова (в то время тоже на левой стороне Дона).

* При написании этой статьи автор широко пользовалась советами друзей и коллег. Одним из наиболее внимательных читателей и критиков ее был безвременно ушедший А. А. Зимин.

¹ План Куликова поля см.: Нечаев С. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища.— «Вестник Европы», 1821, № 14, июль, с. 165; Афремов И. Куликово поле. М., 1849; Луцкий Е. А. Куликово поле.— «Исторический журнал», 1940, № 9, с. 44—54; Ашурков В. Н. На поле Куликовом. Тула, 1976. Литературу вопроса см.: Аралов Н. А., Пронина П. В. Куликовская битва 1380 г. Указатель литературы. В сб. ст. Куликовская битва. М., 1980.

² Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961, с. 144—145, рис. 46; Плетнева С. А. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время. Краткие сообщения Ин-та археологии, вып. 99. М., 1964, с. 25 (карта).

³ Москаленко А. Н. О возникновении древнерусских поселений на Дону.— Вопросы истории славян, вып. 2. Воронеж, 1966, с. 114—144.

⁴ Загоровский В. П. Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж, 1973, с. 10—20.

⁵ Границы русских княжеств 1462 г. см.: Очерки истории СССР периода феодализма XIV—XV вв. М., 1953. Прил., карта № 2; границы Русского государства начала XVI в. см.: Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение Центра. М., 1929, карта.

⁶ См., напр., Морской атлас, т. III, ч. I. М., 1958, карта № 46.

⁷ Афремов И. Указ. соч., с. 6 и примеч. 381; Багалея Д. И. Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887, с. 68.

⁸ Иловайский Д. История Рязанского княжества. М., 1858, с. 183—184. Как показали последние исследования, сообщение о принадлежности Рязани этих земель— домысел составителя Никоновской летописи.— См. Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980, с. 101—103, 132.

Западную границу Рязанского княжества он проводил через Осетр к Смядве вблизи Венева, Гремячего и Печер⁹.

Выяснение государственной принадлежности Куликова поля имеет большое значение для понимания внешней политики Дмитрия Донского, его отношения к рязанскому князю Олегу и Мамаевой орде, определения роли Куликовской битвы в складывании русской государственности (в частности, территории Московского и других княжеств) и формирования национального самосознания.

Некоторые необходимые для решения этого вопроса сведения содержатся в актовых и нарративных источниках. Так, район битвы глухо упомянут в договорах московских князей с рязанскими. Первый из них — 1382 г. (по датировке Л. В. Черепнина¹⁰) или 1381 г. (по датировке А. А. Зимина¹¹) — включил такое обязательство: «А что князь великий Дмитри и брат, князь Володимир, бился на Дону с татары, от того времени что грабеж или что поиманые у князя у великого людии у Дмитрия и у его брата, князя Володимера, тому межи нас суд вопчи, отдати то по исправе»¹². В договоре московского князя Василия Дмитриевича с Федором Ольговичем от 25 ноября 1402 г. на рязанского князя возлагалась обязанность: «... а будет в твоеи отчине тех людеи, з Дону (имеется в виду битва на Дону.— А. Х.) которые шли, и тех ти всех отпустить»¹³. В сходной формулировке условие об отпуске из Рязани «тех людеи, которые будут з Дону шли, а будут в вашей вотчине» включено и в dokonчание (договор) московского великого князя Василия II с рязанским князем Иваном Федоровичем от 20 июля 1447 г.¹⁴ Во всех этих трех договорах район битвы обозначен очень общо. Современникам этих событий, равно как и первым последующим поколениям, видно, было достаточным упоминание Дона для того, чтобы понять, о чем шла речь. Историкам же столь неопределенное указание не дает возможности установить, на чьей государственной территории происходила битва.

На протяжении 60-х — начале 80-х годов XV в. Московское княжество (после 1478 г. — Русское государство) пополнилось землями на нижнем течении р. Сосны — правого притока Дона: в его состав вошли г. Елец и «вся Елецкая места», которые Иван III в 1483 г. называл своей «вотчиной»¹⁵. Бассейн более северного сравнительно с Сосной притока Дона — Мечи (позднее Красивой Мечи) — русский («всая Руси») и рязанский князья должны были «ведати вопче»¹⁶. Территория вокруг р. Мечи была не единственной, принадлежавшей Рязанскому княжеству «за Доном»¹⁷; dokonчание Ивана III с рязанским князем Иваном Васильевичем называет неизвестное нам Романцево «с уездом и что к нему потягло». Судя по тому, что московско-рязанское dokonчание 1447 г. не упоминает «законских» владений Рязани, можно предпола-

⁹ Любавский М. К. Указ. соч., с. 131; Некрасов П. П. Очерки по истории Рязанского края XVI века. — ЖМНП, 1914, апрель, с. 273.

¹⁰ См. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, № 10, с. 29 (далее — ДДГ); Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. I. М.—Л., 1948, с. 55—58.

¹¹ Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. — Проблемы источниковедения, вып. VI. М., 1958, с. 286—287.

¹² ДДГ, № 10, с. 30.

¹³ Там же, № 19, с. 54.

¹⁴ Там же, № 47, с. 144.

¹⁵ Там же, № 76, с. 285. (Андрей Семенович Кутузов Лапенок двигался «в судех Мечю в Дон». — ПСРЛ, т. 28. М.—Л., 1963, с. 332.)

¹⁶ ДДГ, № 76, с. 285.

¹⁷ В пределах Рязанского княжества были и другие местности с тем же или аналогичным названием. Приток р. Вожи — Меча — в среднем течении проходила севернее г. Зарайска.

гать, что эти земли вошли в состав Рязанского княжества во второй четверти XV в. Таким образом, рязанские владения расширились на юго-запад от Дубка до Мечи (приблизительно на 100—120 км), московские — от Венева до Ельца (около 200 км), образовав своего рода череполосицу. Это дает основание считать более вероятным, что район р. Непрядвы как ближайший к Дубку в середине XV в. входил в состав Рязанского княжества¹⁸.

В 1483—1496 гг. происходило дальнейшее расширение южных границ Русского государства. В его состав перешли и Романцев стан, и Братилон, а на левом берегу Дона — окрестности р. Вороны в нижнем течении¹⁹; верхняя часть р. Вороны была в составе Рязанского княжества. Еще в XIV в. границы Рязанской епархии простирались до верховьев этой реки, включая в себя Червлёный Яр, район Хопра, Вороны и Битюга, как это явствует из копий XVII в. документов в «переделе» между рязанским и сарайским епископами²⁰. По мнению Н. М. Карамзина, Сарайская епархия включала правую сторону Дона²¹. Совпадали ли границы Рязанской епархии и княжества, — трудно сказать. Сохранившийся комплекс жалованных рязанских князей называет земли только в окрестностях Рязани, Переяславля Рязанского и Зарайска.

В конце XV в. договором великого князя всея Руси Ивана III и Федора Васильевича рязанского от 19 августа 1496 г. «в Дону реце жеребий» закреплялся за первым²². Меча в качестве «украины» Русского государства в разрядных книгах впервые упоминается в 1558 г., а район Тихой Сосны, значительно более южный, в 1508 г. принадлежал крымцам²³.

Актовые и делопроизводственные материалы дают, на наш взгляд, возможность предполагать, что район Куликова поля между 1447 и 1483 гг. стал объектом расширения русских политических образований.

Обратимся к нарративным материалам — различным повествованиям о Куликовской битве, сохранившимся в составе летописей или самостоятельно. Наиболее ранним из них по праву признается²⁴ созданный

¹⁸ Топоним *Куликово*, не характерный для Подонья, известен в Рязанской земле. Здесь, в устье р. Сосницы, находилось с. Куликово. — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. (далее — АСЭИ), т. III. М., 1963, № 359, с. 382.

¹⁹ ДДГ, № 84, с. 335.

²⁰ АСЭИ, т. III, №№ 312—314, с. 626. Ср. сноску 8.

²¹ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. V. М., 1903, примеч. 55; А. Фремов И. Историческое обозрение Тульской губернии с картою, планом г. Тулы 1741 г., ч. I. М., 1850, с. 49.

²² ДДГ, № 84, с. 335.

²³ Разрядная книга 1475—1508 гг. М., 1966, с. 170, 32.

²⁴ См. подробнее: Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». В кн. Слово о полку Игореве. К вопросу о написании «Слова». М. — Л., 1966; ее же. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве. — ТОДРЛ, т. XXXII. Л., 1977, с. 3—39. Мнение А. А. Шахматова и С. Н. Азбелова о том, что древнейшим рассказом о битве следует считать повесть, сохранившуюся в новгородской летописи Дубровского 40-х годов XVI в. (Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повесть о Мамзевом побоище» (СПб., 1906). СПб., 1910, с. 109; Азбелев С. Н. Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского. В кн. Летописи и хроники. М., 1974, с. 162—172; его же. Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла). В кн. Летописи и хроники. М., 1976, с. 78—101), опровергается не только текстологическими соображениями (идентичностью текстов повести Дубровского с повестью о Куликовской битве в Новгородской IV летописи, включением переработанных дополнений из Софийской I, наличием вставок, в частности, о «потаенном полку» Владимира Андреевича, противоречащих основному тексту и т. д.), но и терминологическим анахронизмом в титулатуре Дмитрия Ивановича, названного «государем» (даже не «князем») — термином, вошедшим в великокняжескую титулатуру лишь в последней трети XV в. Подобного наименования Донского не было ни в одном из источников повести Дубров-

в 1408—1409 гг. под свежим впечатлением от похода Едигея в 1408 г.²⁵ рассказ «О великом побойше иже на Дону» в Троицкой, Симеоновской и Рогожской летописях²⁶.

О месте битвы в этом рассказе повествуется так: «... князь же великий понде за Дон и бысть поле чисто и велико зело, и ту сретошася пгании половци, татарьскыи полци, бе бо поле чисто на усть Непрядвы реки»²⁷. Как видим, ко времени создания летописного рассказа его автору название этой территории еще не было известно. Нельзя сказать, имел ли район битвы русское название. Единственным географическим ориентиром служило устье р. Непрядвы, впадающей в Дон. «Татарской землей» летописный рассказ называет какие-то местности, удаленные от поля битвы: «убежа Мамаи в мале дружине в свою землю татарскую», «не в мнозе утече с Доньскаго побойша и прибеже в свою землю в мале дружине»²⁸. Употреблял ли свод начала XV в. термин «татарская земля» по отношению ко всем ордынским землям или только для обозначения места пребывания ордынской ставки хана²⁹, как это было в XV в., неизвестно. Поэтому из летописного рассказа нельзя сделать определенный вывод о принадлежности поля близ Непрядвы. А. А. Зимин (устно сообщивший автору свое мнение) предположил, что эта территория и до битвы была ничейной. Однако этому противоречит письменная традиция XV в., упорно именовавшая район битвы, как и все правобережье Дона, ордынским.

Митрополит Пимен и его спутники (в том числе Игнатий Смольнянин, составивший описание путешествия³⁰), спускавшиеся по Дону через 9 лет после Куликовской битвы, достигли «татарской земли», лишь миновав Великую луку — поворот в нижнем течении Дона, где он максимально приближается к Волге, т. е. в районе Калача³¹. В «Хождении» митрополита Пимена читаем: «В среду же пловуще минухом Великую Луку и царев Сарыхозин улус; и тако отгуду начя нас страх обдержати, яко внидохом в землю Татарскую, их же множество обапол Дона реки, аки песок»³².

Иной была расстановка сил накануне Куликовской битвы. Митяй, претендент на русскую митрополию, ставленник Дмитрия Донского, в 1379 г. направляясь в Константинополь, прошел из Рязанской земли «в Орду, в места половецкая и в пределы татарская»³³. По-видимому, до Куликовской битвы кочевья Мамаевой орды («Орда») располагались непосредственно у границ Рязанского княжества, тогда как «Татарская

ского, оно появилось только в избыточных сравнительно с ними текстах повести Дубровского.

²⁵ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 47—48.

²⁶ ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Пг., 1922, с. 134—136; т. XVIII. СПб., 1913, с. 129—130. Ср. Троицкая летопись, изд. М. Д. Приселкова. М., 1950, с. 419—421.

²⁷ ПСРЛ, т. XVIII, с. 129; т. XV, вып. 1, с. 139.

²⁸ ПСРЛ, т. XVIII, с. 130; т. XV, вып. 1, с. 140.

²⁹ О различных наименованиях Орды см.: Федоров-Давыдов Г. А. Кочевая орда в улусе Джучи.— «Вестник Московского университета», сер. истор., 1970, № 5, с. 75—86.

³⁰ Веневитинов М. А. По поводу пятисотлетия первого русского путешествия по Дону. В кн. Древности. Труды Московского археологического общества, т. XIV. М., 1890, с. 317—318.

³¹ Артамонов М. И. Саркел-Белая Вежа.— МИА, № 62. М.—Л., 1958, с. 10. К. В. Кудряшов помещает ее несколько выше Калача.— Кудряшов К. В. Половецкая степь. М., 1948, с. 24.

³² ПСРЛ, т. XI. М., 1965, с. 96; Прокофьев Н. И. Хождение Игнатия Смольнянина. В сб. ст. Литература древней Руси, вып. 2. М., 1978, с. 136.

³³ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 129; т. IV, ч. 1, вып. 2. Пг., 1925, с. 484. Последние два слова отсутствуют в повести о Митяе-Михаиле.— Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Л., 1978, с. 222.

земля» находилась южнее. Ордынцы, по мнению А. Н. Насонова³⁴, заходили и на Верхний Дон, туда, где в XIX в. сходились границы Орловской, Тамбовской и Рязанской губерний, т. е. до Епифани³⁵. Вплоть до конца XV в. на лето они прикочевывали в бассейн Верхнего Дона³⁶. Однако и сообщение о путешествии Митяя не рассеивает сомнений в вопросе о государственной принадлежности места, где происходила Донская битва.

Некоторое представление об этом можно получить из описания путешествия Пимена. Выйдя из Рязани (т. е. Переяславля Рязанского, по наименованию того времени), Пимен и его спутники с тремя стругами на колесах³⁷ 29 апреля вышли к Дону в неизвестном месте. 2 мая они сели на суда, спущенные на воду еще 29 апреля. Путь, проделанный ими и сопровождавшими их рязанцами по суше вдоль Дона с 29 апреля по 1 мая, не мог быть меньше 50—60 км³⁸, а, возможно, и больше, поскольку скорость движения после спуска стругов на воду должна была увеличиться. Чюр-Михайлов, где рязанцы покинули путешественников, был на 50—60 км ниже того места, где они достигли Дона, т. е., по мнению М. Н. Тихомирова, ниже г. Дубка, крайнего пункта Рязанской земли³⁹. Плавание началось от Чюр-Михайлова, который М. А. Веневитинов отождествляет со старым Данковым, находившимся на 20 верст выше по течению Дона, нежели новый, и в 30 верстах ниже устья р. Непрядвы⁴⁰, а К. В. Кудряшов помещал в устье р. Кочур⁴¹. К сожалению, проверить эти предположения по данным самого «Хождения» трудно, так как скорость плавания на разных участках Дона была неодинакова. Если на Среднем Дону, от устья Воронежа до устья Медведицы, она составляла почти 90 км в день (за 7 дней, с 9-го по 16 мая, они прошли 620 км)⁴², то вряд ли с такой же скоростью путешественники могли плыть в верховье Дона («быстрого Дона» «Задонщины»), изобилующем перекатами и мелями, извилистом и узком, несмотря на то, что плавание совершалось спустя месяц — полтора после вскрытия реки по вешней воде, уровень которой был значительно выше ординара. Трудно положить на карту маршрут движения и из-за неточности описания пути по Дону в самом «Хождении». Но совершенно ясно главное — путешественники вышли к Дону значительно выше Непрядвы, вероятно, в районе Дубка. Начали они плавание не от Старого Данкова⁴³, а от устья Б. Кочура — Чюр-Михайлова.

Из «Хождения» Пимена также явствует, что все левобережье Дона скорее номинально, чем фактически, считалось принадлежавшим Рязанской земле. Покинутые жителями развалины Чюр-Михайлова причислялись к ней же. Правобережье Дона, в том числе и устье р. Непрядвы, даже через 9 лет после Куликовской битвы, изменившей соотношение

³⁴ Насонов А. Н. Монголы и Русь (из истории татарской политики на Руси). М.—Л., 1940, с. 124, примеч. 4.

³⁵ Подробный атлас Российской империи. СПб., 1871.

³⁶ Сыроечковский В. Е. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в.—«Известия» АН СССР, 1932, № 3, с. 202; Багалей Д. И. Указ. соч., с. 72—75.

³⁷ ПСРЛ, т. XI, с. 95. Терминология «Хождения» не оставляет сомнений в том, что весь путь от Рязани до Дона (от 120 до 160 км) был проделан по суше.

³⁸ У К. В. Кудряшова — 45—50 км от устья Табол до устья Кочура. (Кудряшов К. В. Указ. соч., с. 20.)

³⁹ Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957, с. 123.

⁴⁰ Книга Большому Чертежу. М.—Л., 1950, с. 78.

⁴¹ Кудряшов К. В. Указ. соч., с. 20.

⁴² У К. В. Кудряшова — от Медведицы до Казалинской скорость — 70 км в день. (Кудряшов К. В. Указ. соч., с. 24.)

⁴³ А. Л. Монгайт идентифицировал Дубок и старый Данков. (Монгайт А. Л. Указ. соч., с. 232.)

русских и ордынских сил в бассейне Верхнего Дона, в состав Рязанской земли не входило, как можно судить по поведению сопровождавших Пимена рязанцев.

Точнее высказывается по поводу государственной принадлежности Куликова поля более поздний памятник — летописная повесть о Донской битве, создание которой М. А. Салмина весьма убедительно относит к 1437—1448 гг., т. е. через 57—68 лет после битвы. В ней читаем: «Поидоша за Дон в дальня части земля... Князю же перешедшу за Дон в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы...»⁴⁴ Летописная повесть не знает русского названия поля, как и «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского»⁴⁵, которое пишет «о татарских полях на Дону на реце»⁴⁶. В полном соответствии с этими памятниками характеризуют место битвы и более поздние летописи, использовавшие свод 1448 г.⁴⁷: в Новгородской первой летописи говорится, что Дмитрий Иванович «... поиде противу безбожных татар... и вьниде бо в землю их за Дон, и бе ту поле чисто на усть реки Непрядвы»⁴⁸. Та же традиция сохранилась и в XVI в. Повторяя Софийскую I и Новгородскую IV летописи, составитель Воскресенской летописи пишет, что битва состоялась «на чисте поле в ордынские земли на усть Непрядвы реки»⁴⁹. В последнем случае произошла подмена слова *татарские* на новый термин «ордынские». По наблюдениям Г. А. Федорова-Давыдова, понятие Орды, кочевой резиденции кагана (хана), характерное для персидских и армянских источников XIII — первой половины XIV в., русских переводов ярлыков XIV в., во второй половине XIV в. распространяется на все кочевое государство в целом⁵⁰.

Чем объясняется появление точного географического, или вернее, государственно-политического определения места битвы в памятниках конца 30-х — начала 40-х годов XV в.? Очевидно, с продвижением русских (рязанских и московских) владений к югу в середине XV в. (как это устанавливается по данным актовых материалов) для московских публицистов особую важность приобретал вопрос о государственной принадлежности этих земель. Не исключено и иное. Подчеркивая принадлежность района битвы Орде, политические деятели XV в. показывали важность победы Дмитрия Ивановича. В условиях феодальной войны 30—40-х годов XV в. и обострения русско-ордынских отношений вопрос об упрочении престижа великого князя московского, наследника наиболее последовательного борца за независимость Руси — великого князя Дмитрия Ивановича стоял очень остро. Отмечая факт выхода великого князя всея Руси Дмитрия Ивановича на земли Древнерусского государства, временно занятые Ордой, памятники 30—40-х годов XV в. противопоставляли политику московского, а с 1375 г., когда Дмитрий стал носить титул великого князя всея Руси, — русского великого князя полити-

⁴⁴ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915, с. 318.

⁴⁵ О нем: Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского». — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 80—104; Антонова М. Ф. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского» (Вопросы атрибуции и жанра). — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 147—150.

⁴⁶ ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, с. 54.

⁴⁷ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV веков, с. 122—125.

⁴⁸ Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 376. Новгородцы, предки которых, по ошибочному мнению ряда ученых (С. Н. Азбелев, В. Л. Янин), якобы участвовали в битве, и в середине XV в. плохо представляли себе географию юга.

⁴⁹ ПСРЛ, т. VIII, с. 38.

⁵⁰ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевая Орда в улусе Джучи. — «Вестник Московского университета», 1970, № 5, с. 75—86.

ке удельных владетелей, готовых ради упрочения собственного положения возвратиться к русско-ордынским отношениям докуликовской поры.

Русское название поля битвы впервые появляется в протографе «Задонщины»⁵¹, возникшем, по мнению М. Н. Тихомирова, А. А. Зиминой и других, в конце XIV в., по мнению С. К. Шамбинаго и А. А. Шахматова — в первой четверти XV в., а по предположению М. А. Салминой — после 1448 г.⁵² Поздний список распространенной редакции «Задонщины», сложившейся в 20—30-е годы XVI в. (список Ундольского)⁵³, своеобразно характеризует государственную принадлежность Куликова поля: «...по Рязанской земле около Дону ни ратан, ни пастухи в поле не кличют, но едины вороны грают трупы ради человеческия»⁵⁴. Некоторая неясность в этом вопросе возникает при чтении призыва русских князей к походу, обращенного к князю Дмитрию Ивановичу: «...поганые поля русские наступают и вотчину нашу у нас отнимают, стоят между Дономъ и Днепромъ, на рече на Мече»⁵⁵. Почти так же обозначает место битвы «Сказание о Мамаевом побоище» Тверского сборника (вариант XVI в.): «между Доном и Днепром на поле Куликове на рече на Непрядве»⁵⁶. Другое высказывание, вложенное в уста Владимира Андреевича якобы на пути к Дону («поганья татарове на поля на наши наступают, а вои наши отнимают»⁵⁷), в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины» не дает возможности понять, о чем идет речь. По словам Владимира Андреевича, «поля» являются общей вотчиной великого князя Московского и его брата (после 1389 г. — удельного серпуховского князя). Думается, это высказывание могло появиться лишь в ситуации того времени, когда Куликово поле перешло во владение русских князей или стало объектом их пристального внимания.

Для интересующей нас темы важны показания лишь краткой редакции «Задонщины», представленной Кирилло-Белозерским списком (редакции, ближе всего восходящей к архетипу), поскольку распространенная ее редакция обладает несколько смещенными представлениями относительно географии бассейна рек Москвы и Дона. В списке Син. 790 идет речь о «поле половецком», в Син. 790 и Унд. — о «земле Половецкой», И-2 — о «земле половецкой литовской», куда Москва-река «золелъбела мужей наших» (по словам вдов)⁵⁸. Син. 790 знает и Золотую Орду (термин, получивший распространение лишь в XVI в.), в которую ордынцы уже не чаяли вернуться⁵⁹. Место сбора Мамаева воинства обозначено то как находящееся «у Дону... на речки на Мечи» (И-1)⁶⁰, то «на реки на Мечи между Чюровым и Михайловым» (Унд.)⁶¹, то «на

⁵¹ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликова цикла. Л., 1966, с. 550.

⁵² Тихомиров М. Н. Древняя Москва. М., 1947, с. 202; Зиминой А. А. Две редакции «Задонщины». — «Труды» МГИИ, т. 24. М., 1966, с. 53; Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974, с. 57; Моисеева Г. Н. К вопросу о датировке «Задонщины». — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 224; Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище, с. 133—134; Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище», с. 178; Салмина М. А. «Летописная повесть...», с. 356—364.

⁵³ См. подробнее: Зиминой А. А. Две редакции «Задонщины», с. 54; его же. Спорные вопросы текстологии «Задонщины». — «Русская литература», 1967, № 1, с. 86—97; Азбелев С. Н. Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому. В кн. Русская народная проза (Русский фольклор, т. XIII). Л., 1972, с. 99.

⁵⁴ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликова цикла, с. 538.

⁵⁵ Там же, с. 548—549, 537.

⁵⁶ ПСРЛ, т. XV. Пг., 1922, стб. 440.

⁵⁷ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликова цикла, с. 549.

⁵⁸ Там же, с. 551, 554, 539, 546.

⁵⁹ Там же, с. 555.

⁶⁰ Там же, с. 542.

⁶¹ Там же, с. 536.

реце Мечне между Чудовым и Михайловым» (Син. 790)⁶². Являются ли эти разночтения индивидуальными особенностями списков или характеризуют особенности редакции как вторичной сравнительно с краткой (что правдоподобнее), смещение географических представлений (Чюр-Михайлов с Дона перемещен на Мечу, кроме того, он разделен на два — Чюров или вовсе Чудов и Михайлов. Появление Чюр-Михайлова в виде двух географических пунктов в Пространной редакции «Задонщины» удачно объясняет заимствование из «Сказания о Мамаевом побоище», в частности, из группы Ундольского Основной редакции «Сказания», в свою очередь совпадающего с Никоновской летописью⁶³) не позволяет привлечь их данные для выяснения вопроса о государственной принадлежности Куликова поля ни в XIV в., ни в более позднее время.

Всей этой путанице (укажем дополнительно, что Москва-река, при буквальном понимании текста распространенной редакции «Задонщины», оказывается притоком Дона) краткая редакция противопоставляет строгое представление о «полях половецких», куда отправились русские воины, возглавляемые Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем, о «земле Половецкой», по которой протекает Дон («... Доне, прошел еси землю Половецкую, пробил еси берези хараужныя»⁶⁴), не путая, подобно списку Унд., Дон с Дунаем⁶⁵, о пространстве «между Доном и Непром», куда прибыл Мамай⁶⁶. Таким образом, по понятиям автора краткой «Задонщины», территория, где происходила битва, принадлежала Орде. На это же косвенно намекает название битвы (битвы, а не произведения⁶⁷), данное Ефросином, — «Задонщина»⁶⁸, подчеркивая происхождение района битвы за пределами русских земель. Вплоть до XV в. «сеи стороною» Дона именовался левый, более заселенный берег⁶⁹. Даже книжник последней трети XV в. главным в битве считал тот факт, что она произошла «за Доном». «Задонщина» отнесла место битвы к ордынской, «половецкой», по ее терминологии, территории и впервые назвала его тем наименованием, которое потом утвердилось в качестве единственного русского топонима — *Куликово поле*. Этимология его вызывает некоторые размышления. В данном случае, как, впрочем, и во многих других, неясно, является ли суффикс *-ов-* суффиксом самого топонима в значении принадлежности или суффиксом той фамилии, которая вошла в состав топонима. И тот, и другой путь образования этого названия вполне возможен⁷⁰, тем более, что в топонимике более север-

⁶² Там же, с. 551.

⁶³ Зимин А. А. «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина» — Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969, с. 49; его же. Две редакции «Задонщины», с. 28—29.

⁶⁴ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликова цикла, с. 550.

⁶⁵ Там же, с. 538.

⁶⁶ Там же, с. 548, 550, 549.

⁶⁷ Лихачев Д. С. О названии «Задонщина». В кн. Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, с. 474—475.

⁶⁸ Обращают на себя внимание собирательные западнорусские суффиксы *-щин-*, *-чин-*, не свойственные в то время русскому языку. Они широко распространены в топонимах Белоруссии и Польши. (Safarewiczowa H. Nazwy miejscowe typu Mroczkowizna — Klimentowszczyzna. Wrocław, 1956; Никонов В. А. Славянский топонимический тип. В кн. Географические названия. М., 1962, с. 27.) Кирилло-Белозерский список «Задонщины» обладает и другим западнославянским — *рожные* — в значении «разные» (ср. польск. *różny*).

⁶⁹ Сыроечковский В. Е. Указ. соч., с. 203; Сб. РИО, т. 41. СПб., 1884, с. 44, 79, 101, 102, 110, 113, 141, 214, 234, 308.

⁷⁰ Суперанская А. В. Тили и структура географических названий (на материале топонимии СССР). В кн. Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. М., 1964, с. 71; Горбачевич К. С. Русские географические названия. М.—Л., 1965, с. 38—39.

ных районов центра, в том числе и Орловщины, этот суффикс является одним из самых продуктивных⁷¹. В географических же названиях Верхнего Подонья преобладают другие суффиксы (-ичи-, -шка-) ⁷².

Если составной топоним образовался от фамилии, а это бывает, как правило, в том случае, когда фамилия принадлежит местному жителю или владельцу земли, то это маловероятно, так как в середине XV в. русского населения в районе Непрядвы еще не было.

Точнее, на наш взгляд, первое предположение — о суффиксе -ов- как суффиксе топонима. Тогда следовало бы искать его корни в фауне этого района. Степного кулика, единственного возможного обитателя Куликова поля (кромшнепа), топонимы Подонья не знают⁷³, хотя в антропонимике этого района фамилии, образованные от имени этой птицы, очень часты⁷⁴.

Относительно происхождения названия *Куликово* в литературе высказано и другое предположение. Его этимологически возводят к *куличкам* — отдаленному месту⁷⁵. Действительно, *кулига* — широко распространенное слово в актах XV в. (правда, чаще всего в форме *кулижка*; по определению И. А. Голубцова, — «клин земли, полоса, участок вне надела, пожня среди пашен или в лесу или к заводу»⁷⁶), сохранилось вплоть до XIX в. В это время оно обозначало «ровное место, чистое и безлесное», «покос или пожня особняком среди пашен либо в лесу», «клин лесу, остров», «заводь, поемный лужок». При этом *кулижное поле* должно было находиться «на росчисти, на пожоге»; а в архангельском говоре — «на мысу излучистой реки»⁷⁷. В значении этого сочетания есть и оттенок удаленности, сохранившийся в известной поговорке — «у черта на куличках».

Это предположение, на наш взгляд, более основательное, нежели первое, удачно объясняет появление названия (особенно учитывая местное произношение слова — *Кули́ково*), данного летописному «полю ровну на усть Непрядве». Позднее *кулижное* под пером переписчиков «Задонщины» легко могло трансформироваться в *куликово* — уже с другим смыслом. В украинском, польском, чешском и других языках тем же словом *кулига* обозначался и кулик⁷⁸. Единственным препятствием для принятия этой гипотезы остается притяжательный суффикс -ов-. В. И. Даль в качестве прилагательных, образованных от термина «кулига», указывает два: *кулижное* и *кулиговатое* (последнее в значении — «место, речка, обильные кулигами»), причем ни в том, ни в другом словах нет оттенка притяжательности. Пока несомненно одно — появление этого топонима связано с устной традицией.

Следующий памятник — «Сказание о Мамаевом побоище», написанный не ранее середины XV в. и, вероятно всего, не позднее конца его

⁷¹ Никонов В. А. География русских суффиксов. — *Onomastica*, t. V, z. 2. Wrocław — Kraków, 1959, s. 327; Морозова М. Н. Топонимия Орловщины. В кн. Топонимия Центра. М., 1972, с. 13.

⁷² Никонов В. А. Славянский топонимический тип, с. 25—26.

⁷³ Семенов-Тянь-Шанский В. Как отражается географический пейзаж в народных названиях населенных мест? — *Землеведение*, т. XXVI, вып. 1—2. М., 1924, с. 153.

⁷⁴ Щетинин Л. М. Русские имена (очерки по донской антропонимии). Ростов н/Д, 1975, с. 36.

⁷⁵ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978, с. 334.

⁷⁶ АСЭИ, т. 1. М., 1958, с. 748.

⁷⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. СПб.—М., 1881, с. 216.

⁷⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967, с. 410.

(1499 г.)⁷⁹, продолжает традиции «Задонщины» в политико-географической терминологии (правда, в нем вместо *половци* — «половци и агаряне», иногда просто «татары») ⁸⁰. Знает «Сказание» и Куликово поле ⁸¹, которое, впрочем, летописная повесть не употребляет.

Топоним *Куликово поле* долго не использовался русскими летописцами для обозначения места битвы. В Пискаревском летописце говорится о походе Дмитрия Ивановича: «...перешед за Дон в поле чисто в ординские земли на усть Непрядвы реки», битва называется «Донским побоищем» и подразумевается, что она состоялась вне пределов Рязанской земли: «а хто поехал з Донского побоища домов сквозе его отчины и дедины, Рязанскую землю» ⁸². Отсутствие наименования Куликова поля в официальных памятниках первой половины XVI в. может быть объяснено только тем, что они не торопились с усвоением народной традиции, тем более, что наряду с вышеупомянутым наименованием бытовало иное, несомненно, также народного происхождения — *Мамай-луг*, или, точнее, как записано в посольских книгах, *Момай-луг* ⁸³. Лишь под 1542 г. в Никоновской летописи в связи с новой победой над крымцами, причем на том же месте, что и в 1380 г., впервые упоминается Куликово поле ⁸⁴.

Летописание и историография XVII—XVIII вв. прочно держались традиции наименования места битвы — *за Доном* ⁸⁵, а самой этой битвы — *Донской*.

Организатор этой победы лишь в середине или третьей четверти XVI в. получил наименование Донского. Так он назван в Степенной книге в рассказе о смерти его супруги Евдокии и восхождении на престол его сына Василия ⁸⁶ и в Описи Царского архива, в той его части, которая, по мнению А. А. Зимина, была составлена в 1549—1550 гг. ⁸⁷ По-видимому, в 1561—1566 гг. или, скорее, в 80-е годы XVI в. в список Оболенского Никоновской летописи была вписана подложная грамота «Данье великого князя Дмитрия Ивановича Донского в Саргиева монастырь» ⁸⁸; в 1575 г. в Шумиловском списке Никоновской летописи упоминаются два «Донских» — Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич. Возможно, прозвище этих князей «Донские» восходит к фольклору (на это указывает и Степенная книга, говоря о князе Дмитрие, «рекомом Донским») ⁸⁹, традиции которого лишь очень поздно были официально усвоены. Так, в надписи фрески Архангельского собора 1666 г., сохранившейся и, в отличие от самой фигуры князя, не переписанной в более позднее время,

⁷⁹ Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн. «Слово о полку Игореве» и памятники Куликова цикла, с. 505, 475. Ср. Дмитриев Л. А. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, с. 185—199; Мингалев В. С. «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники. М.—Вильнюс, 1971, с. 10—12; его же. Летописная повесть — источник «Сказания о Мамаевом побоище». — «Труды МГИАИ», т. 24. М., 1966, с. 55—71.

⁸⁰ Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 64, 66, 69, 43, 44.

⁸¹ Там же, с. 75.

⁸² ПСРЛ, т. 34. М., 1978, с. 126, 128.

⁸³ Сб. РИО, т. 95. СПб., 1895, т. 428, 435, 437, 443, 456, 504, апрель — июнь 1517 г., февраль 1518 г. (Момай-луг).

⁸⁴ ПСРЛ, т. XIII. М., 1965, с. 143. Ср. Афрамов И. Куликово поле, с. 56.

⁸⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. VIII. М.—Л., 1959, с. 292 («Победа на Дону»); Татищев В. Н. История Российская, т. V. М.—Л., 1965, с. 144, 146; Щербатов М. М. История Российская, т. IV, ч. 1. СПб., 1781, с. 121, 171.

⁸⁶ ПСРЛ, т. XXI, пол. 2. СПб., 1913, с. 408, 412.

⁸⁷ Зимин А. А. Государственный архив XVI столетия. Опыт реконструкции. М., 1977, с. 66, 162.

⁸⁸ Клосс Б. М. Указ. соч., с. 199; Зимин А. А. Актовые подделки Троице-Сергиева монастыря 80-х годов XVI в. В кн. Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961, с. 247—249.

⁸⁹ ПСРЛ, т. XIII, с. 7; т. XXI, пол. 2, с. 408.

читаем: «великий князь Дмитрий Иоанович»⁹⁰. Иконографическая схема фресок Михаило-Архангельского собора восходит к 1564—1565 гг.⁹¹, стало быть, и надпись 1666—1667 гг. повторяет надпись 1564—1565 гг. Надгробие же великого князя Дмитрия Ивановича в соборе Михаила Архангела, как и все остальные белокаменные надгробия 1636—1637 гг., называет его уже Дмитрием Ивановичем Донским⁹². Очень непоследовательны такие официальные документы, как описи архива Посольского приказа 1614 и 1626 гг. Они попеременно называют Дмитрия Ивановича то Донским, то просто великим князем: так, первая опись содержит слово *Донской* в 11 случаях из 15 упоминаний⁹³, вторая — лишь дважды из 24 случаев⁹⁴. Титулярник мастеров Оружейной палаты 1672 г. не употребляет определения *Донской*⁹⁵.

Таким образом, можно предполагать, что прозвище великого князя Дмитрия Ивановича *Донской* в официальных документах, появившись в середине XVI в., вероятно, в результате деятельности митрополита Макария, прочно закрепилось за ним в XVII в.⁹⁶ Разумеется, этот вывод носит предварительный характер. Обнаружение новых источников может изменить предлагаемую датировку.

Икона Божьей матери конца XIV в. (около 1385 г.) и хоругвь, по представлениям XVI в., побывавшие в жаркой сече на Дону, также именовались *Донскими*⁹⁷. Впрочем, наряду с этим сохранилась и память о Мамае. Так, Борис Годунов в 1591 г. был пожалован царем Федором золотым «судном», «словес Мамай»⁹⁸, которое, вероятно, осталось добычей русского войска после бегства беклярибека.

Спасение Москвы во время крымского нашествия 1591 г. приписывалось заступничеству богородицы, *Донская* икона которой дала название основанному на месте Гуляй-города монастырю у незащищенного Крымского брода⁹⁹. Избавление от крымцев в 1591 г. праздновалось торжественно и приравнивалось к *Донской* победе.

В конце XVIII в. произошло изменение в географической терминологии — стал широко использоваться топоним «Куликово поле при реке Доне»¹⁰⁰, а князь Дмитрий Иванович стал постоянно называться *Донским*¹⁰¹. В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина осталась только первая часть географического обозначения места битвы:

⁹⁰ Сизов Е. С. К атрибуции княжеского цикла в росписях Архангельского собора. В кн. Государственные музеи Кремля. Материалы и исследования, вып. 2. М., 1976, с. 71—73, 83.

⁹¹ Сизов Е. С. Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов. В кн. Древнерусское искусство. XVII в. М., 1964, с. 174.

⁹² Недумов А. Д. Московский придворный Архангельский собор. М., 1910, с. 24; Снегирев И. М. Архангельский собор в Московском Кремле. М., 1865, с. 16—85.

⁹³ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960, с. 51—52, 55—60.

⁹⁴ Опись архива Посольского приказа 1626 года, ч. 1. М., 1977, с. 33—34, 41.

⁹⁵ Портреты, гербы и печати большой государственной книги 1672 г. СПб., 1903, рис. 21.

⁹⁶ В 20-е годы XVI и XVII вв. он назывался иногда «Московским». Клосс Б. М. Указ. соч., с. 102; Моисеева Г. Н. К вопросу о датировке «Задонщины». — ТОДРЛ, т. XXXIV, с. 227.

⁹⁷ Эти реликвии активно использовались во время присоединения Казани и в Ливонской войне. — ПСРЛ, т. XIII, с. 191, 346—347 и др.; Лифшиц Л. И. Икона «Донской богородицы». В кн. Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств XIV—XVI вв. М., 1970, с. 87—114.

⁹⁸ Карамзин М. Н. Указ. соч., т. X, М., 1903, примеч. 80, с. 270.

⁹⁹ Ареикова Ю. И., Мехова Г. И. *Донской монастырь. Историко-архитектурный очерк.* М., 1971, с. 2.

¹⁰⁰ Гизель И. Синодосис, изд. 5. СПб., 1762, с. 151.

¹⁰¹ Дмитрий Иоаннович *Донской*. — Словарь исторический, ч. V. М., 1791, с. 157.

«Куликово поле», сама же битва из Донской была переименована в Куликовскую¹⁰². Таким образом, первому русскому «историографу» принадлежит честь введения современного названия битвы на Дону. Дон, все течение которого давно уже стало русским, утратил свое значение предела русских владений и потому это слово исчезло из названия битвы. Уже начиная с XIX в. стали писать лишь о Куликовской битве¹⁰³.

В литературе вопроса¹⁰⁴ несколько недооценивалось значение Донской победы для возвращения в состав Руси тех земель, которые ранее входили в Древнерусское государство. Одним из результатов битвы было формирование полосы ничейных земель, получивших в XV в. название Поля (1488 г.)¹⁰⁵, а в XVI в.— Дикого поля. Пимен и его спутники встретили татар 19 мая в районе Великой луки Дона на 17-й день плавания не менее чем в 150 км ниже устья р. Медведицы. Об окрестностях Верхнего и Среднего Дона Игнатий Смольнянин пишет: «Бысть же сие путное шествие печально и уныливо, бяше бо пустыня зело всюду, не бе видети тамо ничтоже; ни града, ни села... пусто же все и не населено; нигде бо видети человека, точию пустыни велиа и зверей множество... и бяше все пустыни великна»¹⁰⁶. Представление о пустынности этого района очень выразительно передано миниатюристом Лицевого свода XVI в.¹⁰⁷

Заброшенность земель по Дону была, по-видимому, связана с отступлением ордынских кочевий на юг¹⁰⁸. Память об этом сохранялась до XVII в., о запустении кочевий Мамай после его разгрома помнили еще в 1681 г.¹⁰⁹ Отмеченное выше продвижение русских владений на юг, на земли, входившие ранее в состав Древнерусского государства, тесно связано с изменением соотношения сил в этом районе вследствие Донской победы. Об этих демографических процессах неопровержимо свидетельствуют нумизматические материалы. В верховьях Дона, Северного Донца и Сейма резко сократилось количество кладов с джучидскими монетами; если от 60-х годов XIV в. их сохранилось (и было найдено) 23, то на следующее десятилетие приходится только 10¹¹⁰.

Вместе с тем нельзя и переоценивать степень хозяйственного освоения Верхнего Дона. Правда, во втором десятилетии XVI в. русские посольские книги с Крымом упоминают о существовании «ухожаев» в «Поле»¹¹¹. В целом, однако, район Верхнего и Среднего Дона оставался пустынным. Слабую заселенность правой — «Крымской», по выражению составителя Книги Большому Чертежу¹¹², — стороны Дона в течение все-

¹⁰² Карамзин Н. М. Указ. соч., т. V, с. 35.

¹⁰³ См. сноски I, 27, 47 и др. См. также Костомаров Н. И. Куликовская битва.— «Месяцеслов на 1864 год», прил., с. 3—24; Иловайский Д. И. Куликовская победа Дмитрия Ивановича Донского, изд. 2. М., 1880.

¹⁰⁴ Исключение, пожалуй, составляет лишь работа Д. И. Мышко (Мишко Д. І. Зв'язки між Україною і Росією в XIV—XV ст. Київ, 1959, с. 13).

¹⁰⁵ ПСРЛ, т. 27. М.—Л., 1962, с. 116; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. I. СПб., 1851, стб. 7.

¹⁰⁶ ПСРЛ, т. XI, с. 96.

¹⁰⁷ Бакланова Н. А. Описание русской природы в Хождении митрополита Пимена в Царьград в 1389 г. и отображение этого описания в миниатюрах Лицевого свода XVI в.— ТОДРЛ, т. XXIV. Л., 1969, с. 124—125.

¹⁰⁸ Веневитинов М. А. Указ. соч., с. 320.

¹⁰⁹ Статейный список Тяпкина и Зотова.— «Записки Одесского общества истории и древностей», т. II, отд. 2 и 3. Одесса, 1850, с. 574 (Сообщил В. А. Артамонов).

¹¹⁰ Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет.— Нумизматика и эпиграфика, т. I. М., 1960, с. 94—192; а также т. IV. М., 1963, с. 165—221.

¹¹¹ Сб. РИО, т. 95, с. 361, 389, 520, 425.

¹¹² Книга Большому Чертежу, с. 78.

го XVI в.¹¹³ объясняют тем, что вплоть до 1517—1518 гг. Мамаев луг оставался местом концентрации крымских сил¹¹⁴.

«Крымский смерч» (по выражению А. А. Зимина¹¹⁵) 1521 г. на время замедлил процесс русского продвижения на юг. Соотношение сил изменилось в пользу русских после победы над крымским войском в 1542 г. на том же Куликовом поле¹¹⁶. Однако район Верхнего и Среднего Дона в течение трех столетий после Донской битвы подвергался систематическим набегам крымцев¹¹⁷.

С вопросом о границах русских княжеств и государственной принадлежности Куликова поля был тесно связан характер московско-рязанских отношений во время похода Дмитрия Ивановича на Дон и обратно. Его войско, собранное в Коломне, двинулось не прямо на юг, а сначала на запад, вдоль Оки к р. Лопасне. Согласно духовной Ивана Калиты, г. Лопасня был передан младшему сыну Калиты — Андрею, отцу Владимира Андреевича¹¹⁸, но в 1353 г. был захвачен, а московский наместник (вероятно, Андрей) уведен в Рязань. В 1358 г. вопрос о владении Лопасней рассматривался царевичем Мамат-Хожей¹¹⁹. В духовной Ивана Ивановича Лопасня причислялась к «местам рязанским» и считалась возможным объектом ордынских притязаний (впрочем, говорится, что ордынцы могут искать «Лопастенских мест», а не самой Лопасни)¹²⁰. Лопасня оставалась вне московских владений и в 70—80-е годы, в момент составления духовной князя Дмитрия Ивановича и договоров его и Василия с Владимиром Андреевичем¹²¹.

Выбор направления движения русского войска к устью р. Лопасни мог иметь целью восстановление московской власти над этим городом и волостью. В позднейших памятниках этот поход не рассматривается как нарушение территориальной неприкосновенности Рязанского княжества. Об этом заходит речь только тогда, когда войска начали «Оку реку возитися». Позиция Дмитрия Ивановича, его готовность нарушить государственную границу Рязанского княжества ради того, чтобы сразиться с Мамаем, не представлялась безупречной с точки зрения феодалов и в конце XV в. Поэтому автор «Сказания о Мамаевом побоище» вкладывал в уста Дмитрию категорическое требование: «Да аще кто поидеть по Рязанской земли, то же не коснися ни единому власу»¹²². Линия поведения Дмитрия Донского согласно «Сказанию о Мамаевом побоище» кажется безукоризненной. Но отчего возникло это требование? Как показывают данные московско-рязанских договоров, походы Дмитрия 1371 г. на Скорнишево и 1378 г. на Вожу сопровождались угонем рязанского населения в Москву. «Полон», захваченный московским князем во время этих походов, не был возвращен вплоть до 1402 г. В договоре 1381 г., заключенном Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем с рязанским князем Олегом Ивановичем по горячим следам Донской битвы, этот вопрос не рассматривался. Вопрос о судьбе пленных рязанцев в результате похода 1371 г. Дмитрия Михайловича Боброка Волынского был поставлен в московско-рязанском договоре 1402 г. и

¹¹³ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии, с. 426.

¹¹⁴ Сб. РИО, т. 95, с. 443.

¹¹⁵ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 240.

¹¹⁶ ПСРЛ, т. XIII, с. 143.

¹¹⁷ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., 1948.

¹¹⁸ ДДГ, № 1, с. 7, 9.

¹¹⁹ ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, с. 10; Любавский М. К. Указ. соч., с. 57.

¹²⁰ ДДГ, № 4, с. 15, 18.

¹²¹ Там же, №№ 7, 11, 12, 13.

¹²² Повести о Куликовской битве, с. 56—57.

решен в пользу рязанского князя. Василий I обязался: «... что будет в моей отчине того полону, коли была рать отца моего князя Дмитрея Ивановича на Скорнищеве у города, и тот мой полон отпустить»¹²³. Судя по тому, что подобное же условие фигурировало и в московско-рязанском договоре 20 июля 1447 г., обязательства московский князь не выполнил. Такова же была и судьба пленных, захваченных Дмитрием Ивановичем в 1378 г. и Василием Ивановичем в 1395 г. (во время похода Романа новосильского и тарусских князей на Рязань). Оба договора — 1402 и 1447 гг. — уделяли участи пленных рязанцев большое внимание: «А что была рать отца (в договоре 1447 г. — деда. — А. Х.) моего, великого князя Дмитрея Ивановича в твоей отчине при твоём отце, при великом князе Олги Ивановиче, и княжа Романова новосильского и князей тарусских, нам отпустить полон весь. А что взято на полонянничех (в договоре 1447 г. — нянничех. — А. Х.), а то нам отдати, а порука и целование свести. А грабежу всему погреб»¹²⁴. Разумеется, идеологам великого русского князя во второй половине XV в. необходимо было представить победителя на Дону в качестве идеального феодального властителя и благородного соседа рязанского князя. Надеюсь на то, что людская память коротка, а владельцы «похолопленных» рязанцев не были заинтересованы в сохранении правды о происхождении своих «людей», автор «Сказания о Мамаевом побоище» и приписал Дмитрию этот приказ. Судя по данным московско-рязанских договоров, иной характеристики заслуживает нападение рязанского князя на русское войнство, возвращавшееся с Дона¹²⁵. Это не было проявлением изменнических действий рязанского князя, но расплатой за те угоны пленных, которые произвели московские войска в 1371 и 1378 гг. Таким образом, феодальные распри, в том числе и из-за пленных, оставались и в эти решающие для судеб Руси годы огромным препятствием на пути ее освобождения от ордынского ига.

Переход Дмитрием Ивановичем Дона (расцениваемый в XV в. как выход в пределы ордынских земель, знаменовал огромные сдвиги в самосознании русского народа. Колебания великого князя перед тем, как перейти Дон, и разногласия в стане воинов описаны летописной повестью 30—40-х годов XV в. Одни предлагали: «поиде, княже за Дон», другие требовали оставаться на левом берегу Дона, «понеже умножишася врази наши, не токмо татарове, но и литва, и рязанци». В оправдание решения о «вторжении» на территорию Задонья великий князь, по летописной повести, сказал: «Господи, не повеле еси в чюждь предел ступати; аз же, Господи, не приступих, снн же... преступааше, аки змна гнезду; окаянный Мамай, нечестивый сыроядец»¹²⁶.

Согласно сообщению более позднего «Сказания о Мамаевом побоище», инициаторами перехода Дона были Ольгердовичи, говорившие: «Аще хочещи крепкаго войска, то повели за Дон возитися... Ярослав, перевезеся реку, Святоплъка победы, прадед твой, князь великий Александр, Неву реку перешед, короля победы. А тебя, нарекши бога, подобает то же творити»¹²⁷.

Популярность этого памятника объясняется не только тем, что он воспевал победу над ордынскими войсками, но и утверждал право на последовательное сопротивление ордынским захватчикам.

¹²³ ДДГ, № 19, с. 54; № 47, с. 144.

¹²⁴ Там же. Ср. Зимин А. А. Холопы на Руси. М., 1973, с. 349.

¹²⁵ М. М. Щербатов полагал, что войско Дмитрия подвергалось нападениям на пути к Дону. — Щербатов М. М. Соч., т. IV, ч. I. СПб., 1902, стб. 208.

¹²⁶ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. I, с. 316—317.

¹²⁷ Повести о Куликовской битве, с. 61.

Донская битва 1380 г., вторая после похода на болгар в 1378 г. (битвы 1377 г. на р. Пьяне — в восточных районах Нижегородского княжества 1378 г. на р. Воже — в пределах Рязанской земли), происходила вне границ русских государственных образований. Этой победой, одержанной русскими вдали от родных мест, был закреплен тот психологический перелом, который принесла с собою битва на Воже¹²⁸. Успех на Куликовом поле воочию показал, что русские в конце XV в. были в состоянии не только успешно защищать те земли, которые оставались в пределах русских княжеств, но и бороться за возвращение всех земель бывшего Древнерусского государства. Этой победой были намечены пути расширения русских княжеств за счет потерянной ими ранее территории, перешедшей под власть Орды. Донская битва положила начало процессу собирания «вотчины» — земель бывшего Древнерусского государства, завершившемуся лишь в XVIII в. Она создала основу для окончательного вытеснения ордынцев с донских просторов. Возникновение пограничной нейтральной полосы — Поля — может рассматриваться как одно из наиболее важных последствий Донской победы, результатами которой для возвращения своих южных владений воспользовалось Русское государство.

Воинский опыт Донской битвы — поучительный для Орды — не позволил хану Ахмату столетие спустя перейти Угру и вступить в открытый бой с русскими войсками и обеспечил им «светлую победу без крови»¹²⁹, положив начало окончательному свержению чужеземного ига.

---

¹²⁸ Назаров В. Д. Русь накануне Куликовской битвы. (К 600-летию сражения на р. Воже). — «Вопросы истории», 1978, № 8, с. 110—114.

¹²⁹ ПСРЛ, т. XXI, пол. 2, с. 564.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Академик И. И. МИНЦ

МЕТАМОРФОЗЫ МАСОНСКОЙ ЛЕГЕНДЫ

1. НЕМНОГО ИСТОРИИ

В последние годы главным образом в исторических романах и повестях, а также в отдельных научных трудах появились новые оценки движущих сил революции 1905—1907 гг. и особенно Февральской революции 1917 г. В рассказах о событиях периода царствования последнего российского самодержца — Николая II — среди «героев» замелькали вдруг члены всемирного братства «свободных каменщиков» — масоны. О них пишут, что с помощью конспиративных, а вернее закулисных методов они вершили государственные дела, смещали и назначали высших сановников, готовили и вызвали войны, занимались шпионажем, расшатывали царский режим и в конце концов составили костяк Временного буржуазного правительства. Важно отметить, что в качестве масонов показаны не только вымышленные, но и реальные лица — довольно известные бывшие политические деятели: руководители кадетской, народно-социалистической, эсеровской и меньшевистской партий. А это уже налагает на авторов дополнительную ответственность. В целом же, скажем сразу, все это свидетельствует о нарушении основного принципа единственно научного анализа истории — классового подхода, об отходе некоторых авторов (писателей и историков) от классовых позиций при оценке исторических событий и деятелей.

Основоположники марксизма не оставили специальных работ о масонах, но в своих высказываниях оценивали их отрицательно. Разоблачая реакционную деятельность принца Прусского, стоявшего во главе прусских масонов и объявившего виновниками революции 1848 г. евреев, Маркс и Энгельс писали в редактируемой ими газете: «Большая масонская ложа „Три короны“ в Берлине — как известно, *принц Прусский* является верховным главой прусских масонов... — объявила о прекращении деятельности ложи „*Минерва*“ в Кёльне. Почему? *Потому что она приняла в число своих членов евреев*»¹. (Как увидим далее, русские черносотенцы и охранка не были оригинальны в своей оценке «виновников» революции в России.)

Когда Марксу и Энгельсу приходилось критиковать и высмеивать реакционные взгляды того или иного буржуазного деятеля или ученого, они нередко сравнивали его с масонами. Так, критикуя идеалистическую философию английского историка Томаса Карлейля за его теорию «культу героев», согласно которой наличие общественных классов является

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 78.

«частью вечного закона природы» и потому вечно будут существовать классы господ и подчиненных, Маркс и Энгельс писали, что автор опустил «до плоской банальной мудрости иллюминатов и франкмасонов прошлого столетия»².

Раскрывая и осуждая раскольническую деятельность бакунистов в Интернационале, Маркс и Энгельс сравнивали их тайные происки и интриги с подобной практикой масонов³. У Маркса и Энгельса — и ни у кого из их последователей — нет никаких намеков на прогрессивность масонов и тем более на их революционную деятельность. В большой статье, помещенной в 7-м издании известного энциклопедического словаря «Братев А. и И. Гранат», выдающийся историк-марксист М. Н. Покровский довольно полно охарактеризовал некоторые существенные стороны масонства. По его мнению, масоны — это члены «религиозно-философского общества, возникшего в первой четверти XVIII в. в Англии и оттуда распространившегося по всему цивилизованному миру». Общество ставило просветительские и благотворительные цели, но отличалось от других подобных организаций спецификой посвящения, происходившего по особому ритуалу. От сектантов масонов отличало отсутствие религиозной догматики. Тайными, писал М. Н. Покровский, масонские общества могли называться весьма условно. Тайным считалось их учение, которое посвященные обязывались не открывать посторонним. Списки членов масонских лож обычно публиковались, адреса были известны, как отчасти и ритуалы. Хотя занятия политикой запрещались уставами, тем не менее масоны нередко становились «политическим оружием в руках различных общественных сил, реакционных или прогрессивных, смотря по тому, какие общественные классы этим орудием пользовались»⁴.

Нам представляется необходимым подчеркнуть, что здесь характеризуется масонство XVIII в. В дальнейшем же масонство в качестве организованной силы не служило не только революции, но и вообще прогрессивному развитию.

В последнем издании «Большой советской энциклопедии» масонство, или франкмасонство, определяется как «религиозно-этическое движение», возникшее в начале XVIII в. в Англии, а оттуда перешедшее во Францию, Германию, Испанию, Россию, Данию, Швецию, Индию, США и другие страны. Масонство провозглашало «объединение людей на началах братства, любви, равенства и взаимопомощи». В статье подчеркивается, что идеи буржуазного антиклерикализма переплетались у масонов с элементами религиозного мистицизма. Статья отмечает, что движение первоначально носило буржуазный характер, в нем участвовали многие просветители. Из той же статьи мы узнаем, что к 60-м годам нашего века масонство насчитывало до 8 млн. человек, главным образом в США и Великобритании⁵. Советская историческая энциклопедия пишет о масонах примерно в том же духе.

Вот и все, что сказано марксистами о масонах. А вообще-то литература о масонах насчитывает десятки тысяч книг; только по истории русского масонства в библиографию включено более тысячи книг⁶.

Отнюдь не претендуя на подробное изложение сути масонства (это дело специального марксистского исследования), автор в данной статье приводит лишь краткие сведения из его истории. Основная цель этого

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 274.

³ См. там же, т. 18, с. 345.

⁴ Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К^о», изд. 7. Пг., 1913, т. 28, с. 290—292.

⁵ Большая советская энциклопедия, изд. 3. М., 1974, т. 15, с. 447.

⁶ Воигушкин Пауль. Bibliographie sur la franc-maçonnerie en Russie. Paris, 1967.

выступления — показать несостоятельность «новых» веяний в оценке роли масонов как движущей силы революции.

Организации масонов (по-французски — *franc-maçon*, по-немецки — *Freimaurer*, по-английски — *free mason*; в переводе со всех этих языков — свободный каменщик) возникли и распространились в Европе и Северной Америке в начале XVIII в. Существовали они в виде отдельных лож с различными названиями, заимствованными главным образом из астрономии. Масонские организации строились строго иерархически, со многими степенями подчинения. Ложы объединялись в крупные организации, нередко международные.

По мнению большинства историков, масонские ложы возникли из средневековых строительных товариществ, которые занимались многолетним возведением больших соборов и монастырей. Строители ревниво хранили тайны своего ремесла, передавая их устно от мастера к ученику. Принадлежность к той или иной корпорации определялась специфическими паролями, тайными знаками и особой одеждой. Орудия производства хранились в специальных помещениях, называвшихся ложами, где происходили и собрания членов корпораций. Поскольку храмы, дворцы, замки, крепости строились повсеместно, спрос на мастеров строительного дела был велик. Нередко к стройкам привлекались иностранные мастера. Установленные условные пароли и знаки помогали при поездках в чужие страны: благодаря им братья-каменщики всюду узнавали друг друга и могли оказать необходимую поддержку.

В дальнейшем в ложы стали приниматься и посторонние лица преимущественно из зажиточных слоев. В эпоху развития капитализма в ложы вступали представители господствующих классов — лорды, лендлорды, графы, маркграфы, богатые купцы. Их привлекали дисциплина, строгое подчинение низших чинов высшим. Масонские организации можно было использовать против поднимающихся на борьбу угнетенных масс, против нарождающегося рабочего движения, тем более, что церковь для этого становилась неподходящей — ереси, расколы ослабляли ее, а иногда она и сама в лице радикально настроенных групп возглавляла массы.

Современные масоны считают датой своего возникновения 1717 год, когда в Лондоне образовалась «Великая английская ложа». Через несколько лет ее филиалы с помощью английских купцов, завоевателей, путешественников появились и в других странах, в том числе в России. Официальная цель нового объединения — «духовное строительство», нравственное совершенствование на основе братской любви, религиозной терпимости и прочих общих добродетелей, давно проповедовавшихся различными христианскими верованиями. Отличие масонства от церкви состояло в отсутствии канонов, особом ритуале приема новых членов и обстановке масонских «работ». Масоны поклонялись богу, который обычно именовался «архитектором вселенной». Единого руководящего центра они не имели. Некоторые их объединения, например, французские и итальянские, отказались от поклонения всевышнему и придерживаются атеистических убеждений.

Германское масонство фактически превратилось в дворцовую организацию после того, как в его состав вошел прусский кронпринц, впоследствии король Фридрих II, а за ним и ряд других немецких государей. В среде германских масонов расцвел культ розенкрейцеров (по имени некоего рыцаря Розенкрейцера, создавшего одну из лож). Движение привлекало к себе обещанием чудес, создания эликсира вечной молодости и т. п. Германское масонство отличалось строгим почитанием чинов, беспрекословным подчинением и покорностью вышестоящим⁷.

⁷ Масонство в его прошлом и настоящем. СПб., 1914, т. I, с. 79.

В США масонство появилось почти в то же время, что и в Англии. Здесь в ложи входили крупные плантаторы, богатые купцы, а также ряд выдающихся политических деятелей, в том числе Бенджамин Франклин. Известно, что в американские ложи входили и английские офицеры — противники борьбы за независимость Северной Америки, а один из соратников Франклина по ложе — У. Аллен — организовал на свои деньги полк для английской армии⁸.

Близость масонства к дворам, вся обстановка масонской тайной общины и загадочной мистики плодила мошенников и проходимцев. Некоторые из них стали героями произведений известных писателей. Достаточно вспомнить роман Александра Дюма «Жозеф Бальдамо» — подлинное имя графа Калиостро, родившегося в бедной крестьянской семье в Италии.

Вообще с самого зарождения масонство было окутано густой пеленой мифов и легенд, первоначально сводившихся к утверждению древности и божественности его происхождения. Особенно в этом усердствовали немецкие масоны, усматривавшие истоки своего союза еще... со времен Адама. Другие ссылались на манихеев, проповедовавших в III в. на Ближнем Востоке учение о добре и зле как основе мира; на пифагорейцев — последователей древнегреческого идеалистического учения, считавшего сущностью вещей числа, а также на ранних христиан. Все это, понятно, не имело под собой никакого исторического фундамента и было отвергнуто даже буржуазной наукой.

С конца XVIII в. на первый план выдвинулась и продолжает, несмотря ни на что, бытовать легенда о некоей революционности масонства. Джон Робинсон приписывал замысел Великой французской буржуазной революции действиям масонов и доказывал существование заговора масонов против религий и правительств. Иезуит Баррюэль уверял, что масонские ложи были органами восстания, а затем превратились в якобинские клубы. На деле же классовым инстинктом якобинцы правильно поняли контрреволюционность масонов: ложи были распущены (многие закрывались сами), а их руководители либо ушли в эмиграцию, либо погибли на эшафоте, как, например, грессмейстер «Великого Востока Франции» герцог Филипп Орлеанский. Но легенда о «революционности» масонских лож сохранилась до наших времен, главным образом в кругах католической церкви и реакционеров всех мастей.

Вплоть до начала XX в. происходили шумные баталии между масонством и Ватиканом фактически лишь из-за того, кто будет играть роль ведущей духовной опоры феодального дворянства, а затем буржуазии. В наши дни обе эти силы активно сотрудничают. В США, Англии и других странах чуть не произошло слияния масонства с протестантской церковью.

* * *

В настоящей статье, как уже выше отмечалось, поставлена задача: раскрыть «преломление» масонской легенды главным образом по отношению к истории периода русских буржуазно-демократических революций.

В России первая масонская ложа была создана англичанами в 1731 г.⁹ Вначале в ее составе были одни иностранные купцы, но постепенно стали создаваться и русские ложи, куда входили аристократы — сановники, военные, помещики. В одном из масонских уставов указыва-

⁸ Там же, т. II, с. II, 251—252, 257.

⁹ Пылин А. Хронологический указатель русских лож от первого введения в масонство до запрещения его. 1731—1822. СПб., 1873, с. 3, 5.

лось: «Подло и несправедливо судить о масонских ложах, как о слабой и несмышленной черни... Ложи помещиков никому, кроме черни, не затворены»¹⁰. Русское масонство характеризовалось религиозностью, приверженностью православию. Поэтому православная церковь, в отличие от католической, относилась к нему терпимо. Однако, когда в 70-х годах XVIII в. в России вспыхнула Крестьянская война под предводительством Е. Пугачева, а чуть позднее началась Великая французская революция, тайные собрания масонов, условная обрядность и, видимо, преобладание иностранцев в ложах возбуждали подозрения в общественных верхах и при дворе. Если прибавить к этому, что в Петербурге около 1780 г. появился «знаменитый» граф Калистро, выдававший себя за полковника испанской армии и занимавшийся вызыванием духов и «златоделанием», то станет понятным охлаждение двора к масонам. Сама Екатерина II написала комедию «Обманщик», в которой вывела некоего иностранного масона Калифаркжерстона, наделавшего долгов и бежавшего из России.

Однако до запрещения масонства дело все же не дошло. Напротив, вступивший на престол Павел I, ориентировавшийся на Пруссию, покровительствовал масонам. Они выступали защитниками самодержавия и крепостничества. Один из видных русских масонов — И. В. Лопухин — отмечал в общих правилах «духовных рыцарей»: «Непоколебимая верность и покорность к своему государю, с особой обязанностью охранять престол его, не только по долгу верноподданных присяги, но и всеми силами стремясь изобретать и употреблять всякие к тому благие и разумные средства...»¹¹. Где тут можно увидеть не то что революционность, но и намек на какую-либо прогрессивность взглядов?

Но скоро Павел I охладел к масонству, и в 1797 г. ложи были запрещены¹². При Александре I они возродились. Правда, их деятельность была поставлена под надзор полиции: они обязаны были представлять свои отчеты (впрочем, от этого их довольно быстро освободили — настолько их деятельность оказалась безобидной, совершенно безопасной для самодержавия). «Масон должен быть покорным и верным подданным своему государю и отечеству, — говорилось в уставе Великой ложи „Астреи“, изданном в 1815 г., — должен повиноваться гражданским законам и в точности исполнять их; он не должен принимать участия ни в каких тайных или явных предприятиях, которые могли бы быть вредны отечеству или государю, равно не содействовать к тому осуждениями государя или его законов ни письменно, ни словесно. Каждый масон, узнавший о подобном предприятии, обязан извещать о том правительство, как законы повелевают»¹³.

Покровительственное, во всяком случае, терпимое отношение царизма к масонам меняется в связи с развитием и нарастанием революционного движения в ряде стран Европы. Священный союз, объединявший реакционные правительства, предпринял меры подавления революционных движений вплоть до вооруженной интервенции в страны, охваченные ими. Принимал свои меры и царизм: 1 августа 1822 г. Александр I подписал высочайший рескрипт на имя графа Кочубея с требованием закрыть масонские ложи. Прямой нужды в этом не было — всего лишь два года тому назад власти отменили распоряжение, требовавшее от лож

¹⁰ Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг. 1917, с. 6.

¹¹ Масонские труды И. В. Лопухина. М., 1913, с. 3.

¹² Пылин А. Указ. соч., с. 30.

¹³ Семеновский В. И. Декабристы-масоны. — «Минувшие годы», 1908, май — июнь, с. 380.

представления отчетности, ибо убедились в верноподданности масонов. Закрытие лож скорее всего было вызвано опасением царских властей «как бы чего не вышло»: уже поступили данные о тайных обществах, где говорили о конституции, ограничении самодержавия, отмене крепостничества. Самое распоряжение, разосланное графом Кочубеем, подтверждает это: «Беспорядки и соблазны, возникавшие в других государствах от существования различных тайных обществ, из коих иные под наименованием лож масонских, первоначально цель благотворения имевших, другие, занимаясь сокровенно предметами политическими, впоследствии обратились ко вреду спокойствия государств и принудили в некоторых спл тайные общества закрыть»¹⁴. Как видим, здесь различаются легальные ложи и тайные общества.

Масоны подчинились приказу о прекращении их деятельности. Возможно, впрочем, что некоторые и продолжали тайно действовать: многие русские масоны являлись членами иностранных лож и сохраняли связи с английскими, германскими или шведскими ложами.

Необходимо подчеркнуть, что русское масонство, как и западное, было неоднородным. Среди них были и сторонники освобождения крестьян, и сторонники крепостничества, были ярые защитники самодержавия, но входила в общество и часть декабристов. С течением времени менялся не только состав масонов, но и их взгляды. Библиографический словарь, составленный Т. А. Бакуниной, насчитывает более 3 тыс. имен, но составитель словаря полагает, что число их, видимо, поднималось в XVIII и первой половине XIX в. до 5 тыс.¹⁵ Русские масонские ложи были аристократическими организациями, не допускавшими в свой состав представителей народных масс. Это запрещалось уставами многих лож, и если в отдельных случаях допускались «братья» из низших слоев, то лишь на самые начальные «ступени»: никакими званиями они не наделялись. Повсюду ложи поддерживали власть предержавших, требуя от своих членов покорности, подчинения высшим властям и строгого верноподданничества. Они проповедовали равенство, но не сословий и классов, а равенство членов своих лож, они призывали к благотворительности, но лишь для «братьев», впавших в бедность, или их семей, они выступали за поддержание и моральное совершенствование, но свои собрания не прочь были превращать в увеселительные сборища, а то и в оргии¹⁶. По своим методам и формам работы масоны были категорически против революционных выступлений.

В масонстве преобладали реакционно-мистические тенденции — это положение является общепризнанным в историографии. Но из этого отнюдь не следует, что все масоны без исключения являлись носителями обскурантизма и консерватизма. Если мы встанем на такую упрощенческую точку зрения, нам трудно будет ответить на вопрос о причинах участия в масонских ложах таких известных политических деятелей, писателей, ученых, как Вольтер, Дантон, Гете, Лессинг, Гердер, Новиков, ряд декабристов и т. д. Отвечая на этот вопрос, нужно, по-видимому, конкретно говорить о каждом в отдельности, об их личных качествах и интересах, об условиях времени. Вполне вероятно, что в масонстве их привлекали возможность общения, организации, религиозно-нравственные искания, призывы к братству, моральному совершенствованию. Во всяком случае, между прогрессивной, а тем более революционной дея-

¹⁴ «Русская старина», 1877, т. XVIII, с. 650.

¹⁵ Répertoire biographie des franc-maçons russes (XVIII et XIX siècle) par Tatiana Basounine. Paris, 1967.

¹⁶ См. высказывания одного из руководителей лож — И. П. Елагина: Масонство в его прошлом и настоящем, т. I, с. 128—129.

тельностью этих людей и их участием в масонских ложах было мало общего.

Вот, к примеру, русский просветитель конца XVIII — начала XIX в. Н. И. Новиков. Одни считали и считают его убежденным масоном: он и сам не отрицал своего участия в различных ложах. Другие — среди них видный историк прошлого В. О. Ключевский, а также ряд советских историков — категорически отрицают масонство Н. И. Новикова¹⁷. Первые ссылаются главным образом на тот факт, что Новиков был осужден на 15 лет заточения за участие в масонских ложах (заметим, что никто из других «братьев» тогда не был привлечен к ответственности). Можно согласиться с советским историком Л. А. Дербовым, который пишет: Новиков, «преодолевая реакционно-мистические влияния масонства», «шел своим путем передового русского общественного деятеля и мыслителя, ищущего правды жизни и стремящегося быть полезным своему народу. Не за масонство так жестоко расправился с Новиковым царизм...»¹⁸ Можно полагать, что масонство Новикова было лишь предлогом для ареста, а на деле власти хотели прекратить его просветительскую деятельность. Известно, что ни книг, ни статей на масонские темы он не писал. Его участие в ложах, где господствовали сановники, богатые люди, можно рассматривать как способ добыть средства на дорогостоящее издательское дело. Не исключено, что Новиков надеялся получить у членов ложи не только деньги, но и статьи и книги для издания. Недаром Новиков и его друзья отделяли себя от всех «шарлатанов» и «корыстолюбивых братьев»¹⁹.

Что касается декабристов-масонов, то и здесь явно недостаточно просто указать на их участие в ложах. Буржуазный историк прошлого века В. И. Семевский подсчитал, что из числа членов тайных обществ, преданных верховному суду, только 23 человека, т. е. пятая часть, состояли в масонских ложах; среди них — П. И. Пестель, братья Муравьевы, Муравьевы-Апостолы, К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер. Но пребывали они в масонах недолго и быстро покинули ложи. Пестель, Муравьевы-Апостолы, Н. Муравьев вышли из масонских лож уже в 1818—1819 гг.²⁰ Да и могли ли удовлетворить их требования покорности монарху и обязательство выдавать «несогласных» с властями? По вопросу о масонстве декабристов в исторической науке также существуют разногласия: одни полагают, что пребывание будущих декабристов в ложах являлось своего рода подготовительным этапом к революционной деятельности; другие отрицают это, хотя и признают участие декабристов в масонских организациях. Выдающийся ученый, крупнейший специалист по истории декабризма академик М. В. Нечкина доказала, что декабристы считали масонство консервативным движением и порвали с ним. М. В. Нечкина считает, что будущие декабристы вступали в ложи не для превращения их в тайные революционные общества, а для прикрытия своих взглядов и создания организации, ставившей задачу революционного переворота²¹.

В основном с 20-х годов XIX в. масонские ложи на долгие годы исчезли с общественной сцены в России и из поля зрения полиции. О них заговорили много лет спустя — во время и особенно после первой русской

¹⁷ Ключевский В. О. Очерки и речи. М., 1913, с. 270. См. об этом: Дербов Л. А. Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов, 1974.

¹⁸ См. Дербов Л. А. Указ. соч., с. 167.

¹⁹ См. Краснобаев Б. И. Две книги по истории русского масонства. — «История СССР», 1971, № 3, с. 225—228.

²⁰ Там же, с. 228.

²¹ Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955, с. 134, 141.

революции в России. Реакция всегда сводит причины революционного движения к деятельности «злонамеренных лиц». Русская реакция возлагала вину на революционные партии, прежде всего и больше всего на большевиков. Черносотенная пресса подняла кампанию против масонов, именуя их «жидо-масонами». Власти поручили охранке «сыскать и представить» их. Но как ни билась охранка, к каким только мерам ни прибегала — засылала секретных агентов в различные партии, создавала ложные масонские общества, публиковала составленные ее сотрудниками фальшивые отчеты, — провокации не дали результатов: масонских организаций не существовало.

Таковы краткие сведения о русских масонах. Подчеркнем еще раз, что они не дают никаких оснований считать их вершителями судеб России, ниспровергателями сановников, создателями по своему произволу политических партий в Государственной думе, инициаторами войн и революций в России. Скорее всего, если и существовали какие-то организации масонского типа, то были они крайне эфемерны, неопределенны, даже случайны.

Вместе с тем нельзя отрицать того, что те или иные буржуазные и мелкобуржуазные политические деятели, принадлежавшие к различным партиям, были масонами; некоторые из них сами свидетельствовали об этом. Но не существовало какой-то крупной надпартийной, внеклассовой организации. Создать такую организацию в условиях острой классовой борьбы было невозможно. Ленин не раз подчеркивал удивительно резкую партийность классов в России. «Россия партийно замечательно организована», — говорил он на Петроградской общегородской конференции РСДРП(б) в апреле 1917 г.²² Значит, ссылка на участие в масонских ложах ввиду недостатка «организованности» «общественных сил» тоже не выдерживает критики.

2. ШАГ НАЗАД В ОЦЕНКЕ ДВИЖУЩИХ СИЛ РЕВОЛЮЦИИ

Тема о масонах как одном из главных факторов или даже главном факторе революций 1917 г. в России вновь возникла и развилась в белогвардейской, затем белоэмигрантской черносотенно-монархической историографии (если вообще можно назвать историографией книжонки, выходившие из-под пера таких «историков», как Н. Марков-второй, Г. Бостунич и т. п. «зубров»). От их нелепой стряпни очень дурно пахло, несло таким человеконенавистническим духом, что даже октябристские и правокадетские эмигрантские публицисты приходили в содрогание. О Бостуниче писали как о человеке, «позорящем русское имя», а от двухтомного «сочинения» Маркова-второго «Война темных сил» (вышло в Париже в 1922 г. в издательстве «светлейшего князя М. К. Горчакова», который был известен всей эмиграции как помешавшийся) осторожно открестилась даже газета «Новое время», выходившая тогда в Белграде... И это понятно. Марков-второй объявлял «орудиями» масонов Витте, Столыпина, Коковцова, Сазонова, само собой Милюкова, даже Протопопова! Затем утверждалось, что по масонской указке действовали генералы Алексеев, Рузский, Брусилов, Данилов и др. Но время шло. Сходили в могилу «зубры», «затухала» и масонская тема в ее черносотенном варианте.

В начале 30-х годов к ней обратился белоэмигрант, бывший народный социалист, а в период гражданской войны и эмиграции сильно эволюционировавший вправо, в сторону монархизма, С. П. Мельгунов. Бу-

²² Ленин В. И. ПСС, т. 31, с. 254.

лучи профессиональным историком, он, разумеется, не мог повторять черносотенские выдумки. «Я, конечно, не буду опровергать тех многочисленных басен о русском масонстве XX в., — писал он, — которые имеются в официальной и официозной литературе, им посвященной (донесения Алексеева, статьи Манасевича-Мануйлова в „Новом времени“ и др.). Здесь этому не место»²³. Мельгунов решительно отверг тезис о том, что «масонство оказалось большой революционной силой». «Это, конечно, не так, — писал он, — и в особенности в отношении современного русского масонства»²⁴. Но далее Мельгунов приводил некоторые данные (полученные им главным образом в личных беседах с некоторыми белоэмигрантскими политиками) о возрождении в России нескольких масонских организаций, целью которых якобы было достижение «такого политического объединения, которое никогда не давалось русской общественности»²⁵.

Вывод Мельгунова был, однако, крайне ограниченным. «Масонская форма в российской обстановке, — писал он, — не могла содействовать серьезному политическому объединению, потребность в котором была так ощутима и создать которое не удавалось. Партийные переговоры были сильнее „братской“ солидарности. Разную психологию во время войны нельзя было нивелировать масонским законом...»²⁶.

Примечательно, что в более крупных своих работах, вышедших в 50-х годах («Легенда о сепаратном мире», «Мартовские дни 1917 г.» и др.), Мельгунов не возвращался к масонской теме, по-видимому, полагая, что это не добавит что-либо существенное в понимание природы российских революций. Заметим, что в отдельных белоэмигрантских мемуарах, главным образом 30-х годов, все же «проскальзывал» «масонский материал»²⁷. Так, например, И. В. Гессен приводил разрозненные данные о возрождении масонства в России в начале XX в., считая, что оно «сыграло некоторую роль при образовании Временного правительства». Впрочем, какую именно, Гессену, по его собственному признанию, оставалось неизвестным даже спустя много лет, в эмиграции. В конце концов, писал он, «масонство совсем выродилось в самодовлеющее общество взаимопомощи, взаимоподдержки на манер рука руку моет, но уже и в то время (т. е. до революции. — И. М.) благодетельное противодействие масонства русской кружковщине сразу вывернулось нанзнанку»²⁸.

Масонская тема, таким образом, была отдана на откуп черносотенно-монархическим публицистам, от которых стыдливо отворачивалась либеральная эмигрантская историография, стремящаяся сохранить своего рода академическую респектабельность.

В 50-х годах за рубежом широкий размах получила советология. Свои «концепции» и «интерпретации» предыстории и истории революций 1917 г. в России советологи черпали преимущественно из эмигрантской литературы кадетского направления, и масоны остались вне поля их зрения. Тогда советологи считали слишком компрометирующим использование «достижений» белоэмигрантских историков типа Маркова-второго. Однако в начале 60-х годов в ряде эмигрантских изданий вновь появились упоминания о масонах. Среди них особое место занимала книга бывшего меньшевика Гр. Аронсона «Россия накануне революции». «Изюминкой» той части «этюдов», в которой речь шла о масонах, была

²³ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931, с. 181.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, с. 185.

²⁶ Там же, с. 186.

²⁷ Гессен И. В двух веках. Берлин, 1937, с. 217.

²⁸ Там же, с. 217—218.

публикация трех писем Е. Кусковой (Вольскому — от 15 ноября 1955 г. и Л. О. Дан — от 28 января и 12 февраля 1957 г.). Письма были «сенсационными». Кускова ни много ни мало утверждала, что масонское движение перед революцией было «огромно», что в период Февральской революции вся Россия была «покрыта масонскими ложами» и что «всюду» были их люди и т. п. Вместе с тем подчеркивалось, что, несмотря на такой размах «движения», оно оставалось и остается тайным, ибо масоны связаны клятвой молчания! Мягко говоря, сильное преувеличение кусковских воспоминаний бросается в глаза. Еще Гессен писал, что для Кусковой были характерны чрезмерная возбудимость, которая «с помощью услужливых розовых очков легко превращает желаемое в реальность...»²⁹

Итак, 15 ноября 1955 г. Кускова в письме Вольскому обрисовала в общих словах «самый трудный вопрос о масонстве». Масоны якобы молчали столько лет, ибо были связаны клятвой и, кроме того, боялись повредить некоторым из «братьев», оставшихся в СССР, хотя могли и не называть их имен. По ее словам, дело началось «после гибели революции 1905 г.», во время «диких репрессий», которые, кстати, Кускову совершенно не задели. «Ничего общего это масонство с заграничным не имело. Никогда ни в какой связи с ним не состояло на том простом основании, что русское масонство отменило весь ритуал, всю мистику и прибило новые параграфы»³⁰. Впервые в ложи стали приниматься женщины, церемония посвящения состояла лишь в абсолютной клятве молчания.

Кускова с самого начала противоречит себе. Сперва она говорит об отмене «всего ритуала», а затем признает наличие обета молчания, являвшегося одним из важных его компонентов. Кускова явно не имеет реального представления о масонстве. Такое впечатление усиливается от ее простодушного заявления, будто бы русское масонство ничего общего не имело с заграничным и ни в какой связи с ним не состояло. На самом же деле по масонским правилам новые ложи в тех странах, где их не было, создавались исключительно с санкции крупных заграничных лож. Самочинно ложи возникнуть не могли. «Для основания „истинной и совершенной“ ложи, открываемой лишь с разрешения какой-нибудь великой ложи, требуется, — писал Г. Шустер, — по одним уставам, участия семи, согласно другим, — девяти масонов, из которых не менее 5—7 должны иметь степень мастера»³¹.

Ход дальнейших утверждений Кусковой сводится к тому, что цель масонства являлась политической и состояла в восстановлении «Союза освобождения» для работы в подполье по «освобождению» России. Но названная организация, которая существовала нелегально за рубежом до революции 1905—1907 гг., как известно, объединяла по преимуществу группы буржуазно-либеральных деятелей, позднее образовавших конституционно-демократическую (кадетскую) партию. Касательство к масонству союз вряд ли имел.

²⁹ Там же, с. 377. Любопытная деталь: некоторые советские авторы пишут, что «показания», содержащиеся в письмах Кусковой, произвели такое потрясающее впечатление на одного из «главных масонов» — Керенского, что он чуть ли не сломя голову бросился из США в Европу, чтобы как-то «змять дело». Непонятно только, почему Керенский так сильно разволновался в начале 60-х годов: ведь первые разоблачения масонства и его участия в нем относятся еще к 30-м годам (см. Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту). Тогда он остался спокойным; а позднее в 1965 г., сам упомянул о масонах (см. Russia and History's Turning Point, N. Y., 1965, p. 88).

³⁰ Аронсон Гр. Россия накануне революции. Исторические этюды. Монархисты. Либералы. Масоны. Социалисты. Нью-Йорк, 1962, с. 138.

³¹ Шустер Г. Тайные общества, союзы и ордена, т. II. М., 1907, с. 47—48.

Объясняя причину избрания подобной формы, Кускова ссылается на необходимость привлечения таким путем «высших» и даже «придворных» кругов, которые, мол, за обычной политической группой не пошли бы. В этом масоны якобы преуспели, поскольку к ним примкнуло немало князей и графов, военных высокого ранга, а также много кадетов. Но лидер последних, Милюков, отказался, сказав: «Я ненавижу всякую мистику»³². Последняя фраза широко используется зарубежными, да и нашими историками, не замечающими элементарного противоречия в вышеприведенных словах Кусковой.

Действительно, по ее словам, новоявленными масонами был отменен всякий ритуал, и мистика отсутствовала. Так как же Милюков, неплохо знавший историю русского масонства XVIII — начала XIX в., осведомленный и о современном ему заграничном масонстве, лишь часть которого отличалась мистическими наклонностями, произнес свою сакраментальную фразу? К тому же в масонстве «а ля Кускова» мистики и не было, что должны были Милюкову разъяснить.

В организационном отношении, сообщала Кускова, такое масонство якобы состояло из лож по 5 человек, которые не знали о существовании друг друга. Однако члены их встречались на «конгрессах», где можно было «судить о размахе движения и его составе». Изумительным, по выражению Кусковой, являлось отсутствие провокаторов³³.

В другом письме Кусковой на имя ее ближайшей подруги Л. Дан от 12 февраля 1957 г. утверждается, будто 2/10 русских людей ненавидели партии и партийность. Поэтому следовало прежде всего привлечь эту массу на сторону революции, что масонство успешно и выполнило, действуя через земских деятелей и по линии кооперации³⁴. Приведенное суждение также отличается противоречивостью. С одной стороны, Кускова в соответствии со своими действительными воззрениями меньшевика-ликвидатора обрушивается на партийность, а с другой — с восторгом сообщает о создании новой нелегальной партии в масонском облачении. Где же здесь элементарная логика?

Из путаных и противоречивых слов Кусковой с полной очевидностью вытекает, что описанная ею организация не являлась масонской в том смысле, который в это понятие вкладывается. Большие сомнения возникают и в отношении самого факта ее существования. Быть может, имелся в виду небольшой разношерстный кружок буржуазных интеллигентов, члены которого могли использовать для конспирации отдельные общеизвестные методы масонства, вроде клятвы молчания. Возможно, что они и именовали друг друга масонами, не имея о них правильного представления. Нельзя исключить и того, что в кружок могли входить отдельные деятели, принятые за рубежом в масонские ложи. Что же касается ссылки на существование крупной организации, даже проводившей свои конгрессы, то никаких подтверждений этому нет, — возможно, Кускова имеет в виду потребительскую кооперацию, где активно действовали ее единомышленники и она сама. Но опять-таки подтверждающих данных она не приводит, да их и нет.

Тем не менее названные и другие отрывочные свидетельства о масонах (например, в воспоминаниях Милюкова, опубликованных в США в 1955 г., и др.) заставили некоторых зарубежных авторов обратиться к этому вопросу. Пожалуй, одним из первых коснулся этой темы американский советолог Л. Хэймсон. В своей обширной статье «Проблема социальной устойчивости в городской России. 1905—1917 гг.» он использовал

³² Аронсон Гр. Указ. соч., с. 139—140.

³³ Там же, с. 139.

³⁴ Там же, с. 141.

все известные сведения о роли масонов в канун Февраля 1917 г. (работу Мельгунова, воспоминания Гессена, Милюкова и др. плюс неопубликованное интервью Б. Николаевского с двумя меньшевиками — Чхендзе и Гальдерном, — извлеченное из личного архива Николаевского, хранящегося в Гуверовском институте в США). К масонству Хэймсон обратился не из простого любопытства. Развивая в статье концепцию «двух поляризации» в России перед революцией, из которых одна, по его мнению, проходила по линии «общественность — царское правительство», он, вероятно, пытался усмотреть в масонстве один из факторов, сплачивающих «общественность». Однако и Хэймсон пришел к заключению, согласно которому сколько-нибудь серьезной политической силой масонство не обладало, активной роли не сыграло, если не считать некоторых личных связей членов масонских лож, оказавших определенное влияние при формировании состава Временного правительства. В целом же Хэймсон сделал вывод, что масонство «оказалось не в состоянии преодолеть пропасть, которая разделяла ...более привилегированные, образованные слои русского общества от неудовлетворенного и беспокойного рабочего класса». В таких «советологических» выражениях фактически признается наличие глубоких классовых противоречий в предреволюционной России и далее подчеркивается, что именно этот «неудовлетворенный», «беспокойный» рабочий класс сыграл решающую роль в падении царизма³⁵.

Во второй половине 60-х годов в советологической историографии появилось еще одно свидетельство о деятельности будто бы возродившихся в начале XX в. русских масонских лож. Речь идет о публикации бывшего члена кадетской партии (ее левого фланга), близкого к Милюкову и Керенскому, Б. Элькина. В 1966 г. в журнале «*Slavonic and East European Review*» он опубликовал некоторые масонские документы (протоколы, списки, письма), относящиеся примерно к 1906—1910 гг. Из этих документов следует, что ряд представителей знати, а также либеральной интеллигенции (в том числе некоторые кадеты) принадлежали к двум масонским ложам, связанным с французским масонством. Впрочем, сам Элькин был довольно осторожен в своих комментариях, замечая, что в то время существовали политические организации, «которые называли себя масонскими, но, кроме клятвы, ничего общего с масонством не имевшие»³⁶. В этой связи любопытно привести свидетельство члена ЦК кадетской партии А. Тырковой-Вильямс, которая находилась в тесных контактах со многими лицами — кадетами, поименованными в «списках Элькина» (напр., Маклаковым, Оболенским, Шингаревым и др.). «Возможно, — писала она, — что масонство с его директивами, исходящими от центра, имело косвенное влияние на политику партии, но влияния решающего, абсолютного иметь на нас оно не могло. Слишком большая царяла среди нас свобода суждений...»³⁷

«Масонская бомба» разорвалась в англо-американской историографии в 1967 г., и ее «взрыв», без сомнения, был приурочен к «контрjubилею» 50-летия Великого Октября, к которому советологи готовились заранее. Необходимо было найти сенсационную «новинку», способную, по расчетам наиболее оголтелых антисоветчиков и антикоммунистов, бросить какую-то тень на великие идеи Октябрьской революции, ленинизм. «Новинку» нашел белоэмигрант, а ныне английский советолог Дж. Катков. В своей книге «Россия, 1917 год. Февральская революция», впервые вышедшей в 1967 г. (затем она переиздавалась), он, наконец, «открыл»

³⁵ Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905—1917. Part II. — «*Slavic Review*», 1965, vol. 24, № 3, pp. 16—17.

³⁶ «*Slavonic and East European Review*», 1966, vol. 44, № 103, p. 472.

³⁷ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952, с. 303.

те «подрывные организации», которые «сделали» революцию. Во-первых, это была германская агентура, субсидировавшая стачечное движение в России, а во-вторых, масонские ложи, которые, стремясь взять власть тайными действиями подорвали царский режим и способствовали его крушению. Фактов для доказательства этих «положений» у Каткова не было (все, чем он располагал, мы уже в основном рассмотрели выше), но это его не смутило. Он рассуждал по принципу: если нет фактов, то тем хуже для них. Все дело в том, что масоны были связаны «клятвой молчания» и «еще очень долго будут молчать». Еще раз повторяем: никаких новых данных в пользу «масонской концепции» революции Катков не привел, но он подал ее в специальном разделе и с большой претензией³⁸.

Справедливости ради следует сказать, что даже большинство коллег Каткова отвергло его версию. Английский историк У. Мосс прямо назвал книгу Каткова «монархическим пересмотром» принятой в «западных исследованиях» либеральной интерпретации Февральской революции. А. Эшер охарактеризовал «концепцию» Каткова как «весьма предвзятую, одностороннюю и необидительную». «Похвально, — писал Эшер, — что Катков вознамерился опровергать некоторые старые мифы, но, опровергая их, он создает „новые мифы“, не менее искусственные, чем старые». Английский историк Сетон-Уотсон констатировал, что остается неясным, чего масоны хотели и «какую роль они сыграли в событиях тех дней». Канадский историк Д. Хатчинсон иронически заметил, что доктор Катков, возможно, и в состоянии проглотить такую мешанину (имеется в виду содержание его книги), но «для большинства читателей это будет трудным делом». Даже Б. Элькин, опубликовавший вышеупомянутые «масонские документы», отверг «главный вывод» Каткова о том, что Февральскую революцию «сделали» немцы и масоны. Позднее, в 1968 г., на «генеральной» конференции советологов, посвященной русской революции (состоялась в Кембриджском университете в 1968 г.), большинство участников вновь подвергло критике катковскую схему³⁹. В том же году в американском журнале «Slavic Review» был напечатан отрывок из воспоминаний видного кадета В. Оболенского (опубликовал Н. Смит). Оболенский пишет, что с 1910 г. он являлся главой одной из петербургских масонских лож, избирался в «Верховный совет», который руководил всеми ложами и был поэтому «полностью информирован обо всем, что происходило в глубинах русского масонства»⁴⁰. «Совершенно неверно утверждать, — категорически заявлял Оболенский, — что революция в России была подготовлена масонами. Среди масонов были, конечно, люди, которые желали революцию и которые вели революционную пропаганду, но... большинство во всяком случае отвергало революцию в военное время. Таким образом, как целое масонство не могло содействовать революции»⁴¹.

Итак, главный пропагандист «масонской версии» Дж. Катков в сущности остался в одиночестве. Если некоторые советологи и включают этот сюжет в свои труды, то лишь с обязательным подчеркиванием того, что масонство как таковое не играло сколько-нибудь серьезной политической роли.

³⁸ Подробнее критику книги Дж. Каткова в советской литературе см.: Игрицкий Ю. И. Юбилей Октября и буржуазная историография. — «История СССР», 1968, № 3, с. 219—221; Иоффе Г. З. Февральская революция 1917 г. в англо-американской историографии. М., 1970, с. 47—49 и др.; Марушкин Б., Иоффе Г., Романовский П. Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977, с. 107—110.

³⁹ См. Иоффе Г. З. Указ. соч.

⁴⁰ «Slavic Review», 1968, vol. 27, № 4, p. 606.

⁴¹ Ibid., p. 608.

Тем поразительнее был тот факт, что катковские фальсификации, рассчитанные на компрометацию российского революционного движения, на изображение его некоей внеклассовой, даже вненациональной силой, чуждой интересам России, в 70-х годах XX в. получили отклик... в нашей историографии, публицистике и художественной литературе. Одним из первых тон задал видный историк Н. Н. Яковлев в своей книге «1 августа 1914 г.», в которой, в сущности говоря, он воспроизвел некоторые из положений, развитых в писании Каткова. Автор сам так сформулировал свою задачу: «...Установление того, что верхушка всех без исключения российских буржуазных партий была объединена в рамках некоей сверхорганизации — масонов, позволяло по-иному взглянуть на подоплеку событий тех лет»⁴². И дальше автор снова повторяет: «В широком смысле эксплуататорский класс стремился создать единую сверхпартию»⁴³.

В советской исторической литературе труд Н. Н. Яковлева был подвергнут резкой критике. Один из крупнейших специалистов по истории России начала XX в. — Е. Д. Черменский — отметил, что версия о масонах, воспроизведенная в этой работе, имеет своим источником черносотенно-монархическую публицистику, и именно потому «вызывает изумление попытка Н. Яковлева вслед за Катковым возродить старый миф черносотенцев о масонах как организаторах русской революции»⁴⁴.

Несмотря на столь суровую критику, разработка «масонской темы» продолжалась, правда, преимущественно в исторической романистике, вернее, в особом ее жанре, получившем специфическое название «роман-хроника».

Не наша задача вмешиваться в творческую лабораторию писателей — у них есть бесспорное право на художественный вымысел. Однако в условиях современной идеологической борьбы, когда антикоммунизм пытается атаковать основы нашего мировоззрения, подорвать классовый подход к изучению истории, нельзя не выразить удивления попыткам некоторых писателей воскресить легенду о масонах.

Но вернемся к историкам. В 1978 г. в своей книге «Революция и власть» «проблемы» масонов коснулся В. И. Старцев. Он стремился занять особую, так сказать, промежуточную позицию в этой проблеме, между точкой зрения Н. Н. Яковлева и Е. Д. Черменского. «Яковлев, — пишет он, — склонен видеть в политическом масонстве некую сверхпартию русской буржуазии, подготовившую политические итоги Февральского переворота; Черменский, наоборот, считает само существование политического масонства недоказанным и отрицает за ним какую-нибудь роль в событиях Февральской революции»⁴⁵.

Далее автор приводит некоторые факты, заимствованные им главным образом у Л. Хэймсона, Б. Элькина, В. А. Оболенского и др., приходя к заключению, что масонские ложи, руководимые неким «Верховным советом народов России» (во главе которого в 1916—1917 гг. стояли буд-

⁴² Яковлев Н. 1 августа 1914. М., 1974, с. 235.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976, с. 9. Следует отметить одну деталь, мимо которой в своей критике прошел Е. Д. Черменский. В поисках доказательства масонского заговора Н. Н. Яковлев отправился к еще здравствовавшему тогда В. В. Шульгину. По его словам, Шульгин в общем поддержал «масонскую версию». Однако М. Касвинов, также несколько позднее беседовавший с Шульгиным, утверждает, что Шульгин на вопрос о масонах ответил ему нечто прямо противоположное «Никакой я тут не свидетель. Масонов не видел, с ними не встречался, что за люди — не знаю... Что болтуны они были и шуты гороховые, пятали на себя дурацкие колпаки, это еще у Толстого показано...» (Касвинов М. Двадцать три стулени вниз. М., 1978, с. 305).

⁴⁵ Старцев В. И. Революция и власть. М., 1978, с. 204.

то бы Керенский, Некрасов и др.), сыграли известную роль, например, в формировании Временного правительства, в ходе Апрельского кризиса и создании коалиции и т. д. В. И. Старцев, правда, подчеркивает, что «не следует преувеличивать влияния руководства „Верховного совета“ на политическую жизнь страны даже накануне Февральской революции, а тем более на массовое революционное движение»⁴⁶. «...Масонские связи,— пишет он далее,— быстро рвались под влиянием могучего дыхания революции. Рост массового движения, борьба за влияние заставили разойтись по партийным станам даже бывших членов руководства „Верховного совета“»⁴⁷.

Вот приблизительно все основное, что имеется в литературе о масонах кануна революции и их влиянии на революцию. К этому можно добавить лишь некоторые «масонские сведения», содержащиеся в воспоминаниях Л. Любимова «На чужбине» и характеризующие русское масонство в эмиграции. (Любимов сам состоял в одной из эмигрантских масонских лож.) По его словам, масоны в изгнании старались быть «как бы синтезом различных эмигрантских течений, попыткой объединить эмиграцию»⁴⁸. Поэтому в ложах состояли люди самых различных политических направлений: тут были монархисты, либералы, эсеры, меньшевики и др., были белые генералы и офицеры, промышленники и банкиры, бывшие помещики, мелкие чиновники и т. п. Однако осуществить свою задачу — объединение эмиграции — масоны не смогли: политические, партийные разногласия оказались сильнее.

Итак, в зарубежной литературе мы видим два течения, две трактовки этого вопроса: во-первых, черносотенно-монархическая, рассматривающая масонов как главную тайную силу, подготовившую свержение царизма и тем самым и Октябрь; во-вторых, либеральная, признающая некоторую роль небольших масонских организаций, главным образом по линии персональных контактов, но отрицающая их как сколько-нибудь значительный политический фактор.

Советские историки, конечно, с презрением отвергают первую трактовку как не только глубоко реакционную и антиисторическую, но и как компрометирующую народные массы — рабочий класс и его союзников, поскольку они представляют их бессознательным, послушным орудием сверхсекретных «подрывных» организаций. В сущности это всего лишь полицейская интерпретация революционного движения. Но советские историки обязаны определить свое отношение и ко второй трактовке — масонской версии в ее «смягченном» изложении. Признать ее научной значит, как мы уже отметили, сойти с классовых позиций, отказаться от единственно правильного научного подхода — марксистско-ленинского.

Но стоит ли тогда вообще касаться масонской темы? На наш взгляд, стоит. Мы исходим из положения В. И. Ленина, высказанного еще в период борьбы с П. Б. Струве: «„Закрывать просто глаза“ не только на буржуазную науку, но даже и на самые нелепые учения до крайнего мракобесия включительно, конечно, безусловно вредно...» И дальше Ленин разъяснял, как следует поступать марксисту: «Но одно дело — не закрывать глаз на буржуазную науку, следя за ней, пользуясь ею, но относясь к ней *критически* и не поступаясь цельностью и определенностью миросозерцания, другое дело — пасовать перед буржуазной наукой...»⁴⁹

Дело, как видим, не в том, можно или стоит ли заниматься изучением масонства, — сомнений в этом нет, — а как изучать: критиковать, разоб-

⁴⁶ Там же, с. 206.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Любимов Л. На чужбине М., 1963, с. 239, 240.

⁴⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 636.

лачать, вскрывать классовые позиции, а не пасовать, поступаясь принципами марксизма. Идеология, как и природа, пустоты не терпит: там, где мало марксистских исследований, могут создаться условия для проникновения чуждых точек зрения — в непроветренных углах нередко заводятся пыль и плесень.

По мере своего развития историческая наука непрерывно обогащается, углубляя наши представления о событиях давно миновавших дней, причем затрагивается все большее число сюжетов, которым по тем или иным причинам уделялось мало внимания. Их осмысление помогает лучше понять магистральные направления исторического прошлого родины. На наш взгляд, изучение масонской проблематики в известной мере способствует раскрытию тактики борьбы царизма с оппозиционным и революционным движением в стране, более глубокому пониманию существа использовавшихся им коварных методов. Яснее становится и буржуазная политика раскола революционных рядов, изощренные заговорщические приемы различных представителей капитала и его мелкобуржуазной агентуры.

Русские масоны, если рассматривать их в качестве организационно оформленного общественного течения, оставили мало следов в анналах отечественной истории. Масонство никогда не являлось двигателем прогресса, оно верно служило узким интересам части эксплуататорской верхушки в лице феодального дворянства, а затем крупной буржуазии. Факты принадлежности к масонству отдельных представителей или даже целых демократических группировок нисколько не меняют его социальной функции и основной направленности. Это общее положение с особой яркостью продемонстрировала Россия, где масонские ложи оставались не только чуждыми, но и враждебными устремлениям народных масс. Все попытки перенесения в Россию масонства в тех формах, которые существовали и, добавим, продолжают существовать на Западе, неизбежно терпели фиаско. Полицейские гонения здесь, конечно, не при чем. Ведь репрессии обрушивались главным образом на революционные партии и группы, но они самоотверженно продолжали борьбу против самодержавного строя. А масонство не привилось, ибо его реакционно-утопические идеалы шли вразрез с коренными чаяниями трудящихся слоев города и деревни. Даже буржуазия взяла на вооружение лишь отдельные элементы масонства. Но и последние оказались, в конечном счете, непригодными для политических целей эксплуататорской верхушки.

С точки зрения современности весьма актуальны аспекты, связанные с развенчиванием наших идейных противников, которые особенно спекулируют на слабо изученных сюжетах отечественной истории. К сожалению, отдельные наши литераторы и историки, возможно, в погоне за сенсациями подчас некритически воспринимают чуждые концепции и взгляды. В этой связи следует вновь подчеркнуть непреходящую научную ценность ленинского творческого подхода к общественным явлениям, который требует руководствоваться проверенными жизнью критериями партийности и классовости независимо от того, идет ли речь о художественной документалистике или о научной литературе.

И. Л. АНДРЕЕВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ СТАТЕЙ XI ГЛАВЫ «СУД О КРЕСТЬЯНЕХ» СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ 1649 ГОДА

Данное сообщение ставит своей целью проследить происхождение и источники ряда статей одной из центральных глав Соборного уложения 1649 г. «Суд о крестьянех». Источниковой базой работы послужили материалы Разрядного приказа, прежде всего судные дела о беглых крестьянах, которые позволяют сопоставить юридическую норму с практикой, раскрыть характер их взаимосвязи. Привлекались также законодательные акты первой половины XVII в.

Литература об источниках главы «Суд о крестьянех» обширна, хотя этот вопрос не стал объектом специального монографического исследования¹. Если подвести краткий итог всей проделанной русскими дореволюционными и советскими историками работы, то можно выделить следующие группы источников: дворянские челобитные, законодательство первой половины XVII в., практика. Некоторые статьи справедливо трактуются как новые, как результат правотворческой деятельности Земского собора и Уложенного приказа.

Исследователи традиционно подчеркивают видную роль дворянских челобитных в создании главы «Суд о крестьянех», ссылаясь при этом главным образом на статьи, отменившие урочные лета. Документы Разрядного приказа позволяют расширить наше представление о месте дворянских челобитных — одного из источников XI главы.

Как известно, помещики с конца 30-х годов неоднократно обращались к правительству с требованием отменить урочные лета². Но только в октябре 1645 г. правительство Алексея Михайловича под давлением челобитчиков дало обещание отказаться от практики урочных лет после того, как проведет перепись населения³. И действительно в ходе составления

¹ Строев В. М. Историко-юридическое исследование Уложения, изданного царем Алексеем Михайловичем в 1649 г. СПб., 1833; Забелин И. Е. Источники Уложения.— «Архив историко-юридических сведений», 1859, т. 1; Загоскин Н. П. Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и Земский собор 1648—1649 гг. Казань, 1879; Верховский К. Источники Уложения царя Алексея Михайловича.— «Юридический вестник», 1889, т. III, кн. 2; Сторожев В. Н. К вопросу об источниках Уложения.— «Юридический вестник», 1889, т. III, кн. 4; Дьяконов М. А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1898; Шмелев Г. Н. Об источниках Соборного Уложения 1649 г.— ЖМНП, 1900, октябрь; Смирнов П. П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в.— Чтения ОИДР, кн. III, 1915; Сташевский Е. Д. К истории дворянских челобитных. М., 1915; Тихомиров М. Н. Соборное Уложение и городские восстания середины XVII в. В кн. Соборное Уложение 1649 г. М., 1961; Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. Кн. II. М., 1954; Корещкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России М., 1975.

² См. Рождественский С. Из истории отмены «урочных лет» для сыска беглых крестьян в Московском государстве. Сб. статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909.

³ ЦГАДА, ф. 141, 1645 г., д. 72, лл. 1—12.

переписных книг в 1646—1647 гг. это положение октябрябрьского указа было проведено в жизнь, хотя и не совсем так, как того желали помещики: с появлением новых книг прекращали свое действие писцовые книги конца 20-х годов. Более того, писцы учитывали десятилетние урочные лета и не вносили в книги крестьян, бежавших до 1636 г. Нам представляется, что правительство таким образом надеялось избавиться от возникновения запутанных судных дел, связанных с давними крестьянскими побегам. Однако подобное решение ущемляло интересы части помещиков, которые не теряли надежды вернуть беглых⁴. Возможно, это обстоятельство и стало главной причиной того, что в 1648 г. дворяне и дети боярские не только не сняли с повестки дня требование отмены урочных лет, но и дополнили его новым — восстановлением действия писцовых книг. Подобная позиция, занятая помещиками, достаточно хорошо прослеживается и в коллективной челобитной 1648 г.: «Велеть крестьян их отдавать им по суду, сыскивая по писцовым книгам без урочных лет, и велеть урочные лета отставить»⁵, и в наказах выборным на Земский собор: «А об летах крестьянских говорить и стоять накрепко, чтоб государь указал с отдельных книгах безлетно»⁶.

Дворянские челобитные, в которых прозвучали подобные требования, послужили для составителей не только источниками, но и определили в значительной степени построение, структуру всей XI главы. В первых ее статьях, возникших как прямая реакция на челобитные, речь идет об отмене урочных лет и восстановлении действия старых писцовых книг: «А отдавати беглых крестьян и бобылей из бегов, — читаем в статье 2, — по писцовым книгам всяких чинов людям без урочных лет». Переписные книги, признававшиеся с 1646 г. основными крепостническими документами, упоминаются в главе только со статьи 9.

Коллективная челобитная 1648 г. стала источником и для 22-й статьи. В ней дворяне и дети боярские жаловались, что беглые крестьяне, «оттягиваясь от писцовых книг», изменяли имена и требовали «тех крестьянских детей... во крестьянстве пытаться». Документы Разрядного приказа подтверждают, что крестьяне действительно часто прибегали к такой форме борьбы против притязаний помещика, как перемена имени. Подобная уловка позволяла надолго затянуть судебное дело, а то и выиграть его. Так, в 1639 г. от помещика М. Хрипкова бежал крестьянин. В Ельце во время расспроса перед воеводой беглый «переложил» себе имя — вместо Гришки «назвался Андрюшкой». На этом основании воевода оставил крестьянина за новым помещиком. М. Хрипкову пришлось в 1642 г. отправиться в Москву для пересмотра дела⁷. Особенно часто

⁴ Помещики теряли права на большое количество беглых крестьян. Так, из 409 беглых, записанных в Белевской писцовой книге 1628—1630 гг., к моменту составления переписных было возвращено только 88; по Гороховецкому уезду соответственно — 139 и 9. При всей относительности этих данных видно, что новый порядок, установленный писцовым наказом 1646 г., наносил ощутимый урон помещику (ЦГАДА, ф. 1209, ПК № 625, 953, 15527, 15531).

Заметим, что во время работы писцов над книгами в 1646—1647 гг., помещики шли на всяческие ухищрения, чтобы сохранить за собой права на беглых крестьян. С этой целью они изменяли дату их побега, прикрывались неопределенной формулировкой «бежали тому лет с десять» и т. д. Приведем только один пример: в 1630 г. бежал крестьянин Савка Погодин. В 1646 г. его помещик заявил писцам, приехавшим в его белевское поместье: «Бежал тому седьмой год». (См. ЦГАДА, ф. 1209, ПК № 15527, л. 948; № 15531, л. 473).

⁵ АИ, т. IV, № 30.

⁶ Цит. по кн.: Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975, с. 238.

⁷ ЦГАДА, ф. 210, Приказный стол, д. 150, лл. 1—4.

стали менять имена в начале 40-х годов, во время строительства Белгородской оборонительной черты, когда местные воеводы при попустительстве центральных властей использовали малейшее основание для сохранения в городах и острожках ратных людей — бывших беглых крестьян⁸. Это привело к настоящему потоку челобитных об иске, вызвало новое недовольство помещиков⁹. Последние даже в переписных книгах стремились отметить все случаи бегства своих крестьян, в том числе связанные с изменением имени. В переписной Белевской книге читаем: «Гришка Антипов сын Багрянова... а живет он во дворе Федки Артемова, а тот де Федка з детми ис того двора сбежал в 146 году. Живет в Лебединском уезде... а ныне его там зовут Ивашком Черниковым...»¹⁰.

Но и сами помещики при случае охотно изменяли имя беглого, надеясь тем самым оставить его у себя. В 1639 г. беглый крестьянин Ю. Татарин в Тульской съезжей избе обронил перед воеводой любопытную фразу: «И отбываючи меня от старого боярина, от Федора Полибина, от крестьянства, имя мое переложить велел» (имеются в виду действия нового помещика)¹¹. А в мае 1649 г., столкнувшись с подобными махинациями князя А. Н. Трубецкого, служилый человек В. Нестеров возмущенно воскликнул: «За такую де вашу неправду будут многие челобитчики зимою, потому что они крестьян их научают отцов отпиратца, а в чужих отцов влыгатца, и о том де учнут у государя милости просити»¹².

Требование помещиков, прозвучавшее в челобитной 1648 г., почти дословно вошло в 22-ю статью: «А которые христианские дети от отцов своих и от матерей учнут отпиратися, и тех пытати».

Материалы Разрядного приказа позволяют проследить возникнове-ние ряда статей, которые восходят к законодательным источникам.

В процессе оформления крепостного права видную роль сыграли ссудные и порядные записи¹³. Вызывает, однако, недоумение, что в судебных делах эти крепости представлены крайне редко. Нам думается, что такое явление не было случайным, поскольку правительство отдавало предпочтение публичным актам над частноправовыми. Иными словами, приказной судья всегда находился перед дилеммой: законна ли представленная ссудная запись, не дана ли она беглому крестьянину, не вписан ли в нее чужой крестьянин «за очи?» Отчасти правительство пыталось решить эту проблему путем регистрации данного вида крепостей в книгах. Подобные книги записей сохранились по Новгороду и Пскову. Известен и указ, упомянутый в памяти из Холопьего приказа 1641 г.: «Кто к кому пойдет в службу или даст на себя ссудную или житейскую запись, и им тех людей велено спрашивать перед собою и в рожей и в приметы описывать подлинно... Да те кабалы и крестьянские ссудные и житейские записи велено им записывать в книги»¹⁴. Примечательно, что этот указ не только требует обязательной регистрации частноправовых

⁸ Там же, д. 41, лл. 255—256; д. 170, лл. 27—33, 64—79, 183; д. 558, лл. 366—383; Белгородский стол, д. 191, лл. 448—455.

⁹ Там же, Приказный стол, д. 115, лл. 45—48; Белгородский стол, д. 92, лл. 332—334.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 1209, ПК № 15531, л. 470.

¹¹ ЦГАДА, ф. 210, Приказный стол, д. 113, л. 189.

¹² Цит. по кн.: Бахрушин С. В. Научные труды, т. 2, М., 1954, с. 86.

¹³ В буржуазной историографии, особенно в связи с теорией безукладного закрепощения крестьянства, порядным и ссудным записям придавали слишком большое значение. Подобное преувеличение вызвало справедливую критику в советской исторической литературе. См. Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.—Л., 1962, с. 234; Сахаров А. Н. Русская деревня XVII века. М., 1966, с. 183—184.

¹⁴ Цит. по кн. Яковлев А. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.—Л., 1943, с. 315—316.

крепостей, но и пытается определить порядок их оформления. Впрочем, дьякам хватило в данном случае фантазии лишь на то, чтобы повторить установившийся порядок заключения кабалы.

В 1646 г. при составлении писцового наказа правительство вновь вернулось к этому вопросу, обязав каждого помещика приводить вольного человека, который «похочет за кем жить во крестьянех... к роспросу и к записке в Поместный приказ, а казанцам в Казани, а новгородцам в Новгороде, того же году, как к кому придет. А не записав вольного человека, никому к себе во крестьяне не принимать»¹⁵. Последняя оговорка позволяет думать, что в жизни эта установка не всегда выполнялась. Помещик ценил ссудную и порядную крепость именно за ее гибкость, за то, что она «крепостила» крестьянина с момента заключения договора. Порядок же ее оформления, на котором настаивало правительство, был не прост. Вот один из примеров. В 1645—1646 гг. в Разрядном приказе разбирали судное дело между помещиками И. Квашниным и Б. Федосеевым. Последний предъявил среди доказательств на крестьянина ссудную запись, но «кто тое ссудную запись писал, и в того крестьянина место руку прикладывал, и про тех людей сказывал, что он тех людей давно не ведал и не ведает». Квашнин тут же воспользовался отсутствием свидетелей у противоположной стороны и заявил: «По государеву де указу верят ссудным записям, которые писаны на Ивановской площади, а тот де крестьянин написан за очи»¹⁶.

Новый порядок оформления ссудных и порядных записей не удовлетворял помещиков и тем, что он ровно ничего не значил в том случае, если новопорядчик был беглым крестьянином. Его нужно было возвращать истцу — старому владельцу. В 1645 г. И. Рыльский, защищавший перед разрядными дьяками интересы своего дяди Х. Рыльского, сослался на указ, по которому беглых крестьян «никакими крепостями, ни ссудными записми, oprичь писцовых и отдельных книг, крепить не велено»¹⁷.

Правящие круги тем не менее последовательно проводят линию на регистрацию частноправовых актов, проявляя лишь колебания в порядке их оформления. В статье 20 главы «Суд о крестьянех» они пошли на некоторое изменение в интересах помещика порядка, провозглашенного в писцовом наказе 1646 г. Дворяне и дети боярские могли требовать у крестьянина отпускную и уж если последний «отпускных у себя не скажет», приводить «того же году к записке к Москве в Поместный приказ». В число городов, где можно было зарегистрировать новопорядчика, известных по писцовому наказу 1646 г., был добавлен Псков.

Статья 20 интересна тем, что раскрывает правотворческую деятельность составителей XI главы. Привлекая предыдущее законодательство, они не слепо копировали его, а пытались приспособить к определенным требованиям.

Возвращая беглого крестьянина, ответчики требовали возвращения ссуды. Не каждый истец мог это сделать. Известны случаи, когда именно из-за этого обстоятельства старые помещики были вынуждены отказаться от своих претензий, оставить за ответчиком беглых крестьян¹⁸. Этим широко пользовались «сильные люди». В коллективной челобитной 1641 г. помещики подчеркивали, что, «хотя укрепить» их беглых крестьян, «сильные люди... имали на них ссудные записи и всякие крепости в больших ссудах и в займах». Правительство пошло навстречу требова-

¹⁵ ААЭ, т. IV, № 14; Акты писцового дела. М., 1977, с. 79.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 210, Приказный стол, д. 170, лл. 134—139.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 141, 1643 г., д. 66, л. 86.

¹⁸ Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, вып. 2. Юрьев, 1897, № 65.

ниям челобитчиков, предписав в Уложении от 23 июля 1641 г. отклонять подобные иски к старым помещикам: «...не принимай чужих крестьян, не давай им ссуды»¹⁹. Это положение было повторено затем в писцовом наказе 1646 г. Но и после появления этой юридической нормы она не сразу и не всегда выполнялась. Так, даже в летние месяцы 1648 г. боярин Б. И. Морозов наставлял своих приказчиков, чтобы они изымали денежные и хлебные ссуды у тех крестьян, которых приходится возвращать ищцам-помещикам²⁰.

Составители XI главы в статье 23 обратились к вопросу о порядных и ссудных, полученных беглыми крестьянами. Характерно, что опирались они не на писцовый наказ 1646 г., а на соответствующие положения Уложения 1641 г., которое более полно и всеобъемлюще разрешало эту проблему: 23-я статья, как и Уложение, предусматривала не только изъятие «воровских» ссуд и кабал, но и запись их в книги.

Статья 33, разрешавшая судьбу крестьян-выходцев из-за рубежа, обобщила предыдущее законодательство и обширную практику.

В 20—40-е годы XVII в. правительство оказалось перед такой проблемой, как выходцы из-за рубежа. Причем это были не только крестьяне и холопы, оказавшиеся в плену в результате военных действий, но и такие, которые в свое время сознательно пересекли западные границы, чтобы по возвращении «избыть» ненавистное холопство или крестьянство. О подобной практике указывали в своих челобитных помещики, особенно пограничных районов.

Между тем законодательство по вопросу о выходцах было далеко от совершенства. Судебник 1497 г. предусматривал освобождение «за полонское терпение» холопа, захваченного татарами во время боя и затем вернувшегося на родину. Судебник 1550 г. дополнил эту статью: холоп, оказавшийся в плену во время бегства от своего владельца, по возвращении свободы не получает. О крестьянах Судебники умалчивают²¹.

Но уже в грамоте 1624 г. упоминается указ: «От которых дворян и детей боярских люди их и крестьяне, выбежав за рубеж и пожив за рубежом лет по 5 и по 6, и по 10, и выйдут опять из-за рубежа, и тех велено в побеге расспрашивать, да кто дойдет до пытки, и тех велено пытать, и, пытав, отдавать тем же дворяном и детям боярским, кто у кого служивал и по ним имати поручные записи»²². Обращает на себя внимание тот факт, что на крестьянина-выходца не распространялся 5-летний срок урочной давности.

Наряду с этими правилами действовали и другие, на первый взгляд прямо противоположные нормы, согласно которым выходцам представлялась свобода. В грамоте 1626 г. читаем: «Выходцам... давати воля, кто где похочет жить, только б от рубежа сажати в дальних местах... а меньше 50 верст не сажати»²³. В 1628 г., отвечая на запрос из Патриаршего приказа, разрядные дяки подтвердили право предоставлять выходцам волю, «где кто похочет жить, только б не близко [от] литовского рубежа, а неволею их старым помещиком отдавать не указано»²⁴. Сохранилось дело, решенное на основе этого указа. В 1631 г. в Пскове бил челом помещик С. Лихарев о своем крестьянине, вышедшем из-за рубе-

¹⁹ ПРП, вып. 5. М., 1959, с. 364; ЦГАДА, ф. 210, Московский стол, д. 160, л. 411.

²⁰ Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова, ч. I. М.—Л., 1940, с. 100.

²¹ ПРП, вып. 3. М., 1955, с. 355; вып. 4. М., 1956, с. 255—256.

²² ЦГАДА, ф. 210, Приказный стол, д. 16, лл. 590—591; Московский стол, д. 54, лл. 230—231.

²³ Там же, Приказный стол, д. 17, л. 189.

²⁴ Там же, д. 26, лл. 29—30.

жа. «Государь пожаловал, будет тот крестьянин ево, и к нему из воли похочет, отдавать ему и по нем взять крепкие поруки»²⁵.

По-видимому, существование двух противоположных указов объяснялось свойственной законодательству первой половины XVII века незавершенностью, недоговоренностью. Если первый указ, упомянутый в грамоте 1624 г., касался крестьян, которые бежали от своих помещиков, то второй — тех, кто был пленен, вывезен, оказался за рубежом в результате изменения границ по Деулинскому перемирию, словом, не по своей воле.

Массовые побеги крестьян и холопов в годы Смоленской войны, опустошительные набеги крымцев на южные окраины государства вновь заставили правительство обратиться к правотворческой деятельности. Указ от 9 октября 1634 г. преодолел отмеченное выше противоречие, уточнив, что выходцам, бывшим беглым, «воли не давать». «Которые боярские дети и крестьяне бегают от бояр своих, иманы в полон в Крым и Ногаи, а после того ис полону... выходили, и таких боярских людей и крестьян по-прежнему в холопство и в крестьянство отдавать велено». Вместе с тем было подтверждено, что сельское население, оказавшееся в плену в результате военных действий, получает свободу²⁶.

Заметим, что сохранение права на освобождение для тех крестьян, которые перенесли тяготы плена, вызывало недовольство у дворян и детей боярских. Они стремились накрепко захлопнуть дверь к освобождению для всех выходцев. Это отчетливо прослеживается в судебной практике, когда некоторые дела о выходцах решались на основе более широкого, более крепостнического правила — «крепок по старине» и писцовым книгам²⁷.

Приговоры 20—30-х годов стали основой для 33-й статьи XI главы. «А от которых всяких чинов, от помещиков и от вотчинников, ис порубежных городов бегают за рубеж люди их и крестьяне, и быв за рубежом, пришли из-за рубежа, у старых своих помещиков и вотчинников жити не похотят, учнут просити воли... а воли им не давати».

Итак, мы попытались проследить возникновение отдельных статей главы «Суд о крестьянех». Судебные дела и дворянские челобитные в столбцах Разрядного приказа в этом плане дают богатый и разнообразный материал. Особенно полно представляется значение исковой и судебной практики, которая все 20—40-е годы XVII в. заставляла законодателей дополнять, уточнять и создавать новые юридические нормы.

В ряде случаев правительство вынуждено было повторно издавать указы, поскольку на практике они сплошь и рядом нарушались. Но из этого вовсе не следует, как считали отдельные историки, что XI глава всего лишь повторяла давно установленные нормы²⁸. Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что члены Уложенного приказа провели большую правотворческую работу, совсем не похожую на простое копирование старых указов (хотя были и такие случаи). Но, пожалуй, главное заключается в другом. Само появление XI главы, в которой все статьи — и «старые», и «новые» — были систематизированы, сведены в единый кодекс, означало новую веху в феодальном законодательстве. Право, закон, юридическая норма, знание которых были прерогативой крючкотвора-дьяка, умеющего закрутить дело так, что и концов не найдешь, становились доступными для помещика. Это, несомненно, сужало

²⁵ Там же, Московский стол, д. 74, лл. 90—93.

²⁶ ЦГАДА, ф. 210, Белгородский стол, д. 190, лл. 21—25.

²⁷ Там же, Приказный стол, д. 45, лл. 129—133; д. 113, лл. 356—367.

²⁸ Самоквасов Д. Я. Крестьяне Древней Руси по новооткрытым документам. М., 1909, с. 56.

возможности для злоупотреблений, для расхождений между нормой и практикой. Недаром на Земском соборе выборные — помещики и посадские верхи — проводили мысль о создании такого свода законов, в котором «суд и расправа во всяких делах всем ровна».

Н. Г. САПРЫКИНА

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О С. М. СОЛОВЬЕВЕ

Имя крупнейшего русского историка Сергея Михайловича Соловьева нераздельно связано с исторической наукой, с Московским университетом. Профессор С. М. Соловьев был деканом историко-филологического факультета (1864—1870), ректором Московского университета (1871—1877).

В фондах Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. А. М. Горького хранятся 43 личные библиотеки представителей русской культуры XVIII—XX вв., в том числе профессоров Московского университета. Среди этих книжных собраний почетное место принадлежит библиотеке С. М. Соловьева.

Семья Соловьева передала библиотеку в дар Московскому университету сразу же после смерти ученого. Среди архивных материалов библиотеки Московского университета, хранящихся в Отделе редких книг и рукописей, имеется документ от 8 октября 1879 г.¹ Вот строки из него: «8 сего октября ровно в 6½ часов вечера имеет быть произведена судебным приставом Пречистенского мирового участка опись библиотеки покойного профессора Соловьева»². Таким образом, его книжное собрание попало в университетскую библиотеку. Университет по достоинству оценил это пожертвование. В Отчете о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1880 г. читаем: «...самое крупное и ценное дарственное приобретение университетской библиотеки в минувшем году — библиотека покойного заслуженного профессора С. М. Соловьева, состоящая из 405 сочинений, в 594 томах, пожертвованных университету его наследниками»³. В 1881—1882 гг. библиотека Соловьева проходила каталогизацию, о чем свидетельствуют отчеты университета за 1881 и 1882 гг.⁴ Войдя в состав библиотеки университета, книжное собрание ученого приобрело мемориальную ценность. Сначала оно хранилось в фондах университетской библиотеки, а с 40-х годов XX в. — в Отделе редких книг и рукописей.

Вероятно, в библиотеку попала лишь часть собрания ученого, тем более, что архивные материалы свидетельствуют о поступлении ряда книг в Московский университет от семьи Соловьевых позже — в 1884 г. Но в данном случае для нас важно, что книжное собрание Соловьева, поступившее в 1879 г., сохранилось полностью, единой коллекцией, ни

¹ С. М. Соловьев скончался 4 октября 1879 г.

² Архив НБ МГУ, ОРК и Р, папка 30, док. от 8 окт. 1879 г.

³ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1880 год. М., 1881, с. 67.

⁴ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1881 год. М., 1882, с. 59; Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1882 год. М., 1883, с. 61.

одна из книг не была утрачена за прошедшие 100 лет. В Отделе редких книг и рукописей НБ МГУ имеется старая инвентарная книга, озаглавленная «Каталог библиотеки С. М. Соловьева, подаренной наследниками его Университету». Все книги, зарегистрированные в ней, сохранились.

Интерес представляет наличие на книгах владельческих надписей, экслибрисов. Экслибрисы стоят на всех книгах соловьевской библиотеки. Книжный знак С. М. Соловьева представляет собой штемпель 28 × 45 мм с надписью: «Изъ Библиотеки Сергѣя Михайловича Соловьева». Экслибрис был выполнен в середине XIX столетия⁵.

В библиотеке, собранной Соловьевым, все книжные материалы непосредственно связаны с творческой деятельностью ученого. Не столь значительное по объему собрание состоит почти исключительно из книг по истории и смежным с ней дисциплинам. В их числе находится ряд многотомных и периодических изданий. Владелец библиотеки владеет европейскими новыми и древними языками, о чем свидетельствует наличие книг на древнегреческом, латинском, немецком, французском, итальянском и славянских языках. Книжное собрание можно разделить на отделы. Самые крупные из них — по русской истории, истории славян, всеобщей истории, правоведению, истории литературы и искусства и др. Наиболее обширная часть коллекции состоит из книг по русской истории. Наличие этих книг в библиотеке объясняется профессиональной деятельностью Соловьева как ученого-историка России. Данный раздел книжного собрания отличается разнообразием тем и основательностью подбора изданий. Среди книг представлены наиболее известные в то время авторы. Мы встречаем такие имена, как Н. И. Костомаров, И. Е. Забелин, В. О. Ключевский. Сочинениями Ф. Палацкого, П. Шафарика, И. И. Первольфа представлен раздел по истории славян. Среди книг по всеобщей истории в библиотеке хранятся известные работы И. Г. Дройзена, С. Ф. Гофмана, Г. Масперо, В. Прескотта и др.

В связи с тем, что исключительной особенностью этой библиотеки является наличие в ней большого числа книг с автографами, перечислим некоторые издания, подаренные владельцу. Эти книги (их в библиотеке 40) представляют особый интерес. Перечень изданий помогает уточнить научные связи и интересы историка, раскрывает пути пополнения библиотеки. Среди них — книги с автографами известных русских и зарубежных ученых — А. Ф. Бычкова, В. И. Ламанского, А. Ф. Гильфердинга, Н. Л. Дювернуа, И. И. Первольфа, Ф. Палацкого; учеников Соловьева — В. И. Герье, Б. Н. Чичерина, Г. Ф. Карпова и др. По этим автографам можно судить не только о дружеских связях ученого, но и о его роли в развитии русской историографии.

Среди книг библиотеки Соловьева есть работы крупных специалистов в области культуры и истории славян. Одна из них — «Об отношении языка славянского к языкам родственным» (М., 1853) — магистерская диссертация известного лингвиста, историка, этнографа, общественного деятеля Александра Федоровича Гильфердинга. На книге — дарственная надпись: «Сергею Михайловичу Соловьеву». Известный историк Иосиф Иосифович Первольф сделал на своей книге «Die slawisch orientalische Frage» (Prag, 1878) надпись: «Профессору С. М. Соловьеву от автора». С Франтишком Палацким С. М. Соловьев познакомился в Праге в 1842 г. Впоследствии знаменитый чешский ученый и политический деятель дарит Соловьеву свою книгу «Zur böhmischen Geschi-

⁵ И в а с к У. Г. Описание русских книжных знаков. М., 1905, с. 264.

«chtsschreibung» (Prag, 1871) с автографом «*Sergei Michailowicz Solowiew. Palacky*».

О широте связей Соловьева говорит наличие большого числа автографов на трудах современных ему ученых различных направлений — специалистов по древней истории, филологии, юристов, археологов, геологов и т. д.

«*Сергею Михайловичу Соловьеву усерднейше приношу на память этот кусочек истории. К. Коссович. СПб., 1876, 31 октября*». Этот автограф, принадлежащий известному санскритологу, сделан на его книге «*Inscriptiones palaeo-persicae Achaemenidarum*» (Petropoli, 1872). В книжном собрании Соловьева имеются книги с автографом русского историка и археолога, впоследствии председателя Общества истории и древностей российских, одного из создателей Исторического музея в Москве — Ивана Егоровича Забелина, оставленном на его монографии «*О металлическом производстве в России до XVII столетия*» (М., 1853); с дарственной надписью профессора римской словесности Петербургского университета Николая Михайловича Благовещенского на его книге «*О литературных партиях в Риме в веке Августа*» (СПб., 1855); с автографом юриста Николая Львовича Дювернуа на его исследовании «*Значение римского права для русских юристов*» (Ярославль, 1872).

Среди книг, принадлежавших Соловьеву, есть ряд изданий с автографами профессоров Московского университета. Федор Александрович Бредихин, крупнейший астроном, создатель теории кометных форм и теории происхождения метеорных потоков из комет, директор университетской обсерватории, подарил Соловьеву одно из своих исследований с автографом: «*Высокоуважаемому Сергею Михайловичу Соловьеву от автора*». Дарственную надпись Григория Ефимовича Шуровского, профессора минералогии и геологии Московского университета, можно увидеть на титульном листе его работы «*Александр фон Гумбольдт по отношению к России*» (М., 1869).

В Отделе редких книг и рукописей НБ МГУ хранится экземпляр первого издания 1851 г. I тома «*Истории России с древнейших времен*» С. М. Соловьева с авторской правкой⁶. Это книга в мягкой обложке зеленого цвета. На форзаце надпись: «*От ординарного профессора Соловьева*». Далее, на титульном листе: «*Для второго издания с переменами*». На обороте титульного листа надпись: «*7-го Октября 1853 года приступить к напечатанию*» и подпись цензора. «*Перемены*» не коснулись текста, основной текст остался почти без изменений; автор внес лишь незначительные дополнения и примечания. Рукописная правка авторского экземпляра была полностью учтена при втором переиздании I тома, который вышел в 1854 г.

Вышеназванный экземпляр попал в фонды библиотеки не с книжным собранием Соловьева, а чуть позже, как мы предполагаем, в 1884 г. В архиве Отдела редких книг и рукописей НБ МГУ удалось найти материалы о более позднем приобретении книг от семьи Соловьевых библиотекой университета. Речь идет о 29-томном издании «*Истории России с древнейших времен*». Приводим текст документов: «*От 1-го сентября 1884 г. ...подготовить к выписке для семинарий названного факультета (историко-филологического. — Н. С.) некоторые сочинения, и в числе их „Историю России с древнейших времен“ сочинение С. М. Соловьева в 29 томах. Сочинение это по указанию факультета следовало бы приобрести с уступкой 15%, т. е. вместо 58 руб. — за 49 руб. 30 коп. от наследников автора (П. С. Соловьева, угол Пречистенского и Зу-*

⁶ При жизни автора этот том выдержал пять изданий — в 1851, 1854, 1857, 1866 и 1874 гг.

бовского бульвара д. Лихунина, квар. П. С. Соловьевой)»⁷. В более позднем документе, от 29 сентября 1884 г., находим запись: «...счет вдовы тайного советника П. С. Соловьевой за книги, приобретенные от нее для семинарий, передать в факультетскую библиотеку». Далее следует запись о передаче книг в факультетскую библиотеку «без занесения оных в инвентари фундаментальной библиотеки»⁸. Так попали в Московский университет, а точнее на историко-филологический факультет, 29 томов первого издания «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева. Судьбу этих книг выяснить пока не удалось. Тем не менее нам представляется возможным предположить, что I том этого издания с авторской правкой, хранящийся в Отделе редких книг и рукописей, попал в университет тогда же. Но как более ценный экземпляр (на правах рукописи) он был передан в фундаментальную библиотеку.

Материалы библиотеки профессора Соловьева позволяют исследовать творческий путь ученого, его дружеские и научные связи, еще раз по достоинству оценить его заслуги в области русской истории.

Архивные документы Отдела редких книг и рукописей раскрывают и деятельность Соловьева как ректора Московского университета. В 1871—1877 гг. он постоянно проявлял интерес к формированию библиотеки университета. В первый же год ректорства Соловьев находит необходимым «произвести проверку книг, рукописей и прочих предметов, находящихся в университетской библиотеке»⁹. Осенью того же года он просит «доставить книги (по-видимому, инвентарные или „шнуровые“.— Н. С.), в которых были вносимы книги, приобретенные для библиотеки университета в течение 1869 и 1870 годов»¹⁰. Соловьев заботился о том, чтобы материалы, поступавшие каждый год в библиотеку, вовремя находили отражение в Отчетах Московского университета в графе «новые поступления». В записке на имя «господина библиотекаря» университета содержится просьба о «доставлении сведений по библиотеке университета для помещения в Отчет о состоянии и действиях Московского университета в 1870—1871 академических и 1871 гражданском году»¹¹. В документе от 29 октября 1873 г. ректор дает указание «по окончании каждого года печатать систематически каталог по отделам наук всех книг, как купленных в течение года для библиотеки, так и пожертвованных в нее различными местами и лицами»¹².

С. М. Соловьев, вникая в дела библиотеки университета, думал об интересах ее читателей — прежде всего профессоров и студентов. В документе от 21 февраля 1872 г. читаем: «...сделать распоряжение о выписке для студенческой библиотеки книг по предлагаемому списку»¹³; в документе от 28 января 1874 г. ректор «предлагает при выписке журналов и газет означать заглавия и цены»¹⁴; просьба ознакомиться «со списком журналов и газет, которые должны быть выписаны для библиотеки университета»¹⁵, содержится в документе от 23 декабря 1874 г. В том же 1874 году Соловьев заботится «о приобретении книг для факультета физико-математического»¹⁶.

⁷ Архив НБ МГУ, ОРК и Р, папка 9, док. от 1 сент. 1884 г.

⁸ Там же, док. от 29 сент. 1884 г.

⁹ Там же, папка 7, док. от 10 мая 1871 г.

¹⁰ Там же, док. от 11 окт. 1871 г.

¹¹ Там же, док. от 31 янв. 1872 г.

¹² Там же, док. от 29 окт. 1873 г.

¹³ Там же, док. от 21 февр. 1872 г.

¹⁴ Там же, док. от 28 янв. 1874 г.

¹⁵ Там же, док. от 23 дек. 1874 г.

¹⁶ Там же, док. от 28 дек. 1874 г.

Учитывая интересы читателей, ректор (сам постоянный читатель университетской библиотеки) не забывал, что одна из важнейших функций библиотеки — сохранение ее фондов. В документах архива Отдела редких книг и рукописей НБ МГУ, подписанных рукой Соловьева, мы находим следующие записи: «...доставить список лиц, допущенных к пользованию книгами библиотеки университета»¹⁷; «...Совет университета предлагает принять к руководству и точному исполнению... правила, выработанные библиотечной комиссией: 1) относительно вытребования студентами книг из библиотеки [...] 2) относительно выписки книг профессорами в библиотеку университета [...] Кроме того, на библиотеку возлагается вновь прием журналов и газет и выдача их для прочтения в библиотеке или на дом, по существующим для сего правилам»¹⁸; «[...] согласно общим правилам, постановленным для выдачи книг из библиотеки, не были никому выдаваемы из университетской библиотеки для пользования на дом ни словари, ни другие справочные сочинения»¹⁹. Безусловный интерес представляет документ от 22 января 1875 г., подписанный Соловьевым, где ректор проявляет «беспокойство о переплетах книг для университетской библиотеки»²⁰.

Так вдумчиво, с большой заботой относился Соловьев-ректор к работе библиотеки университета, считая ее одним из очагов университетской культуры.

¹⁷ Там же, док. от 11 окт. 1872 г.

¹⁸ Там же, док. от 5 июня 1875 г.

¹⁹ Там же, док. от 21 дек. 1876 г.

²⁰ Там же, док. от 22 янв. 1875 г.

СООБЩЕНИЯ

Г. В. ТРУХАНОВСКИЙ

БОРЬБА СССР ЗА РАЗОРУЖЕНИЕ: ПРОБЛЕМА ЗАПРЕЩЕНИЯ ХИМИЧЕСКОГО И БИОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ (1945—1978 гг.)

Теоретические вопросы, связанные с возможностью достижения разоружения, определением основных направлений, по которым должна вестись борьба против угрозы войны, рассмотрены в работах классиков марксизма-ленинизма. Эти положения получили дальнейшее развитие в Программе КПСС, решениях съездов КПСС, материалах пленумов ЦК КПСС, выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева по вопросам внешней политики Советского Союза. Особое значение имеют материалы XXIV и XXV съездов КПСС, содержащие исключительно важные выводы об особенностях нынешнего этапа общего кризиса капитализма, характере общественного развития, главных тенденциях складывания международных отношений на современном этапе.

КПСС и Советское правительство исходят прежде всего из того, что процесс разрядки международной напряженности происходит далеко не в тепличных условиях. По мере того как разрядка набирала силу, происходила активизация тех кругов, которые усматривали в новых тенденциях развития международных отношений угрозу своим интересам и политическому влиянию. Речь идет прежде всего о тех силах, которые заняли видное место в политических механизмах империалистических государств в период и после холодной войны. Имея в своем распоряжении мощные рычаги давления на правительства, финансируемые военно-промышленными комплексами своих стран, они встречают в штыки каждый новый шаг к уменьшению международной напряженности. Особенно резким нападкам консервативных группировок подвергаются переговоры, направленные на сокращение гонки вооружений.

Активное сопротивление консервативных кругов оздоровлению международной жизни, закреплению позитивных тенденций в международных отношениях придает особую значимость теоретическим исследованиям, раскрывающим несостоятельность утверждений противников разрядки о «военном превосходстве СССР», об его «агрессивности», о том, что достижению прогресса на пути ограничения гонки вооружений якобы мешает позиция Советского Союза.

Борьба СССР за разоружение получила освещение в ряде общетеоретических и исторических исследований, подготовленных видными со-

ветскими учеными. В них детально рассмотрены основные направления внешнеполитической деятельности СССР в целом и борьбы Советского Союза за разоружение в частности. В таких фундаментальных исследованиях, как «История внешней политики СССР», «Советский Союз и Организация Объединенных Наций», «Советский Союз в Организации Объединенных Наций», «СССР и проблема разоружения (1945—1959)»¹, и других работах содержится документально обоснованная оценка той огромной роли, которую сыграл и продолжает играть Советский Союз в борьбе за мир и разоружение. Комплексные исследования советских ученых дополнены многими трудами, посвященными отдельным аспектам борьбы СССР за разоружение. Некоторые вопросы запрещения химического и биологического оружия рассматривались в работах советских исследователей-международников².

В данном сообщении предпринята попытка показать основные направления борьбы Советского Союза за запрещение химического и биологического оружия после второй мировой войны. Антигуманный характер этого вида вооружений, а также то, что оно до сих пор хранится в военных арсеналах целого ряда империалистических государств, делают задачу борьбы с ним чрезвычайно актуальной.

В силу своей специфики химико-биологические средства ведения войны направлены прежде всего против людей и особо опасны для мирного населения.

С давних пор, как появилось химическое и биологическое оружие, человечество ведет против него борьбу. Уже в Петербургской декларации 1868 г. обращалось внимание на «технические границы, в которых потребности войны должны остановиться перед требованиями человечества»³. В приложении к Гаагской конвенции 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны говорилось о запрещении «употреблять газ или отравленное оружие, а также оружие, снаряды или вещества, способные причинить излишнее страдание»⁴. Версальский мирный договор 1919 г. также запрещал применение химического оружия и подтверждал такое запрещение как общепринятую норму международно-правовых отношений⁵.

Важнейшим актом, поставившим серьезную преграду на пути применения химического и биологического оружия, явился Женевский протокол 1925 г. В этом документе содержится запрет применять на войне удушающие, ядовитые и другие газы, все аналогичные жидкости, материалы, устройства, равно как и бактериологические средства массового уничтожения. Значение протокола определяется тем, что он представляет собой кодификацию международных обычаев и норм ведения войны, обязательств, принятых в силу международных актов, общих принципов международного права⁶.

¹ Советский Союз и Организация Объединенных Наций (1961—1965 гг.). М., 1962; Советский Союз в Организации Объединенных Наций, в 2-х тт. М., 1965; Хайцман В. М. СССР и проблема разоружения (1945—1959). М., 1970; История внешней политики СССР, чч. I, II, М., 1971.

² Борисов К. Важная мера реального разоружения.— «Новое время», 1975, № 7; Фролов В. Важная мера в деле разоружения.— «Век XX и мир», 1975, № 4; 1976, № 7; Емельянов В. К вопросу о запрещении химического оружия.— «Век XX и мир», 1976, № 7; Алексеев А. Насущные проблемы разоружения.— «Международная жизнь», 1976, № 8; Актуальные проблемы разоружения. М., 1978.

³ Arms Control: A Survey and Appraisal of Multilateral Agreements. London, 1978, p. 53.

⁴ Ibid., p. 56.

⁵ См. Версальский мирный договор. М., 1925, с. 6.

⁶ Петров М. Запрещение химического и биологического оружия — актуальная проблема.— «Международная жизнь», 1969, № 8, с. 17.

Советское правительство всегда придавало большое значение Женевскому протоколу 1925 г. СССР один из первых подписал и ратифицировал этот важный документ. Во второй половине 20-х годов в Комиссии по разоружению при Лиге Наций он не раз призывал другие страны к ускорению процесса его ратификации. В тот же период СССР внес предложение о прекращении производства химико-биологических отравляющих веществ и их уничтожении⁷. Однако резко враждебная позиция капиталистических держав по отношению к молодому Советскому государству не позволила реализовать эти предложения.

После второй мировой войны Советский Союз неоднократно выступал с инициативами, направленными на достижение конкретных результатов в области разоружения. В первые послевоенные годы главная задача советской внешней политики заключалась в недопущении развязывания атомной войны. Многочисленные предложения, внесенные в компетентные органы ООН Советским правительством, касались прежде всего ядерного разоружения. В то же время советская дипломатия прилагала усилия с целью добиться прогресса и по другим направлениям борьбы против оружия массового поражения⁸.

В резолюции ООН от 24 января 1946 г. об образовании Комиссии по атомной энергии отмечалось, что наряду с рассмотрением проблем, связанных с атомной энергией, комиссия призвана также готовить предложения по запрещению «основных средств массового поражения»⁹. Комиссия должна была четко определить те виды вооружения, обсуждение которых необходимо. Большинство ее членов сошлось на том, что необходимо дать определение тому, что понимается под оружием массового уничтожения. 5 сентября 1947 г. на рассмотрение был представлен проект резолюции США, в котором предлагалось рассматривать под этим понятием «атомные взрывы, радиоактивные материалы, смертоносное химическое и бактериологическое оружие»¹⁰. Таким образом, американская схема исключала из категории химических и биологических отравляющих веществ слезоточивые газы, раздражающие вещества и другие агенты, которые не приводят к быстрой гибели людей. Впоследствии, на протяжении 20 лет, такая постановка вопроса служила основой той позиции, которую занимали правящие круги США на переговорах о запрещении химико-биологического оружия.

Советский Союз резко осудил проект американской резолюции, которая могла бы способствовать дальнейшему накоплению, а возможно, и применению опасных отравляющих веществ. Представитель Украинской ССР предложил определить оружие массового уничтожения как средства ведения войны, «прямо направленные против мирного населения и предназначенные не для обороны, а для агрессии»¹¹. О необходимости дать четкое определение химико-биологическому оружию говорилось и в ежегодном докладе генерального секретаря ООН о деятельности этой организации с 1947 по 1948 г.

25 июня 1950 г. началась корейская война. Опасения Советского Союза подтвердились — Соединенные Штаты использовали в довольно широких масштабах химико-биологические отравляющие вещества.

8 мая 1951 г. в телеграмме, направленной в ООН министром иностранных дел КНДР, говорилось о том, что США ведут в Корее бактерио-

⁷ См. *The Problem of Chemical and Biological Warfare*, vol. IV. Stockholm, 1971, p. 105.

⁸ *Ibid.*

⁹ United Nations, General Assembly. Resolution I.

¹⁰ ООН, S/c. 3/5c. 3/7.

¹¹ ООН, S/c. 3/SR.12.

логическую войну. КНДР представила убедительные факты. Во второй телеграмме, направленной в Секретариат ООН, Соединенные Штаты обвинялись в том, что продолжают сбрасывать с самолетов насекомых — носителей микробов чумы, холеры и прочих заболеваний.

Что касается применения химических веществ, то об этом подробно говорилось в «Докладе о преступлениях США в Корее», представленном комиссией юристов, созданной для расследования заявлений КНДР. В этом документе, в частности, говорилось о гибели от удушья 480 человек — жителей города Нампо, после того, как он был атакован американскими самолетами Б-29. Приводились и другие факты, основанные на показаниях очевидцев, которые не оставляли сомнения в том, что в корейской войне было использовано и химическое оружие¹².

Применение химико-биологических веществ в Корее создало опасный прецедент для дальнейшего нарушения запрета, наложенного на использование этого оружия. Эта проблема обсуждалась в начале 50-х годов в Комиссии по разоружению, в Совете Безопасности и на Генеральной Ассамблее ООН.

14 марта 1952 г. советский представитель в ООН предложил план работ для Комиссии по разоружению, который предусматривал рассмотрение вопроса о нарушении запрета использовать биологическое оружие, о недопустимости применения этого оружия, а также об ответственности тех, кто нарушил запрет¹³. Однако позиция, занятая США и другими западными державами, не позволила реализовать эти предложения. США не считали себя связанными какими-то обязательствами по вопросу применения химико-биологических отравляющих веществ до заключения новой конвенции, которая рассматривалась американской стороной как неотъемлемая часть общей программы разоружения. Поскольку такая программа не была принята, то, естественно, заключение действенной конвенции о запрещении бактериологического оружия откладывалось на неопределенный срок.

Поэтому в середине 50-х годов Советский Союз, учитывая реальную обстановку внес на рассмотрение компетентных органов ООН предложения, касающиеся сокращения вооруженных сил и вооружений. В этих документах были учтены пожелания западных держав, высказанные в ходе предыдущих переговоров. Однако и эти инициативы натолкнулись на полное нежелание империалистических государств добиться какого-либо прогресса в деле разоружения. «Переговоры оказались в заколдованном кругу. Как только Советский Союз принимал конкретные предложения западных держав или соглашался с их подходом к решению проблемы разоружения, так западные державы брали назад свои собственные предложения, на которых раньше они упорно настаивали»¹⁴.

Такая политика США и его союзников вызывала широкое недовольство мировой общественности. Тогда империалистические государства буквально засыпали Подкомитет по разоружению различными документами и меморандумами с целью ввести в заблуждение мировое общественное мнение.

Буржуазные исследователи в своих работах, посвященных анализу переговоров о разоружении во второй половине 50-х годов, как правило, пространно цитируют многочисленные предложения США и Англии, в том числе и относительно запрещения отравляющих веществ. Все это делается для того, чтобы создать ложное представление о характере переговоров, которые велись в тот период, исказить позицию, занятую

¹² См. ООН, S/2684/Add.1.

¹³ См. ООН, DC/PV.2, 3.

¹⁴ История внешней политики СССР, ч. II. М., 1971, с. 253.

СССР и другими социалистическими странами. Тот факт, что со стороны Советского Союза в рамках общей программы разоружения выдвигались предложения о запрещении химико-биологических средств ведения войны в большинстве случаев замалчивается буржуазными учеными.

Предложения Советского Союза от 10 мая 1955 г. предусматривали «полное запрещение применения и производства, как ядерного оружия, так и всех других видов оружия массового уничтожения...»¹⁵. Это предполагалось осуществить в рамках общей программы разоружения, предусматривающей сокращение вооружений и запрещение атомного оружия. На втором этапе осуществления программы, после сокращения вооруженных сил и обычных вооружений на 75%, должно было войти в силу полное запрещение применения всех видов оружия массового уничтожения. Изъятие этого оружия из арсеналов государств и его уничтожение предполагалось начать одновременно с сокращением вооружений на 25% и закончить к 1957 г.¹⁶

Таким образом, Советский Союз выступил с конструктивной программой запрещения всех средств массового поражения, в которой он не только декларировал свое желание покончить с ними, но и, в отличие от западных держав, предлагал конкретные практические меры и даже намечал определенные сроки.

Предложения СССР о всеобщем и полном разоружении, внесенные на пленарное заседание XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, знаменуют новый подход к переговорам. На этом этапе (60-е годы) усилия социалистических стран были направлены на создание широкого фронта государств, выступающих за разоружение.

Предложения СССР предусматривали контрольную систему и сроки претворения программы в жизнь. На заключительном этапе разоружения предусматривалось уничтожение всех запасов химического и биологического оружия, подчеркивалось, что это должно произойти под строгим международным контролем. В своих последующих предложениях, внесенных в Комитет по разоружению, Советское правительство учло пожелания США и других западных держав относительно сроков разоружения, прав контрольного органа и т. д. Что касается химико-биологического оружия, то новый советский проект предусматривал его полное запрещение в ходе реализации программы. Советские предложения от 2 июня 1960 г. легли в основу Договора о всеобщем и полном разоружении, представленном на рассмотрение XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Учтя опыт работы Комитета по разоружению, Советское правительство выступило с проектом резолюции, в котором излагались основные принципы, на которых должен быть заключен Договор о всеобщем и полном разоружении. Советский Союз еще раз призвал ускорить обсуждение проблем, связанных с заключением договора, а также указал на опасность, которой чреваты усилия стран Запада затянуть обсуждение этого вопроса.

XV сессия Генеральной Ассамблеи ООН показала, что большинство государств — членов ООН искренне желают добиться полного и всеобщего разоружения и относятся с симпатией к предложениям СССР. Представители нейтральных государств в принципе поддержали точку зрения СССР по вопросу всеобщего и полного разоружения. Они внесли свой проект резолюции о принципах всеобщего и полного разоружения, в котором, наряду с другими ставился и вопрос о необходимости запре-

¹⁵ 50 лет борьбы СССР за разоружение. Сб. док. М., 1967, с. 291.

¹⁶ См. там же, с. 292—294.

щения химического и биологического оружия. В резолюции говорилось, что всеобщее и полное разоружение должно предусматривать «полное запрещение производства, хранения и применения химического и бактериологического оружия»¹⁷.

Советский Союз и другие социалистические страны заявили о своем согласии с проектом резолюции нейтральных государств. Однако правительство США выступило не только против него, но и против принятия вообще каких-либо решений о всеобщем и полном разоружении, что не позволило согласовать на XV сессии документы по разоружению.

Борьбу за всеобщее и полное разоружение Советский Союз перенес в Комитет по разоружению. 15 марта 1962 г. Советское правительство представило на его рассмотрение проект Договора о всеобщем и полном разоружении под строгим международным контролем. Этот документ явился развитием советских предложений, внесенных с 1959 г. Советская программа предусматривала устранение возможности ядерного нападения, уничтожение средств доставки ядерного оружия уже на первом этапе разоружения. На втором этапе предполагалось уничтожить все запасы оружия массового поражения, а на третьем — упразднить полностью военные машины государств. Проект состоял из 48 статей и был глубоко детализирован. В нем было предусмотрено решение всех основных вопросов, связанных с разоружением. В статье 23 подробно излагались мероприятия по запрещению химического и биологического оружия. Комплекс мер, направленный на полное упразднение этих варварских средств ведения войны, предусматривал уничтожение всех видов химического, биологического и радиологического оружия, всех средств доставки такого оружия, а также прекращение его производства. Эти мероприятия предполагалось осуществить под контролем инспекторов Международной организации по разоружению¹⁸.

В конце 50-х — начале 60-х годов Советский Союз разработал четкую программу всеобщего и полного разоружения. Эта программа легла в основу его последующей борьбы за мир. Многие элементы основных предложений в дальнейшем были использованы в работе, проводимой в рамках ООН по разоружению. Полное запрещение химического и биологического оружия явилось неотъемлемой частью советской программы. Советский Союз предложил запретить химическое и биологическое оружие на втором этапе разоружения. При этом следует отметить, что СССР был готов рассмотреть вопрос об «уничтожении этого оружия и на более ранней стадии, однако решение этой проблемы упиралось в позицию западных держав. До уничтожения ядерного оружия было бы чрезвычайно трудно решить вопрос о контроле над запрещением химического и биологического оружия»¹⁹. Советский Союз дал ясную программу полного упразднения химико-биологических средств ведения войны, на основе которой строились в дальнейшем переговоры о заключении соответствующих конвенций.

Новую волну обсуждения в ООН проблемы запрещения химического и биологического оружия вызвало применение отравляющих веществ в Индокитае. Вьетнамская война ярко продемонстрировала всему миру ту опасность, которую представляет собой накопление этого оружия массового поражения. В результате правящие круги некоторых государств, ранее проявлявшие пассивность на переговорах по разоружению, более активно включились в борьбу за запрещение химико-биологических средств ведения войны.

¹⁷ См. ООН, А/С.

¹⁸ См. Внешняя политика Советского Союза. Сб. док. М., 1963, с. 124.

¹⁹ The Problem of Chemical and Biological Warfare, vol. IV, p. 234.

Применение химического оружия во Вьетнаме планировалось Пентагоном еще в конце 50-х годов, т. е. в то время, когда за столом переговоров обсуждалась возможность полного запрещения такого оружия. Размах применения химических отравляющих веществ рос пропорционально развитию боевых действий. Достаточно сказать, что к 1967 г. «5% территории Южного Вьетнама подверглось воздействию химических средств, уничтожающих растительность»²⁰. Результат был налицо — «Южный Вьетнам, который, по данным министерства сельского хозяйства, в 1964 г. экспортировал 49 млн. т риса, в 1968 г. получил 800 тыс. т риса из США»²¹.

Официальная пропаганда Соединенных Штатов представляла применение отравляющих веществ как действие, якобы направленное на уменьшение числа жертв, т. е. как гуманный акт. На самом же деле это была химическая война. Отравляющие вещества использовались прежде всего для достижения военных целей: «выкуривание» противника из инженерных сооружений, изнурение его, длительное заражение участков местности. С помощью химического оружия американцы пытались подорвать продовольственную базу южновьетнамских патриотов; демаскировать войска, базы и коммуникации путем уничтожения окружающего растительного покрова.

Тот факт, что химические отравляющие вещества, уничтожающие растительность, были использованы прежде всего ради достижения военных целей, нашел свое отражение и в ряде официальных документов США. В августе 1970 г., во время обсуждения в американском сенате программ, связанных с применением в Индокитае веществ, уничтожающих урожаи, прямо говорилось, «что военные преимущества таких программ достаточно велики, чтобы не принимать во внимание тот экономический, физиологический и политический ущерб, который они могут нанести. Такой же аргумент был выдвинут в защиту использования дефолиантов»²².

О применении во Вьетнаме гербицидов и дефолиантов и о последствиях этого применения хорошо известно. Значительно меньше освещался вопрос об использовании газов раздражающего действия и особенно о смертоносных газах. Это связано с тем, что буржуазные исследователи, пытаясь обелить действия американских войск в Юго-Восточной Азии, замалчивают масштабы химической войны, которая велась во Вьетнаме.

Отравляющие вещества раздражающего действия, которые поставлялись южновьетнамскому правительству с момента вступления американцев в войну, были впервые применены 23 декабря 1964 г. Представитель госдепартамента прокомментировал решение об использовании этого оружия следующим образом: «Мы не испытывали особой радости по поводу применения слезоточивого газа, но было определено, что это является гуманным решением»²³.

Американские правящие круги оказались в довольно затруднительном положении. В отличие от гербицидов и дефолиантов раздражающие вещества были направлены непосредственно против людей. А поэтому преподнести своему народу и всему миру это оружие как оружие человеколюбия было значительно труднее. Этим, в частности, объясняется обилие официальных выступлений различных американских дея-

²⁰ The Problem of Chemical and Biological Warfare, vol. I. Stockholm, 1971, p. 165.

²¹ Херш С. Химическое и биологическое оружие. М., 1970, с. 134.

²² См. «International Herald Tribune», 1/1 1971.

²³ The Problem of Chemical and Biological Warfare, vol. I, p. 186.

телей в тот период, пытавшихся ввести в заблуждение общественное мнение относительно сущности химического оружия раздражающего действия. Аргументы, использованные американской дипломатией, сводились к тому, что применение раздражающих газов вполне приемлемо с моральной точки зрения, поскольку они используются во всем мире в целях поддержания порядка внутри стран. Особо подчеркивалось, что применение этих веществ не было запрещено ни Женевским протоколом 1925 г., ни другими соглашениями, касающимися химического оружия.

Правда, несколько позже стало известно, что отнюдь не все раздражающие вещества, применяемые против южновьетнамских патриотов, входили в категорию так называемых «полицейских». Если адамсит, который, впрочем, тоже практически не применяется в капиталистических странах для подавления беспорядков, еще как-то можно увязать с полицейскими ОВ, то отравляющие вещества нервнопаралитического действия никак не могут быть причислены к этой категории.

Применяя отравляющие вещества в ходе военных действий в Индокитае, правящие круги США тем самым ставили под сомнение все до сих пор существовавшие международно-правовые документы, запрещающие использование отравляющих веществ. Вопрос о применении химико-биологического оружия на вьетнамской земле, о нарушении в связи с этим Женевского протокола 1925 г. широко обсуждался в ООН. Советская дипломатия возглавила борьбу за укрепление действенности протокола, за создание предпосылок для полного запрещения химических и биологических отравляющих веществ. Советский Союз поддерживал справедливые требования правительств стран Индокитая прекратить применение варварского оружия. В Совете Безопасности действия американцев были охарактеризованы советским представителем как «преступления против человечности и грубое нарушение элементарных норм международного права»²⁴. Такая же оценка прозвучала и в выступлениях подавляющего большинства делегатов XXI и XXII сессий Генеральной Ассамблеи. «Соединенные Штаты,— пишет известный финский ученый Ж. Миттенен,— оправдывали применение химического оружия гуманными соображениями, однако, в действительности, оно использовалось совсем по другим причинам, и поэтому США оказались в одиночестве, когда этот вопрос обсуждался в Организации Объединенных Наций»²⁵.

Прогрессивно настроенные ученые со знанием дела поведали всему миру о тех качественно новых отравляющих веществах, которые создавались в многочисленных лабораториях капиталистических государств. Пагубные последствия применения химического оружия во вьетнамской войне были настолько очевидны, что даже в государствах, обладающих наиболее крупными запасами отравляющих веществ, политические деятели стали выступать с требованием поставить химико-биологическое оружие вне закона. Все более широкий размах приобретало движение общественности западных держав против производства и накопления отравляющих веществ.

В условиях научно-технической революции был достигнут большой прогресс в развитии таких наук, как химия, биология и микробиология, что способствовало совершенствованию различных видов химического и биологического оружия.

Серьезные изменения произошли и в технологии производства химического оружия. Сейчас в США создано так называемое «бинарное ору-

²⁴ U. N. Disarmament Commission, Official Records, 72nd meeting.

²⁵ «The Bulletin of the Atomic Scientists», September 1974, p. 39.

жие», ставшее центральной темой всех дискуссий о боевых отравляющих веществах. Вот что писал о бинарных снарядах американский журнал «Бизнес Уик»: «В Эджвудском арсенале (штат Мерилэнд) военные создают так называемые „двойные химические боеприпасы“. Они представляют собой артиллерийский снаряд, имеющий две изолированные камеры, где находятся два различных химических вещества. Когда происходит выстрел, перегородка между камерами разрушается. Благодаря вращению снаряда вокруг своей оси при полете к цели, химические вещества смешиваются. После взрыва содержимое снаряда разлетается в стороны. Достаточно попадания одной капли на кожу или внутрь организма через дыхательные органы, рот, чтобы вызвать смерть от паралича. В то же время каждый из компонентов в отдельности не опасен. Один из них, как сказал представитель армии, „можно свободно достать у любой химической кампании“. Другой же продукт исследований лабораторий в Эджвуде строго засекречен»²⁶.

О том, какие последствия могут иметь накопление и качественное совершенствование химического и биологического оружия, подробно говорилось в докладе генерального секретаря ООН «О возможных последствиях применения химического и биологического оружия», опубликованном в июле 1969 г. Этот доклад, который, несомненно, «способствовал тому, что вопрос о запрещении химико-биологического оружия был выдвинут на передний край переговоров о разоружении»²⁷, был подготовлен группой экспертов, в которую вошли четырнадцать известных ученых. Советский Союз был представлен профессором химии Московского университета академиком О. А. Реутовым; Соединенные Штаты — директором Нью-Йоркского медицинского центра доктором И. Беннетом.

Единодушное мнение видных ученых по различным аспектам исследуемых проблем имело большое значение. Особую ценность представляли четкие определения видов отравляющих веществ, которые в силу своей специфики могли бы быть отнесены к оружию массового уничтожения. Не меньшее значение имел и вывод об органическом единстве химического и биологического оружия. «Все биологические процессы, — отмечалось в докладе, — зависят от химических и физико-химических реакций, а поэтому то, что сегодня рассматривается как биологическое вещество, в будущем в связи с развитием науки может рассматриваться как химическое»²⁸.

Вопрос об объеме возможной конвенции по запрещению химического и биологического оружия представлялся в конце 60-х годов наиболее трудно разрешимым. Западные державы настаивали на том, что проблема запрещения отравляющих веществ должна решаться поэтапно; они предлагали начать с согласования вопроса о запрещении биологического оружия, а уж затем обсуждать вопрос о запрещении химических отравляющих веществ. Предложение об обсуждении возможности заключения двух различных конвенций содержалось в рабочем документе о микробиологическом оружии, внесенном представителем Англии в Комитет по разоружению в 1968 г.²⁹ Впоследствии в ходе переговоров представители США и Англии продолжали настаивать на разделении проблемы запрещения химического и бактериологического оружия на две части и предлагали в первую очередь рассматривать вопрос о биологическом оружии.

²⁶ «Business Week», 7/IV 1973, p. 62.

²⁷ The Problem of Chemical and Biological Warfare, vol. IV, p. 274.

²⁸ ООН, A/7575/Rev.1.

²⁹ ООН, A/C. 1/PV.1754.

Наиболее активно эти проблемы обсуждались в 1970 г. Переговоры, которые велись в это время, показали, что точка зрения США и Англии не находит поддержки у подавляющего большинства государств — членов ООН. В Комитете по разоружению в выступлениях многих делегатов прозвучали опасения, что частичное решение вопроса могло бы значительно осложнить заключение конвенции, запрещающей производство и применение химических отравляющих веществ. Представитель Франции, например, заявил, что рассмотрение первоначально лишь вопроса о биологическом оружии «может отодвинуть решение проблемы на неопределенно длительный срок»³⁰.

На переговорах в Комитете по разоружению Советский Союз и другие социалистические страны отстаивали точку зрения, которая сводилась к тому, что Комитет должен согласовать текст конвенции, запрещающей как химическое, так и биологическое оружие. Такая постановка вопроса вызвала поддержку у представителей многих стран, принимавших участие в работе Комитета. Правомерность и целесообразность одновременного рассмотрения проблем как химического, так и биологического оружия совершенно очевидны. Вся история переговоров о запрещении этих средств ведения войны подтверждает такой вывод.

Желая внести как можно больший практический вклад в работу Комитета по разоружению Советский Союз, Болгария, Белорусская ССР, Чехословакия, Венгрия, Монголия, Польша, Румыния, Украинская ССР 19 сентября 1969 г. предложили рассмотреть проект Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления химического и бактериологического оружия, а также об его уничтожении, который предусматривал:

1. Запрет разработки производства и накопления химического и бактериологического оружия (ст. I).
2. Уничтожение или переключение на мирные цели всех запасов химического и бактериологического оружия в согласованные сроки (ст. II).
3. Обязательство стран принять все необходимые меры для достижения целей конвенции (ст. IV)³¹.

Проект социалистических стран, получив широкую поддержку на XXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, был тщательно и всесторонне рассмотрен в Комитете по разоружению. Многие из соображений, высказанных в ходе обсуждения, были учтены и включены в проект конвенции.

В 1970 г. переработанный проект конвенции был представлен на рассмотрение XXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В принятой резолюции был одобрен принцип одновременного запрещения как бактериологического, так и химического оружия³².

Обсуждение проекта конвенции на сессиях Комитета по разоружению в 1969 и 1970 гг. было несомненно полезным и важным с точки зрения согласования позиций по различным проблемам, касающимся запрещения химического и биологического оружия. Несмотря на попытки некоторых западных держав осложнить принятие документа путем бесконечного обсуждения различных технических деталей, все же многие соображения, высказанные в ходе работы Комитета, нашли впоследствии свое отражение в Конвенции о запрещении биологических средств ведения войны.

³⁰ ООН, А/С. 1/PV.1754.

³¹ См. ООН А/8136.

³² См. ООН, А/RES/2662(XXV).

1971 год расценивается в многотомном исследовании Стокгольмского международного института изучения проблем мира «как поворотный пункт в истории переговоров о запрещении химического и биологического оружия»³³, поскольку Советский Союз и другие социалистические страны пошли навстречу капиталистическим государствам в вопросе поэтапного запрещения химико-биологических средств ведения войны. 30 марта 1971 г. они предложили вниманию Комитета по разоружению проект Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) оружия и токсинов и об их уничтожении. Позиция Советского Союза заключалась в следующем: во-первых, ускорить заключение соглашения о запрещении химического и биологического оружия; во-вторых, вывести переговоры в Женеве из тупика и тем самым способствовать продвижению по пути к всеобщему и полному разоружению.

В проект конвенции в целях быстрее достижения соглашения были включены многие предложения Англии, содержащиеся в ее проекте Конвенции о запрещении биологического оружия, а в дальнейшем в ходе обсуждения учтены некоторые поправки западных стран.

16 декабря 1971 г. XXVI сессия Генеральной Ассамблеи ООН одобрила проект Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления бактериологического (биологического) оружия и токсинов и об их уничтожении и предложила государствам-депозитариям открыть ее для подписания и ратификации в возможно самый ближайший срок. 10 апреля 1972 г. конвенция была открыта для подписания в Москве, Лондоне и Вашингтоне. В этот день представители 80 государств поставили свои подписи под ее текстом.

Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) оружия и токсинов и их уничтожении явилась важным шагом на пути ко всеобщему и полному разоружению. В конвенции речь идет о ликвидации одного из видов оружия массового уничтожения, каким является бактериологическое оружие. В этом прежде всего ее отличие от всех заключенных до настоящего времени соглашений в области ограничения гонки вооружений таких, как договоры о запрещении испытаний ядерного оружия, о неразмещении оружия массового поражения на дне морей и океанов и других. Все эти соглашения имеют большое значение, но они еще не предусматривают уничтожения того или иного вида вооружений, а лишь ограничивают сферу его распространения, размещения или пути его дальнейшего совершенствования. Конвенция о запрещении бактериологического оружия, по сути дела, является первой в истории международных отношений мерой реального, фактического разоружения³⁴.

На сегодняшний день Конвенцию о запрещении биологического оружия подписало более ста государств.

После выработки и подписания этой конвенции на повестку дня встал вопрос о запрещении химических средств ведения войны. По общему мнению ученых, в современных условиях химические отравляющие вещества представляют большую опасность, нежели биологические. Это связано с их мгновенным воздействием на людей, животных, растения. В настоящее время производство химических отравляющих веществ продолжается, создается новая технология.

В многочисленных резолюциях, принятых сессиями Генеральной Ассамблеи ООН, говорится о необходимости быстрее решения этой

³³ The Problem of Chemical and Biological Warfare, vol. IV, p. 312.

³⁴ См. «Новое время», 1975, № 5, с. 5.

проблемы. «Полное и эффективное запрещение разработки, производства и накопления запасов всех видов химического оружия и его уничтожение,—отмечается в Заключительном докладе специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной разоружению,—являются одной из наиболее срочных задач в области разоружения»³⁵.

В ходе работ Комитета по разоружению не раз высказывалось мнение о том, что существуют все условия для решения этой проблемы. Однако серьезным тормозом в этом деле является позиция США и их союзников по НАТО. Не осмеливаясь открыто выступить против заключения Конвенции о запрещении химического оружия, эти страны пытаются «лабиринтировать», доказать необходимость дальнейшего «изучения вопроса» с тем, чтобы затянуть его в трясину долгих и бесплодных дискуссий по различным техническим аспектам»³⁶.

Конечно, запрещение химического оружия дело не простое, оно требует решения целого ряда проблем, в том числе и чисто технического характера, однако все это не должно заслонять собой главного — необходимости добиться политического решения проблемы.

В проекте конвенции, выдвинутом социалистическими странами, предложены эффективные решения всех тех проблем, которые обсуждались в Комитете по разоружению в связи с запрещением химического оружия. В нем учтены точки зрения большинства государств — членов ООН.

В ходе обсуждения договора, большинство делегаций, принимавших участие в работе Комитета по разоружению, выразили мнение, что такой договор должен быть всеобъемлющим³⁷. Аналогичный подход нашел свое отражение в выдвинутом проекте. Согласно статье I участники конвенции обязуются никогда, ни при каких обстоятельствах не разрабатывать, не производить, не испытывать, не приобретать и не сохранять химические агенты таких видов и в таких количествах, которые не предназначены для мирных целей, а также оружие, оборудование или средства доставки для использования таких агентов во враждебных целях или во время вооруженных конфликтов. Кроме того, в статье II предусматривается уничтожение или переключение на мирные цели всех химических агентов, оружия, оборудования и средств доставки, указанных в статье I Конвенции.

Положения статей I и II подкрепляются статьей III, которая обязывает участников конвенции не передавать кому бы то ни было, не помогать и не поощрять другие государства или международные организации к производству или к получению каким-либо иным способом химических агентов, оружия, оборудования или доставки, запрещенных в конвенции³⁸.

Проект Конвенции о химическом оружии во многом повторяет формулировки Конвенции о запрещении биологического оружия, и такой подход вполне оправдан, так как химические и бактериологические отравляющие вещества являются оружием одного типа.

Система контроля, предложенная в проекте социалистических стран, также переключается с положениями, изложенными в Конвенции о запрещении биологического оружия. В проекте предлагается создать систему проверки запрещения химического оружия на основе сочетания мер национального законодательства и международных процедур, т. е.

³⁵ U. N. Final Document of Assembly Session on Disarmament. (23 may — 1 july 1978), p. 13.

³⁶ «Международная жизнь», 1972, № 5, с. 14.

³⁷ «The Bulletin of the Atomic Scientists», September 1974, p. 40.

³⁸ «Международная жизнь», 1972, № 5, с. 15—16.

речь идет о позиции, которой придерживается большинство стран — членов ООН. Контроль включает в себя обязательство каждого участника соглашения нести ответственность за соблюдение конвенции. Предусмотрены также консультации между странами по вопросам, возникающим в связи с выполнением конвенции в рамках ООН и в соответствии с ее Уставом.

В других статьях проекта социалистических стран предусматривается помощь государствам, оказавшимся в опасности в результате нарушения конвенции: содержится положение, призванное обеспечить беспрепятственное использование достижений химии в мирных целях; определяется процедура выхода из конвенции, ее вступления в силу и так далее.

Основанный на уже накопленном опыте разработки соглашений в области разоружения новый документ предлагал наиболее прямой и короткий путь решения проблемы запрещения всех видов химического оружия. Социалистические страны исходили из того, что технические аспекты изучены уже достаточно основательно, чтобы принять важное политическое решение³⁹.

Желая максимально содействовать решению проблемы, Советский Союз согласился начать с запрещения и уничтожения запасов наиболее опасных, смертоносных видов химического оружия. Договоренность о подготовке соответствующей инициативы в Комитете по разоружению была достигнута между СССР и США в 1974 г. В конце 1977 г. после проведенных переговоров стороны приступили к составлению совместного документа.

Таким образом, сейчас имеется возможность для заключения соглашения об эффективных мерах по запрещению разработки, производства и накопления запасов всех видов химического оружия и его уничтожению. При этом следует отметить, что проблема запрещения химического оружия представляет собой лишь одно из многочисленных направлений, по которым нарастает борьба всех прогрессивных сил за всеобщее и полное разоружение. Успех этой борьбы во многом зависит от укрепления общего процесса разрядки в международных отношениях. Поэтому попытки кругов, представляющих интересы военно-промышленных комплексов империалистических государств, возродить климат «холодной войны» наносят большой ущерб переговорам о разоружении.

Политика, ведущая к росту угрозы новой войны, идет вразрез с объективными тенденциями развития международных отношений и поэтому не может быть жизнеспособной. «Мы знаем, — говорил Л. И. Брежнев, отвечая на вопросы корреспондента газеты „Правда“, — что воля народов сквозь все препятствия пробила дорогу тому положительному направлению в мировых делах, которое емко выражается словом „разрядка“. Такая политика имеет глубокие корни. Ее поддерживают могучие силы, и эта политика имеет все шансы оставаться ведущей тенденцией в отношениях между государствами»⁴⁰.

³⁹ «Международная жизнь», 1972, № 5, с. 17.

⁴⁰ «Правда», 1980 г., 14 января.

Т. М. ТАРШИЛОВА

РОСТ МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА ЛИТОВСКОЙ ССР В ГОДЫ ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Проблема подъема материального благосостояния советского народа постоянно находится в центре внимания Коммунистической партии и Советского государства. Возможности ее решения заложены в самой природе социализма. В. И. Ленин подчеркивал, что «только социализм даст возможность широко распространить и настоящим образом подчинить общественное производство и распределение продуктов по научным соображениям, относительно того, как сделать жизнь всех трудящихся наиболее легкой, доставляющей им возможность благосостояния»¹.

Основные положения программы социального развития советской деревни на современном этапе были разработаны на мартовском (1965 г.) пленуме ЦК КПСС и получили закрепление и дальнейшее развитие в решениях XXIII, XXIV и XXV съездов КПСС.

Важным этапом в выполнении задач подъема жизненного уровня сельских тружеников стала девятая пятилетка (1971—1975 гг.), на протяжении которой предусматривалось значительно повысить доходы колхозников за счет опережающего роста оплаты их труда по сравнению с заработной платой рабочих и служащих. Кроме того, намечался ряд мероприятий, осуществление которых предполагалось за счет общественных фондов потребления. Среди них — выплата денежных пособий на детей в семьях, где доход на каждого члена семьи составлял не более 50 руб. в месяц, повышение минимального размера пенсий колхозникам и распространение на них порядка исчисления пенсий, установленного для рабочих и служащих. Планировалось направить значительные средства на коммунальное хозяйство, жилищное строительство, благоустройство села².

В Литовской ССР на основе пятилетнего плана развития народного хозяйства было решено повысить среднюю месячную заработную плату рабочим и служащим почти на 21%, до 142 руб., а колхозникам — до 109 руб., или на 30%. Выплаты и льготы из общественных фондов потребления в расчете на одного жителя республики намечалось увеличить почти на 46% — до 367 руб.³

Вопросы повышения жизненного уровня колхозного крестьянства в годы девятой пятилетки получили известное отражение в советской историографии. Разрабатывались теоретические и практические аспекты роста материального благосостояния колхозников страны, вопросы совершенствования распределительных отношений в колхозах, изменения структуры реального и совокупного дохода колхозников⁴. Рост ма-

¹ Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 381.

² Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 3. М., 1972, с. 241.

³ Maniūšis J. Tarybų Lietuva devintajame penkmetėje. Vilnius, 1972, p. 44.

⁴ Городецкий Е. С., Савченко П. В. Сочетание уровня оплаты труда и общественных фондов потребления. М., 1974; Доходы трудящихся и социальные проблемы уровня жизни населения СССР. М., 1973; Майер В. Ф. Доходы и потребление населения. М., 1975; его же. Уровень жизни населения СССР. М., 1977; Чернявский У. Г. Доходы населения и потребление материальных благ в развитом социалистическом обществе. — «История СССР», 1978, № 1 и др.

териального благосостояния колхозного крестьянства Литвы в девятой пятилетке охарактеризован в сборнике статей экономистов, посвященном исследованию вопроса о сближении города и деревни по уровню потребления материальных благ, и в статье А. Славинскене о социальной функции фондов потребления колхозов⁵.

В настоящем сообщении делается попытка раскрыть основные пути повышения жизненного уровня тружеников села Литовской ССР в девятой пятилетке.

Возможности роста материального благосостояния населения определяются прежде всего уровнем экономического потенциала страны, который измеряется объемом национального дохода. В девятой пятилетке национальный доход Литовской ССР составил 24,5 млрд. руб., превысив на 38,3% аналогичный показатель восьмой пятилетки. Значительная его часть (ежегодно в среднем 72% дохода) направлялась в фонд потребления. На личное потребление населения расходовалось свыше 65% фонда⁶.

Всемерное повышение экономического уровня сельского хозяйства республики, выраженное ростом его валового дохода, также обусловило создание материальной основы для повышения благосостояния колхозного крестьянства. В 1975 г. колхозы Литовской ССР получили 647,8 млн. руб. валового дохода, что на 12,5% превышало валовой доход 1970 г.⁷

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 июля 1966 г. «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства» было установлено, что при распределении доходов в колхозах в первую очередь выделяются средства в фонд оплаты труда⁸. На основе этого постановления была введена гарантированная оплата труда колхозников, исходя из тарифных ставок работников совхозов соответствующих категорий. Оплата труда должна была стать основным источником доходов колхозников.

С введением гарантированной оплаты ускорился переход колхозов к денежной форме оплаты. В 1965 г. только 61 колхоз Литовской ССР производил оплату в денежной форме, а в 1975 г. ее ввели 98,8% колхозов⁹.

В годы девятой пятилетки наметились более быстрые темпы увеличения фонда оплаты труда колхозов по сравнению с валовым доходом. С 1971 по 1975 г. этот фонд в колхозах Литвы возрос на 12,6%, составив около половины валового дохода¹⁰. Это позволило обеспечить значительный рост оплаты труда колхозников республики. Ее среднемесячный показатель увеличился за пятилетку на 37%, в то время как заработная плата рабочих и служащих — на 19%¹¹. Опережающие темпы роста оплаты труда колхозников обусловили сближение уровней доходов от оплаты труда в общественном хозяйстве колхозов и заработной платы

⁵ Lietuvos TSR miesto ir kaimo socialinių ekonominių skirtumų mažinimas. Vilnius, 1977; Slavinskienė A. Kolūkių visuomeninio vartojimo fondų socialinė funkcija.— «Liaudies ūkis», 1975, Nr. 1.

⁶ Экономика и культура Литовской ССР. Статист. ежегодник, посвященный 60-летию Великого Октября. Вильнюс, 1977, с. 222.

⁷ Годовые отчеты колхозов.— Архив Министерства сельского хозяйства Литовской ССР (далее — АМСХ ЛитССР), ф. 1, оп. 14, д. 915, с. 53; оп. 4, д. 427, с. 9.

⁸ Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965—1974). М., 1975, с. 136.

⁹ «Тисса», 1967 г., 14 июля; Годовые отчеты колхозов.— АМСХ ЛитССР, ф. 1, оп. 4, дд. 430—435, с. 21.

¹⁰ АМСХ ЛитССР, ф. 1, оп. 14, дд. 1047—1050, с. 53; оп. 4, дд. 430—435, с. 9.

¹¹ Материалы XVII съезда Коммунистической партии Литвы. Вильнюс, 1976, с. 31.

Таблица 1

Среднемесячная оплата труда работников народного хозяйства, совхозов и колхозов СССР и Литовской ССР в 1970 и 1975 гг.*

Показатели	1970 г.		1975 г.		1975 г. в % к 1970 г.	
	СССР	Лит ССР	СССР	Лит ССР	СССР	Лит ССР
Среднемесячная зарплата рабочих и служащих (руб.)	122,0	119,6	145,8	142,3	119,5	119,0
Среднемесячная зарплата работников совхозов, подсобных и прочих сельскохозяйственных предприятий (руб.)	100,9	90,7	126,7	104,9	125,6	115,4
в % к зарплате рабочих и служащих	82,7	75,8	86,4	73,3		
Среднемесячная оплата труда колхозников (руб.)	74,9	84,0	91,6	114,0	122,3	135,7**
в % к зарплате рабочих и служащих	61,4	70,2	62,8	80,1		
в % к зарплате работников совхозов, подсобных и прочих сельскохозяйственных предприятий	74,2	92,6	72,3	108,7		

* Таблица составлена по данным статист. сборников «Экономика и культура Литовской ССР в 1975 г.», «Вильнюс, 1976, с. 144, 148, 204» и «Народное хозяйство СССР в 1975 г.» (М., 1976, с. 414, 546) а также годовых отчетов колхозов Литовской ССР (АМСХ ЛитССР, ф. 1, оп. 14, д. 916—919, с. 59; оп. 4, д. 430—435, с. 21).

** При подсчете принималась во внимание лишь денежная часть выплат, без натуральной. Этим объясняется расхождение в процентной оценке роста оплаты труда: вместо 37% (по источникам) здесь — 35,7%.

рабочих и служащих в народном хозяйстве. Если в 1970 г. среднемесячная оплата труда колхозников по отношению к заработной плате рабочих и служащих составляла 70,2%, а по отношению к заработной плате работников совхозов — 92,6%, то в 1975 г. это соотношение составило 80,1 и 108,7%. В то же время в среднем по Союзу оплата труда колхозников в 1975 г. равнялась 62,8% от заработной платы в государственном секторе и 72,3% от заработной платы в совхозах.

Таким образом, оплата труда колхозников Литовской ССР в девятой пятилетке не только возросла, но и превысила общесоюзные показатели. Благодаря успешному претворению в жизнь решений XXIV съезда КПСС, в литовской деревне были созданы реальные предпосылки для преодоления различий в жизненном уровне рабочих и колхозников.

Наиболее высокой оплата труда в годы девятой пятилетки была у работников животноводства. Так, оплата одного дня доярок возросла с 1971 по 1975 г. на 32%, свинаярей — на 11,8%, телятниц — на 21,6%. Значительно увеличилась она у административно-управленческого аппарата: председателей колхозов — на 20,3%, главных специалистов — на 14,3%, экономистов — на 13,5%. Работники, занятые на конно-ручных работах в растениеводстве, получили прибавку оплаты на 8,3%¹².

Решающее влияние на ликвидацию различий в условиях развития городского и сельского населения оказывают общественные фонды потребления. Колхозное крестьянство на современном этапе пользуется средствами государственно-кооперативных общественных фондов потребления. Из них выделяются средства на образование, здравоохране-

¹² АМСХ ЛитССР, ф. 1, оп. 14, дд. 1047—1050, с. 57—58; оп. 4, дд. 430—435, с. 18—20.

ние, культурно-бытовое обслуживание села, социальное обеспечение колхозников.

Колхозно-кооперативный сектор участвует в формировании централизованных фондов потребления посредством отчислений из валового дохода средств в централизованные союзные фонды социального страхования и социального обеспечения колхозников, через подоходный налог и систему государственных закупочных цен.

В 1975 г. колхозы Литовской ССР перевели в централизованный союзный фонд социального страхования 7889 тыс. руб., что на 9,7% больше, чем в 1971 г., и в централизованный союзный фонд социального обеспечения — на 32 266 тыс. руб., или на 13,6% больше, чем в 1971 г.¹³

При распределении средств общественных фондов потребления на выполнение социальной программы развития колхозов республики были предусмотрены высокие темпы увеличения ассигнований сельскому хозяйству. В 1975 г. из централизованных общественных фондов потребления колхозам Литовской ССР было выплачено 200,1 млн. руб., или на 48,2% больше, чем в 1971 г. В то же время выплаты и льготы рабочим и служащим составляли 964,6 млн. руб., или больше на 31,9%. В расчете на одного колхозника выплаты из фондов за пять лет увеличились на 60,2%, в расчете на одного рабочего — на 23%¹⁴.

Распределение общественных фондов потребления в пользу сельского хозяйства позволило решить ряд важных проблем в области социального обеспечения колхозного крестьянства Советской Литвы.

Ввод в действие с января 1965 г. единой системы пенсионного обеспечения колхозников, осуществление Указа Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1971 г. «О мерах по дальнейшему улучшению пенсионного обеспечения колхозников»¹⁵, на основе которого порядок исчисления пенсий, установленный для рабочих и служащих, распространялся на колхозников, способствовали повышению уровня благосостояния колхозников.

В конце девятой пятилетки расходы из общественных фондов потребления на пенсионное обеспечение жителей Литвы составили 252,7 млн. руб. На оплату пенсий колхозников в 1975 г. было выделено 79,3 млн. руб., что составило 31,4% от общих расходов на пенсионное обеспечение в республике в этом году и 39,6% от общего количества выплат колхозникам из общественных фондов потребления. В 1975 г. в соответствии с Законом о пенсиях и пособиях членам колхозов 252 644 колхозника республики получали пенсии¹⁶.

Гарантированное обеспечение по старости и утрате трудоспособности позволяет колхозникам быть уверенными в завтрашнем дне, повышает материальную заинтересованность в результатах общественного производства.

Значительная часть расходов из общественных фондов потребления была направлена на развитие просвещения, здравоохранения, культурно-бытовое строительство. В годы девятой пятилетки на строительство сельских школ в республике было выделено 36,8 млн. руб. В колхозах

¹³ АМСХ ЛитССР, ф. 1, оп. 14, дд. 1047—1050, с. 53; дд. 430—435, с. 9.

¹⁴ Подсчитано по данным отдела планирования народного хозяйства Госплана Литовской ССР и статист. ежегодника «Экономика и культура Литовской ССР в 1975 г.» Вильнюс, 1976, с. 201.

¹⁵ Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965—1974), с. 662.

¹⁶ Экономика и культура Литовской ССР в 1975 г., с. 228 и данные отдела финансов, себестоимости и заработной платы Госплана Литовской ССР.

Таблица 2

Структура доходов колхозников Литовской ССР в девятой пятилетке (без личного подсобного хозяйства)*

Показатели	1971 г.	1973 г.	1975 г.
Всего выплачено из общественных фондов потребления и фонда оплаты труда в том числе:	100	100	100
из фонда оплаты труда колхозов	63,4	59,5	56,9
из общественных фондов потребления	29,1	33,7	34,4
из специальных фондов колхозов	7,5	6,8	8,7

* Таблица составлена по данным отдела планирования народного хозяйства Госплана Литовской ССР и годовых отчетов колхозов Литовской ССР — АМСХ ЛитССР, ф. 1 оп. 14, дд. 1047—1050, с. 53, 60; дд. 1344—1348, с. 50, 57; оп. 4, дд. 430—435, с. 9, 27.

было построено 59 новых школ¹⁷, в 1975 г. колхозники располагали 290 детскими садами и 2 яслями на 9416 детей¹⁸.

Росло число учреждений здравоохранения, услугами которых пользовались колхозники республики, — сельских амбулаторий, районных, городских и центральных больниц, поликлиник, диспансеров. В девятой пятилетке в Литве было построено 26 больниц на 5004 места, 15 поликлиник с расчетом на 5210 посещений в смену. Из их числа на учете местных Советов были больницы на 3031 место и поликлиники на 5110 посещений¹⁹.

В годы девятой пятилетки расширилось культурно-бытовое и жилищное строительство, ликвидировалась хуторская система поселений. В колхозах было построено жилых домов на 2242 тыс. кв. м или на 51,2% больше, чем за 1966—1970 гг.²⁰ На строительство клубов и домов культуры было использовано 15,1 млн. руб. государственных капитальных вложений и 22,4 млн. руб. колхозных средств²¹.

Существенное влияние на личный доход колхозника и на уровень коллективного потребления оказывают специальные фонды колхозов. Основная их функция заключается в создании условий для социального развития колхозников путем выравнивания доходов колхозных семей с различным материальным достатком. За счет этих фондов производится выплата пенсионных пособий, пособий по временной нетрудоспособности, беременности и родам, доплата к пенсиям ветеранам колхозного движения, оказывается разовая помощь, выплачиваются премии.

Средства фонда культурно-бытовых мероприятий используются на содержание колхозных стипендиатов, детских и культурно-просветительных учреждений, находящихся в ведении колхозов.

Общественные фонды потребления колхозов Литовской ССР в годы девятой пятилетки быстро увеличивались. Так, фонд социального обеспечения и материальной помощи с 1971 по 1975 г. возрос на 82,5%, фонд культурно-бытовых мероприятий — на 85,6%. Это позволило с 1971 по 1975 г. увеличить выплаты из общественных фондов в расчете на одного

¹⁷ Данные отдела сельского хозяйства Госплана Литовской ССР; Экономика и культура Литовской ССР в 1975 г., с. 235.

¹⁸ Народное образование, наука и культура в Литовской ССР. Вильнюс, 1976, с. 57.

¹⁹ Данные отдела культуры и здравоохранения Госплана Литовской ССР.

²⁰ Экономика и культура Литовской ССР. Вильнюс, 1977, с. 207.

²¹ Данные отдела культуры и здравоохранения Госплана Литовской ССР.

работавшего колхозника на 135,2%, для коллективного пользования — на 102,7%²².

В годы девятой пятилетки изменилось соотношение заработной платы колхозников и доходов, получаемых ими из общественных фондов потребления (табл. 2). Доля последних в бюджете сельских тружеников увеличилась. В совокупном доходе их семьи эта доля также заметно возросла. Так, в 1970 г. доход от колхоза в семье литовского колхозника составлял 37,5%, в 1975 г. он возрос до 41,8%; пенсии, стипендии и другие выплаты и льготы из общественных фондов потребления составляли соответственно 5,4 и 7,3%, доход от личного подсобного хозяйства снизился с 50,6 до 45,1%. Последнее продолжает играть важную роль в доходах колхозников. Государство закупает из личного подсобного хозяйства колхозников немало продукции животноводства. В среднем по СССР доход от колхоза в бюджете семьи колхозника составлял в 1970 г. 40,3%, в 1975 г. — 44%, выплаты и льготы из общественных фондов потребления — 7,4 и 8,1%, доход от подсобного хозяйства — 31,9 и 25,4%²³.

Таким образом, на рост материального благосостояния колхозников Литовской ССР в годы девятой пятилетки определяющее влияние оказало развитие общественного хозяйства колхозов, достигнутое на основе роста экономического потенциала республики и страны в целом. Для современного развития социально-экономических отношений в колхозно-кооперативной системе характерна все усиливающаяся ее самостоятельность в решении социальных задач. Колхозы наряду с государством участвуют в создании единой системы социального страхования и социального обеспечения колхозников. В то же время непрерывно возрастает роль государства в создании условий для развития общественного хозяйства колхозов, в подъеме материального благосостояния колхозников, сближении уровней жизни городского и сельского населения.

²² АМСХ ЛитССР, ф. I, оп. 14, дд. 1047—1050, с. 60, оп. 4, дд. 430—435, с. 27.

²³ Народное хозяйство СССР в 1975 г., с. 597.

Д. М. БУДЯНСКИЙ, А. К. КАНИМЕТОВ

РОЛЬ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО КООПЕРАТИВА «ИНТЕРГЕЛЬПО» В КИРГИЗИИ В УКРЕПЛЕНИИ СОЛИДАРНОСТИ ТРУДЯЩИХСЯ

Организация кооператива «Интергельпо» и его деятельность в Киргизии — замечательная страница в истории чехословацко-советской дружбы, яркое свидетельство братства и международной солидарности трудящихся. С деятельностью кооператива связана целая полоса в жизни национального героя Чехословакии Юлиуса Фучика.

Истории «Интергельпо» посвящен ряд книг, очерков и статей советских и чехословацких историков и журналистов¹. В этой литературе

¹ Самуэль И. И. «Интергельпо» — чехословацкий промысловый кооператив в Киргизии. М.—Л., 1935; Мужиков И. П., Каниметов А. К., Маречек Р. П. История чехословацкого кооператива «Интергельпо». Фрунзе, 1957; Каниметов А. Юлиус Фучик в Советском Киргизстане. Фрунзе, 1957; его же. Наш друг Юлиус

обстоятельно раскрыта организация и деятельность кооператива, показано его значение в развитии промышленности Киргизстана. Однако роль «Интергельпо» в укреплении интернациональной солидарности трудящихся еще изучена недостаточно. В данном сообщении ставится задача восполнить этот пробел.

В начале 20-х годов молодая Советская Республика переживала серьезные трудности. Бездействовали многие заводы и фабрики, не хватало топлива и сырья, ощущался острый недостаток продовольствия. В августе 1921 г. В. И. Ленин писал в «Обращении к международному пролетариату»: «Требуется помощь. Советская республика рабочих и крестьян ждет этой помощи от трудящихся, от промышленных рабочих и мелких земледельцев»².

Ленинский призыв нашел горячий отклик среди рабочих Чехословакии. В результате движения за оказание помощи Советской России здесь было организовано несколько производственных рабочих кооперативов и сельскохозяйственных коммун, выехавших в Советский Союз для участия в строительстве социализма. Среди них был и промышленный кооператив «Интергельпо» (в переводе с международного языка идо — взаимопомощь), организованный 1 мая 1923 г. в чехословацком городе Жиллине³.

В заявлении, а также в решении первого собрания организационной группы кооператива указывалось, что «артель организуется на принципах пролетарской взаимопомощи»⁴. В договоре об аренде земельного участка, заключенном между Наркоматом земледелия Российской Федерации и кооперативом «Интергельпо», последний брал на себя обязательство ежегодно обучать в своих мастерских граждан из числа местного населения, а также принимать их в члены кооператива⁵.

Отмечая огромное значение мероприятий рабочего класса Чехословакии по оказанию интернациональной помощи Советской России в первые годы ее существования, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в поздравлении съезду общества чехословацко-советской дружбы в связи с 50-летием его деятельности подчеркнул важность образования в Чехословакии «Общества экономического и культурного сближения с Новой Россией». «Возникнув более полувека назад,— писал Л. И. Брежнев,— движение за дружбу с Советским Союзом положило начало широким братским связям между народами. Оно объединило пламенных патриотов и интернационалистов, воодушевленных идеями социализма, примером первого в мире рабоче-крестьянского государства»⁶.

Руководство «Интергельпо» отправило в Советский Союз своих членов двумя основными и двумя дополнительными транспортом. Они везли с собой промышленное оборудование, машины, разный инвентарь

Фучик, Фрунзе, 1973; Радволина И. «Интергельпо» — это взаимопомощь. В кн. Дело трудящихся всего мира. М., 1957; Шерстобитов В. П. О некоторых вопросах из истории «Интергельпо». — «Известия» АН КиргССР, сер. обществ. наук, т. V, вып. 3 (истор). Фрунзе, 1963; Фучик Юлиус. О Средней Азии. Ташкент, 1960; Шишкин В. А. Чехословацко-советские отношения в 1918—1925 гг. М., 1962; Тарле Г. Я. Дружбы Страны Советов. Участие зарубежных трудящихся в восстановлении народного хозяйства СССР в 1920—1925 гг. М., 1968.

² Ленин В. И. ПСС, т. 44, с. 75.

³ ЦГА КиргССР, ф. 1914, оп. 1, д. 1, л. 1.

⁴ ЦГА КиргССР, ф. 1914, оп. 1, д. 30, л. 91; д. 1, л. 1.

⁵ ЦГАНХ СССР, ф. 2077, оп. 8, д. 8, л. 57.

⁶ «Правда», 1975 г., 2 марта.

и инструменты, приобретенные за счет паевых взносов членов кооператива.

Накануне отъезда кооператоров в СССР (29 марта 1925 г.) состоялись собрания и митинги, вылившиеся в демонстрацию глубоких чувств дружбы и солидарности народа Чехословакии со Страной Советов. На митинге в г. Жилине рабочие наказывали своим посланцам высоко нести знамя пролетарского интернационализма, отдать все силы делу социалистического строительства. На торжественных проводах в г. Брно рабочие передали отъезжающим знамя с надписью «Честь труду!», напутствуя их: «Идите, товарищи, с этим знаменем и учитесь на практике тому, как надо реализовать великие идеи Маркса и Ленина»⁷.

24 апреля 1925 г. поезд с членами кооператива прибыл на станцию Пишпек⁸. Их встречали представители партийных и профсоюзных организаций города. Состоялся торжественный митинг, на котором чехословацкие рабочие и трудящиеся Киргизстана выступили с призывом крепить дружбу народов обеих стран. В своем выступлении один из чехословацких товарищей заявил: «Мы приехали к вам, чтобы навечно скрепить дружбу чешского, словацкого и киргизского народов, мы с вами вместе будем строить новую счастливую жизнь»⁹.

Кооператив «Интергельпо» получил для размещения промышленных предприятий земельный участок около станции Пишпек. При строительстве производственных и культурно-бытовых объектов интергельповцам пришли на помощь советские и хозяйственные организации г. Пишпека. Еще до получения фондовых строительных материалов они стали отпущать «Интергельпо» лес, цемент, стекло, гвозди, кровлю и т. п. В дальнейшем эта помощь ежегодно возрастала¹⁰.

Позднее, в 1935 г., в связи с десятилетием деятельности «Интергельпо» в Киргизии, члены кооператива писали: «Особенно мы должны подчеркнуть ту громадную братскую помощь, которая была оказана со стороны трудящихся Советской Киргизии при основании и развитии нашего хозяйства. Мы можем без преувеличения сказать, что без братской помощи трудящихся Советской Киргизии мы едва ли достигли бы таких громадных успехов в нашем социалистическом хозяйстве, которые мы имеем сегодня»¹¹.

Уже в сентябре 1925 г. были сданы в эксплуатацию электростанция, центральные мастерские, лесопильня¹². В начале 1926 г. вступил в строй кожевенный завод, работавший на местном сырье. К этому времени члены кооператива организовали также сельскохозяйственное производство.

7 августа 1926 г. вторая группа интергельповцев в количестве 196 человек и 560 членов их семей прибыла в Пишпек¹³. Одновременно был доставлен полный комплект оборудования для суконной фабрики. Вскоре на участке «Интергельпо» развернулись работы по строительству здания фабрики и новых жилых домов.

В последующие годы из Чехословакии прибыло еще две группы членов кооператива, в составе которых были специалисты по металлу, пря-

⁷ «Советская Киргизия», 1935 г., 28 апреля.

⁸ ЦГА КиргССР, ф. 1914, оп. 1, д. 1, л. 46.

⁹ Мужиков И. П., Каннметов А. К., Маречек Р. П. Указ. соч., с. 24.

¹⁰ Подробно о помощи «Интергельпо», оказанной трудящимися Киргизии, см.: Мужиков И. П., Каннметов А. К., Маречек Р. П. Указ. соч., с. 29; Самуэль И. И. Указ. соч., с. 32.

¹¹ «Советская Киргизия», 1935 г., 28 апреля.

¹² «X лет „Интергельпо“», 1935 г., 1 мая.

¹³ ЦГА КиргССР, ф. 1914, оп. 1, д. 1, л. 46.

дильщики и ткачи. Всего из Чехословакии приехали 1317 членов кооператива и членов их семей¹⁴.

Помимо промышленных предприятий за первые пять лет своего существования «Интергельпо» выстроил 18 четырехквартирных жилых домов, 2 двенадцатиквартирных и 1 тридцатишестиквартирный. Кроме того, были построены школа, клуб на тысячу мест, названный «Клубом парижских коммунаров»¹⁵ (при нем имелась библиотека, были организованы различные кружки художественной самодеятельности).

В 1930 г. трудящиеся г. Фрунзе и члены кооператива «Интергельпо» пригласили рабочую делегацию из Чехословакии для знакомства с итогами пятилетней деятельности кооператива в Киргизии и социалистическим строительством в СССР. ЦК КПЧ направил во Фрунзе делегацию из 5 человек во главе с молодым талантливым журналистом, одним из редакторов газеты «Руде право» — Юлиусом Фучиком. В двадцатых числах мая 1930 г. делегация прибыла в Москву, а затем выехала во Фрунзе.

В дневнике чехословацкой делегации Юлиус Фучик описал торжественную встречу, устроенную трудящимися города: «Нас приветствовали. Выступали представители „Интергельпо“, киргизского правительства, партии, заводских рабочих, Красной Армии — мы отвечали»¹⁶.

Взволнованно выступали на встрече чехословацкие товарищи. «Рабочие Чехословакии, — сказал г. Червенко, — смотрят на Страну Советов как на единственного мощного защитника пролетариата всего мира. Они прислушиваются к доносящемуся до нас гулу молотов великого строительства, которое ведет раскрепощенный пролетариат. Весть о каждой новой победе, одержанной трудящимися Страны Советов на том или ином участке строительного фронта, вливает в наши ряды новую бодрость, дает нам новые силы, потому что каждая победа Страны Советов — победа трудящихся всего мира»¹⁷.

Во время пребывания делегации в республике было организовано еще несколько встреч с трудящимися г. Фрунзе. Вечером 1 июня гости поделились впечатлениями от пребывания в Советском Союзе, рассказали о положении зарубежного пролетариата в странах капитала. Для всех выступлений было характерно понимание необходимости сплочения народов Чехословакии и СССР на принципах пролетарского интернационализма для совместной борьбы против угнетения и эксплуатации. Юлиус Фучик говорил о классовой солидарности пролетариата, об успехах и достижениях советского народа в строительстве новой жизни. Пророчески прозвучали его слова, обращенные в будущее: «Революционный опыт русского пролетариата поможет рабочим Чехословакии быстрее расправиться с буржуазией и вступить в семью социалистических республик»¹⁸. Торжественное собрание единодушно избрало рабочую делегацию Чехословакии в состав почетных членов Фрунзенского городского Совета. Юлиус Фучик поблагодарил за оказанное доверие и заявил, что он и его товарищи воспринимают это избрание как призыв к активному участию в революционных битвах¹⁹.

В г. Фрунзе делегация подробно ознакомилась с деятельностью кооператива «Интергельпо». Много времени она провела также на предприятиях города, среди железнодорожников станции Пишпек. Встреча-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, л. 22; д. 294, л. 48.

¹⁶ Фучик Юлиус. Указ. соч., с. 42.

¹⁷ «Советская Киргизия», 1930 г., 1 июля.

¹⁸ «Советская Киргизия», 1930 г., 3 июня.

¹⁹ Там же.

лась с работниками печати. На встрече с журналистами 1 июня 1930 г. Юлиус Фучик передал приветственное письмо газеты «Руде право» коллективу редакции «Советской Киргизии»²⁰. В интервью этой газете он рассказал о полицейском произволе в буржуазной Чехословакии, об экономическом кризисе, охватившем страну, о безработице и тяжелых условиях жизни чехословацкого пролетариата, о борьбе профсоюзов за права трудящихся, за их объединение²¹. Он отметил значение исторического опыта Киргизстана: «Ознакомление с условиями работы и строительством Киргизии для нас чрезвычайно ценно, так как мы здесь можем наблюдать колоссальнейший политический и экономический сдвиг, ведущий население страны от первобытных кочевых форм хозяйства к социалистическим»²².

3 июня 1930 г. чехословацкая рабочая делегация снова встретилась с сотрудниками редакции республиканских газет. В ходе беседы гости рассказали о впечатлениях, полученных от знакомства со Страной Советов²³. Было решено установить постоянную связь между редакциями республиканских газет Киргизстана и «Руде право». Юлиус Фучик был избран почетным рабкором газет «Советская Киргизия» и «Кызыл Кыргызстан»²⁴.

Чехословацкая рабочая делегация присутствовала также на VI Киргизской областной партийной конференции 8—10 июня 1930 г. и была избрана в состав ее президиума. С приветственной речью выступил Юлиус Фучик, подчеркнувший, что помощь пролетариата всех стран в деле социалистического строительства в СССР — интернациональный долг рабочего класса, ибо «укрепление Советского Союза является решающей победой всего пролетариата над буржуазией»²⁵. Он отметил также огромное международное значение опыта борьбы за социализм партии большевиков и рабочего класса России. Поддержка Страны Советов для чехословацкого пролетариата стала одной из основных задач, выражением его интернациональной солидарности с советским народом, первым в истории прокладывающим путь к социализму.

Уезжая из столицы Советской Киргизии, Юлиус Фучик от имени чехословацкой делегации оставил письмо, в котором говорилось: «Своей энергией трудящиеся Киргизии заразили нас... Спасибо вам за все. Мы обещаем, что не устанем в своей работе до тех пор, пока великая стройка социализма не начнется у нас, в будущей советской Чехословакии»²⁶.

Вернувшись в Чехословакию, Ю. Фучик написал книгу очерков об СССР, назвав ее «В стране, где наше завтра стало уже вчерашним днем».

Приезд чехословацкой рабочей делегации в Киргизию, изучение ею опыта социалистического строительства в нашей стране, личные контакты между посланцами чехословацкого пролетариата и трудящимися Киргизстана способствовали дальнейшему укреплению интернационального единства трудящихся СССР и Чехословакии.

Юлиус Фучик приезжал в Советский Союз и в 1935 г. как корреспондент «Руде право»²⁷. Он написал ряд очерков и статей о Киргизии, совершив поездку по берегам Иссык-Куля, побывав в районах Тянь-Шаня и юга республики.

²⁰ «Советская Киргизия», 1930 г., 2 июня.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ «Советская Киргизия», 1930 г., 4 июня.

²⁴ Там же.

²⁵ Архив Киргизского филиала ИМЛ, ф. 10, оп. 1, д. 327, лл. 18—19.

²⁶ «Советская Киргизия», 1930 г., 25 июня.

²⁷ Мужиков И. П., Каниметов А. Ж., Маречек Р. П. Указ, соч., с. 109.

Действуя в условиях первого в мире социалистического государства, где успешно осуществлялась ленинская национальная политика, «Интергельпо» создал дружный интернациональный коллектив. В кооператив вступали многие жители г. Фрунзе разных национальностей. Первым пришел сюда еще юношей киргиз Аширбек Джумабаев, освоивший специальность кузнеца и слесаря, затем его брат, Шамбет, под руководством опытного мастера Иосифа Ондрачека получивший квалификацию литейщика. Жена Ш. Джумабаева, Куленда, работала на суконной фабрике. По приглашению члена кооператива К. Б. Шульца эта киргизская семья поселилась в его квартире. Вскоре в члены «Интергельпо» вступили Муслим Акимов, Зунун Токтохунов, Беликбаев, Айтбаев, Соснин и другие²⁸.

По данным на 25 декабря 1929 г., в «Интергельпо» работали 305 человек, из них 74 чеха, 100 русских, 14 киргизов, 67 словаков, 21 венгр, 16 немцев, 2 узбека, 2 еврея, 6 украинцев, 1 румын, 1 татарин, 1 казах²⁹. В дальнейшем состав кооператива еще более расширился за счет вступления в него новых труженников из числа местного населения.

Бригадир зольного цеха кожзавода «Интергельпо» Муслим Азимов с большим уважением писал о своих товарищах по труду, представителях разных национальностей: «У меня в бригаде чехи, киргизы, казахи, татары, русские, однако социалистическое производство сплачивает людей в крепкий дружный коллектив, который успешно выполняет поставленные перед ним задачи»³⁰.

У чехословацких рабочих представители разных национальностей обучались специальностям, становились квалифицированными слесарями, токарями, текстильщиками, столярами, овладевали многими другими профессиями.

О дружественных, сердечных отношениях, сложившихся между членами кооператива и коренным населением, ярко свидетельствует факт усыновления в 1933 г. семьей интергельповца Ф. В. Шволика киргизского мальчика Джалила, оставшегося сиротой. Заботливая мать Ева Степановна Шволик, оставшись одна после смерти мужа, вырастила и воспитала сына. Он окончил техническое училище, получил специальность слесаря-лекальщика³¹.

Дружный многонациональный коллектив «Интергельпо» успешно развивал промышленное производство. Если в 1928 г. он вырабатывал продукции на 921,5 тыс. руб., то в 1933 г. — на 3359,3 тыс. руб.³² В последующие годы выпуск промышленной продукции продолжал возрастать. Так в 1936 и 1937 гг. он составил соответственно: по кожзаводу 394,5 и 603,1 тыс. руб., по суконной фабрике — 1287,6 и 1546,9 тыс. руб., по металлзаводу — 838,8 и 1154,6 тыс. руб., по мебельной фабрике — 665,1 и 907 тыс. руб.³³

В 1935 г. исполнилось 10 лет деятельности кооператива в Киргизии. Это событие было широко отмечено в республике³⁴. В связи с юбилеем члены кооператива написали письмо рабочему классу и ЦК Компартии Чехословакии, в котором рассказали об успехах в своей деятельности и заверили партию в том, что и впредь будут отдавать все силы и знания делу строительства социализма. В письме, в частности, говори-

²⁸ Шульц К. Б. Чехословацкие коммунисты в Киргизии. В кн. Борьба КПЧ глазами ее участников. Прага, 1971.

²⁹ ЦГА КиргССР, ф. 1914, оп. 1, д. 257, лл. 75—76.

³⁰ «X лет „Интергельпо“», 1935 г., 1 мая.

³¹ «Кыргызстан аялдары», 1966, № 10, с. 14.

³² ЦГА КиргССР, ф. 1914, оп. 1, д. 582, лл. 6—9.

³³ Там же, д. 703, лл. 73—77.

³⁴ «Советская Киргизия», 1935 г., 28 апреля.

лось: «Кооператив „Интергельпо“ создали мы в голой степи, в непривычной для нас климатической обстановке, почти при полном отсутствии мало-мальски культурно-бытовых условий. Но мы знали, что нас сюда прислали Вы, чехословацкий пролетариат, чтобы вместе с трудящимися Советского Союза построить светлую радостную жизнь. Нашим упорством мы поборол все трудности и можем смело теперь заверить Вас, что обязательство, которое мы взяли на себя мы с честью выполнили»³⁵.

В 1935 г. кооператив «Интергельпо» насчитывал 1859 человек и являлся сплоченным интернациональным коллективом, где трудились представители 14 национальностей. Интергельповцы показали себя настоящими советскими патриотами, подлинными интернационалистами.

Большую помощь кооператив «Интергельпо» оказал строительству Кантского сахарного завода, Туркестано-Сибирской железной дороги, Фрунзенского мясокомбината, Чуйской оросительной системы³⁶.

Члены кооператива всегда поддерживали трудовые починь рабочего класса страны, сами выступали застрельщиками социалистического соревнования, активно участвовали во всех массово-политических мероприятиях. В кооперативе проводились оборонные и спортивные мероприятия, активно работали такие общественные организации, как «Осавиахим», «Безбожник», «Друг детей».

С большим политическим подъемом проходили кампании подписки на заем, праздничные демонстрации и т. п. Так, все члены «Интергельпо» подписались на заем второго года пятилетки в сумме месячного заработка³⁷.

Члены кооператива принимали участие в работе в фонд индустриализаций страны, в фонд Недели обороны, поддерживали обращение рабочих Ленинграда о повышении производительности труда в ознаменование 15-й годовщины Великого Октября, откликнулись на призыв рабочих Московского инструментального завода развернуть социалистическое соревнование за досрочное выполнение третьей пятилетки и подхватили другие починь рабочего класса. Многие передовики производства передавали свои премии в фонды МОПРа, обороны страны, борьбы с беспризорностью и т. п. В их числе были рабочие Дора Габор, Степан Хмелар, Каинц, Иван Незвал и др.³⁸

Интергельповцы активно содействовали социалистическому преобразованию сельского хозяйства. В 1928 г. они взяли шефство над коллективным хозяйством «Маяк» села Ново-Павловка. Члены кооператива существенно помогали артели в уборке урожая, выделив ей трактор и сенокосилку³⁹. Во время организованных комсомольцами «Интергельпо» субботников были отремонтированы в мастерских кооператива сельхозмашины артели. В ударном порядке интергельповцы оборудовали клуб в с. Ново-Павловка, снабдили его литературой.

В 1928 г. кооператив взял шефство над Киргизским национальным дивизионом. На предприятия кооператива часто устраивались экскурсии красноармейцев. Для Красного уголка дивизиона члены кооператива изготовили столы и стулья⁴⁰. В феврале 1935 г. правление «Интергель-

³⁵ Там же.

³⁶ ЦГА КиргССР, ф. 1914, оп. 1, д. 1, лл. 54—56; д. 531, л. 273.

³⁷ ЦГА КиргССР, ф. 1914, оп. 1, д. 1, лл. 84—86; д. 619, лл. 23—24; д. 620, л. 92; д. 841, л. 92; Самуэль И. И. Указ. соч., с. 58—59.

³⁸ ЦГА КиргССР, ф. 1914, оп. 1, д. 176, лл. 209, 229; д. 448, л. 31; д. 925, л. 87.

³⁹ ЦГА КиргССР, ф. 1914, оп. 1, д. 1, лл. 84—86; «Советская Киргизия», 1929 г., 14 августа.

⁴⁰ ЦГА КиргССР, ф. 1914, оп. 1, д. 1, лл. 84—86.

по» премировало 10 лучших красноармейцев в ознаменование XVII годовщины Красной Армии⁴¹.

Посланцы чехословацкого пролетариата в результате совместного труда, дружбы и сотрудничества с советскими людьми прочно вошли в советскую действительность. Отмечая это, Юлиус Фучик писал: «Больше всего меня радует, что „Интергельпо“ за эти годы перестало быть чехословацким островком в Советском океане. Оно так слилось и переплелось с советской жизнью, так вросло в нее, что теперь уже вырвать „Интергельпо“ из советской жизни невозможно»⁴².

Глубоко сознавая, что каждый успех в развитии промышленности кооператива имеет важное значение в решении великой интернациональной задачи — строительства социализма в нашей стране, интергельповцы гордились своим участием в этих преобразованиях. В письме ЦК КПЧ в связи с 10-летием кооператива они писали: «Мы гордимся тем, что на нашу долю выпала честь и счастье быть участниками строительства великого здания социализма в СССР»⁴³. Деятельность «Интергельпо» способствовала укреплению интернациональных связей Киргизстана с чехословацким рабочим классом.

Как и все советские люди, труженики «Интергельпо» участвовали в мопровском движении. Только в 1934 г. добровольными общественными организациями кооператива, в том числе и ячейкой МОПРа, было собрано 5000 руб., не считая членских взносов⁴⁴. Первичная организация МОПРа кооператива проводила также большую разъяснительную работу, способствуя упрочению интернационального единства нашей страны с рабочими Чехословакии и других зарубежных стран. 6 июня 1930 г. состоялась собрание актива МОПРа г. Фрунзе с участием чехословацкой рабочей делегации, прибывшей в Киргизию. На собрании с докладом о революционном движении в Чехословакии выступил Юлиус Фучик. Собрание прошло в духе интернациональной солидарности трудящихся Чехословакии и Советского Союза. Единодушно было принято решение оказывать постоянную помощь политзаключенным одной из тюрем Чехословакии⁴⁵.

Трудящиеся Чехословакии, выражая заинтересованность в успехах социалистического строительства в нашей стране, поддерживали постоянную связь со своими посланцами. 4 января 1933 г. в газете «Советская Киргизия» было опубликовано поздравительное письмо ячеек КПЧ, красных профсоюзов и потребительского общества «Вчела» г. Праги коллективу «Интергельпо» в связи с празднованием 15-й годовщины Октября. В нем говорилось: «Мы гордимся вашими успехами на фронте стройки социализма... Мы вполне уверены, что каждый ваш успех есть новый удар по капитализму... Просим вас информировать нас о каждом успехе вашей коммуны, о которой мы много слышали от делегации, посетившей вас... Хотим на основе ваших успехов расширить круг друзей СССР среди рабочих Чехословакии. Жмем вам руки и верим твердо, что недалек тот день, когда и мы на Западе сбросим власть капиталистов и поставим рабочую власть по примеру русских рабочих и крестьян».

Когда в 1932 г. вспыхнула забастовка горняков Чехословакии, интергельповцы направили телеграмму Центральному комитету красных профсоюзов и бастующим шахтерам, в которой выражалась солидар-

⁴¹ Там же, д. 620, л. 92.

⁴² Радволина И. Рассказы о Юлиусе Фучике.— «Новый мир», 1955, № 10, с. 186.

⁴³ Архив Киргизского филиала ИМЛ, ф. 524, оп. 1, д. 45, л. 28.

⁴⁴ ЦГА КиргССР, ф. 1914, оп. 1, д. 619, лл. 23—24; д. 620, л. 92; д. 841, л. 30.

⁴⁵ «Советская Киргизия», 1930 г., 10 июня.

ность с борющимся пролетариатом и содержался призыв к укреплению интернационального единства⁴⁶.

Интергельповцы никогда не отрывались от мирового рабочего и коммунистического движения, они всегда считали себя активными участниками общей борьбы пролетариата за мир, социальный прогресс и социализм. Вместе со всем советским народом члены кооператива активно поддерживали национально-освободительное движение в других странах.

В начале 30-х годов усилилась борьба негритянского народа против угнетения и дискриминации в Соединенных Штатах Америки. В кампании солидарности с негритянским народом приняли участие и интергельповцы⁴⁷. Как и все советские люди, коллектив «Интергельпо» горячо выражал свою интернациональную солидарность с трудящимися Республиканской Испании. 19 июля 1938 г. он обратился с письмом к испанскому народу. В письме рассказывалось о работе молпровской организации кооператива. «Мы, дорогие товарищи,— говорилось в письме — помогаем вам, зная, что эта помощь идет на пользу героическому народу Испании, знаем, что мы помогаем вдовам и сиротам павших отцов в героической борьбе против фашизма. С великой радостью, дорогие товарищи, мы будем вам помогать до полной победы над фашистскими врагами»⁴⁸.

Члены кооператива выражали интернациональную солидарность с немецким народом в его борьбе против злейшего врага человечества — фашизма. В июле 1936 г. работницы «Интергельпо» направили письмо политзаключенным тюрьмы «Вильгельм» в Германии⁴⁹, в котором указывали, что поддерживают их борьбу против фашистских мракобесов. «Дорогие товарищи — узники фашизма! — говорилось в письме. — Ваша борьба справедливая, за вами весь прогрессивный мир, все люди, которые обижены проклятыми фашистскими змеями. За вами стоим мы, рабочие великого многонационального советского государства рабочих и крестьян...»⁵⁰.

Создав совместно с трудящимися республики промышленный комплекс в Киргизии и активно участвуя в социалистическом строительстве, члены «Интергельпо» с честью выполнили свой интернациональный долг. Хорошо налаженное производство позволило поставить вопрос о передаче его в ведение государства. В конце 1939 г. крупные предприятия «Интергельпо» перешли в систему государственной промышленности⁵¹. Когда началась Великая Отечественная война, интергельповцы решили передать и остальные свои предприятия государству, чтобы на их базе разместить эвакуированные в Киргизию заводы. В годы войны бывшие члены кооператива отдавали все силы для победы над фашизмом, самоотверженно трудясь в тылу. Многие из них героически сражались с немецко-фашистскими захватчиками в рядах Советской Армии и Первого Чехословацкого корпуса, были награждены советскими и чехословацкими боевыми орденами и медалями.

Советские люди никогда не забудут замечательного подвига посланцев рабочего класса Чехословакии. Президиум Верховного Совета Киргизской ССР, отмечая большие заслуги бывших членов кооператива «Интергельпо» в организации промышленных предприятий и культурных учреждений г. Фрунзе, указом от 20 апреля 1957 г. наградил Почет-

⁴⁶ ЦГА КиргССР, ф. 1914, оп. 1, д. 486, л. 4.

⁴⁷ Архив Киргизского филиала ИМЛ, ф. 524, оп. 1, д. 19, л. 95.

⁴⁸ ЦГА КиргССР, ф. 1914, оп. 1, д. 600, лл. 79—80.

⁴⁹ Там же, л. 76.

⁵⁰ ЦГА КиргССР, ф. 1914, оп. 1, д. 600, л. 76.

⁵¹ Там же, д. 924, л. 6.

ной грамотой и грамотами Верховного Совета Киргизской ССР 28 человек⁵².

В память подвига интергельповцев ряд улиц и парк в г. Фрунзе были переименованы в их честь. Одной из улиц, где размещались предприятия «Интергельпо», и парку культуры и отдыха Ленинского района было присвоено имя Юлиуса Фучика. На всех предприятиях, а также на клубе и средней школе, построенных кооперативом, установлены мемориальные доски.

В 1975 г. трудящиеся Киргизстана как большой праздник отметили 50-летие кооператива «Интергельпо». Указом Президиума Верховного Совета Киргизской ССР от 23 апреля 1975 г. за активное участие в деятельности интернационального кооператива «Интергельпо» и в связи с 50-летием со дня его основания 14 человек были награждены грамотами Верховного Совета Киргизской ССР⁵³.

На праздновании полувекового юбилея «Интергельпо» в Киргизии побывала делегация ЦК Союза чехословацко-советской дружбы. Руководитель чехословацкой делегации секретарь ЦК Союза чехословацко-советской дружбы Я. Гендлик заявил: «В дни пребывания на гостеприимной киргизской земле мы еще раз убедились, как глубоки узы братской дружбы между нашими странами, между нашими народами. Везде нам был оказан теплый радушный прием. Мы покидаем солнечную Киргизию, величавые горы Ала-Тоо с твердой уверенностью: дружбе наших народов жить в веках»⁵⁴.

В последние годы еще больше расцвели и укрепилась дружба и сотрудничество советского и чехословацкого народов. «Наши взаимные отношения, особенно в последние годы,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПЧ тов. Густав Гусак, выступая на XXV съезде КПСС,— широко и всесторонне развиваются на благо народов обеих стран. Мы сделаем все для того, чтобы и дальше углублялись всестороннее товарищеское сотрудничество, союз и дружба между нашими странами и народами, чтобы и дальше укреплялась боевая взаимосвязь чехословацких и советских коммунистов»⁵⁵.

⁵² «Советская Киргизия», 1975 г., 20 апреля.

⁵³ «Советская Киргизия», 1975 г., 24 апреля.

⁵⁴ «Советская Киргизия», 1975 г., 25 апреля.

⁵⁵ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стеногр. отчет, т. 1. М., 1976, с. 202.

Л. В. КУПРИАНОВА

К ВОПРОСУ О ПРОТЕКЦИОНИСТСКОЙ ПОЛИТИКЕ В НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ

(По материалам Общества для содействия
русской промышленности и торговле)

На протяжении XIX в. торгово-промышленная политика капиталистических стран мира характеризовалась колебаниями между протекционизмом и фриттередством. Россия в этом отношении не составляла

исключения. Но если экономическая политика русского самодержавия обстоятельно изучалась в целом, особенно в связи с освещением истории классов капиталистического общества, то менее разработанным оставался такой ее аспект, как промышленно-протекционистская политика.

Между тем изучение протекционистской политики государства, направленной на поощрение отечественной экономики и ее ограждение от иностранной конкуренции, дает возможность существенно пополнить наши представления о развитии российского капитализма, его конкретных формах и особенностях.

В настоящей работе мы рассматриваем один важный аспект промышленного протекционизма в России — введение акциза (косвенного налога) на нефть. В ней показывается, как требование акциза, выдвинутое крупнейшими нефтепромышленниками, использовалось ими в борьбе за монопольное положение в экономике страны.

Научно-теоретическая разработка классово-экономической сущности протекционизма как «социально-политического фактора» капитализма¹ была проведена В. И. Лениным в работе «К характеристике экономического романтизма (Сисмонди и наши отечественные сисмондисты)». «Протекционизм, — писал он, — создан лишь определенным хозяйственным строем и определенными противоречиями этого строя... он выражает реальные интересы реального класса, играющего *преобладающую* роль в народном хозяйстве»². Экономическая политика царского правительства в пореформенный период отчетливо выражала интересы союза крепостников-помещиков с крупным капиталом и служила его дальнейшему укреплению. Покровительственная политика правительства по отношению к крупной промышленности (защитные пошлины на ввозимые промышленные товары, субсидии и пр.) содействовала ускоренному развитию русского промышленного капитализма и в этом была ее объективно-прогрессивная роль. Протекционизм в России выступал как фактор насаждения промышленного производства. В том, что Россия «с большой энергией» оградила себя стеной протекционистских пошлин, Ф. Энгельс видел естественную необходимость, ибо прибегнуть к такой политике ее (впрочем, и другие крупные страны) принудила конкуренция Англии³. В этих условиях политика протекционизма для развивающихся государств, создающих собственную промышленность, становилась объективно неизбежной. Но, содействуя становлению отечественной промышленности, политика промышленного протекционизма носила вместе с тем ограниченный, консервативный характер, поскольку была направлена на защиту интересов крупной буржуазии. Особенно явственно это сказалось в конце 90-х годов, когда капитализм вступил в высшую стадию своего развития — империализм. Именно на эту сторону протекционизма обращал внимание В. И. Ленин, когда писал, что «русские марксисты, подчеркивая прежде всего и сильнее всего, что вопрос о свободе торговли и протекционизме есть вопрос капиталистический, вопрос буржуазной политики, должны стоять за свободу торговли, так как в России с особенной силой сказывается реакционность протекционизма, задерживающего экономическое развитие страны, служащего интересам не всего класса буржуазии, а лишь кучке олигархов-тузов, — так как свобода торговли означает ускорение того процесса, который несет средства избавления от капитализма»⁴. Реакционность русского про-

¹ Ленин В. И. ПСС, т. 2, с. 186.

² Там же, с. 188.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 38, с. 264.

⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 1, с. 457—458.

тектионизма проявлялась в том, что он «перерастал» свои защитные «национально-буржуазные» функции, приобретал черты агрессивности, способствовал закреплению в отечественной экономике позиций иностранного капитала, открывал путь к усилению монополистических объединений⁵. Протекционизм сковывал развитие капиталистических отношений в деревне, замедляя тем самым процесс вызревания объективных предпосылок для социалистической революции⁶.

Изучение торгово-промышленной политики царского правительства в дореформенную эпоху показывает, что правительство в этот период придерживалось строгого протекционизма. В 1833—1842 гг. таможенная политика России носила сугубо охранительный, консервативный характер.

Привоз ряда товаров был запрещен, а импорт многих обложен высокими пошлинами. Однако в 40—50-х годах началось смягчение политики протекционизма. Тариф 1857 г. явился своеобразным рубежом, закреплявшим направление умеренно-покровительственной системы. Таможенный тариф 1868 г. был самым либеральным за всю историю российской таможенной политики. В целом тарифы 1857, 1864, 1868 гг. представляли уступку в пользу системы свободной торговли и открыли каналы для ввоза иностранной продукции тяжелой индустрии в Россию. Но несмотря на общее понижение пошлин, русский тариф даже после пересмотра его в 1868 г. сохранял покровительственный характер и заключал в себе много пошлин запретительного размера, особенно для ряда отраслей легкой промышленности. Конец 70-х годов был началом нового курса в протекционистской политике царизма, особенно в отношении отраслей тяжелой индустрии. В итоге частичные пересмотры тарифов в 70—80-е годы завершились Общим запретительным тарифом 1891 г.

Изменения в таможенном курсе вызывались объективными причинами — уровнем социально-экономического развития страны, состоянием финансов и т. д., а также и международной экономико-политической конъюнктурой. Политика протекционизма с конца 70-х годов диктовалась интересами укрепления развивающейся отечественной крупной промышленности. За такой курс правительства прежде всего ратовала крупная торгово-промышленная буржуазия. По мере укрепления своего экономического положения она все громче требовала высоких таможенных пошлин как одного из главных средств успешного развития промышленности.

Для изучения промышленного протекционизма в России второй половины XIX в. значительный интерес представляет деятельность различных организаций торгово-промышленной буржуазии, зародившихся в 60—70-е годы. Одним из наиболее влиятельных и представительных среди них было Общество для содействия русской промышленности и торговле, возникшее в 1867 г. (просуществовало вплоть до 1917 г.).

Предыстория и сам факт создания общества свидетельствовали о стремлении русской буржуазии к организационной сплоченности уже в 50—60-е годы XIX в.

Первая попытка объединения заводчиков, фабрикантов, финансистов и торговцев в общероссийское общество, «в среде которого смогли бы рассматриваться все торгово-промышленные вопросы и которое имело бы право ходатайствовать перед правительством о нуждах русской

⁵ См. подробнее: Китанина Т. М. Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. (Очерки правительственной политики). Л., 1978, с. 105.

⁶ Лаверычев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861—1900 гг. М., 1974, с. 195.

промышленности»⁷, относится к середине 50-х годов XIX в. Этот вопрос вновь был поднят в середине 60-х годов, когда таможенный тариф Российской империи подвергся новому пересмотру. В юбилейном отчете общества за 1867—1892 г. устанавливалась прямая связь между его образованием и изменениями таможенных тарифов: «В 1867 г., когда интересы русской торговли и промышленности пришли опять вследствие пересмотра тарифа в столкновение с западноевропейскими интересами, вопрос об образовании Общества возник снова и начал настойчиво преследоваться, чему способствовали в особенности следующие обстоятельства. В то время в большинстве европейских государств господствовали идеи свободной торговли и эти идеи пропагандировались у нас в официальных сферах известным экономистом де-Молинали и английским консулом Митчелем. Такая пропаганда шла довольно успешно и начала приобретать приверженцев в среде лиц, которые имели весьма большое значение при пересмотре таможенного тарифа...». В связи с этим многие из представителей торговли и промышленности, прибывавшие в Петербург для участия в работах по пересмотру таможенного тарифа, начали собираться у крупного петербургского предпринимателя В. Ф. Громова для обсуждения проекта устава и программы занятий общества. Особо активное участие в этом принимали представитель кяхтинского купечества И. А. Носков, составивший проект устава, железозаводчик и общественный деятель А. П. Шипов.

В объяснительной записке и проекте устава указывалось, что впервые мысль об учреждении общества была высказана московскими фабрикантами и купечеством, которые предполагали учредить его в Москве — «в центре нашей промышленной деятельности». Однако в дальнейшем предпочтение было отдано С.-Петербургу, «где сосредоточены все высшие правительственные учреждения и имеется много способов к распространению и осуществлению всякой общепользующей мысли при содействии нашей государственной администрации»⁸.

Цель общества определялась его уставом: «Способствовать развитию отраслей отечественной промышленности и распространению внутренней и внешней торговли России»⁹. Члены общества имели право собираться для обсуждения своих нужд и потребностей и представлять их на рассмотрение правительству через возглавлявший общество комитет. Последний состоял из пяти отделений: редакционного; заводской, фабричной и ремесленной промышленности России; внутренней и внешней торговли; торгового мореплавания, речного судоходства и других торговых путей сообщения в России; кустарной и ремесленной промышленности. Общество объединяло крупных фабрикантов, заводчиков, купцов и втянутых в предпринимательскую деятельность представителей сановой аристократии. Активную роль в нем играли видные русские ученые.

В 70—90-х годах были открыты филиалы общества в Москве, Варшаве, Киеве, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Риге, Казани, Астрахани, Муроме, Касимове, Шуе, Костроме, Одессе, Тюмени, Тобольске, Ялте, Ташкенте, Харькове, Ростове-на-Дону, Баку, Лодзи и других городах¹⁰. Анализ деятельности этой бесспорно ведущей предпринима-

⁷ Отчет о деятельности высочайше утвержденного Общества для содействия русской промышленности и торговле с 1867 по 1892 г. СПб., 1892, с. 2.

⁸ Объяснительная записка и проект устава по учреждению Общества для содействия русской промышленности и торговле. СПб., 1867, с. 3.

⁹ Там же.

¹⁰ Отчет о деятельности высочайше учрежденного Общества для содействия русской промышленности и торговле с 1867 по 1892 г., с. 5.

тельской организации страны говорит о многогранности интересов российской буржуазии. В комитете общества, его отделениях и на общих собраниях ставился и обсуждался широкий круг вопросов: промышленность (по всем ее отраслям); внешняя и внутренняя торговля; кустарная промышленность; железнодорожная тарифная политика; рабочий вопрос; финансы и банковский кредит; торговый флот и строительство портов, судоходство и мореходство; торгово-промышленные съезды, международные конгрессы; техническое и коммерческое образование; сельское хозяйство; экспедиции и различные обследования; вопросы охраны природы и др.

Деятельность общества в целом не была предметом специального изучения ни в дореволюционной, ни в советской историографии. Однако материалы, им издаваемые, использовались в ряде работ советских историков¹¹. Среди них есть и монографические исследования, в той или иной мере касающиеся интересующих нас вопросов¹².

Материалы и документы общества, труды Всероссийских торгово-промышленных съездов, проводимых по его инициативе и при его участии, свидетельствуют о том, что вопросы, связанные с промышленным протекционизмом, были основными в его деятельности. Отражая интересы крупной торгово-промышленной буржуазии, общество последовательно занимало и отстаивало протекционистские позиции. В протекционизме тузы буржуазии видели реальный путь воздействия на торгово-промышленную политику царизма и, следовательно, защиту от иностранной конкуренции и средство овладения внутренними и выходом на международные рынки. Характерно в этом плане заявление общества по поводу итогов II Торгово-промышленного съезда 1882 г., состоявшегося в Москве: «Труды съезда, как известно, во многом способствовали тому, что правительство последовательно и твердо пошло по пути строгого протекционизма»¹³.

Русская нефтяная промышленность принадлежала к числу тех новых отраслей тяжелой индустрии, которые оказали громадное влияние на экономику пореформенной России, на ее борьбу за международные рынки. Ни одна из отраслей отечественной промышленности не играла столь значительной роли в мировой капиталистической экономике до XX в. как нефтяная: Бакинский район был одним из двух главных центров мировой добычи нефти¹⁴.

В истории русской нефтяной промышленности выделяются три основных периода. Первый, откупной, охватывал время с 1808 по 1872 г. По образному выражению К. Скальковского, эта система была «свинцовой доской, которая лежала на судьбах нефтяной промышленности, не давая ей свободного роста»¹⁵. С ее отменой (1872 г.)¹⁶ большинство

¹¹ Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1860—1895). М., 1956; Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией, 40—60-е годы XIX века. М., 1963; Лаврычев В. Я. Указ. соч.; Халфин Н. А. Общество для содействия русской промышленности и торговле в Средней Азии.— «Вопросы истории», 1975, № 8.

¹² Пархоменко В. Е. Д. И. Менделеев и русское нефтяное дело. М., 1957; Нардова В. А. Начало монополизации нефтяной промышленности России (1880—1890 гг.). М.—Л., 1974.

¹³ Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле (далее — Труды Общества...), ч. 29. СПб., 1910, с. 3.

¹⁴ Монополистический капитал в нефтяной промышленности России 1883—1914 гг. Документы и материалы. М.—Л., 1961, с. 9.

¹⁵ Скальковский К. Керосиновое дело на юге России.— «Горный журнал», 1867, т. 3, с. 461.

¹⁶ Пажитнов К. А. Очерки по истории бакинской нефтедобывающей промышленности. М., 1940; Нардова В. А. Указ. соч.

исследователей связывают начало капиталистического периода развития нефтяной бакинской промышленности, когда стал возможен приток капиталов и дан мощный толчок развитию производительных сил. Не меньшее значение имела отмена крепостного права и в широком, и в более узком, конкретном смысле, ибо откупная система вплоть до 1864 г. держалась на принудительном труде приписных балаханских крестьян. С ее ликвидацией в нефтяную промышленность стала вливаться новая рабочая сила¹⁷. Но 70-е годы явились лишь прелюдией бурного роста нефтяной промышленности в последующие десятилетия¹⁸.

Второй период развития нефтяного дела распадается на несколько этапов. Первый — 1872—1878 гг., когда обозначилось серьезное участие в нефтяном деле фирмы бр. Нобель, и второй — 1878—1883 гг., до начала регулярного движения по Закавказской железной дороге и получения доступа к заграничным рынкам. 1883 год открывает третий период, на который приходится наибольший подъем в развитии нефтяного производства в России. Форсированному выдвигению этого производства в число ведущих, первостепенных для российской промышленности способствовали глубокие изменения в социально-экономической жизни страны в 70—80-е годы XIX в., потребности развивающейся экономики капиталистической России в переходный период¹⁹.

Особо важное значение для развития нефтяной промышленности имела отмена с сентября 1877 г. акциза, установленного «Правилами для всей империи о нефтяном промысле и акцизе с фотогенового производства» от 1 февраля 1872 г. В свое время указанная мера вызвала сокращение этого производства, рост ввоза американского керосина на внутренние рынки страны, уменьшение поступлений налога в государственную казну.

С отменой акциза в 1877 г. размеры и темпы добычи нефти стремительно увеличились. «Добыча нефти, в 60-х годах не достигавшая и миллиона пудов (557 тыс. в 1865 г.), в 1870 г. составила 1,7 млн. пуд., в 1875 — 5,2 млн. пуд., в 1880 — 21 млн. пуд., в 1885 г. — 116 млн. пуд., в 1890 — 242,9 млн. пуд., в 1895 г. — 384,0 млн. пуд., в 1902 — 637,7 млн. пуд. Число занятых в горной промышленности Кавказа рабочих возрастало также чрезвычайно быстро, именно, с 3431 в 1877 г. до 17 603 в 1890 г., т. е. увеличилось *впятеро*»²⁰.

Коренные изменения транспортировки нефти и ее продуктов (сооружение Закавказской железной дороги, создание нефтеналивного флота, строительство нефтепроводов и т. п.), внедрение в производство новых технических достижений русской и зарубежной передовой мысли и др. привело к небывало быстрым темпам роста нефтяного производства. Увеличению добычи нефти и ее переработки способствовали повышение спроса на нефтепродукты внутри страны, а также протекционистская политика царского правительства, направленная на поддерж-

¹⁷ Монополистический капитал в нефтяной промышленности России 1883—1914 гг., с. 9.

¹⁸ Нардова В. А. Указ. соч., с. 8.

¹⁹ См. Дружинин Н. М. О периодизации истории капиталистических отношений в России. — «Вопросы истории», 1949, № 11; его же. О периодизации истории капиталистических отношений в России (к итогам дискуссии). — «Вопросы истории», 1951, № 1; Гиндин Н. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960; Рындзюнский П. Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60—80-е гг. XIX в.). М., 1966; его же. Утверждение капитализма в России. 1850—1880. М., 1978; Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России. Л., 1973.

²⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 491.

Импорт керосина в Россию из Соединенных Штатов Америки в 60—90-е годы XIX в.

Год	Тыс. пуд.	Ценность в тыс. кредит. руб.	Год	Тыс. пуд.	Ценность в тыс. кредит. руб.
1865	258	1 034	1880	1446	4050
1870	1441	5 764	1883	449	1194
1873	2701	10 271	1885	133	356
1877	1702	5 695	1892	20	70

ку отечественного нефтяного дела и устранение конкуренции американского керосина на внутреннем рынке страны. Таможенная пошлина на ввозимый американский керосин повышалась неоднократно (тарифы 1857, 1868 гг.; после введения в 1877 г. правила о взимании пошлин золотом, в 1881 г. устанавливается надбавочный 10-процентный сбор; более высокие тарифы 1882 и 1885 г.; наконец, в 1891 г. продукты перегонки нефти были обложены пошлиной до 1 руб. золотом с пуда). Введение последней пошлины привело почти к полному прекращению ввоза американского керосина (см. табл.)²¹, так как пошлина была почти равна цене, по которой керосин продавался на главных рынках.

Однако быстрый рост нефтедобычи привел к перенасыщению внутреннего рынка, скоплению у крупных керосинозаводчиков нереализованных огромных партий керосина и значительному понижению цены на нефть.

В 1885 г. наступил резкий и затяжной нефтяной кризис, во время которого противоречия между различными группами нефтяной промышленности проявились с особой силой. В этих условиях и развернулась ожесточенная борьба внутри российских нефтепромышленников за овладение внутренними рынками страны, их монополизацию. Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле, содержащие стенографические отчеты обсуждений вопросов о налоге на нефть и нефтяные продукты в комитете и на собраниях общества, отразили накал этой борьбы. Именно в решении этих вопросов особенно яркое отражение нашла правительственная политика поддержки и покровительства крупной буржуазии, неразрывно связанная с общей тенденцией протекционизма в России. Кроме того, — что особенно важно для изучаемой проблемы, — ход обсуждения в обществе налога на нефть и на нефтяные продукты позволяет проследить экономические притязания русской буржуазии, процесс и результаты конкурентной борьбы между отдельными группами.

Обсуждение налога на нефть вобрало в себя целый комплекс вопросов: лучшей утилизации нефти с получением высокоценных продуктов ее переработки, прекращения хищнического сжигания нефти и мазута, бережного отношения к богатствам недр земли, экономичной транспортировки нефти, создания новых районов нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности, российского нефтяного экспорта и т. д. Все они были неразрывно связаны с судьбами отечественной нефтяной промышленности.

Впервые вопрос о введении косвенного налога (акциза) на нефть в полную силу прозвучал на Втором всероссийском торгово-промышленном съезде в Москве в 1882 г. Особенно бурным и продолжительным было его обсуждение членами общества в 1886 г., когда учреждение налога становилось практически неизбежным. Вопросу о налоге на нефть

²¹ Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Под ред. В. И. Покровского, т. I. СПб., 1902, с. 219.

было посвящено пять заседаний второго отделения комитета общества, куда были представлены многочисленные записки и доклады, специальные мнения, расчеты и замечания сторонников и противников налога. В заседаниях и дискуссиях принимали активное участие видные ученые — Д. И. Менделеев, С. И. Гулишамбаров; крупные специалисты горного дела — И. П. Илимов, М. М. Уржумцев, А. М. Лоранский; известный экономист В. Д. Белов; председатель Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России — Е. Н. Андреев; крупнейшие нефтепромышленники — Л. Э. Нобель, М. И. Лазарев, В. И. Рагозин; представители министерств финансов, государственных имуществ и др.

С предложением о полном запрещении экспорта сырой нефти и о налоге на нее на Втором торгово-промышленном съезде выступил В. И. Рагозин. При обсуждении его доклада четко обозначились два лагеря: сторонников налога — во главе с Л. Э. Нобелем и противников его — Д. И. Менделеева, М. И. Лазарева, И. П. Илимова, М. М. Уржумцева, В. А. Поветики, А. М. Лоранского и др. Именно по этому вопросу обнаружился разногласия и противоположные интересы представителей нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности. С резкой критикой предложений В. И. Рагозина выступил Д. И. Менделеев, заявивший, что при полном запрещении экспорта сырья «даже всякая вывозная пошлина несвоевременна, потому что она только остановит могущее начаться развитие дел с нашей нефтью и не даст возможности широкого развития нефтяных предприятий, особенно на берегах Черного моря»²². Ученый призывал при решении вопроса о полном запрещении вывоза сырой нефти руководствоваться интересами всей страны и в особенности интересами нефтедобывателей. Его решительно поддержал А. М. Лоранский: «Мы должны заботиться не только о пользе заводчиков, но и о пользе тех лиц, которые занимаются добычей нефти. Нельзя запрещать вывоз нефти и вследствие этого сокращать ее добычу, в ожидании, когда у нас появятся многочисленные заводы для обработки нефти»²³. Съезд отверг предложение В. И. Рагозина о запрещении экспорта сырой нефти и высказался против правительственной пошлины на нее.

Длительную дискуссию 1886 г. в обществе открыл доклад В. И. Рагозина «Нефть перед налогом». В нем четко была представлена позиция крупнейших нефтепромышленников страны. Сторонники налога (т-во бр. Нобель и др.) утверждали, что при установлении налога на нефть: 1) уничтожится или в значительной мере уменьшится хищническое распоряжение нефтью; 2) налог важен, так как принесет доход государственному казначейству, а главное, окажет существенную пользу нефтяной промышленности, переживавшей кризис; 3) вследствие низкой цены на керосин и относительно высокой на остатки, хорошая утилизация нефти будет производиться более совершенно в ближайшем будущем²⁴. Доклад Рагозина отражал интересы крупных керосинозаводчиков: путем удорожания нефти разорить своих конкурентов — мелких и средних керосинозаводчиков, лишенных дешевого кредита и крупных оборотных средств, и добиться таким путем монопольного положения на рынке.

Отсюда и активность позиции Л. Э. Нобеля одного из самых крупных представителей нефтяной промышленности. При обсуждении доклада В. И. Рагозина он поддержал все его основные положения, считая установление налога в условиях перепроизводства нефти «весьма свое-

²² Труды высочайше разрешенного Торгово-промышленного съезда... в Москве, 1882 г., т. 1, с. 59.

²³ Там же, с. 58.

²⁴ Труды Общества..., ч. 16. СПб., 1886, с. 195—217; ч. 17. СПб., 1886, с. 8, 9.

временным». Почему же так настойчиво Нобель выступал за введение налога на нефть? Дело было в том, что, несмотря на лидирующее положение в развитии нефтяной промышленности России, т-ву бр. Нобель не удалось добиться «исключительного положения в смысле распорядительства всем нефтяным делом», завоевать монопольное положение на внутреннем рынке. Ему все еще противостояли многочисленные средние и мелкие нефтяные компании, мешая монополизировать нефтяное дело в Баку. Одним из средств борьбы с ними и было требование введения налога на сырую нефть, при помощи которого крупнейшие бакинские нефтепромышленники стремились «отстранить конкуренцию, которая возникла бы для крупных заводчиков в Баку в лице новых нефтяных К^о... и вместе с тем налог на сырой продукт был бы средством покончить докучливую для них конкуренцию нынешних средних и мелких бакинских заводов»²⁵, как отмечал в своем докладе один из наиболее последовательных противников налога — М. И. Лазарев.

Под прикрытием выдвинутого тезиса об «истощении нефтяных источников», «необходимости сберечь народное достояние» решительно выступил в защиту налога Л. Э. Нобель, демагогически провозгласивший введение налога на нефть средством борьбы с так называемым «расхищением нефти».

Д. И. Менделеев и его единомышленники разоблачили истинные мотивы крупнейших нефтепромышленных фирм, которые начиная с 1881 г. упорно добивались в Министерстве финансов введения налога на нефть. Противники налога упорно боролись по всем пунктам программы, предложенной В. И. Рагозиным и К^о. Они убедительно доказали, что налог на сырую нефть «крайне неблагоприятно отразится на развитии нефтяной промышленности»²⁶. Выступая против налога, «столь желательного крупным предпринимателям». Д. И. Менделеев утверждал, что «если обложена будет сырая нефть, то получится тормоз всему развитию нефтяных дел, ибо нефтедобыча составляет корень всего нефтяного дела»²⁷. При этом сторонники этой точки зрения высказывали серьезные опасения, что именно «при налоге все нефтедобыватели очутятся в полной кабале у заводчиков»²⁸. Д. И. Менделеев показал к каким губительным результатам может привести введение налога на нефть, подчеркнув, что задачу Общества для содействия русской промышленности и торговли составляет помощь развитию и укреплению всех трех отраслей нефтяной промышленности — добычи сырья, его переработки и торговли продуктами производства. Он считал, что от налога очень существенно пострадают все три отрасли нефтяного дела и выступал против любой формы налога. Особо резкой критике Менделеев подверг предложенный В. И. Рагозиным еще в 1885 г. проект так называемого налога с возвратом: нефтезаводчики уплачивают казне налог в 15 коп. с пуда перерабатываемой нефти, но за каждый пуд керосина, вывозимого за границу, казна возвращает заводчикам 38,7 коп.²⁹ «Налог без возврата и налог с возвратом, — писал Менделеев, — вредны промышленности и стране, а последний может оказаться убыточным и казне, хотя бакинским заводчикам, имеющим избыток товара, может быть очень выгодным... Налог... соединенный с возвратом, доставит заграничным потребителям наши нефтяные товары дешевле, чем крестьянину, а налог без

²⁵ Там же, ч. 17, с. 13.

²⁶ Там же, с. 7—8.

²⁷ Менделеев Д. И. Соч., т. X. М.—Л., 1949, с. 670.

²⁸ Труды Общества... ч. 17, с. 56.

²⁹ Пархоменко В. К. Указ. соч., с. 235; Труды Общества..., ч. 17, с. 86, 135,

возврата будет очень на руку американским нефтепромышленникам, ибо уменьшит шансы соперничества наших нефтяных товаров с американскими». В конечном итоге Менделеев считал, что «налог на керосин будет налогом на свет, необходимый для народного труда»³⁰.

В 80-е годы, в условиях кризиса перепроизводства, Менделеев и его сторонники придавали особое значение вопросам экономически обоснованного районирования нефтеперерабатывающей промышленности. Именно в строительстве новых крупных и хорошо оборудованных заводов Центральной России — главной потребительницы бакинской нефти — Д. И. Менделеев видел возможность борьбы с монополизацией нефтяного дела в Баку и дальнейшее его развитие в России. Единодушным было мнение, что для развития отечественной нефтяной промышленности, совершенно необходимо не обложить сырьем налогом, а, во-первых, расширение района нефтеперерабатывающей промышленности за счет побережья Черного моря и, во-вторых, всестороннее поощрение утилизации нефти. Противники налога категорически заявили: «Пока вся обрабатывающая промышленность сосредоточена в Баку, наше нефтяное дело не выйдет на рациональный путь»³¹. В осуществлении этих мер они видели также средство для устранения относительного (для Баку) избытка нефти. Противниками налога была также вскрыта несостоятельность заявления группы Нобеля — Рагозина о «расхищении нефти». Вопрос об изъятии нефтеносных площадей Апшеронского полуострова был извлечен на свет крупнейшими бакинскими нефтяными магнатами как основной довод против строительства Закавказского нефтепровода, а следовательно, и против расширения района нефтеперерабатывающей промышленности. Поэтому среди целей, преследуемых бакинскими заводчиками, предлагавшими налог на сырье, не последнее место занимали соображения противодействия осуществлению столь нежелательного для них проекта прокладки нефтепровода. Обложение сырой нефти налогом действительно уменьшило бы значение нефтепровода, так как лишило дешевого топлива как сам нефтепровод, так и строящиеся нефтеперерабатывающие предприятия.

С сооружением нефтепровода Баку — Батуми Д. И. Менделеев связывал дальнейшие успехи русского нефтяного дела, а также развитие внешней торговли России. «Я думаю, — писал он, — что с устройством нефтепровода не только удешевятся товары русской нефти ...откроется возможность громадного сбыта»³². С созданием нефтепровода и усовершенствованных батумских заводов ученый связывал основную задачу нефтепереработки — более полной утилизации нефти и расширения ассортимента нефтепродуктов, в том числе и предназначенных для экспорта.

Отрицательная позиция Общества для содействия русской промышленности и торговле в вопросе о налоге на нефть была четко сформулирована в представлении комитета министру финансов от 16 июня 1886 г. И в этом была огромная заслуга Д. И. Менделеева и его сторонников. В представлении общество единогласно высказывалось против обложения нефти налогом и ходатайствовало перед Министерством финансов в случае обложения продукции нефтяной промышленности налогом не распространять его на сырую нефть³³. Общество выражало беспокойство, что налог на сырую нефть неблагоприятно отразится на развитии нефтяной промышленности в целом — сократятся поиск нефти и ее про-

³⁰ Менделеев Д. И. Соч., т. X, с. 577; Труды Общества..., ч. 17, с. 30—31.

³¹ Труды Общества..., ч. 17, с. 56.

³² Труды Общества..., ч. 20. СПб., 1890, с. 330.

³³ Труды Общества..., ч. 17, а. 10.

изводство, а «мелкие заводы, существование которых имеет столь важное значение для потребителей в смысле дешевизны продукта, должны будут неизбежно закрыться, так как конкуренция с крупными заводами для них сделается невозможной». В документе предлагалась и программа необходимых мероприятий для оживления нефтяной промышленности в стране: понижение железнодорожного тарифа на каменный уголь, сооружение Восточно-Донской железной дороги, скорейшая прокладка Закавказского нефтепровода, разрешение частным лицам поставлять на Закавказскую железную дорогу паровозы и вагоны, а также устройство Сурамского перевала³⁴.

Таким образом, в представлении наша точка зрения Д. И. Менделеева и его последователей в вопросе о налоге на нефть. Казалось бы, они одержали победу. Однако дело обстояло совсем иначе. Выдвинутый крупными нефтепромышленниками проект налога всецело отвечал интересам правительства, казны. Летом 1886 г. Министерство финансов приступило к разработке проекта нефтяного налога. В декабре 1886 г. Министерство финансов созвало Особое совещание при Департаменте неокладных сборов для обсуждения разработанного проекта нефтяного налога — «Главные основания проектируемого обложения нефтяной промышленности в пользу казны». Проектом предусматривалось взимание налога с готовых продуктов и его исчисление по количеству сырой нефти, поступающей с промыслов. В совещании наряду с представителями от правительственных учреждений принимали участие члены Русского технического общества, Общества для содействия русской промышленности и торговле и нефтепромышленники. Совещание не пришло к единой точке зрения; двенадцать его участников, в том числе представители Министерства финансов, высказались за налог, четырнадцать, и среди них представители Министерства государственных имуществ, — против³⁵.

Однако, несмотря на результаты обсуждения, правительство, ссылаясь на затруднения в финансовом положении Государственного казначейства, решило ввести налог. Учитывая выдвинутые возражения при обсуждении вопроса о налоге на нефть, было решено отказаться от налога на сырую нефть и от налога на керосиновое производство. Правительством заявлено об установлении акциза на готовые продукты. Таким образом, налог «всецело ложился на потребителя»³⁶. В соответствии с принятыми правилами, акциз на осветительные нефтяные масла, предназначенные для внутреннего рынка (экспортный керосин обложению не подлежал), устанавливался в следующих размерах: с пуда тяжелых осветительных масел — 30 коп., легких — 40 коп. В последующие годы он неоднократно пересматривался в сторону увеличения. Согласно правилам об акцизе 1888 г., вывоз осветительных нефтяных продуктов из Бакинского района, а также с заводов других районов разрешался по предъявлении акцизному надзору квитанций казначейства об уплате акциза или залоговых квитанций, обеспеченных имуществом фирм. Система залоговых квитанций, допускавшая 9-месячную отсрочку в уплате акциза без процентов, представляла собой по существу одну из форм государственного протекционизма в области кредитования. Однако льготами по этой системе могли пользоваться в основном крупные нефтепромышленники. Она была крайне невыгодна прежде всего мелким нефтепромышленникам. Располагая залоговыми квитанциями на ограниченную сумму, они вынуждены были для высвобождения квитанций

³⁴ Там же.

³⁵ Нардова В. А. Указ. соч., с. 102—104.

³⁶ Там же, с. 104—105.

сдавать свои товары на склады под охрану акцизного надзора, т. е. прибегать к операции, которая по существу лишала их всех выгод, проистекающих от рассрочки в платеже акциза, так как при выдаче керосина из казенных складов акциз за него должен был быть уплачен немедленно.

Крупным фирмам, которые обладали огромными капиталами и широким кредитом и могли, таким образом, иметь в своем распоряжении неограниченное количество залоговых квитанций, введение акциза и условия его уплаты были чрезвычайно выгодны и предоставляли значительные льготы. В конечном счете после введения акциза крупнейшие нефтепромышленные фирмы добились столь желанного господства на внутренних рынках страны. Вместе с тем акциз, превышая в 2—3 раза стоимость продукта, являвшегося предметом первой необходимости, привел к сильному вздорожанию керосина и тяжелым бременем лег на плечи трудящихся масс³⁷. В целом акциз создал значительные трудности в торговле нефтепродуктами и содействовал той монополизации нефтяного дела и внутреннего рынка крупнейшими нефтепромышленными фирмами, против которой боролись Д. И. Менделеев и его последователи.

Таким образом, во второй половине XIX в. протекционистский курс правительства испытывал огромное влияние русской буржуазии, о которой В. И. Ленин писал, что она «давит на правительство, порождая, вынуждая и определяя буржуазный характер его политики»³⁸.

Рассмотренные материалы Общества для содействия русской промышленности и торговле наглядно показывают нам формы и методы воздействия на политику российского самодержавия, используемые крупной нефтепромышленной буржуазией. Изучение деятельности Общества для содействия русской промышленности и торговле подтверждает известную мысль Энгельса о решающей роли буржуазии в экономике страны: «Российское государство во всех важных экономических вопросах вынуждено подчиняться ее желаниям»³⁹. Требования крупной буржуазии неизменно встречали понимание царского правительства, определявшего покровительственный протекционистский курс с учетом интересов прежде всего «слоя крупнейших капиталистов»⁴⁰. В целом протекционистский курс в преддверии империализма способствовал росту крупного капиталистического хозяйства России.

³⁷ Монополистический капитал в нефтяной промышленности России, с. 671; Нардова В. А. Указ. соч., с. 105 и др.

³⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 1, с. 278.

³⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 452.

⁴⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 21, с. 291.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ О СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Исследование вопросов, связанных с тенденциями развития нашего общества, как указывается в документах XXV съезда КПСС, существенно важно; это относится, в частности, к изучению характера и содержания труда в условиях зрелого социализма, к изменениям социальной структуры. В публикуемой подборке рецензий речь идет о книгах, в которых рассматриваются названные проблемы.

РАБОЧИЙ КЛАСС СССР. 1966—1970 * М., «Наука», 1979, 429 с., тир. 5650

При наличии крупных исследований как обобщающего характера, так и по отдельным проблемам истории рабочего класса, историческая наука до недавнего времени практически не располагала исследованиями, отражающими развитие рабочего класса во второй половине 60-х годов. Этот пробел в значительной степени восполняет рецензируемая монография. Книга является первым многоплановым, крупным исследованием, освещающим историю советского рабочего класса в годы восьмой пятилетки.

Монография отличается тем, что в ней прежде всего раскрывается широкая поступь индустриального развития СССР в 1966—1970 гг., показываются сдвиги в размещении производительных сил. Анализ этих процессов позволил авторам полнее раскрыть материальную основу развития рабочего класса, придать более глубокую аргументацию выдвинутым положениям.

Подробно освещаются вопросы изменения численности, отраслевой, демографической структур рабочего класса, его размещения, национального, профессионального состав. Говоря о количественном и качест-

венном росте рабочего класса в годы восьмой пятилетки, влиянии, оказанном на эти процессы развертывавшейся в нашей стране научно-технической революцией, авторы делают обоснованный вывод, что чем более индустриально развито социалистическое общество, тем совершеннее становится социальная структура рабочего класса, тем в большей степени сближаются между собой различные его отраслевые отряды, поднимаясь в своем культурно-техническом росте до уровня промышленного ядра (с. 59).

С интересом читаются страницы книги об источниках пополнения рабочего класса. Убедительно показывается, что в условиях развитого социализма возрастает численность и удельный вес выходящих из рабочей среды, выпускников общеобразовательных школ и профессионально-технических училищ. В работе анализируются закономерности численного роста рабочего класса. При этом приводятся многие сравнительные показатели численности рабочего класса на предшествующих этапах его развития. Такой подход дал возможность авторам вскрыть как общие закономерности развития рабочего класса, так и характерные особенности, присущие зрелому социализму.

В монографии, пожалуй, впервые так подробно показываются сдвиги в региональном размещении рабочих, изменения в национальном составе рабочего класса в

* Редколлегия: А. В. Митрофанова (отв. ред.), И. П. Остапенко, Л. С. Рогачевская. Авт.: Б. Н. Казанцев, Г. Б. Куликова, А. В. Макеев, А. А. Матюгин, А. В. Митрофанова, И. М. Некрасова, И. П. Остапенко, Н. К. Петрова, Л. С. Рогачевская, С. Л. Семянский, А. В. Смирнов, А. П. Тюрина, М. И. Хлусов.

сторону увеличения в нем удельного веса рабочих коренной национальности. В отличие от других исследований, авторы уделили большое внимание анализу демографической структуры рабочего класса. Книга содержит богатый фактический материал о поло-возрастном составе рабочего класса СССР. Изменения, которые произошли в рабочем классе за годы восьмой пятилетки, авторы, по нашему мнению, верно связывают с влиянием научно-технического прогресса, повышением культурно-технического уровня рабочих, заботой Коммунистической партии о советском человеке. Приводится интересный материал об укреплении кадрового состава рабочего класса, увеличении удельного веса рабочих с большим непрерывным стажем работы (с. 97—98).

Анализируя культурно-технический уровень рабочего класса в годы восьмой пятилетки, авторы прежде всего раскрывают сущность политики партии и правительства в этом направлении. В монографии содержатся многочисленные данные об изменении общеобразовательного уровня рабочих за восьмую пятилетку. Авторы подчеркивают, что рост общеобразовательной подготовки predetermined и существенные изменения в профессиональном мастерстве рабочих. Большое место в книге заняли вопросы повышения уровня общей культуры рабочих, усиления творческой деятельности рабочего в различных сферах культурной жизни, в формировании коммунистической нравственности и социалистического образа жизни. Авторы четко обосновывают положение о том, что в годы восьмой пятилетки происходило дальнейшее углубление процесса формирования нового рабочего как всесторонне развитой личности.

Интерес представляют страницы книги, посвященные повышению материального благосостояния рабочего класса. Здесь раскрывается последовательная политика партии, направленная на выравнивание заработной платы и всех доходов различных категорий рабочих, убедительно характеризуется благотворное воздействие общественных фондов потребления на доходы рабочих, раскрывается позитивная роль новой системы хозяйствования в повышении благосостояния рабочих. Особый интерес представляет анализ изменений уровня и

структуры потребления рабочего класса, а также структуры потребления рабочих семей. Авторы отмечают значительное улучшение условий труда и здоровья рабочих, улучшение их жилищно-бытовых условий.

Большое место в книге правомерно уделено вопросам трудовой активности рабочих. Глубоко раскрывается мобилизующая роль решений партии, Советского правительства, выступлений партийных и государственных деятелей в совершенствовании форм и методов социалистического соревнования. Читатель получает представление о многообразии трудовых починов, их массовом характере. Важно, что в работе речь идет не только о значительных успехах в развитии соревнования, но отмечены и определенные трудности, факты шаблона и формализма в его организации. Такой анализ имеет немалое практическое значение.

В книге отмечается исключительная роль, которую сыграли решения октябрьского (1964 г.) и сентябрьского (1965 г.) Пленумов ЦК КПСС в укреплении демократических основ управления производством. Подробно рассматриваются традиционные формы участия рабочих в управлении производством. Особое внимание уделено освещению новых форм участия рабочих в планировании, в нормировании труда, в борьбе за улучшение условий труда и укрепление трудовой дисциплины. Осуществление управленческих функций, подчеркивается в книге, позволило многим опытным и квалифицированным рабочим выдвинуться в управленческий аппарат, возглавить производственные коллективы.

Монография вносит заметный вклад в освещение вопросов ведущей роли рабочего класса в Советах депутатов трудящихся. Авторы показывают не только рост численности рабочих в составе Советов, но и участие рабочих в избирательных комиссиях, роль рабочих коллективов в выдвижении кандидатов в депутаты, место депутата-рабочего на производстве, активность депутатов-рабочих, их чувство ответственности и государственный подход при исполнении депутатских обязанностей. Особое место в книге отведено раскрытию органического единства рабочего класса с его авангардом — Коммунистической партией. Характеристика авангардной роли рабочих-коммунистов в управлении производ-

ством, в политической жизни страны, в воспитании нового человека — одно из достоинств исследования. Рабочий-коммунист предстает в монографии не только как участник и организатор производства, но и как носитель социалистической идеологии, последовательный проводник политики партии в социальной жизни общества.

Основательно рассматривается проблема дальнейшего упрочения союза рабочего класса и крестьянства, шефства города над деревней. В работе приводятся многочисленные факты, которые убедительно свидетельствуют о том, что в условиях развитого социализма по-прежнему высока роль рабочего класса в организационно-хозяйственном укреплении колхозов, осуществлении программы интенсификации сельского хозяйства, повышении культурного уровня тружеников села, расширении их политического кругозора.

Исследование логически завершается анализом международных связей рабочего класса СССР. Достаточно полно отражена активная позиция советских рабочих в мировом революционном движении, в борьбе за мир. Страницы книги повествуют о братском сотрудничестве советских рабочих с рабочим классом стран социалистического содружества, производственных связях с трудящимися развивающихся стран, о вкладе рабочих СССР в подготовку кадров для этих стран.

Нужно отметить, что в монографии широко используются данные по отдельным республикам, регионам страны, крупным предприятиям, по отдельным отраслям промышленности. Авторы привлекли богатый статистический материал, широко использовали периодическую печать, данные

социологических исследований. В научный оборот введен обширный круг неопубликованных документов из фондов центральных архивов. Особую ценность для историков рабочего класса представляют 47 сводных таблиц. Приведенный статистический материал убедительно подтверждает основные положения и выводы авторов.

В работе названо множество имен и фамилий, принадлежащих главным образом тем, чьи славные трудовые подвиги навсегда вошли в историю советского общества, чья трудовая и общественная активность являет собой пример авангардной роли рабочего класса в строительстве коммунизма.

Хотелось бы заметить, что в некоторых случаях авторы не избежали беглости в освещении проблем и в анализе фактического материала. Следовало, на наш взгляд, больше внимания уделить анализу и характеристике отраслевых отрядов рабочего класса по образованию и квалификации. Малоисследованным в этом плане остается процесс распределения выпускников профтехучилищ, их удельный вес в общей численности рабочего класса и в отраслевых его отрядах. В таком серьезном исследовании желательно было бы более конкретно отразить сдвиги в культурном росте рабочих. Представляется, что по-прежнему остро ощущается потребность в исследовании не только количественной, но прежде всего качественной стороны трудовой и общественно-политической активности рабочих.

Оценивая работу в целом, можно сказать, что историография рабочего класса пополнилась серьезным, полезным исследованием.

В. И. Дорофеев

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ О СОВЕТСКОЙ ЭСТОНИИ. Таллин, изд-во «Периодика», 1979, 128 с., тир. 3000 *

Рецензируемая книга, на наш взгляд, заинтересует как историков советского общества, так и социологов, специалистов,

изучающих национальные проблемы, историю становления новой исторической общности — советского народа.

Свою основную цель авторский коллектив видел в исследовании ведущих сфер жизнедеятельности нашего общества — трудовой, семейно-бытовой и культурной,

* Авт: Ю. Арутюнян, В. Вялас, И. Грышаев, Л. Дробижева, Ю. Кахк, Т. Китвель, В. Кондратьев, В. Пароль, Э. Ранник, К. Халлик, Х. Хансен, М. Ярве, Т. Ярве.

в изучении складывающегося на основе общности этих сфер советского образа жизни, характерного для всех народов СССР, и нового социалистического содержания отношений между народами нашей страны. Авторы, помимо анализа объективных тенденций современного социально-экономического, культурного и национального развития, уделяют большое внимание отражению этих процессов в сознании людей.

Среди источников, на анализе которых основана монография, центральное место занимают результаты репрезентативных для Эстонской ССР опросов занятого населения, проведенных в 1966 и 1973 гг. сотрудниками сектора социологии Института истории АН ЭССР под руководством Ю. Ю. Кахка, а также материалы представительного для всей республики опроса населения, осуществленного в 1974 г. сотрудниками сектора социологии Института этнографии АН СССР под руководством Ю. В. Арутюняна совместно с эстонскими учеными. Опрос населения в 1974 г. был частью межреспубликанского этносоциологического исследования, предпринятого по единой программе Институтом этнографии АН СССР в Эстонии, Грузии, Молдавии, Узбекистане, РСФСР, что открыло возможность провести по ряду вопросов межреспубликанские сравнения. Кроме использования результатов социологических опросов авторы книги опираются и на итоги исторических и социологических исследований, выполненных в последние десятилетия учеными Эстонии, многочисленные статистические материалы, итоги переписей населения, данные периодической печати.

В первой главе дается краткая характеристика тех сторон «жизни последних лет буржуазной республики, на которых сосредоточен интерес и в основных главах книги» (с. 14). Но историзм работы не сводится только к этому, а пронизывает все ее содержание — в историческом введении и основной части характеризуются современные процессы, в заключительной главе делается попытка прогноза основных тенденций изучаемых процессов с учетом предшествующего опыта. Для того, чтобы представить развитие изучаемых процессов, в главах, где речь идет о современных проблемах, проводится сравнение итогов

исследований разных лет. Кроме того, как показывают результаты, полученные авторами, в социологическом исследовании возможен и другой прием, позволяющий найти «выход» в историю, — сравнение разных поколений, в формировании многих черт которых отразились доминирующие тенденции «своего времени» (с. 111). Этот прием, широко разработанный в мировой социологии и используемый в последние годы в ряде этносоциологических и этнографических исследований, представляет определенный интерес и для историков. Он, как нам кажется, может быть успешно использован в изучении тех исторических проблем, для которых в значительной мере ограничен круг возможных источников, например, в исследовании особенностей социальной психологии разных классов и социальных групп в те или иные периоды развития нашего общества.

Во второй главе характеризуется современный этап социально-экономического развития Эстонской ССР. Здесь рассказывается об успехах экономического развития республики, особенностях ее урбанизации, анализируются тенденции развития социальной структуры. Интересны выводы о социальной мобильности, сделанные на основе сравнения результатов исследований 1968 и 1973 гг. и позволяющие говорить об относительной стабильности социальной структуры населения республики. Это не означает отсутствие динамических изменений — за пять лет изменили свое социальное положение около пятой части опрошенных. Наиболее стабильными оказались рабочие — лишь 9% перешли в другие социальные группы, в то время, как среди служащих (работников умственного труда без специального образования) перешли в другие социальные группы 30%, а среди колхозников — 36%. Исследования показали, что наиболее интенсивные контакты с представителями других классов и социальных групп (социально-смешанные семьи, наличие друзей из других социальных групп) оказались у рабочего класса. Для рабочих же характерна и наибольшая социальная мобильность.

Большую социальную значимость имеют данные о социально-психологической удовлетворенности трудящихся, их отношении к труду. Они показывают, что у подавляющего большинства работающих

отношение к труду и представления о том, чего они от него ожидают, совпадают у представителей разных классов и социальных групп. Интересна и попытка проследить некоторые взаимосвязи между отношением людей к труду и их активностью в свободное время.

Третья глава посвящена сфере семейной жизни. Семья здесь рассматривается в широком социальном контексте, даются общие демографические и социально-экономические характеристики этой важной ячейки общества, анализируются особенности семьи в республике (относительно низкая средняя ее численность, высокая занятость женщин, значительное сходство городской и сельской семьи и пр.).

В четвертой главе «Сфера культурной жизни» показаны успехи Эстонской ССР в развитии образования, значительное расширение возможностей, в том числе технических, для передачи культурной информации — средств массовой коммуникации, кино, библиотек, театров и т. д., активное приобщение населения к культурным достижениям.

Исследования уровня потребления культуры разными социальными группами показали, что в условиях высокоурбанизированной республики этот уровень не только в целом весьма высок, причем различия между городом и селом в этом отношении невелики. Анализ показал также, что «активное» и «пассивное» отношение к искусству не зависит от принадлежности к тому или иному социальному слою. Наибольшее влияние в этом плане оказывают уровень образования и ряд субъективных факторов, установок и ценностных ориентаций личности. Но, принимая во внимание этот вывод, надо иметь в виду, что он несколько абсолютизирован, так как социальные, в том числе и социально-профессиональные, группы существенно отличаются по активности в освоении культуры в целом и отдельных видов искусства в частности. Об этом говорят и данные, приведенные в книге (см., напр. табл. на с. 64).

Центральное место в книге занимает пятая глава, освещающая сферу межнациональных отношений. Основное внимание при этом уделяется характеристике главных черт новой исторической общности людей — советского народа, отраженных в жизненных установках и настроениях лю-

дей. Показателем благоприятных межнациональных отношений, говорится в книге, служат взаимопонимание и дружба между людьми разных национальностей, особенно ярко проявляющиеся в межнациональных трудовых коллективах, значительному росту смешанных по национальному составу браков, увеличении доли эстонцев, свободно владеющих языком межнационального общения в нашей стране — русским и т. п.

Корреляционный анализ результатов опроса позволил установить позитивное влияние постоянных контактов между представителями разных национальностей (в частности, работа в межнациональных коллективах) на взгляды людей по национальному вопросу. Убедительно показано, что в межнациональных трудовых коллективах у людей формируются единые в принципиальном отношении жизненные планы, ценностные ориентации и стиль жизни. Непосредственное общение представителей разных национальностей в трудовых коллективах повышает значимость двуязычия и ставит перед учеными задачу по выяснению языковой ситуации. Этой проблеме в главе также уделено значительное место — установлено широкое приобщение эстонцев к русскому языку и наряду с этим распространение эстонского языка среди представителей других национальностей. Мотивы, которые, по мнению опрошенных, определяют необходимость овладения вторым языком, сходны у представителей всех национальностей — первым названо желание более полного и близкого общения с товарищами по работе.

Большой социально-политический и научный интерес представляет показываемый в исследовании факт сложившегося единства общих коммунистических принципов мировоззрения и жизненных установок представителей разных национальностей. Практически одинаков у них высокий уровень приобщения к культурным ценностям, сочетающийся с большим интересом к собственной национальной культуре.

Изучение отношения к межэтническим контактам в трудовой сфере и в семье, в дружеском и соседском общении убедительно характеризует социально-психологическую атмосферу дружбы между народами нашей страны, вытеснившую старые традиции и представления.

Выводы об основных тенденциях процесса сближения наций получены в результате анализа данных не только по Эстонской ССР, но и на основе широкого сравнения материалов по ряду союзных республик, представляющих основные регионы страны, — РСФСР, Молдавии, Грузии, Узбекистану. Это сравнение уже по первым результатам анализа материалов, собранных в разных регионах Советского Союза, обнаружилось тенденции прогрессивного социально-культурного развития советских народов, «усиления от поколения к поколению черт сходства в поведении людей разных национальностей при их приобщении к культуре» (с. 121). Вместе с тем исследование еще раз подтвердило зримую преемственность в развитии национальных культур, которые, наряду с быстрой трансформацией социальных основ культуры, сохраняют свое своеобразие. Это, говорится в книге, «способствует взаимному обогащению культур советских наций, расширению общего культурного фонда советского народа» (с. 121).

В нашей литературе все чаще привлекаются (и в целом эффективно) данные социологических исследований. Иногда же данные по одному и тому же району, собранные в разное время, заметно расходятся. Эти расхождения могут быть вызваны реальными изменениями — тогда они должны быть и соответствующим образом интерпретированы. Но могут встречаться расхождения, причины которых кроются в разных системах выборки в каждом из исследований или разных способах опроса

и др. В таких случаях сравнение результатов исследований должно быть очень осторожным. В рецензируемой книге, как нам кажется, встречаются не всегда корректные сравнения. Так, в таблице 22 (с. 91) содержатся материалы опроса 1966 и 1973 гг., свидетельствующие о повышении культурной активности населения республики. В них обращает на себя внимание заметное возрастание доли лиц, занятых самоусовершенствованием (с 27% до 74%) и спортом (с 19% до 48%), которое в книге ничем не объяснено.

Неправомерен, на наш взгляд, вывод авторов о значимости субъективных факторов в процессе приобщения к искусству. В подтверждение этого приводится пример значительного преобладания женщин в числе театральных зрителей, посетителей выставок изобразительного искусства, в то время как у них в среднем меньше свободного времени, чем у мужчин (с. 69). Но ведь в данном случае речь идет о сравнительной активности мужчин и женщин только среди театральной публики и посетителей выставок, а данные о свободном времени относятся ко всем мужчинам и женщинам.

Несмотря на сделанные замечания, принятая авторским коллективом книги попытка поставить ряд важных проблем современного социально-культурного развития советских народов на примере Эстонской ССР оказалась в целом удачной.

Л. Г. Гафт, Е. Д. Игитханян,
С. С. Савоскул

ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА. 1921 — середина 30-х годов *. М., «Мысль», 1979, 343 с., тир. 7500

Рецензируемая монография, являясь продолжением работы, подготовленной тем же авторским коллективом **, отвечает интересам комплексной разработки про-

блем социальной структуры советского общества, изучением которых активно занимаются философы, экономисты и историки. Но, как правило, в центре их внимания находятся вопросы диалектики структуры общества на современном этапе. Вместе с тем глубокий анализ предшествующих периодов становления и развития социальной структуры, социальной политики Коммунистической партии должного освещения в литературе не получил.

В рецензируемой работе творчески использованы достижения предшествующих

* Редколлегия: В. М. Селунская (отв. ред.), В. З. Дробижев, Ю. С. Кукушкин, С. Ф. Найда, М. Е. Найденов, Т. А. Сивохина.

** Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1917—1920. М., 1976. Рецензии на эту книгу см.: «Вопросы истории», 1977, № 4; «История СССР», 1977, № 3.

исследователей в разработке этой темы, а также обобщен значительный документальный материал; на основе некоторых математических методов исследования социальных процессов авторы раскрывают основные направления изменения социальной-классовой структуры в рассматриваемое время.

Достоинством монографии является детальное рассмотрение всех составных элементов структуры переходного общества, определение места, значения и функций каждой из социальных общностей, степени их развитости и зрелости. Динамика изменения социальной структуры рассматривается на фоне социально-демографических перемен, характеризовавшихся усилением в годы реконструкции народного хозяйства миграции населения, стремительным ростом численности и удельного веса городского населения, что дает возможность значительно расширить показ взаимосвязей социально-экономического развития страны и классовой структуры общества.

* * *

Исследование состоит из двух частей. В первой из них характеризуются социальные сдвиги в структуре советского общества в 1921—1929 гг. Вторая часть охватывает период с конца 1929 г. до середины 30-х годов — завершающий этап складывания социалистической структуры советского общества.

В книге убедительно показано, что в переходный период становление социальной структуры общества представляло двуединый процесс: разрушение, ломка сложившейся до революции классовой структуры при ведущей тенденции складывания качественно новых социалистических отношений, новой социальной структуры. Этот процесс протекал под воздействием научно обоснованной социальной политики Коммунистической партии, законодательства Советского государства, всей системы диктатуры пролетариата. И логично, что обе части книги начинаются с характеристики социальной политики партии, с раскрытия роли государства в планомерном регулировании социальных процессов. Вместе с тем хотелось бы увидеть в исследовании более подробный анализ процесса взаимодействия различных факто-

ров, определяющих механизм реализации социальной политики партии.

Социально-классовая структура молодого советского общества отражала переплетение разных социально-экономических укладов в стране. Важным итогом монографии является то, что в ней на конкретном материале раскрывается преодоление классовых антагонизмов, постепенное вытеснение капиталистических элементов в напряженной классовой борьбе. Достаточно полно это показано на примере городской нэпманской буржуазии. Процессы ограничения и вытеснения нэпманской буржуазии, представленной в большинстве своем выходцами из мелкобуржуазных слоев, развернулись одновременно с ее становлением. Нэпманская буржуазия прекратила свое существование (в 1934 г. на ее долю приходилось 0,01% населения страны, — с. 305) прежде всего потому, что для этого не было уже экономических предпосылок и ее деятельность стала тормозом для социалистического строительства.

При рассмотрении динамики сближения классов и социальных групп в годы социалистического строительства центральное место в работе уделено раскрытию объективной закономерности повышения руководящей роли рабочего класса, усиления его воздействия на укрепление социальной однородности советского общества. Анализ изменений в численности, составе, структуре, источниках пополнения рабочего класса в сочетании с характеристикой его качественных преобразований позволил авторам обосновать положение о завершении во второй половине 30-х годов процесса превращения российского пролетариата в социалистический рабочий класс СССР (с. 201).

Среди качественных изменений, свидетельствующих о высокой сплоченности рабочего класса, авторы выделяют ликвидацию частнокапиталистического найма; в годы социалистической индустриализации к минимуму были сведены различия, определявшиеся социальным происхождением рабочих; заметно сократились различия между отдельными профессиональными, территориальными и отраслевыми отрядами рабочего класса. Различия в его структуре, констатируют авторы, все больше определялись факторами профессионально-

квалификационного, культурно-технического характера, производственным стажем. Ускоренными темпами в его составе возрастал слой передовых в культурно-техническом и социально-политическом отношении рабочих. К концу переходного периода рабочий класс пополнялся только за счет классов и социальных слоев, имевших социалистическую природу.

В основном завершилось перевоспитание в социалистическом духе непролетарских пополнений, влившихся в ряды рабочих на предыдущем этапе. Интенсивно развивался процесс интернационализации рабочего класса; во всех национальных регионах выросли его мощные отряды. Произошло выравнивание этих отрядов по уровню социально-экономического и социально-политического развития.

Центральной социальной проблемой переходного периода явились взаимоотношения рабочего класса и крестьянства. В монографии вопросам развития социальной структуры деревни уделено особое место. Подчеркивается, что возникавшие в условиях диктатуры пролетариата новые формы классовой борьбы между рабочим классом и мелкобуржуазными трудящимися массами, носившей неантагонистический характер, не были связаны с насилием и экспроприацией собственности; противоречия разрешались путем постепенного социалистического преобразования экономики, убеждения, перевоспитания, т. е. в форме руководства в отношении непролетарских трудящихся масс, осуществляемого рабочим классом и его партией. Социальное развитие доколхозной деревни, показывают авторы, характеризовалось двумя противоположными процессами: с одной стороны, стихийным классовым расслоением крестьянства, образованием в деревне эксплуататорской верхушки и пролетаризацией крестьянских низов, с другой — сознательно организованным государственной властью «осереднячиванием» посредством помощи бедноте, поддержки середняков и ограничения кулаков.

В исследовании представлена социальная дифференциация сельскохозяйственного населения — батрачество, бедняцко-средняцкие слои, кулачество. Особое значение с научной точки зрения имеет конкретное раскрытие тезиса о том, что с победой революции не только изменилось

количественное соотношение социальных групп крестьянства; главное заключалось в том, что изменились объективные условия функционирования и развития, возможности и перспективы каждого социального слоя. В деревне доколхозного периода «размывание» охватило преимущественно бедняцкие слои крестьянства. Причем большая часть бедноты переходила в ряды среднего крестьянства, часть ее пролетаризировалась.

Середняк был центральной фигурой доколхозной деревни. Среднее крестьянство выступало главным арендатором и нанимателем рабочей силы, основным производителем хлеба. Однако рассмотрение производительной основы середняцкого хозяйства и его социально-экономических отношений с другими слоями показывает, что самостоятельность середняка была весьма иллюзорной. 3/4 типичных середняцких хозяйств не имели необходимого пахотного инвентаря и машин для обработки земли, треть хозяйств вынуждена была продавать свою рабочую силу в поисках источников пополнения сельскохозяйственных доходов (с. 92).

В книге выделены три этапа в становлении колхозного крестьянства как класса социалистического общества. Так, первый охватывает 12 лет, до 1929 г., второй — с конца 1929 по 1932 г. Во второй период незначительная по численности социальная группа крестьян-коллективистов, составлявшая к концу 20-х годов менее 10% в общей крестьянской массе, стала доминирующей в социальной структуре крестьянства — уровень коллективизированных крестьянских хозяйств к концу первой пятилетки достиг 61,5%. Третий этап по времени совпадает со второй пятилеткой. К лету 1937 г. 93% крестьянских хозяйств было связано с социалистическим сектором экономики (с. 228—229). Массовый разрыв крестьянства с частной собственностью привел к консолидации его социальной структуры, к единообразию ее составных элементов, их однородности. Ушла в прошлое классовая дифференциация крестьянства на такие социальные слои, как полупролетарии-бедняки, середняки и зажиточные с элементами предпринимательства. Было положено начало профессиональной специализации крестьянства.

Рассмотренные в совокупности преобразования социальной природы мелких товаропроизводителей деревни и крестьянства национальных районов, не прошедших стадии капитализма, послужили основанием для аргументированного вывода, что с победой колхозного строя в национальных республиках завершилось в основном оформление единого в масштабе всей страны класса колхозного крестьянства. Колхозная деревня на 96—97% была представлена социалистическими классами, слоями и группами рабочих, служащих, колхозного крестьянства, кооперированных кустарей (с. 261—262). Рабочий класс и колхозное крестьянство стали однотипными классами, базирующимися на общественной собственности на средства производства.

Одной из наиболее сложных проблем преобразования социальной структуры в условиях социализма является формирование советской интеллигенции, представленной в первые годы диктатуры пролетариата весьма тонким слоем — не более 0,7% от общего населения страны (по данным городской переписи 1923 г., — с. 151—152). Социальная структура интеллигенции по существу не была предметом специального исследования в советской историографии. Однако авторам во многом удалось успешно решить поставленные задачи и конкретно показать становление и развитие интеллигенции как одной из основных социальных общностей.

Анализируя численность и состав ведущих профессиональных отрядов интеллигенции 20-х годов, авторы отмечают, что по своему социальному облику она в основном была буржуазной и мелкобуржуазной. Но уже в эти годы начался процесс «советизации», социалистического перевоспитания интеллигенции, развернулась огромная работа по радикальному изменению социального контингента высших и средних учебных заведений, широкое распространение получило выдвиженчество, ставшее средством создания нового, рабочего слоя интеллигенции.

Решающие сдвиги, обусловившие создание новой, рабоче-крестьянской, подлинно народной интеллигенции, произошли в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Рабоче-крестьянская молодежь по окончании вузов

ряды интеллигенции (в 1933 г. в вузах рабочая и колхозно-крестьянская прослойка выросла до 69,6%, — с. 273). Одновременно с изменением социального состава, говорится в книге, повышался профессионально-квалификационный уровень интеллигенции. Произошли существенные изменения в численности и составе интеллигенции союзных республик, отразившие общий процесс выравнивания их уровней социально-культурного развития.

Деятельность Советского государства по привлечению на сторону рабочего класса и перевоспитанию старой интеллигенции принесла свои плоды — во многом противоречивый процесс перестройки ее политического мировоззрения завершился полным слиянием с рабоче-крестьянской интеллигенцией.

Понятно, что в исследовании, охватывающем широкий круг проблем, чрезвычайно трудно осветить их с одинаковой полнотой. Во многом это определяется степенью разработки данных проблем в историографии, состоянием источниковой базы. В рецензируемой монографии слабо исследованы такие важные для характеристики социальных общностей производные признаки классов, как условия труда и быта, уровень материального благосостояния. Известно, что сходство или различия в материальном и культурном положении предопределяют общность условий, поведения, ценностных ориентаций, социальные настроения людей и т. д. Совпадение к концу переходного периода коренных материальных и духовных интересов рабочих, колхозников, интеллигенции имело принципиальное значение для формирования социалистического образа жизни, складывания новой исторической общности людей — советского народа.

Наиболее сложной и вместе с тем недостаточно изученной проблемой в плане методологии и методики анализа социальной структуры советского общества является определение на основе классовых характеристик внутрикласовых признаков, а затем и конкретных показателей, которые могут быть качественно и количественно измерены и которые менялись в процессе исторического развития. Эти вопросы не нашли глубокой разработки в настоящем исследовании. Без анализа внутрикласовых различий нельзя показать, как

в условиях переходного периода все более четко проявляла себя тенденция увеличения в составе классов средне- и высоко-развитых социальных групп, определяющих сближение, консолидацию социально-классовой структуры советского общества.

Решение поднятых вопросов предполагает совместные усилия обществоведов. Ре-

цензируемая книга, став в существенной мере итоговой в рамках исследуемого периода, стимулирует дальнейшее изучение и осмысление актуальных вопросов социального прогресса советского общества.

А. А. Твердохлеб

ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ ПАРТИИ И НАРОДА — МАССОВОЕ ОСВОЕНИЕ ЦЕЛИННЫХ И ЗАЛЕЖНЫХ ЗЕМЕЛЬ. Сб. документов и материалов. М., «Наука», 1979, 439 с., тир. 7750

Минуло более 25 лет с тех пор, как была проложена первая борозда на целине. Исторический опыт неопровержимо доказал, насколько мудрым, научно обоснованным был курс КПСС на массовое освоение целины. Земля покорилась самоотверженному труду советского человека, целинная эпопея по праву стала одной из самых ярких, героических страниц в истории советской эпохи, а целинные районы — одной из главных житниц страны.

История освоения целины давно уже стала предметом исторических исследований. Публиковались не только монографии, статьи, воспоминания, но и документальные сборники*. Однако такие сборники охватывали, как правило, либо ограниченные отрезки времени, либо отдельные республики и области. Рецензируемое издание отвечает интересам расширения источниковой базы истории освоения целины. Оно подготовлено Институтом истории СССР АН СССР и Центральным государственным архивом народного хозяйства СССР Главного архивного управления при Совете Министров СССР и содержит 248 документов и материалов, весьма разнооб-

разных по своему происхождению и характеру.

Это — выдержки из решений партийных съездов, постановления и обращения ЦК КПСС и Совета Министров СССР, ЦК Компартии Казахстана; постановления, отчеты, информации краевых, областных, районных партийных комитетов, министерств совхозов и сельского хозяйства, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ и их местных организаций; выступления тружеников целины в печати и на слетах, совещаниях передовиков сельского хозяйства; сводки ЦСУ и др. В сборник включен ряд речей и статей Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева.

В абсолютном большинстве документы, вошедшие в сборник, носят обобщающий характер и, хотя часть из них ранее публиковалась, собранные воедино, помогают создать цельное представление о целинной эпопее. География документов и материалов практически охватывает всю страну — как районы непосредственного освоения целины, так и районы, откуда сотни тысяч тружеников по призыву партии отправились на покорение целины.

Хронологические рамки сборника — от осени 1952 г. до конца 1960 г., разделы — курс партии на дальнейшее развитие сельского хозяйства и массовое освоение целины; всенародное движение за освоение целинных и залежных земель, первые итоги; дальнейшее наступление на целину — соответствуют основным этапам истории массового освоения целины.

Насыщенность сборника историко-пар-

* Письма с целины. М., 1955; Коммунистическая партия Казахстана в борьбе за освоение целинных и залежных земель. Алма-Ата, 1958; Народное движение за освоение целинных земель в Казахстане. М., 1959; Подвиг на целине. Летопись освоения целинных земель Оренбургской области. Оренбург, 1961; В краю просторов и подвигов. Молодежь на целине. М., 1962; Компартия Казахстана на втором этапе освоения целины. Алма-Ата, 1963; Адрес подвига — целина. Документы и материалы. Барнаул, 1974 и др.

тийной документацией позволила отчетливо раскрыть поистине гигантские масштабы организаторской и политической деятельности КПСС, ее Центрального Комитета по освоению целины и показать эту деятельность как неотъемлемую составную часть аграрной политики партии, ее комплексный подход к вовлечению в хозяйственный оборот более 42 млн. га плодородных земель, в том числе 25 млн. га в КазССР, меры по повышению культуры земледелия и урожайности, продуктивности общественного животноводства, постоянную партийную заботу о тружениках сельскохозяйственного производства.

В документах отражена руководящая роль партии в организации освоения целины, в преодолении немалых трудностей, в складывании целинных традиций, продолжавших дело Великого Октября в новых исторических условиях — в условиях создания развитого социализма, развития массового социалистического соревнования. То же можно сказать и об отражении в сборнике авангардной роли коммунистов в борьбе за большой хлеб, их постоянного поиска резервов для увеличения производства зерна.

Вместе с тем, нам кажется, что помещенные в сборнике документы, предшествующие постановлению февральского-мартовского (1954 г.) Пленума ЦК КПСС, недостаточны, чтобы четко выделить момент необходимости перехода к массовому освоению целины, определить степень подготовленности такого перехода. В то же время возможна документальная оценка положения дел в зерновом хозяйстве в этот период. Для этого необходимо обратиться к решениям сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, а также критическим положениям, содержащимся в постановлении VII съезда Компартии Казахстана. При всем том, что освоение целины стало в начале 50-х годов делом назревшим, партии, как известно, пришлось преодолеть немало субъективных трудностей, а переход к освоению целины, особенно в тех масштабах, в которых он осуществлялся, явился, несомненно, поворотным пунктом в аграрной политике КПСС.

Убедительное отражение в сборнике нашел патристический отклик советских людей, в особенности молодежи, на призыв партии к освоению целины. Вошедшие в

издание письма, заявления, выступления трудящихся в печати, на слетах, публикации о проводах и встречах первоцелинников хорошо передают атмосферу событий. Они раскрывают смысл этого массового движения, в котором участвовали молодежь и старшее поколение, рабочие, колхозники и интеллигенция, проявившие высокое сознание своего долга и кровно заинтересованные в росте экономического могущества Родины и благосостояния народа.

Как свидетельствуют документы, только за первые годы целинной эпопеи Москва создала и укомплектовала кадрами 21 совхоз, Украина — 54, Белоруссия — 22, Молдавия, Латвия и Литва — по 4 совхоза. Подчеркнем, что в сборнике хорошо показана забота КПСС и Советского государства о целинниках, их хозяйственном и бытовом устройстве. Это — пособия на выезд и выделение кредита, стройматериалов на обзаведение домом и хозяйственными постройками, различные социальные льготы, продуманная организация снабжения промышленными товарами, медицинского и культурного обслуживания, торговли, общественного питания, создание школ и детских учреждений. Такая забота содействовала не только притоку людей на целину, но и закреплению большей части новоселов.

Интересно раскрыта в документах сборника деятельность комсомола и профсоюзов, направленная на обеспечение целины кадрами, их шефство над новыми целинными совхозами. К сожалению, слабо представлены документы о деятельности Советов.

Документы показывают трудовые будни покорения целинных просторов, процесс их освоения — от первых борозд и первых относительно небольших урожаев до массового строительства новых поселков и ежегодного сбора сотен миллионов пудов зерна, что особенно ощутимо сказалось в годы, когда другие районы страны поразила засуха.

Удачен подбор документов, свидетельствующих о массовости соревнования целинников, их постоянном поиске лучших форм организации труда, использования техники и земельных угодий, их поистине героическом труде в выполнении и перевыполнении своих социалистических обяза-

тельность. Показано, как неуклонно поднималось благосостояние и улучшались бытовые условия жизни целинников, повышался их образовательный и культурный уровень, складывались и сплывались крупные трудовые коллективы. Четко прослеживается по документам ведущая роль советского рабочего класса в покорении целины: речь идет прежде всего о кадрах и о досрочно поставившейся новой технике.

Неполю (из-за ограниченности, а иногда и несопоставимости статистических данных) освещен интереснейший вопрос о формировании постоянных кадров на целине, в том числе значительного отряда интеллигенции.

Документы показывают значимость морального фактора, высокой оценки Родной труда целинников. В работе упоминаются сотни тружеников, и приведенные здесь факты их биографий убеждают, что не только они поднимали целину, но и целина поднимала их. Цифры и факты, содержащиеся в документах, говорят о том, что затраты на освоение целины с лихвой окупались уже в первые годы. И не только в стоимостном выражении полученного государством зерна. Чистота нравственного климата целины полностью отвечала критериям социалистического образа жизни.

Красной нитью через документы сборника проходит мысль об освоении целины, как живом олицетворении дружбы наро-

дов, объединенных в новой исторической общности людей. Это подтверждается самой географией документации. Однако, вероятно, стоило пополнить книгу документами об участии казахов и других народов восточных районов страны, в массовом освоении новых земель, их заинтересованности в вовлечении этих земель в хозяйственный оборот, а также раскрыть влияние целины уже в 50-е годы на процесс интернационализации общественной жизни, на превращение не только Казахстана, но и всего региона в «планету ста языков».

По-видимому, полезно было бы рассказать в сборнике и о преодолении в 50-х годах такой трудности, как эрозия почвы. Несомненно интересные в целом примечания следовало несколько увеличить, шире используя безусловно имевшиеся в распоряжении составителей неопубликованные документы. На с. 408—409 допущен пропуск — нет заголовка и начала нового документа.

Изданный сборник, заслуживающий высокой оценки, завершается сводками ЦСУ и рапортом ветеранов освоения целины XXV съезду КПСС, связывая таким образом целинную эпопею 50-х годов с современностью. Думается, что важное дело расширения источниковой базы истории освоения целины должно быть продолжено.

Г. Ф. Дахшлейгер

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СССР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ. На материалах республик Средней Азии и Казахстана. М., «Наука», 1979, 312 с., тир. 1650*

Рецензируемая книга подготовлена учеными Института истории СССР и Института истории АН УзССР. Во введении дан обстоятельный историографический обзор. Авторы показывают достижения советских

обществоведов в изучении актуальных вопросов, связанных с национальными отношениями, выявляют степень разработанности этой проблемы. В книге рассматриваются экономические основы развития наций, усиление социальной однородности классов, сближение культур, морально-политический и духовный облик социалистических наций. Работа основана на историческом материале, характеризующем социальное развитие народов Средней Азии и Казахстана — региона, отличающегося

* Редколлегия: В. П. Шерстобитов (отв. ред.), Р. Х. Аминова, А. Л. Нарочницкий, М. Асимов, К. Каракеев, Ш. Ташлиев, Б. Тулепбаев, М. Ахунова, К. А. Гафурова. Авт.: З. Х. Арифханова, В. Г. Чеботарева, А. Ю. Ибрагимова, Г. Е. Трапезников, Р. Х. Аминова, Р. Азимова.

сложной структурой как в национальном, так и в экономическом и культурно-бытовом отношениях.

Авторы подчеркивают, что на современном этапе процесс всестороннего расцвета и сближения наций развивается на более высокой ступени зрелости социально-экономических отношений в рамках сложившейся новой исторической общности — советского народа. Это создает широкие возможности для взаимопроникновения национального и интернационального во всех сферах жизни наций и народностей СССР.

Показаны в книге ведущие тенденции социалистической интеграции: рост обобществления производства, его концентрация в промышленности и сельском хозяйстве, производственно-техническое кооперирование, межреспубликанский товарооборот, расширение масштабов интернационализации сырьевых ресурсов, формирование региональных и общесоюзных систем электро-, газо- и водоснабжения. На материалах республик Средней Азии и Казахстана выявлены политические, социально-экономические, научно-технические и идеологические аспекты воздействия интеграции на социальную жизнь народов. Раскрыт процесс совершенствования размещения производительных сил, показано участие республик в общесоюзном разделении труда.

Достоинством монографии является и то, что научно-технический прогресс, обеспечение высокого технического уровня производства рассматриваются под углом зрения национальной политики КПСС, направленной на обеспечение равенства наций в области экономики и культуры. Обстоятельно освещается действие интернационалистических принципов единой технико-экономической политики, обеспечивших ускоренные темпы обновления материально-технической базы республиканских народнохозяйственных комплексов, что содействовало выравниванию уровней республик по степени технической оснащенности, производительности труда и в конечном счете — усилению процессов интернационализации экономики.

В монографии на основе анализа статистического материала показаны главные направления, по которым осуществляется курс КПСС и союзного государства на выравнивание экономических параметров республиканских народнохозяйственных

комплексов; в этом, отмечается в книге, состоит важнейшая материальная и идеологическая предпосылка интернационализации общественно-политической жизни страны в перспективе.

Одним из главных факторов, способствующих укреплению дружественных отношений между нациями и народностями СССР, является усиление социальной однородности советского общества. Этот процесс рассматривается в книге на основе сравнительного анализа переписей населения. Справедливо подчеркивается, что на сближение наций оказывают воздействие урбанизация, процесс стирания существенных различий между городом и деревней, а также численный рост национальных отрядов рабочего класса. Освещение последнего аспекта в монографии представляется весьма интересным.

Определенное внимание авторы уделяют вопросам культурного развития и сближения наций, раскрывая их на основе анализа достижений в области народного образования, литературы, различных видов искусства; в работе дается представление о научном потенциале республик, вкладе ученых в решение народнохозяйственных проблем регионального и общесоюзного значения. На страницах книги говорится о том, какие черты присущи духовному облику советских народов на этапе развитого социализма, о принадлежности к новой исторической общности — советскому народу — всех наций и народностей СССР. Большое место уделяется в работе показу деятельности КПСС по интернациональному воспитанию трудящихся.

Читатель узнает о влиянии процесса интернационализации на изменения в сфере быта. Новые обряды и традиции оцениваются авторами как одно из главных проявлений интернационализации общественно-политической жизни в нашей стране. Заметим, что можно было бы конкретнее осветить рост культуры быта на селе в плане сближения деревни с городом.

В работе предпринята попытка в комплексе рассмотреть решающее влияние процессов интернационализации на экономику и культуру, на общественно-политическую жизнь национальных и этнографических групп. Используя широкий круг источников и литературы по этнографии, авторы раскрывают важнейшие аспекты социаль-

ной жизни малых этнических общностей; подробно анализируют основные этнические процессы, происходящие в среде малых народов Средней Азии и Казахстана, влияние политики пролетарского, социалистического интернационализма на их этническое и культурное развитие.

Заслуживает внимания стремление исследователей внести свой вклад в изучение дискуссионных вопросов, связанных с теорией малых этносов. Например, в книге скрупулезно собран и обобщен большой фактический материал, свидетельствующий о расцвете экономической и культурной жизни национальных и этнографических групп при социализме.

Хорошо показав в целом процесс интернационализации в общественной, социальной и экономической жизни, авторы уделили недостаточно внимания освещению интернационализации в культуре. Между тем в этой области он происходит не менее интенсивно, а порой проявляется даже более зримо, чем в какой-либо другой сфере жизни. Слабо отражена деятельность партии и правительства, связанная с языковым строительством. Для читателя представило бы интерес и освещение вопроса о роли не только русского, но и языков коренных социалистических наций Средней Азии и Казахстана в интернационализации общественной жизни, в сближении наций.

Характеризуя интеграционные процессы в экономике, авторы не сочли необходимым указать на противодействующие ин-

тернационализации тенденции — различные формы местничества. Отрицательная роль еще существующих местнических тенденций сказывается в развитии общесоюзной экономики.

К сожалению, в труде почти не получила отражения проблема взаимовлияния и взаимообогащения национальных культур. Авторы ограничились констатацией факта расцвета национальных культур, суть же процесса интернационализации в литературе и искусстве осталась нераскрытой. В этой связи следует отметить, что в советской историографии еще слабо исследованы вопросы национальной ограниченности, рецидивов буржуазного национализма в области духовной жизни народов и наций. Попытки представить национальную архаику средоточием национальной жизни, случаи прямого извращения истории культуры ради порочной идеи обособленности национальной культуры — все эти и подобные им факты по существу еще не были подвергнуты глубокому анализу в специальных исторических исследованиях с позиций марксистско-ленинской диалектики.

В заключение подчеркнем, что монография вносит заметный вклад в разработку проблемы национальных отношений в СССР, отвечает интересам воспитания трудящихся в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма.

К. Е. Житов

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНАХ РОССИИ. АНАЛИЗ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Кишинев, «Штиинца», 1979, 231 с., тир. 1060

Рецензируемый сборник статей основан на материалах Всесоюзной научной конференции в Кишиневе, состоявшейся в сентябре 1977 г.

Первый заместитель Председателя Совета Министров Молдавской ССР Г. И. Еремей на страницах книги убедительно охарактеризовал значение Великого Октября в исторической судьбе молдавского народа.

О значении изучения борьбы за власть Советов в национальных районах России

идет речь в статье акад. И. И. Минца «Великий Октябрь и победа Советской власти на местах». Автор раскрывает один из важнейших методологических принципов анализа сложного и многообразного процесса установления Советской власти по всей стране — соотношение общего и особенного. «При исследовании истории установления Советской власти на местах — пишет он, — вопрос заключается не в том, были ли те или иные конкретные области или национальные районы готовы к проле-

тарской революции, а в том, как проходила общая для всех революция в отдельных районах, какие местные особенности обусловили здесь ее специфику, какие изменения необходимо было внести в общую тактику партии, чтобы успешно завершить революцию» (с. 10).

В статье В. П. Наумова анализируется советская историография установления Советской власти в национальных районах России. Основными чертами современной исторической литературы по проблеме, говорится в статье, являются «все более глубокое освоение ленинского теоретического наследия, высокий научный уровень исследования общих закономерностей социалистической революции, повышенное внимание к проблемам социально-экономических и политических предпосылок Октября, обстоятельное изучение соотношения и расстановки классовых сил в революции, проблем союза рабочего класса и крестьянства, деятельности Коммунистической партии» (с. 22).

Отмечается вклад в изучение проблемы историков не только союзных республик, но и национальных районов Поволжья, Приуралья, Сибири, Дальнего Востока. Справедливо указывается, что далеко не все исследователи ставят перед собой задачу выявления общих закономерностей и особенностей процесса установления Советской власти в национальных районах.

Научные издания по истории Великого Октября в Латвии начиная с первого сборника статей, вышедшего в 1918 г., и до наших дней анализирует А. К. Бирон. Автор показывает развитие различных видов исторической литературы, их значение и основную проблематику, вскрывает причины тех или иных недостатков. При этом использован большой конкретно-исторический материал, что позволило убедительно аргументировать те или иные положения. К. С. Худавердян и Л. А. Хуршудян проследили развитие взглядов армянских ученых по проблеме, выделив неисследованные или малоизученные вопросы. В статье Н. И. Стура содержатся обобщенные данные об издании в Грузии научных трудов по истории установления Советской власти в крае, интересные факты о начальном периоде разработки проблемы грузинскими советскими историками.

В сборнике помещено несколько статей молдавских ученых (С. Я. Афтенюка, Я. М. Копанского, А. Т. Романа, А. С. Есауленко), в которых содержатся разработки в историографическом плане конкретных вопросов истории социалистической революции. Что же касается обзоров, то приходится заметить, что не всем авторам удалось избежать абстрактного аннотирования вышедших исторических трудов.

В сборнике анализируется буржуазная историография проблемы. А. В. Игнатьев и Г. З. Иоффе, говоря о повышении интереса англо-американских буржуазных исследователей к так называемой «национальной проблематике», показывают причины этого явления и дают обстоятельную критику концепций современных советологов по вопросам установления Советской власти в национальных районах страны. Актуальны написанные на большом фактическом материале статьи Ю. М. Гамрецкого («Некоторые вопросы истории Великого Октября в кривом зеркале украинских буржуазно-националистических фальсификаторов»), А. С. Есауленко («Критика буржуазных фальсификаторов истории социалистической революции в Молдавии»).

Е. Н. Городецкий делится результатами своих исследований переписки Секретариата ЦК РСДРП(б) за март—октябрь 1917 г. как источника по истории Октябрьской революции в национальных районах. Автор отмечает, что переписка наряду с огромным фактическим материалом содержит неопценную информацию «для характеристики понимания фактов и событий их современниками, прежде всего активом партии, а также рядовыми участниками революционной борьбы» (с. 37).

Читатель получает представление о том, каков должен быть подход к источнику и как результаты его изучения могут быть использованы в исторических трудах.

Опубликованные в сборнике статьи ученых из многих республик дают возможность сравнить состояние изучения проблемы в крупных национальных районах, его оценки исследователями на местах.

Выпущенный сборник — издание не только нужное специалистам, но и интересное для широкого круга читателей.

М. А. Молодцыгин

А. С. Смирнов. Крестьянские съезды в 1917 году. М., «Мысль», 1979, 244 с., тир. 4000

Советские историки, обобщая опыт Октябрьской революции, раскрывая ее международное значение, все интенсивнее изучают различные стороны аграрно-крестьянского вопроса. Важным и вместе с тем еще недостаточно изученным аспектом проблемы классовой борьбы в деревне является история крестьянских организаций. О крестьянских съездах, проходивших накануне Октября, написано мало. Деятельность их чаще всего лишь затрагивается в связи с историей аграрного движения. Рецензируемая книга — первое монографическое исследование местных, главным образом губернских крестьянских съездов.

Автором и ранее публиковались работы на эту тему¹. Они составили основу настоящего издания, но в нем расширены географические и хронологические рамки изучения. Заново представлены Прибалтика и ряд губерний Украины, Урал и Сибирь. В заключительной главе автор впервые стремится показать использование большевиками в ноябре 1917 — марте 1918 г. крестьянских съездов для организационного закрепления своего идейного влияния в деревне.

Книга включает в себя фактический материал по большинству районов России. Главное внимание в ней уделено крестьянским съездам периода двоевластия. При этом преимущественно рассматриваются решения по земельному вопросу: в какой мере тот или иной съезд способствовал (или не способствовал) развитию аграрного движения. На основе анализа материалов крестьянских съездов 45 губерний Европейской России и Сибири делается вывод о том, что местные съезды в своем большинстве выносили решения по земельному вопросу, служившие низовым комитетам основанием для организованного захвата части или даже всей помещичьей земли, сельскохозяйственных орудий и ра-

бочего скота крупных землевладельцев (с. 109).

Критерием оценки решений съездов, полагает А. С. Смирнов, «должны служить те объективные результаты, к которым приводили эти решения и действия. Если они способствовали развитию крестьянской борьбы за землю ...то такие решения и действия заслуживают, безусловно, положительной оценки. Независимо от того, кто их принимал и какими целями при этом руководствовался, они объективно способствовали тому направлению развития революции, за которое боролась партия большевиков» (с. 9—10). Иначе говоря, революционную значимость решений съездов надо определять не по их конкретному содержанию и целевому назначению, а по тому, как они воспринимались крестьянами и использовались ими при решении земельного вопроса. Если следовать выдвинутому А. С. Смирновым критерию, то можно считать, что закон Временного правительства от 11 апреля «Об охране посевов», направленный на защиту помещиков, имел положительное значение для развития аграрного движения. Дело в том, что пункт 5 этого закона допускал переход незасеянных помещичьих земель в распоряжение местных продовольственных комитетов, которые могли передавать их в аренду по справедливой цене местным земледельцам. Он расширительно толковался крестьянами, на основании его низовые комитеты захватывали как незасеянные, так и обрабатываемые земли частных владельцев.

Руководствуясь таким критерием, автор, как нам представляется, переоценивает положительную роль ряда губернских съездов в развитии крестьянской борьбы за землю в весенние месяцы.

Специальная глава книги посвящена крестьянским съездам в июле—октябре 1917 г. Изучение материалов губернских и ряда уездных съездов 29 губерний и деятельности их исполнительных органов в сентябре—октябре 1917 г. позволило А. С. Смирнову конкретно проследить процесс полевения крестьянских организаций после разгрома корниловщины. Оно про-

¹ Смирнов А. С. Крестьянские съезды Пензенской губернии в 1917 году. — «История СССР», 1967, № 3; его же. Большевики и крестьянские съезды в период двоевластия. — «Вопросы истории КПСС», 1970, № 10; его же. Большевики и крестьянство в Октябрьской революции. М., 1976 (гл. IV).

явилось в постановлениях многих съездов о немедленной передаче помещичьих имений и всей земли в ведение земельных комитетов.

Крестьянские съезды этого периода представляют интерес не только как составная часть аграрного движения, но и как показатель роста политической сознательности крестьянских масс. В книге приводятся многие решения крестьянских съездов и Советов о власти, отражавшие поворот трудящихся масс деревни в сторону поддержки политической платформы большевиков. Если в июле и августе в условиях разгула реакции на большинстве крестьянских съездов правые эсеры протаскивали резолюции о доверии Временному правительству, проводившему политику соглашательства с буржуазией, то осенью решения многих съездов включали требования разрыва коалиции с буржуазией. А выступать против коалиции, указывал В. И. Ленин, «значит на деле идти за большевиками»².

Показателем усиления влияния большевиков на массы, подчеркивает автор и с ним можно согласиться, — было возрастание роли левых эсеров в крестьянских организациях, которые осенью 1917 г. постепенно вытесняли правых эсеров в крестьянских Советах.

В работе говорится о несостоятельности «выводов некоторых авторов о том, что решения съездов о захвате лишь части помещичьей собственности ... являлись «половинчатыми», «соглашательскими», что они якобы не удовлетворяли трудящихся крестьян, не нарушали основ помещичьего землевладения» (с. 111). К числу этих авторов причисляется, в частности, Т. В. Осипова, которая оценивает «крестьянские съезды преимущественно с отрицательной стороны» (с. 5). Однако при внимательном чтении ее монографии, которую имеет в виду А. С. Смирнов, такая односторонняя оценка местных съездов не прослеживается. Более того, точки зрения обоих авторов нередко совпадают или очень близки. Так, Т. В. Осипова отмечает большое организующее и политическое значение первых крестьянских съездов³. О ре-

шениях губернских и уездных съездов Поволжья, Пензенской, Рязанской, Нижегородской губерний она пишет, что они «давали низовым крестьянским комитетам достаточное основание для немедленного ограничения частного землевладения». Большинство съездов в рассматриваемый период «приняло компромиссные решения»⁴.

Кстати, аналогичный вывод делает и А. С. Смирнов в другой своей книге: «Решения о частичном захвате земель и другого имущества помещиков, с большей или меньшей степенью радикальности, принимало большинство крестьянских съездов, что являлось компромиссом местных эсеров с крестьянством, требовавшим немедленного перехода всех помещичьих и прочих некрестьянских земель в распоряжение волостных комитетов»⁵. Уточним при этом, что в решениях, как правило, шла речь не о захвате, а об использовании крестьянами незаезженной, пустующей помещичьей земли на арендных условиях.

Допускает А. С. Смирнов неточность в оценке позиции и автора настоящей рецензии. Сказанное нами о съездах, проходивших в марте—апреле, трактуется им как общая отрицательная оценка всех крестьянских съездов (с. 5). Между тем о состоявшихся в мае—июне съездах говорится: «Большую организующую роль в аграрном движении и в развитии революционной инициативы земельных комитетов сыграли крестьянские съезды на местах, проходившие почти одновременно с I Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов»⁶.

В заключение следует сказать, что в целом рецензируемая книга — удачное начало систематического изучения истории крестьянских съездов в 1917 г. Исследовательская работа в этом направлении заслуживает продолжения.

В. И. Кострикин

² Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 400.

³ Осипова Т. В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Октябрьской революции. М., 1974, с. 76.

⁴ См. там же, с. 82, 89.

⁵ Смирнов А. С. Большевики и крестьянство в Октябрьской революции, с. 136.

⁶ Кострикин В. И. Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975, с. 161.

Г. Л. СОБОЛЕВ. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. 1917—1970-е годы. Л., «Наука», 1979, 248 с. тир. 2100

Нет, пожалуй, ни одного события истории СССР, которому буржуазные исследователи уделили бы столько внимания, как Октябрьской революции. Их концепции Октября послужили предметом критического разбора во многих работах советских историков. Литература по данной теме, написанная с немарксистских позиций, продолжает выходить и поныне. И сами западные авторы, стоящие на таких позициях, выражали уверенность, что интерес и даже «страсть» к изучению Октябрьской революции сохраняется в будущем у «различных школ историков»¹.

Отметим, что применительно к вышедшей на Западе литературе, которая уже была проанализирована советскими учеными, есть аспекты, освещенные недостаточно полно; это доказывает Г. Л. Соболев.

Советские историки обращали первостепенное внимание (и правомерно) на показ научной несостоятельности буржуазных концепций первой в мире социалистической революции. При этом анализировались различные направления внутри буржуазной историографии, вскрывалась их идейная связь с теоретическим багажом русских буржуазных и мелкобуржуазных партий, ревизионистов и оппортунистов всех мастей. Гораздо меньше места отводилось тому, как возникли и развивались эти концепции и направления на протяжении всех послеоктябрьских лет, какой исторический фон, идейно-политический климат сопутствовал этим процессам и влиял на них в крупнейших капиталистических странах. В рецензируемой же книге этот ракурс является превалирующим. Пять ее глав посвящены особенностям складывания и развития американской историографии Октября соответственно в 1917—1920, 20—30-е, 30-е — середину 40-х годов, в так называемый период «холодной войны» и в последние два десятилетия. В работе ставится цель дать характеристику этих основных этапов развития американской историографии Октябрьской революции в

тесной связи с общественно-политической борьбой, проходившей в США вокруг оценки социалистического общества. При этом — что является несомненным достоинством книги — в ней рассматривается не только буржуазная, но и марксистская литература США.

Автор исходит из того, что принципиально отличающееся, противоположное отношение к социалистической революции со стороны господствующих и эксплуатируемых классов американского общества сразу же резко обозначило противоборство пролетарской и буржуазных концепций Октября, продолжающееся и поныне. Как пишет цитируемый автором профессор Йельского университета Д. Дэвис, «1917—1921 гг., вероятно, не имеют себе равных в американской истории с точки зрения массовой истерии, ксенофобии и параноидального подозрения» (с. 16). Вместе с тем уже в те годы по другую сторону Атлантики неуклонно пробивала себе дорогу правда об Октябрьской революции — ее несли американским трудящимся такие талантливые публицисты и искренние друзья Советской России, как Д. Рид, А. Р. Вильямс, Л. Стеффенс, Л. Брайант, Б. Битти и многие другие. Именно их усилиями закладывался фундамент американской прогрессивной историографии Великого Октября, именно тогда отношение лучших представителей передовой Америки к Стране Советов стало мощной силой, противостоящей политике интервенции и блокады. Рассказывая о развитии марксистской историографии Октябрьской революции, автор уделяет его начальному этапу (1917—1920 гг.) наибольшее внимание. Отмечая, что даже в наиболее крупных и ярких трудах представителей блестящей плеяды революционных публицистов тех лет (бессмертных «Десяти дней, которые потрясли мир» Джона Рида, «Русской революции» Уильяма Фостера) содержались фактические неточности и неверные представления, обусловленные понятной нехваткой данных и времени для осмысления текущих событий, Г. Л. Соболев подчеркивает, что они проводили мысль о неизбежности победы большевиков.

¹ Deutscher I. Heretics and Renegades and Other Essays. L., 1969, pp. 109—110.

В книге показано, что динамика, изменения были присущи не только американской историографии Октября в целом, но и взглядам отдельных ее представителей. Так, журналистка Бесси Битти, автор книги «Красное сердце России», первоначально симпатизировала Временному правительству, пришедшему на смену самодержавию, и лишь по ходу событий 1917 г. поняла, что действительными выразителями воли народа были Советы и партия большевиков (с. 66). Буржуазный профессор С. Харпер, сразу после Октябрьской революции расценивавший ее как результат «заговора» большевиков, якобы материально поддержанных кайзеровской Германией (в качестве официального эксперта он объявил подложные «документы Сиссона» подлинными), в конце 1930-х годов пришел к признанию участия масс в свержении Временного правительства (с. 34—35, 124). Были и примеры обратного порядка. Так, У. Г. Чемберлин, один из патриархов американской буржуазной советологии, в течение двенадцати лет работавший корреспондентом газеты «Кристен сайенс монитор» в Москве, в 20-е годы относился к СССР и Октябрьской революции менее предвзято, чем в 30-е (с. 122—123).

Разумеется, буржуазная историография — это отнюдь не всегда хаотически меняющиеся концепции и воззрения. В оценке событий 1917 г. ее постоянным идейно-политическим стержнем на протяжении всего послеоктябрьского периода были антикоммунизм и антисоветизм. Однако действительность последовательно опровергала наиболее примитивные антикоммунистические схемы, и это вело к модификации взглядов тех, кто их исповедовал. В косности и консерватизме американской советологии существенно сказалось (и до известной степени сказывается до сих пор) влияние эмигрантского направления. Подробно разбирая концепции таких наиболее крупных его представителей, как Карпович, Вернадский, Страховский, Мазур, Флоринский (с. 125—130, 148—150), автор верно отмечает, что в целом это направление сохраняло свои основные черты неизменными. Но и среди эмигрантских исследователей старшего поколения (не говоря уже о втором и третьем) встречаются такие, которые вынуждены отказываться

от старых представлений о «случайности» и «пагубности» Октябрьской революции. В качестве примера в книге приводится П. Сорокин, один из апологетов пресловутой теории конвергенции (с. 216).

Среди новых тенденций современной буржуазной историографии Октября, проявляющихся робко и весьма ограниченно, — включение в фокус исследования народных масс, их интересов и требований, их роли в революции. Эти тенденции заметны, в частности, в книге профессора университета штата Индиана А. Рабиновича, пришедшего к удивительному для буржуазной историографии выводу о ответственности политики большевиков в 1917 г. интересам трудящихся². Вместе с тем Рабинович проводит мысль, что сама большевистская партия не была единой и низовые ее звенья мало в чем расходились во взглядах с меньшевиками. Подробно рассмотрев концепцию Рабиновича, Г. Л. Соболев правильно, на наш взгляд, указывает, что, заняв в ряде вопросов позиции буржуазного объективизма, Рабинович постарался их сбалансировать откровенно антимарксистскими трактовками других вопросов (с. 227).

Интересно замечание автора о смещении внимания буржуазных историков в последнее время от непосредственно событий 1917 г. к предреволюционному и послереволюционному (1918—1920 гг.) периодам (с. 240). К сожалению, оно не подкреплено конкретными наблюдениями. На наш взгляд, скорее имеет место не смещение, а совмещение внимания западных советологов к Октябрю с ростом интереса к его непосредственным результатам. Об этом свидетельствуют некоторые работы, вышедшие в последние годы в буржуазных издательствах³.

² Rabinowitch A. The Bolsheviks Come to Power. The Revolution of 1917 in Petrograd. N. Y., 1976.

³ The Debate on Soviet Power: Minutes of the All-Russian Central Executive Committee of Soviets, 2nd Convocation, October 1917—January 1918. Ed. by J. Keep., 1979; Gill G. Peasants and Government in the Russian Revolution. L.—Basingstoke, 1979; Radkey O. H. The Unknown Civil War in Russia. A Study of the Green Movement in the Tambov Region 1920—1921. Stanford, 1976; Rigby T. H. Lenin's Government: Sovnarkom 1917—1922. L., 1979.

Можно сожалеть и о том, что в пяти главах работы оказались недостаточно полными разделы, посвященные марксистской, прогрессивной историографии Октябрьской революции. Конечно, существуют и объективные причины этого. Немалая часть монографической литературы ранних периодов носила характер свидетельств очевидцев. Но все же на страницах марксистской периодической печати (например, журнала «Нью уорлд ревью»), в работах прогрессивных авторов, посвященных СССР в целом, за последние три десятилетия можно найти немало оценок событий 1917 г. Если уж в рецензируемом труде читателю сообщается, скажем, о «Путеводителе по Советскому Союзу», написанном У. Манделем в 1946 г., то следовало упомянуть и о книге того же автора

«Вновь изученная Россия. Страна, народ, образ жизни», изданной в 1965 г. Подобные пропуски, вероятно, были бы несущественными в исследовании только современной буржуазной американской литературы об Октябре, но ведь рецензируемый труд посвящен и буржуазной, и прогрессивной историографии данной проблемы в развитии.

Укажем в заключение, что тем, кто захочет ознакомиться с картиной становления и развития представлений об Октябрьской революции, рождавшихся в лоне как марксистской, так и буржуазной общественной мысли США с 1917 г. до конца 70-х годов, безусловно, следует рекомендовать рецензируемую работу как на сегодня наиболее полную.

Ю. И. Игрицкий

М. Я. ВОЛКОВ. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРОМЫСЛОВ РОССИИ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVIII в. ВИНОКУРЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО. М., «Наука», 1979, 335 с., тир. 1800

Рецензируемая книга является первым в отечественной историографии обстоятельным исследованием истории винокуренной промышленности позднефеодальной России — отрасли, сыгравшей важную роль в социально-экономическом развитии страны XVII—XVIII вв. Ее появление во многом связано с результатами изучения темы в советской историографии в 50—60-х годах, когда было установлено наличие в России XVII—XVIII вв. множества винокуренных заведений, поставлявших товарную продукцию, выявлена прямая причастность казны, кучества, помещиков и Дворцового ведомства к винокурению, а также высказаны первые суждения о характере развития этой отрасли¹. Тогда же стало

очевидным, что без монографических исследований винокуренного производства нельзя найти точной оценки характера развития промышленности страны в новый период русской истории.

В монографии М. Я. Волкова изучены развитие винокуренной промышленности Европейской России в период между кабацкой реформой 1652 г. и введением монополии дворянства на винокурение в 1754 г., а также социально-экономическая структура отрасли (формы организации производства в винокурении и социальная его природа). Для решения этих задач автор привлек широкий круг статистических и других источников: ведомости Камер-коллегии и Сената 1735—1739 гг., 1742 г., 1753—1756 гг., описания заводов, материалы ревизского учета, писцовые и переписные книги XVII — начала XVIII в., отчетные документы кружечных дворов, догово-

¹ Преображенский А. А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М., 1956; Дмитриев В. Д. История Чувашии (до Крестьянской войны 1773—1775 годов). Чебоксары, 1959; Бакланова Н. А. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в. М., 1959; Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всерос-

сийского рынка (XVII в.). М., 1960; Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М., 1964; Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966.

ры о подрядах вина; значительная часть названных источников впервые вводится в научный оборот. На этой основе автор сумел нарисовать обстоятельную картину развития винокурения как отрасли промышленности, для которой было характерно сочетание различных форм организации производства (в том числе мануфактурной) и качественно различных производственных отношений. Ценными являются также его наблюдения о влиянии винокурения, потреблявшего зерно, на товаризацию зернового производства в стране и на рост барщинного хозяйства в вотчинах с винокуреными предприятиями.

Во введении автором теоретически обоснованы научная актуальность избранной темы и представлены общие итоги изучения истории развития русской промышленности и, в частности, винокурения. Для уяснения сущности проблемы большое значение имеет выявление факторов развития и структуры винокуренной промышленности в исследуемый хронологический период, предпринятое в первой главе книги. В соответствии с ленинским определением нового периода русской истории М. Я. Волков показал, как и в каких условиях винокуренное производство приобретало товарный характер. Пожалуй, впервые в нашей историко-экономической литературе четко показаны условия, определившие развитие различных категорий винокуренных заведений этого периода: «домовых» винокурен дворян и помещиков, казенных винокуренных предприятий, производивших вино на подряд, и заводов, принадлежащих купцам, казне, Дворцовому ведомству и помещикам. Приведенные в работе М. Я. Волкова данные о росте подрядного винокурения (при сокращении производства в казенных винокурнях, тесно связанных с кабаком и сохранявших средневековые черты) позволяют судить о широких масштабах включения в хозяйственное предпринимательство верхушки посада, а со второй четверти XVIII в. — помещиков и Дворцового ведомства. Автор установил, что до 20-х годов XVIII в. большую часть вина по государственным подрядам производили на купеческих заводах, а во второй четверти XVIII в. по темпам роста вперед выходит уже помещичьедворянское винокурение: к 1753 г. помещичьи винокуренные заведения (278 еди-

ниц) составляли уже 46,8% предприятий отрасли.

Важное значение имеет наблюдение М. Я. Волкова о наступлении в середине XVIII в. производственного кризиса в винокуренной промышленности. Он показал, что в начале 50-х годов XVIII в. потенциальные мощности отрасли в 1,5 раза превысили возможности реализации продукции, что привело к серьезной недогрузке винокуренных заводов. Это наблюдение расширило наши представления о причинах реформы 1754—1755 гг., установившей монополию дворянства на винокурение.

Во второй — шестой главах на большом фактическом материале изучены технико-экономические и социальные показатели, характеризующие «домовое», казенное, купеческое, дворцово-помещичье винокурение. Анализ базируется на доскональном знании автором специфики винокуренного производства, его технологии, характера использования рабочей силы. М. Я. Волкову удалось показать, что «домовое» винокурение дворян, чиновников представляло собой «домашнюю промышленность», а «домовое» помещичье винокурение, потреблявшее вотчинный хлеб, способствовало закреплению барщинных отношений в деревне. В казенном винокурении, как определил автор, к середине XVIII в. произошло заметное укрупнение производства, наметилось устойчивое разделение труда, и оно постепенно приобретало мануфактурный облик. Убедителен подкрепленный фактами вывод об отнесении «низовых» казенных винокурен, возникших в 1705—1715 гг., к крупному производству, в котором все большую роль играл вольнонаемный труд (до 90% на основных технологических операциях). Такое положение, заключает автор, вело к «возникновению отношений капиталистического характера» (с. 209). Вместе с тем М. Я. Волков вполне обоснованно корректирует это наблюдение указанием на участие в производстве значительного штата крепостного обслуживающего персонала и высокую себестоимость продукции — свидетельство наличия переходной эпохи в формировании заведений мануфактурного типа с производственными отношениями «смешанного характера» (с. 213).

Наибольший интерес представляет пятая глава, посвященная купеческим винокурен-

ным заводам. М. Я. Волков полемизирует с В. Д. Дмитриевым, утверждавшим, что купеческие предприятия были примером «крепостнических отношений». Данные по 34 предприятиям, анализируемые в книге, убеждают читателя в явном преобладании отношений вольного найма. Приводимый в монографии материал о становлении крупного купеческого винокурения говорит о поступательном развитии русского мануфактурного производства со второй половины XVII в. М. Я. Волков показал причины территориального перемещения купеческих заводов из городов в сельскую местность, ход этого процесса, установил мощность заводов и стоимость производственных построек, выявил тенденции к укрупнению производства.

В развитии во второй четверти XVIII в. дворцового и помещичьего винокурения за счет предприятий, созданных в вотчинах, и в росте использования сырьевых и людских ресурсов последних для производства вина государственным подрядом автор видит проявление процесса становления крупной вотчинной промышленности, тесно связанной с рынком (гл. 6). Эти предприятия он в целом оценивает как крепостнические, но в то же время отмечает, что характер отношений, сложившихся на дворцовых и помещичьих заводах, имел ряд таких специфических черт, которые старые отношения приобретают лишь «в период перехода от феодализма к капитализму» (с. 290).

В целом исследование М. Я. Волкова принадлежит к несомненным достижениям советской исторической науки. Оно вносит много нового в изучение нерешенных вопросов генезиса капиталистических отношений в России. Обширная документальная база монографии, ее анализ подтверждают мнение о поступательном развитии новых отношений в промышленности XVII—XVIII вв.

Положительно оценивая рецензируемую монографию, нельзя не высказать и некоторых замечаний. Думается, что работа существенно выиграла бы, если бы ее автор не устранился от выяснения вопроса о прибыли, получаемой виноподрядчиками при поставках произведенной продукции для реализации через казенную торговлю. Имеющиеся в исторической литературе сведения позволяют считать, что размеры

и нормы доходов винопромышленников были высоки и устойчивы и, как утверждает Н. И. Павленко, капиталы, вкладывавшиеся в металлургическое производство России в первой половине XVIII в., отчасти создавались в сфере винокурения².

К сожалению, автор не уделил должного внимания систематизации законодательного материала по истории винокурения. Он достаточно полно рассмотрел законодательные меры правительства второй половины XVII — начала XVIII в., затрагивавшие производство и сбыт вина, однако не проанализировал правительственный курс по отношению к изучаемой отрасли за всю первую половину XVIII в., хотя в тексте книги и встречаются упоминания об отдельных шагах правительства. Желательно было также полнее использовать некоторые источники, особенно таможенные и крепостные книги.

М. Я. Волков бесспорно избрал правильный путь анализа винокуренного производства, учитывая, с одной стороны, сословную принадлежность владельцев предприятий, и с другой — тип самих предприятий («домовое», помещичье, купеческое, Дворцового ведомства). Однако целесообразно было бы включение в монографию сводного очерка о территориальном размещении винокуренного производства по экономико-географическим районам страны. Для воссоздания такой картины читатель в какой-то мере может использовать составленный автором погубернский список винокуренных заводов, существовавших в 1719—1725 гг. (приложение № 2), но и в нем основным критерием группировки избрана сословная принадлежность производства. В этой связи приходится лишь сожалеть об отсутствии в монографии карты размещения предприятий изучаемой отрасли.

Высказанные замечания и пожелания не умаляют значения проведенного исследования. Рецензируемая книга, на наш взгляд, открывает новые возможности в дальнейшем изучении социально-экономической истории нашей страны.

А. И. Комиссаренко

² См. Павленко Н. И. О происхождении капиталов, вложенных в металлургию России XVIII в.— «Исторические записки», 1958, т. 62.

А. Н. ДЬЯЧКОВ, В. В. УЗДЕНИКОВ. МОНЕТЫ РОССИИ И СССР. ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ, М., «Советская Россия», 1978, 651 с., тир. 5000

На протяжении нескольких десятилетий единственными пособиями для желающих получить подробные сведения о монетах оставались так называемые «Практические руководства для собирателей монет», выпущенные в 1904, 1910, 1916 и 1918 гг. С 1888 по 1914 г. осуществлялся выпуск многотомного, отлично иллюстрированного издания о монетах 1700—1881 гг. Все выпуски этого издания давно уже стали библиографической редкостью.

В рецензируемом справочнике-определителе «Монеты России и СССР» под общей редакцией чл.-кор. АН СССР В. Л. Янина и А. Н. Дьячкова представлены разновидности монет отечественной чеканки от 1700 г. до нашего времени — около 4780 дореволюционных и 450 советских; кроме того, приведено описание некоторых иностранных монет, имеющих отношение к истории России. Работа содержит около 2500 иллюстраций. В справочнике применен принцип распределения монет массовых выпусков по классификационным группам, что облегчило возможность иллюстрации всех типов монет, включенных в описание.

Этот принцип, в отличие от традиционного описания монет «по царям», дает наглядное представление об основных этапах развития денежного дела XVIII—XX вв., демонстрируя последовательные изменения типов оформления и весового содержания монет, обычно взаимосвязанных. Монеты наиболее редкие, пробные и мемориальные, оформление которых отличается от монет массового чекана, выделены на специальных таблицах иллюстраций. Вся описательная часть определителя составлена в виде таблиц, где в компактной форме сообщаются все необходимые сведения о монетах и отмечаются особенности вариантов различных типов.

Рациональное распределение огромного материала, позволяющее получить подробную информацию о любой монете без особых затруднений, составляет достоинство книги. Далее, концентрация сведений, разбросанных по различным изданиям и архивам, отбор самих сведений о важнейших сторонах монетного дела России XVIII—XX вв.— за всем этим стоит большая ис-

следовательская работа авторов. Заслугой их является также введение в научный оборот ряда исторических данных.

Перечень денежных дворов, действовавших в России в XVIII—XX вв., с указанием характера продукции, места расположения, времени действия, с привлечением данных о работе временно действующих дворов и частных предприятий, включенные в этот список сведений об иностранных монетных дворах, чеканивших монеты, имеющие отношение к России,— все эти сведения, собранные в одном месте, надо полагать, окажутся полезными для историков. Не менее ценным является список гравиров и медальеров, где не только перечисляются имена и указываются знаки, которыми они отмечали свои работы, но и дан перечень последних.

Целесообразным представляется прослеженная в отдельном разделе книги эволюция изображений государственного герба, встречающихся на монетах 1699—1917 гг., и гербовидных изображений (последние вообще впервые выделены как самостоятельные признаки монетного изображения, так же, как монограммы и вензели). Все эти изображения, а также виды оформления гурта (боковая сторона монеты) графически воспроизведены В. В. Уздениковым с большим мастерством и достоверностью. Интересны сводные таблицы, где показаны пробы сплавов монет из драгоценных металлов и нормальный вес монет регулярного чекана, в том числе монет из меди и недрагоценных сплавов. В заключении книги помещен краткий словарь нумизматических терминов и понятий, относящихся к XVIII—XX вв., перевод русских и некоторых иностранных мер веса в метрические и краткая библиография. Эти важные дополнения очень уместны в издании.

Мы перечислили те разделы справочника, которые дают важную информацию для читателя-неспециалиста; профессиональные нумизматы найдут в издании также расшифровку обозначений на монетах, за которыми стоят монетные дворы и минцмейстеры (начальники монетных переделов), расшифровку сокращений и нерусских текстов, помещенных на монетах,

специальный раздел, посвященный новодельным монетам и ряд других ценных указателей. Наличие некоторых неточностей (например, вместо двух медальеров с фамилией Грихилес указаны трое, авторству гравера Скудного приписано изготовление второго варианта штемпеля памятного рубля 1913 г., в то время как оба варианта этого штемпеля были изготовлены гравером Васютинским; в списке минцмейстеров нет указания на то, что с 1886 г. на Петербургском монетном дворе перешли на новое штатное расписание и вместо минцмейстеров была введена должность управляющего механической частью, инициалы которого ставились на монетах, и т. п.) в целом не снижает ценности обширного справочного аппарата, представленного в книге.

Известным нововведением является помещенный в издании специальный «Общий обзор», состоящий из пяти глав. В главе I — «О нумизматике», к сожалению, отсутствует современное определение нумизматики, не раскрыта сущность методов, которыми пользуется современная нумизматическая наука; все внимание здесь сосредоточивается только на одном — методе поштемпельного анализа, отнюдь не единственном в арсенале исследователей, к тому же имеющем ограниченное использование. Но главный недостаток этой главы — отсутствие показа места и значения материалов XVIII—XX вв. среди прочих памятников нумизматики.

То же самое можно сказать о методике работы с нумизматическим материалом XVIII—XX вв. На с. 131 (гл. «Об особенностях структуры определителя») говорится, что данный определитель предназначен для работы со сравнительно небольшими по своему объему коллекциями, не претендующими на поштемпельную подборку монет; поэтому в определитель включаются только наиболее характерные разновидности монет. Это — единственное замечание, к тому же в данном контексте имеющее чисто служебный характер, из которого можно сделать заключение о существовании различных методов обработки монет нового времени. Очевидно, именно в главе, повествующей о предмете и методе нумизматики, было бы уместно остановиться специально на вопросе о методике работы с монетами XVIII—XX вв., сообщить о

различных принципах организации коллекций и т. п. Безусловно, следовало бы показать, какие возможности заключает в себе поштемпельный анализ монет XVIII—XX вв., является ли он только формальным приемом при организации нумизматической коллекции, или же может быть использован как инструмент исследования.

Очерки по истории денежной системы России и СССР, помещенные перед определителем, представляются очень нужными, поскольку они должны дать возможность читателю увидеть в русских монетах XVIII—XX вв. одно из звеньев русской денежной системы, показанной в ее последовательном развитии. Однако между II главой, содержащей очерк истории денежной системы до конца XVII в., и главами III и IV, где даются сведения после XVIII в., органической связи не прослеживается. С III главы ведется пересказ отрывочных сведений о мероприятиях правительства в денежном деле начиная с реформы Петра I, и в таком ключе излагается весь последующий материал. Текст III и IV глав перегружен специальными экономическими и банковскими терминами, которые затрудняют понимание смысла изложения.

В очерке о советских деньгах, написанном, на наш взгляд, излишне кратко, содержатся весьма сомнительные утверждения о том, что неограничение эмиссии совзнака вызывалось тем, что правительство не признавало за ним роли денег «в полном значении этого слова». Отсутствует изложение банковской политики Советского правительства после Октября, в период подготовки денежной реформы, осуществление которой сорвалось из-за гражданской войны и интервенции.

Важно отметить еще то обстоятельство, что текст очерков истории денежной системы после XVII в. воспринимается в полном отрыве от содержания определителя, между тем как он должен давать дополнительные разъяснения к материалам определителя, хотя бы в форме ссылок на описания отдельных монет. В результате создается впечатление, что если очерк по истории русского денежного обращения до конца XVII в. читается как необходимое введение в историю русских монет, то последующие главы книги в настоящем виде кажутся искусственным допол-

нением к определителю. В то же время доброкачественные справочные материалы к определителю, содержащиеся во втором разделе, дают вполне достаточную информацию о русском денежном деле XVIII—XX вв. в соответствии с назначением издания.

История русского денежного обращения XVIII—XX вв. еще не изучена на современном уровне, ряд вопросов не исследован. Выпуск рецензируемой книги, по-видимому, ускорит разработку научных изысканий в области русской нумизматики нового времени и привлечет внимание к этому материалу не только профессиональных нумизматов, но и историков.

В библиографический список в конце книги не включены, к сожалению, статьи

М. М. Глейзера по советским монетам, в том числе аннотированная библиография по советским монетам, помещенная в XI томе сборника «Нумизматика и эпиграфика» (1974 г.), а также некоторые работы по истории финансов России XVIII в., в частности С. М. Троицкого и А. И. Юхта, а также статья А. В. Черноухова «Место медной монеты в денежном обращении России в XVIII в.» В заключение заметим, что качество воспроизведения иллюстраций в книге оставляет желать лучшего. Следует помнить, что подобные издания при плохих иллюстрациях могут выполнить свое назначение лишь условно.

А. С. Мельникова

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ НА ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТАХ УНИВЕРСИТЕТОВ. Методическое пособие. М., «Высшая школа», 1979, 240 с., тир. 5000

В предисловии пособия верно отмечается, что совершенствование «семинарских занятий, методики их проведения представляет собой значительный резерв для повышения эффективности и качества работы вузов по подготовке кадров высококвалифицированных историков, способных решать задачи, которые ставит перед высшей школой Коммунистическая партия» (с. 3). Между тем литературы по методике проведения семинаров по истории в университетах еще совершенно недостаточно.

Авторский коллектив пособия состоит из профессоров и доцентов исторического факультета МГУ. Именно профессорско-преподавательский коллектив исторического факультета старейшего университета страны является пропагандистом многолетнего опыта работы в этом направлении. Поэтому вполне оправдана публикация в пособии библиографии научно- и учебно-методических работ по проведению семинаров, составленной Н. В. Разореновой.

Структура пособия весьма удачна. После короткого предисловия следует раздел

«Место и задачи семинаров по подготовке историков в университетах». Здесь М. Т. Белявским излагаются «общие задачи, методика проведения семинарских занятий по курсам истории СССР и всеобщей истории на исторических факультетах университетов» (с. 12).

Девять разделов, посвященных семинарам по различным отраслям исторической науки, написаны преподавателями соответствующих кафедр исторического факультета МГУ. Заметим при этом, что пособие ни в малейшей степени не представляет собой механического соединения разноплановых статей различных специалистов. Об этом свидетельствуют постоянные отсылки авторов к другим разделам, где рассматриваются аналогичные вопросы или вопросы, которые не характеризуются в данной главе. Словом, данная работа является коллективной в лучшем смысле слова.

Пять из этих разделов раскрывают методику проведения семинаров по истории СССР, авторами их выступают Л. Г. Кис-

лягина, А. К. Леонтьев, С. С. Дмитриев, В. А. Федоров, А. И. Вдовин, Т. А. Сивохина, А. М. Сахаров и Н. Б. Голикова.

В разделе о семинарах по истории СССР периода феодализма авторы подчеркивают необходимость уже с первого курса обращать серьезнейшее внимание на обучение студентов методике работы с источниками и литературой. Они предостерегают от чрезмерно широких тем для студенческих докладов, таких, например, как «Опричнина Ивана Грозного» (подобная тема уже сама по себе побуждает студента к использованию преимущественно литературы вопроса, а не источников, и ведет к компиляции или аннотированию). С другой стороны, не соответствует учебно-методическим целям выбор в качестве объекта рассмотрения в докладе мелких и частных вопросов. «Многолетний опыт работы на I курсе исторического факультета МГУ показывает, что учебно-целевым задачам семинаров более всего отвечают темы, охватывающие достаточно протяженный во времени и эталный по значению исторический период со всеми его узловыми вопросами общественно-экономического, политического и культурного развития» (с. 34).

В содержательном разделе о семинарах по истории СССР периода капитализма особое внимание привлекают высказанные С. С. Дмитриевым и В. А. Федоровым соображения о возможности и целесообразности проведения семинаров по тематике, связанной с историей культуры. «Несомненно, семинары по историко-культурной тематике, посвященные наиболее важным отраслям культуры (например, семинары по проблемам „Общественная мысль и художественная литература“ в первой или во второй половине XIX в., „Русский театр, его репертуар, актеры и зрители в различно-демократический период освободительного движения в России“) или культурной жизни отдельных регионов... могут существенно повышать общий культурный уровень студентов-историков первых курсов. Такая тематика будет способствовать выработке у них более глубокого и верного представления о многообразии общественного бытия — экономического, социального, политического, культурно-исторического,— вся совокупность которых для истори-

ков-марксистов и образует конкретное, живое содержание исторического процесса» (с. 93).

В разделе о семинарах по истории СССР советского периода говорится о том, что студенты имеют право предлагать свои темы для докладов, конечно, не выходящие за рамки общей проблемы данного семинара. Приводится пример удачного включения в семинар III курса, работавший по проблеме «Развитие промышленности и рабочего класса СССР в послевоенный период», тем докладов, обусловленных бывшим местом работы их авторов-студентов до поступления в МГУ. Так, была, в частности, принята тема «Личные карточки рабочих как источник по истории советского рабочего класса (по материалам завода „Электросталь“)». Такой метод будет наиболее результативен в семинарах на заочном и вечернем отделениях.

Раздел о семинарах по историографии СССР, принадлежащий А. М. Сахарову, отличается не только высоким уровнем исполнения, но прежде всего тем, что популяризирует опыт проведения новой формы семинара. При этом автор обоснованно подчеркнул, что «семинар по историографии, как всякий другой семинар по истории СССР в вузе, не включает и не должен включать всего программного содержания данной дисциплины. У семинара другая задача — научить студента работать над материалом, анализировать его, причем выбирать его таким образом, чтобы он был наиболее типичен и характерен для изучаемого этапа, периода и т. п.» (с. 212—213).

Несомненным достоинством всех этих разделов является то, что их авторы не только излагают и характеризуют методические приемы и принципы работы семинаров по истории, но и щедро делятся своим опытом, рекомендуют проблематику семинаров, тематику докладов, списки источников и литературы.

Четыре раздела пособия посвящены методике работы семинаров по истории древнего мира, средних веков, новой и новейшей истории (авторы И. Л. Маяк, Е. В. Гутнова, Ю. М. Сапрыкин, И. В. Григорьева и Е. Ф. Язков). В них рассматривается методика работы семинаров по всеобщей истории, их проблематика, темы докладов и курсовых работ студентов. Эти

разделы представляют интерес и для преподавателей истории СССР, поскольку содержат много материала, использование которого важно и целесообразно для руководителей семинаров по любой отрасли исторической науки.

Пособие завершается разделом о курсовой работе и ее месте в подготовке историка. Это правильно, поскольку курсовая работа должна являться закономерным итогом работы студента в семинаре.

Через всю книгу проходят два основных положения. Во-первых, это подчеркнутое противопоставление системы семинаров, сложившейся в ведущих университетах страны, которую условно можно назвать докладной, семинарам-репетиториумам, где студенты в основном лишь закрепляют и углубляют знание материала, сообщаемого им в лекционных курсах. Во-вторых, это утверждение, что курсовая работа должна готовиться студентом в семинаре, начинаться как семинарский доклад, обязательно заслушиваемый и обсуждаемый в семинаре. «Когда студентам предлагаются темы курсовых работ, не связанные с их занятиями в семинаре, то это не только нежелательно, но и методически ошибочно... Эффект от таких работ крайне низок, в лучшем случае — это компиляция, и полезность такой курсовой работы сомнительна» (с. 230—231). С этими двумя положениями, по нашему мнению, нельзя не согласиться.

Вместе с тем категоричность некоторых рекомендаций представляется спорной. Так, М. Т. Белявский и другие авторы пособия считают, что «доклад, как правило, должен представлять устное изложение, а не чтение письменного текста» (с. 23), так как очень важно научить студента говорить — это необходимо для всей его последующей деятельности. Но обязательное требование устного доклада может дать положительные результаты только при очень сильном составе студентов — участников семинаров. В противном случае, как показывает опыт, докладчики зачастую не укладываются в положенное время и руководителю семинара приходится либо прерывать доклад, либо перестраивать дальнейшую работу семинара. Более того, в устном докладе утрачивается четкость формулировок. А ведь замечательный мастер руководства семинарами

акад. Д. М. Петрушевский учил: «Доклад есть такое произведение, в котором автор ответствен за каждую запятую, поставленную или не поставленную». Поэтому, думается, устного изложения нужно требовать только от тех студентов, которые способны его сделать должным образом. Другое дело, что всех студентов надо настойчиво учить тому, чтобы следовать примеру В. О. Ключевского — так знать свой текст, чтобы аудитория не чувствовала, что докладчик выступает «по бумажке».

Вызывает возражение и утверждение Н. Б. Голиковой, что при написании курсовых работ необходимо соблюдать два условия: «Все три курсовые не могут выполняться только по истории СССР или по всеобщей истории; на каждом из курсов работы по истории СССР составляют не менее 50—60% от числа участников семинара» (с. 227). На наш взгляд, представляется неправильным обязывать студента, с первого курса решившего специализироваться по истории СССР (например, в МГУ на кафедре специализация проводится с I курса) и стремящегося не упустить ни одной возможности поработать с источниками по отечественной истории, писать одну из курсовых работ по всеобщей истории. С другой стороны, если студент с первого курса специализируется по древней истории, то почему он непременно должен написать одну из курсовых работ по истории СССР? Что же касается заранее определенного процентного соотношения между курсовыми работами по отечественной и всеобщей истории, то оно как-то не соответствует духу пособия, исходящего из того, что качество курсовой работы в значительной мере определяется тем, как у студента прошла подготовка семинарского доклада.

Необоснованны также сомнения авторов о целесообразности назначения обязательных оппонентов докладчику, полагающих что это ослабляет активность остальных участников семинара. Но ведь добровольные оппоненты выступают раньше обязательных. Вызвать остальных участников семинара на выступление постановкой острых и интересных вопросов по докладу — это уже дело руководителя семинара. Да и кто же из участников семинара, как не обязательный оппонент, сможет дать анализ доклада с рассмотрением характера

использованных докладчиком источников и литературы?

В книге почему-то не нашли отражения некоторые весьма распространенные методы, применяемые в семинарах. Так, обращаясь к вопросу о том, как поступить в случае, когда два или три студента берут для доклада одну и ту же тему, авторы пособия рекомендуют разделить ее, дав каждому из них особый ее аспект или часть. Но ведь практикуется и написание параллельных докладов на одну тему, своеобразный конкурс. Лучший доклад зачитывается, а другие авторы выступают в качестве хорошо подготовленных оппонентов. Как правило, такие занятия бывают особенно результативными.

Никто из авторов пособия не выразил своего отношения к назначению секретарей семинара, практиковавшемуся акад. Е. А. Косминским. На его семинарах, начиная со II курса, все участники вели протоколы заседаний. Это приучало студентов фиксировать ход научной дискуссии, отделять главное от второстепенного и уж

во всяком случае лишало секретаря возможности пассивного участия на занятии.

Отсутствует в пособии и упоминание о целесообразности использовать аспирантов в качестве ассистентов руководителей семинаров. Пишущий эти строки в бытность свою аспирантом исполнял эти обязанности, чем в какой-то мере съэкономил время для более квалифицированной работы руководителя семинара, а сам очень много получил для подготовки к своей будущей преподавательской деятельности.

Проведение семинара — дело творческое. Естественно, у каждого руководителя семинара в связи с характером его подготовки, особенностями места работы и многими другими обстоятельствами будут возникать свои вопросы, сомнения, приходиться решать. И очень хорошо, что издан рецензируемый коллективный труд, которым может воспользоваться преподаватель любого из университетов нашей страны.

А. Г. Слонимский

ИСТОРИЯ СССР ЗА РУБЕЖОМ

Ю. Ю. КОНДУФОР, Р. Г. СИМОНЕНКО, И. С. ХМЕЛЬ

КРИТИКА СОВРЕМЕННЫХ БУРЖУАЗНО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ ИСТОРИИ ДРУЖБЫ И БРАТСТВА РУССКОГО И УКРАИНСКОГО НАРОДОВ

В последние годы, в частности, в связи с подготовкой к празднованию 325-летия воссоединения Украины с Россией советская историческая наука сделала значительный шаг вперед по пути исследования истоков дружбы русского и украинского народов, их совместной борьбы против иноземных захватчиков, общих классовых врагов, их участия в строительстве социализма и коммунизма. Еще раз было убедительно доказано, что воссоединение Украины с Россией явилось закономерным итогом предшествовавшей истории братских народов, определило дальнейший ход их развития.

Освободительная война 1648—1654 гг. и воссоединение Украины с Россией — эпохальные события непреходящего значения — всегда были предметом острых политических столкновений и идейной борьбы. С течением времени менялись противники единения и союза русского и украинского народов, но выступления против него не прекращались практически никогда. Эти нападки обрели качественно новое содержание с момента активного включения в политическую борьбу революционного российского пролетариата, неразрывной составной частью которого были рабочие Украины.

Буржуазия Украины, как и других национальных районов нашей страны, опираясь в деле защиты своих классовых интересов на помощь царизма и русских буржуазно-помещичьих кругов, в то же время активно искала поддержки иностранных империалистических сил. Одним из главных мотивов, которыми диктовались эти поиски, была боязнь революционного российского пролетариата, руководимого ленинской партией. Буржуазный национализм, используемый как идейное и политическое оружие борьбы за сохранение господства эксплуататоров, выступал врагом интернационального единения русских и украинских трудящихся. Стремясь обосновать свои раскольнические действия, его идеологи неизменно обращались к фальсификации совместного исторического прошлого России и Украины, отрицали веками складывавшуюся близость двух народов и пытались доказать их мнимую враждебность друг к другу. Распространение подобного рода клеветы продолжается и поныне. Сегодня фальсификация исторических связей и братства украинского и русского народов осуществляется как эмигрантскими центрами, где нашли пристанище украинские буржуазные нацио-

налисты, так и практически всеми университетскими центрами США и Западной Европы. Эта деятельность находит полную поддержку агрессивных империалистических кругов. Так проявляется фактическое единство взглядов откровенно реакционных кругов буржуазной советологии и буржуазно-националистических элементов.

В настоящее время уже невозможно провести грань между украинской буржуазно-националистической литературой и буржуазной советологической продукцией. Едины они и по социальным функциям, и по требованиям, предъявляемым к ним, и по источникам их финансирования. Например, в 1977 г. Гарвардским университетом (США) была издана книга, основу которой составили доклады, сделанные на конференции, проходившей под эгидой так называемой «Украинской свободной академии наук»¹. Кто же авторы статей, вошедших в книгу? Четверо из них — коренные американцы. Остальные — украинского происхождения, но имеющие американское или канадское гражданство, полученное не позже конца 40-х — начала 50-х годов, т. е. три десятилетия тому назад. Высшее образование четыре автора получили в Западной Европе, пять — в США и один — в Канаде. Докторами наук восемь человек стали в США (четверо — в Колумбийском и по одному — в Принстонском, Иллинойском, Чикагском и Нью-Йоркском университетах) и два в Западной Европе (Вене и Стокгольме). По служебному положению шестеро из них — профессора американских и трое — канадских университетов, один — сотрудник государственного департамента США. Подобная картина наблюдается и в журнале «Украинские исследования Гарварда», в редколлегии которого из 23 человек — шесть профессоров украинского происхождения, а остальные представляют советологов из университетов США, Канады, Англии, ФРГ, Франции, Израиля, Австрии, Турции и некоторых других стран.

Как видим, и по своему образованию, и по служебному положению буржуазно-националистические фальсификаторы ничем не отличаются от прочих представителей буржуазной советологии. Таким образом, можно с полным основанием утверждать, что на деле буржуазно-националистическая историография украинской, как и других эмигрантских антисоветских разновидностей, есть одно из течений современной буржуазной советологии. Фальсификаторы, представляющие сегодня это течение, независимо от своего национального происхождения, — порождение самого империализма, и выражает это течение не что иное, как реакцию того же империализма на развитие мирового социализма, на углубление в целом мирового революционного процесса.

Однако империализм пытается поддерживать видимость «независимости» антисоветской пропагандистской деятельности украинских буржуазных националистов. Это является одной из причин существования в капиталистических странах широко разветвленной сети организаций и центров, носящих вывески украинского буржуазного национализма. Многие из этих организаций основаны в 20—30-е годы и несут на себе преступное клеймо прислужничества гитлеровскому фашизму в годы второй мировой войны. В настоящее время общее число таких организаций, объединений и клубов в капиталистических странах превышает три сотни, ими издается свыше 470 газет, журналов и бюллетеней, в том числе в США — 130 организаций и 287 изданий, в Канаде — 57 и 90, в Англии — 35 и 24, в ФРГ — 25 и 29, во Франции — 16 организаций и 13 изданий. Большинство этих организаций малочисленны, а их печатные органы выходят от случая к случаю. Поэтому приведенные цифры

¹ The Ukraine 1917—1921: A Study in Revolution. Harvard University Press, 1977.

свидетельствуют не о распространенности влияния украинских буржуазных националистов, а о его активности, питаемой инъекциями антикоммунизма.

Содержание в странах капитала сети украинских буржуазно-националистических организаций, равно как и использование лиц украинского происхождения для возведения клеветы на Советскую страну уже само по себе является пропагандой антисоветизма. Но вместе с тем в последнее время показательно и другое. Наряду с «украиноведческими» центрами, куда входят дипломированные советологи из западных университетов, такие центры стали возникать и в системе самих университетов. Начало этому было положено Гарвардским университетом, точнее, его Русским институтом. Именно этот институт в 1954 г. издал книгу Р. Пайпса, в которой перед буржуазной историографией США был поставлен вопрос о необходимости подходить к СССР как к многонациональному государству². Когда же в конце 60-х годов Р. Пайпс возглавил Русский институт, на его базе были созданы три кафедры «украиноведения», в том числе истории Украины. В 1973 г. они выделились в «Институт украинских исследований». Затем последовало образование такого же центра в Альбертском университете (Канада). И сейчас в университетской системе капиталистических стран растет число кафедр по истории Украины, вынашиваются планы организации на их базе новых центров украинских буржуазных националистов.

Особенно активная кампания, призванная всячески исказить отношения между народами нашей страны, была развернута за рубежом, в частности, буржуазно-националистической прессой в связи с 325-летием воссоединения Украины с Россией. Что же нового содержится в этих злобных измышлениях? Следует сразу оговориться, что их основа осталась прежней — старый арсенал буржуазно-националистических фальсификаций исторической действительности. «Новизна» заключается в усиленном стремлении связать исторические аспекты проблем с насущными вопросами современности; фальсифицируя события периода воссоединения Украины с Россией, извратить сущность политики КПСС и Советского правительства. При этом делаются попытки отождествить ленинскую национальную политику с политикой царизма, представить возникновение и развитие новой исторической общности — советского народа — как результат ассимиляции и русификации и т. д. и т. п. Современная буржуазная, а вместе с ней и буржуазно-националистическая историография не только фальсифицируют историю, но и рассматривают прошлое в свете задач борьбы против реального социализма, против дальнейшего развертывания мирового революционного процесса.

С каких бы тактических позиций ни вели речь реакционные буржуазные авторы, освещая взаимоотношения между народами нашей страны и какого бы периода истории этих отношений ни касались, суть неизменно сводится к тому, что история каждой нации истолковывается в духе буржуазного национализма — все они противопоставляются русскому народу.

Буржуазная пропаганда ставит своей целью гальванизировать буржуазно-националистические пережитки в советском обществе и в связи со стратегическими расчетами глобального масштаба. Показательны в этом отношении суждения, повторяемые долгие годы Л. Добрянским — лицом достаточно влиятельным в буржуазных и буржуазно-националистических кругах. Добрянский с 1945 г. возглавляет Украинский коми-

² Pipes R. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism. 1917—1923. Cambridge, Mass., 1954.

тет Америки, координирующий деятельность ряда реакционных (клерикально-корпоративных) организаций американцев украинского происхождения. Нерусские нации СССР «занимают стратегическое положение и имеют всемирное значение», заявляет он. В каком смысле? В том, поясняет Л. Добрянский, чтобы влиять на отношения с Советским Союзом с социалистическими, а также бывшими колониальными странами и таким образом противодействовать Советскому Союзу³.

Цели, которыми руководствуются современные буржуазные фальсификаторы истории нашей многонациональной страны, сводятся к следующему: во-первых, очернить социализм как общественную систему, отрицать жизненную силу марксизма-ленинизма и его основополагающего принципа — пролетарского интернационализма в попытке оказать разлагающее влияние на рабочий класс и другие силы капиталистических и развивающихся стран, борющиеся за революционное преобразование общества; во-вторых, приписывая межнациональным отношениям в СССР тот же характер господства и подчинения, который свойствен империалистическому обществу, оправдать как эксплуатацию расово-национальных меньшинств в самих империалистических государствах, так и колониалистскую и неколониалистскую эксплуатацию, помешать развитию отношений освободившихся стран с Советским Союзом и другими государствами социалистического содружества; в-третьих, распространяя свои измышления, оказать «психологическое давление» на Советский Союз и другие страны социализма, провоцировать в этих странах и в отношениях между ними рецидивы буржуазного национализма.

Таким образом, одним из основных направлений буржуазно-националистических доктрин являются попытки их авторов не только разорвать единый исторический процесс развития народов СССР, исказить характер взаимоотношений между ними, но и вычеркнуть из истории все то, что свидетельствовало о многовековой дружбе и сотрудничестве с русским народом. Не случайно среди узловых моментов истории украинского народа, подвергающихся наиболее злостным извращениям фальсификаторов, особое место принадлежит его взаимоотношениям с русским народом.

Отмеченное обстоятельство предопределяет широкое обращение советологов к наследию украинского буржуазного национализма и активное использование писаний нынешних его представителей. Постоянное извращение русско-украинских взаимоотношений вытекает из самого социально-исторического существа украинского буржуазного национализма, его позиций в классовых и политических боях первых десятилетий двадцатого века, наконец, отвечает современным задачам империалистической пропаганды.

Активизация идеологических диверсий, в которых заметная роль принадлежит зарубежному «советоведению», вызывает и продолжающиеся попытки фальсификации более отдаленных этапов истории, где берут начало истоки братского сотрудничества русского и украинского народов. Среди них явно выделяются два периода — эпоха Киевской Руси и освободительная война украинского народа за воссоединение Украины с Россией.

Неразрывность исторического прошлого русского и украинского народов, во многом определившая их совместный путь развития, вынуж-

³ Kononenko K. *Ukraine and Russia. A History of the Economic Relations Between Ukraine and Russia (1654—1915)*. Preface by L. Dobriansky. Milwaukee, Wisk., 1958. С целью обоснования этих подрывных намерений американского империализма Л. Добрянским опубликован ряд книг, в частности: *The Vulnerable Russians*. N. Y., 1967; *U. S. A. and the Soviet Myth*. Old Greenwich, Conn., 1969.

дене признать многие представители советологии. Даже автор двух статей явно тенденциозной книги «Русский империализм» — Г. Гуттенбах — отмечает: «Чтобы понять подлинные исторические причины украинско-русских проблем, следует обратиться назад, к десятому, одиннадцатому и двенадцатому столетиям, когда долины Днепра и Волги охватывала единая цивилизация»⁴. Но такого рода признания в работах многих зарубежных историков означают отнюдь не готовность к объективному исследованию проблемы. Речь идет по существу лишь о призыве больше уделять внимания периоду Древней Руси в свете усиливающегося проникновения националистических доктрин в буржуазную идеологию, политику, обществоведение.

Стремление «оправдать» свою патологическую вражду ко всему русскому, а также абсолютно беспочвенные утверждения об извечном «украинско-русском конфликте» и определяют все построения националистической буржуазной историографии Древней Руси. На передний план выдвигаются трактовки, отстаиваемые украинскими буржуазными националистами, которые «развивают» так называемую «общую рациональную схему истории восточного славянства», предложенную еще М. С. Грушевским. «Рационализм» этой схемы состоял в стремлении провозгласить древнерусское государство «украинским» и начертать для украинского народа особый путь развития, постоянную ориентацию на Запад⁵.

Мы не будем сейчас останавливаться на опровержении конкретных положений схемы М. С. Грушевского. В свете нынешних достижений исторической науки и смежных с ней областей знаний нет необходимости еще раз доказывать антинаучность передвижения хронологических рамок возникновения украинского народа в киевский период истории Древней Руси. Данные этногенеза восточнославянских народов неопровержимо доказали существование в те времена единой древнерусской народности, которая и составляла население Киевской Руси, причем основания для такого вывода имелись и в момент написания М. С. Грушевским статьи «Обычная схема „русской“ истории и схема рационального построения истории восточного славянства». И если он не принял их во внимание, то лишь потому, что они противоречили стремлениям «патриарха» буржуазно-националистической историографии провести глубокую борозду в истории отношений между двумя братскими народами.

Провозгласив Киевскую Русь «украинским творением», Грушевский стал проецировать свою концепцию на последующие столетия. Здесь уже довольно четко намечается тенденция к отрицанию исторической общности и братства русского и украинского народов. Подобные схемы являются важной составной частью всей идеологии национализма. В его арсенале, в мотивационном аппарате псевдоисторическим построениям отводится особое место. Историография, по замыслам националистических идеологов, призвана служить инструментом для обоснования притязаний на место под солнцем, которого добивается «избранная нация». Об этом не так давно откровенно писал один из признанных за океаном специалистов в области националистической историографии С. Горак. Рекламируя компилятивную «Историю Украины» Н. Полоньской-Василенко⁶, он отмечал, что автор сумела в основном остаться

⁴ Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution. New Brunswick, N. Y., 1974, p. 168.

⁵ См. Статьи по славяноведению. СПб., 1904, с. 299.

⁶ О научном уровне и направленности двухтомника Н. Полоньской-Василенко красноречиво свидетельствует то обстоятельство, что он вышел в свет «под общей редакцией» Ст. Ленкавского — главаря бандеровской ОУН.

в пределах схемы Грушевского⁷. Не случайно что Н. Чировский, известный как автор нескольких сочинений, трактующих в низкопробном националистическом духе историю нашей страны⁸, характеризуя задачи буржуазно-националистической историографии, на первое место выдвинул требование «дать внешнему научному миру доказательства того, что украинцы всегда были отдельным народом и национальной общностью, что Киевская Русь периода IX—XIV веков является началом украинской, а не московско-русской истории, что украинская культура всегда была частью западной цивилизации, в то время как русская культура является восточной и противопоставлялась Западу...»⁹

Не следует, однако, полагать, что подобные, давно и сотни раз опровергнутые наукой версии являются идефиксом только националистического «любителя» от истории. Нет, их придерживаются — правда, в несколько иной форме — и признанные за рубежом представители американского «украиноведения». Об этом свидетельствует и опубликованная в первом номере органа «Института украинских исследований» Гарвардского университета США статья Я. Пеленского «Истоки официальных притязаний Москвы на „Киевское наследство“»¹⁰.

Приведенные примеры с достаточной полнотой выявляют основные подходы буржуазно-националистического течения в современной советологии к этногенезу восточных славян. Представители этого течения еще более углубили антинаучность схемы Грушевского, придали ей откровенно политический характер и связали с нынешними идеологическими кампаниями, направленными против нерушимого содружества социалистических наций СССР. Практически ничем иным нынешние националистические трактовки истории восточнославянских народов не отличаются от схем, бытовавших в историографии конца XIX — первой половины XX в. и убедительно опровергнутых виднейшими представителями советской исторической науки — Б. Д. Грековым, М. Н. Тихомировым, Л. В. Черепниним, Б. А. Рыбаковым.

Богатейшие данные, полученные в последние десятилетия благодаря историческим, лингвистическим и этнографическим исследованиям, еще раз убедительно подтвердили тот неоспоримый вывод, что Киевская Русь была государством древнерусской народности, из которой впоследствии сформировались три братских восточнославянских народа — русский, украинский и белорусский.

Емкое определение значения Древнерусского государства в истории трех братских народов дал академик Б. Д. Греков. «История Киевской Руси.— отмечал он,— это не история Украины, не история Белоруссии, не история Великороссии: это история государства, которое дало возможность взреть и вырасти и Украине, и Белоруссии, и Великороссии. В этом положении громадный смысл данного периода в истории нашей страны»¹¹. Существование древнерусской народности, давшей начало

⁷ «Ukrainian Review», 1976, № 3, p. 28. Показательно, как интерпретирует этот вопрос сама Н. Полоньская-Василенко. Она указывает, что «государственническое направление националистической историографии в значительной мере выросло на основе схемы М. Грушевского» (с. 24) и далее: «Подводя итоги деятельности украинских историков в эмиграции... в работах необходимо отметить господство схем М. Грушевского, непрерывность исторического процесса Украины и разорванность (відрубність) исторических процессов Украины и Великороссии».

⁸ Fr. Chirovsky N. Old Ukraine. Its Socio-Economic History prior to 1781. Madison, N. Y., 1963; i d e m. Introduction to Russian History. N. Y., 1967.

⁹ «Ukrainian Review», 1977, № 1, p. 29.

¹⁰ Pelensky J. The Origins of the Official Moscovite Claims to the «Kievan Inheritance». — «Harvard Ukrainian Studies», vol. 1, № 1, March 1977.

¹¹ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 11.

развитию русского, украинского и белорусского народов, во многом определило дальнейший путь развития нашей страны.

Важность фактора исторической и культурной близости народов всегда подчеркивали классики научного коммунизма. Им принадлежит ряд глубоких выводов о значении указанных обстоятельств и в период новой истории, и в далекой древности. «Чем дальше мы уходим в глубь истории,— указывал Ф. Энгельс,— тем больше стираются признаки различия между народами одного и того же происхождения»¹². Это важное положение помогает лучше понять и значение общего периода древнерусской народности в исторических судьбах русского, украинского и белорусского народов.

Отрицание общности происхождения русского и украинского народов используется буржуазно-националистическими авторами и для подмены термина «воссоединение Украины с Россией», который отвечает всему содержанию процесса исторического развития двух братских народов, термином «присоединение». Направленность подобных терминологических подтасовок очевидна: стремление доказать «извечную агрессивность» русского народа.

В действительности же естественным центром притяжения восточнославянских народностей стало Русское государство, народ которого первым вырвался из иноземного порабощения. В этих условиях успех борьбы за самое существование и развитие украинского народа, который в XV—XVI вв. оказался под властью польско-литовских магнатов и находился под постоянной угрозой опустошительных турецко-татарских набегов, зависел от союза и объединения с русским народом. В свою очередь, воссоединение Украины с Россией было важной задачей Русского государства, залогом его победоносной борьбы с внешними агрессивными силами, необходимым условием освобождения всех восточнославянских земель от иноземных захватчиков.

Дружба и братство русского и украинского народов перерастали государственные границы. Защищая свою жизнь, само право на существование, спасая свою культуру от полного уничтожения, украинский народ, возглавляемый выдающимся государственным деятелем, полководцем и дипломатом Богданом Хмельницким, поднялся на освободительную войну. Ее направленность и цели свидетельствуют о непоколебимой верности идее единства с русскими братьями, пронесенной украинским народом сквозь столетия борьбы с монголо-татарскими, а также польско-литовскими завоевателями, о неразрывности исторического пути русского и украинского народов, их единении в борьбе за осуществление своих социальных и национальных задач.

Естественно, что подлинная история воссоединения украинского и русского народов не укладывается в рамки откровенно националистических концепций буржуазной историографии. Более того, она противоречит самому существу буржуазного понимания истории, которая зачастую изображается как сплошная цепь конфликтов между народами, нациями, цивилизациями и т. д.

Буржуазные советологи утверждают, что Украина накануне освободительной войны якобы переживала «золотой век», что явно противоречит действительности. Но проблема соответствия этой версии историческим фактам совершенно не беспокоит авторов националистических концепций. Единственное, к чему они сегодня стремятся, это — политизировать изображение прошлого, приспособить его к нынешним антисо-

¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 521.

ветским спекуляциям. В этом плане и следует оценивать «революционность» их положений о «золоте богатства» и «золоте мысли», которые призваны с различных сторон обосновать давние «самостийницькие тенденции» украинской старшины.

В канун освободительной войны происходило дальнейшее обогащение полонизировавшихся и сращивавшихся с магнатскими верхами Польши феодальных кругов Украины. Действия И. Вишневецкого, например, ничем не отличались от разбойничьих набегов польских феодалов на украинские города и села. Сами владения И. Вишневецкого во многом превосходили владения крупных польских магнатов. «Вишневецкий... немал усе Заднепра (Левобережье.— Авт.) мел в своем подданстве»¹³, — писал Самовидец. Следует сказать и о произволе, бесчинствах, надругательствах, т. е. об абсолютной власти магната над населением, жившим в его землях.

В то время, когда украинские крестьяне, население городов и широкие массы казачества подвергались жесточайшему социальному, национальному и религиозному угнетению, разорялись и закабалялись, представители феодально-казацкой старшины богатели. Это и определяло позиции различных классов украинского общества накануне освободительной войны.

Рассуждения буржуазных советологов о «социальном единстве» украинского народа о якобы «едином» самосознании украинцев, коренным образом расходящимся с устремлениями и чаяниями соседних народов, служат основанием для обособления истории украинцев от германского прошлого братского русского народа.

Отрицая решающую роль крестьянско-казацких масс в войне, буржуазно-националистическая историография пытается извратить подлинные цели освободительной войны украинского народа. Ясную, выстраданную в жестокой борьбе цель — воссоединение с Россией — реакционные авторы тщатся подменить ссылками на «формировавшееся национальное сознание» части верхов казацкой старшины, тех, кто владел «золотом богатства», кто зарабатывал его на народной крови, прислужничая то польским магнатам, то турецкому султану, то крымскому хану.

Сегодня, однако, в свете более чем трехсотлетнего исторического опыта неловко говорить, что программой части зажиточных слоев казацкой старшины и верхушки духовенства в период освободительной войны был расчет на тех, кто поработал украинский народ и опустошал украинские земли. Поэтому, как и на протяжении всего периода ориентации украинских эксплуататорских слоев на внешние агрессивные силы, этот расчет изображается как «самостийницькая программа». Таким путем лозунг «самостийности» используется и в качестве прикрытия усилий буржуазно-националистических авторов отрицать историческое единство русского и украинского народов, всенародное стремление к воссоединению, под флагом которого с начала и до конца развивалась освободительная война украинского народа.

Украинское крестьянство стало решающей силой в освободительной войне, что нашло свое убедительное воплощение во всей истории героической борьбы против иноземных поработителей, в решениях Переяславской Рады.

Еще до начала освободительной войны украинский народ искал на Руси спасения и помощи от усиливавшегося социального и национального угнетения. В течение десятилетия «золотого спокойствия», приносившего несметные богатства «своим» и чужеземным угнетателям, свы-

¹³ Летопись Самовидца. Киев, 1878, с. 12.

ше 20 тыс. украинцев переселилось на территорию России¹⁴. Эта широко распространенная в феодальную эпоху форма протеста служила убедительным свидетельством настроений украинского крестьянства. К началу освободительной войны оно четко и ясно осознавало, что залогом спасения от опустошительных магнатских набегов и гонений, залогом самого дальнейшего существования украинского народа является воссоединение с Россией.

Значение этого всенародного движения хорошо понимали и современники событий, и даже буржуазно-националистические историки прошлого. С нескрываемым раздражением «негодовав» Грушевский по поводу массовых переселений украинцев в Россию и заселения прилегающих районов Слабожанщины и территории нынешнего Донбасса. «Дело самостоятельности Украины было убито ценою территориального расширения», — сокрушался он, добавляя, что вопрос о присоединении Украины к России был предрешен этим миграционным движением¹⁵.

Особое внимание буржуазно-националистическая историография уделяет искажению деятельности славного сына Украины Богдана Хмельницкого. Выходец из мелкой украинской шляхты, храбрый воин и умелый политик, искусный дипломат и прекрасный оратор, он сумел подняться до понимания коренных интересов народа. Исторической заслугой Богдана Хмельницкого стало то, что, выражая многовековые стремления украинских масс к воссоединению с Россией, он последовательно во время подготовки, в ходе самой войны и после ее окончания проводил в жизнь курс, который спас украинский народ от гибели и открыл путь к подлинному возрождению.

Имя Богдана Хмельницкого окружено глубоким уважением и признательностью потомков. Высокую оценку его деятельности давали представители передовой мысли русского и украинского народов. «Веками рождаются такие люди, как был Богдан у народа украинского — представитель его в истории, — писал М. А. Максимович, — поэтому и природа южнорусского человека должна была явиться в нем своеобразно и полносильно»¹⁶. Героем и великим человеком в полном смысле этого слова назвал Богдана Хмельницкого В. Г. Белинский¹⁷.

Современные буржуазные фальсификаторы, принижая значение деятельности руководителя освободительной войны 1648—1654 гг., стремятся тем самым бросить тень на характер и цели войны. Еще в дореволюционной русской исторической литературе были отвергнуты намерения представить Богдана Хмельницкого не вождем всенародного движения, а всего лишь мстителем за личные обиды¹⁸. Однако попытки продолжить эту совершенно несостоятельную в научном отношении линию встречаются и поныне. В частности, ее придерживался Дж. Вернадский — автор единственной англоязычной монографии, посвященной Б. Хмельницкому¹⁹. «...Бесчинства магнатов, — бесосновательно утверждает Н. Полонська-Василенко, — переродили Богдана Хмельницкого: из солидного, спокойного сотника он, лишенный семьи, поместья, преследуемый местной администрацией, стал бунтарем, мстителем за личные обиды»²⁰.

¹⁴ Подробно см. Апанович Е. М. Переселение украинцев в Россию накануне освободительной войны 1648—1654 гг. В сб. Воссоединение Украины в России. М., 1954.

¹⁵ Грушевский М. История Украины — Русь. Киев, 1931, т. XI, с. 2, 78.

¹⁶ Максимович М. А. Собр. соч., т. I. Киев, 1876, с. 435.

¹⁷ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1955, с. 63.

¹⁸ См. Карпов Г. К. В защиту Богдана Хмельницкого. М., 1890.

¹⁹ См. Verнадsky G. Bohdan Hetman of Ukraine. New Haven, 1941.

²⁰ Полонська-Василенко Н. История Украины, ч. 2. Мюнхен, 1976, с. 13.

Опираясь на подобные антинаучные утверждения, фальсификаторы истории Украины идут дальше — пытаются доказать, будто в основе освободительной войны 1648—1654 гг. лежат исключительно национальные и религиозные мотивы. Не отрицая их значения — особенно для широких народных движений эпохи средневековья, — следует, однако, подчеркнуть, что они зачастую являлись лишь внешней оболочкой, прикрывавшей глубокие социальные предпосылки движений народных масс. То, что именно этим характеризуется народное восстание на Украине, переросшее в освободительную войну, хорошо понимали передовые люди прошлого. «Полное торжество козаков, — подчеркивал Н. Г. Чернышевский, — для самой Польши было бы облегчением, потому что козаки хотели и в самой Польше искоренить те гражданские бедствия, против распространения которых на Украине вооружались. Таким образом, если смотреть на козацкие войны с настоящей точки зрения, они не представляются борьбой национальной, на стороне польских панов были и некоторые малоруссы, а козаки находили сочувствие и в населении коренных польских провинций»²¹. Интересно, что, несмотря на ряд ошибочных моментов в оценке освободительной войны, социальные причины ее возникновения подчеркивал и польский историк XIX в. И. Лелевель. «Казацкий бунт, — указывал он, — есть восстание народа. Уже шесть веков Польша не знала ничего подобного...»²²

Против славного сына украинского народа направлена еще одна выдумка националистической историографии. Б. Хмельницкий, который, по его собственным словам, в турецком плену «два года в лютой неволе пребывал», выставляется сторонником ориентации на Оттоманскую порту. Снова нельзя не отметить, что и это «открытие», принадлежащее Н. И. Костомарову, было убедительно опровергнуто еще в прошлом столетии²³.

Всегда и во всем — где прямо, с откровенно злобным чувством, а где исподтишка — буржуазные националисты стремились облить грязью личность Богдана Хмельницкого. Искаженно изображается даже его поведение во время Переяславской рады, на которой он обратился к представителям украинских народных масс с волнующей речью, убедительно и всесторонне обосновав историческую необходимость воссоединения Украины с Россией. Напомним, что академик М. Н. Тихомиров считал эту речь одним из лучших образцов ораторского искусства XVII столетия²⁴.

Последовательное и умелое проведение Б. Хмельницким курса на воссоединение с Россией навеки скрепило нерушимое братство русских и украинцев. Только воссоединенная с Россией Украина смогла избежать участи, которую уготовили ей поработители с запада и юга. Об этом страстно писал непримиримый борец против украинского буржуазного национализма Ярослав Галан: «Все подвиги Богдана Хмельницкого остались бы лишь подвигами, и его раньше или позже ожидала бы участь Ивана Подковы, если бы не грозные полки московских стрельцов, готовые каждую минуту стать на защиту Переяславского договора.

Долголетняя героическая борьба народа Украины Левой и Правобережной была бы сведена на нет, и украинцы стали бы подданными какой-то польской марионетки шведского короля, если бы не вмеша-

²¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV. М., 1948, с. 822.

²² Baranowski Bohdan, Libiszowska Zofia. Problem narodowo-wyzwoleńczej walki ludu ukraińskiego w XVII w. w Historiografii Polskiej. — «Kwartalnik historyczny», 1954, № 2, s. 200.

²³ См. Карпов Г. К. Указ. соч.

²⁴ «Известия», 1954 г., 18 января.

тельство Петра, который сумел мощным Полтавским ударом до основания сломить карьеру честолюбивого Карла XII»²⁵.

Значение воссоединения Украины с Россией для исторических судеб двух братских народов высоко оценивали передовые представители русского общества. В противовес официозной великодержавной историографии русская интеллигенция всегда с уважением и любовью относилась к прошлому и настоящему свободолюбивого украинского народа, воспитывала эти чувства в массах средствами литературы и искусства, народного просвещения.

Исторический пример украинского народа, который спас себя, воссоединившись с великим русским народом, во многих отношениях стал как бы образцом для действий других братских народов, искавших спасения от уничтожения иностранными агрессорами в объединении с Россией.

Итогом борьбы, которую совместно с русским народом, воодушевляясь его примером и опираясь на его помощь, вели все народы нашей страны, стала Великая Октябрьская социалистическая революция. В единой семье народов-братьев под руководством Коммунистической партии украинский народ обрел подлинное социальное и национальное освобождение, отстоял свои революционные завоевания в годы гражданской войны и интервенции, преодолел тяжелые испытания, выпавшие ему в годы Великой Отечественной войны, достиг вершин развитого социализма и, преисполненный гордости за пройденный путь исторических свершений и уверенности в будущем, вдохновенно строит коммунизм.

²⁵ Г а л а н Я. Твори, т. 3. Киев, 1978, с. 380—381.

А. АТТМАН. БОРЬБА ЗА БАЛТИЙСКИЕ РЫНКИ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ 1558—1618 гг. Гётеборг, 1979, 232 с.*

Автор рецензируемой книги давно известен советским историкам благодаря своей первой на Западе фундаментальной работе по истории русского рынка XVI в. и его значения в международной торговле и международных отношениях того времени¹. Исследование это было защищено в качестве докторской диссертации в 1944 г. В его основу были положены материалы датской зундской таможни в Хельсингёре — как опубликованные в 1906—1933 гг., так и рукописные. Под углом зрения своей темы — «Русский рынок и его роль в международной политике второй половины XVI в.» — шведский историк проработал фонды архивохранилищ не только Стокгольма и Копенгагена, но и важнейших ганзейских центров — Любека и Данцига (Гданьска), а также Риги, Таллина, Тарту. Охвачен был широкий круг публикаций и научной литературы, в том числе на русском, польском, финском, эстонском языках. В 70-х годах А. Аттман переиздал сначала первую², а затем и вторую часть своей диссертации. Ниже пойдет речь об этой последней книге. Необходимо подчеркнуть, что автор значительно расширил рамки своего первоначального исследования. Он рассматривает все восточно-

* Attman A. The Struggle for Baltic Markets. Powers in Conflict 1558—1618. Göteborg, 1979, 232 p.

¹ См. Attman A. Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska politik 1558—1595. Lund, 1944.

² См. Attman A. The Russian and Polish Markets in International Trade 1500—1650. Göteborg, 1973.

балтийские рынки — от Северной России до польской части Речи Посполитой включительно, а также беломорский рынок и борьбу за пути к нему. Изложение доведено до Столбовского мира (1617 г.) и Деулинского (1618 г.) перемирия. Среди вновь привлеченных архивных фондов — британские из Public Record Office и советские — из ЦГАДА. Используются также советские документальные публикации и литература, исследования специалистов Польши и ГДР.

Первая глава рецензируемой книги посвящена характеристике состояния балтийского вопроса в результате военно-дипломатических действий Ивана Грозного, Сигизмунда Августа, Эрика XIV, Фредерика II Датского в 1558—1561 гг.³ Главным в этой связи Аттман считает превращение Нарвы в русский стапельный (складочный) порт на Балтике (с. 14). Роли Выборга как складочного опорного пункта русской западной торговли в течение 1558—1559 гг. посвящена вторая глава работы. Нарвскую торговлю Аттман сопоставляет затем с беломорской (см. гл. III). Он показывает трудности определения объема нарвской торговли в силу крайне заниженных данных о ней в зундском регистре. Тем не менее именно подвластная России Нарва господствовала в зундском транзите шкур и кожи, мехов и топленого сала, стояла на первом месте по вывозу льна и конопля, уступая по транзиту воска одному лишь Гданьску⁴. Вплоть до потери Нарвы ее товаробороту далеко уступал объем беломорской торговли России — вывод А. Аттмана, полностью подтверждаемый новейшими советскими исследованиями, которые использовал и шведский историк⁵. Еще в первой половине XVII в. такие важнейшие предметы русского производства, как лен и пенька, льняное и конопляное семя, вывозились, как правило, через прибалтийские порты во главе с Ригой⁶.

После краткой характеристики позиции ливонских ганзейских городов в отношении нарвской торговли (гл. IV) А. Аттман подробно разбирает нарвскую политику шведского правительства в период от утверждения Швеции на севере Эстонии в 1561 г. до начала войны с Россией в 1570 г. (гл. V). Эта часть книги представляет особый интерес для советского читателя, поскольку она построена на данных шведских архивов, не привлеченных ведущим исследователем балтийского вопроса Г. В. Форстеном. Нарвская политика Швеции была совершенно несовместима с русскими интересами (как и нарвская политика Польши — см. гл. VI) и стала, по мнению А. Аттмана, одной из причин затяжной войны 1570—1583 гг. (с. 75). Особо останавливается Аттман на условиях Штеттинского мирного договора 1570 г. между Швецией и Данией. Принципиальное разрешение нарвской торговли, согласно этому договору, было лишь временным компромиссом, перемирием, не удовлетворявшим ни одну из заинтересованных сторон (гл. VII, с. 87—88). Здесь Аттман в общем повторяет выводы Г. В. Форстена.

Далее автор прослеживает балтийскую политику Польши (гл. VIII) и Швеции (гл. IX) в 70-х — начале 80-х годов, т. е. от последствий «дипломатической революции» 1568 г. (разрыв между Польшей и Данией, между Россией и Швецией, сближение последней с Польшей) до окончания Ливонской войны. Восточноевропейские программы Сигизмунда Августа и Стефана Батория, с одной стороны, Юхана III — с другой, сходились по своей решительной антимосковской направленности, но вместе с тем были непримиримы между собой.

Значительный интерес для советского читателя представляет освещение в книге нарвской торговли между Россией и Западной Европой в годы от Плюсского перемирия до возобновления русско-шведской войны (1583—1590 гг.) (гл. X). Под властью шведов Нарва как транзитный центр русской торговли быстро пришла в упадок, что объяснялось разорением русского Северо-Запада в итоге войн и опричнины, переори-

³ Здесь Аттман опирается, в частности, на ценную монографию К. Расмусена «Die livländische Krise 1554—1561» (København, 1973), не отмеченную по достоинству в нашей литературе.

⁴ См., напр., Eesti NSV ajalugu. I osa. Tallinn, 1976, s. 96.

⁵ См. Дорошенко В. В. Русский экспорт через Нарву по данным Ивангородской таможни 1619—1620 гг. В кн. Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972; Флорья Б. Н. Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI — начало XVII в.). В кн. Средние века. М., 1973, вып. 36.

⁶ О рижской торговле XVI—XVII вв. см. Feodala Riga. Riga, 1978, passim.

ентацией русского вывоза на Лифляндию (Рига, Тарту, Пярну), а затем и на Архангельск и, наконец, успешной политикой горожан соседнего Таллина (с. 122—123).

Специальная глава работы (XI) посвящена балтийской политике Швеции от Плюсы до Тязвина, сравнительно слабо освещенной в русской литературе. К этому периоду относится небезуспешная реализация заполярных экспансионистских планов шведского короля, возникших еще в начале 70-х годов и впервые подробно рассмотренных А. Аттманом в его статье 1946 г.⁷ Автор верно оценил Тязвинский мир 1595 г. как победу Швеции в деле установления контроля над русской балтийской торговлей, однако победу неполную — России все еще были доступны польско-лифляндский и архангельский торговые пути (с. 145). Автор характеризует шведско-польское соперничество на Балтике на всем протяжении 1561—1595 гг. — вплоть до воцарения Сигизмунда в Швеции и установления тем самым шведско-польской унии (гл. XII). Спор из-за господства над Финским заливом явился, по мнению Аттмана, одним из важных факторов срыва унии (с. 158). Если в Прибалтике главными соперниками выступали Швеция и Польша, то в Арктике господство на морских подходах к русскому рынку оспаривали друг у друга Швеция и Дания (гл. XIII).

В последних главах книги (XIV—XV) анализируется балтийско-арктическая политика шведского правителя, а затем короля Карла IX, которому по-прежнему не удалось поставить под свой контроль русскую торговлю: основной поток последней шел через польскую Прибалтику. Рассматривая итоги шведской интервенции в Россию, автор подчеркивает неудачи шведов или, по крайней мере, ограниченность шведских успехов. В частности, в ходе столбовских переговоров, напоминает он, шведы шаг за шагом уступали русским и британскому посреднику, отказавшись, в конечном счете, от притязаний на Беломорье, Псков и Новгород.

А. Аттмана так же, как и другого историка балтийского вопроса — Г. В. Форстена, можно упрекнуть в известном преувеличении значения соперничества из-за Прибалтики и восточноевропейских торговых путей в международной политике изучаемого периода. Внешняя политика России, Речи Посполитой, Дании имела, наряду с балтийским, также и другие, не менее, а порой и более важные направления и задачи, да и для самой «балтийской» из держав — Швеции — приобретение свободного выхода в Северное море, прорыв датского «окружения» были не менее, если не более важны, чем обладание Эстляндией, устьями рек Нарвы и Невы. К тому же в общем балансе балтийского экспорта специфически русские товары — лен и пенька, пушнина, воск, топленое сало, шкуры и кожи — занимали второстепенное место⁸.

Концепция Аттмана, сводящая международные отношения на Балтике к борьбе за восточноевропейские рынки, несет на себе и сильную печать экономического материализма, присущего в той или иной мере и таким близким к Аттману лундским и гётеборгским историкам, как Стуре Булин, Э. Лёнрот и П. Нюстрём. Вместе с тем А. Аттман разделяет точку зрения о важности и правомерности для России установления ею прямых и беспрепятственных торговых связей с Западной Европой через Балтику.

А. С. Кан

⁷ Attman A. Till det svenska Östersjöväldets problematik. In: Studier tillägnade Curt Weibull. Göteborg, 1946, s. 57—87.

⁸ Attman A. The Russian and Polish Markets..., pp. 227—231; Unger W. S. Trade through the Sound in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. — «Economic History Review», 1959, vol. XII, № 2, pp. 213, 214, 219; Hroch M. Obchod mezi východní a západní Evropou v období počátků kapitalismu. — «Ceskoslovenský časopis historický», 1963, № 4.

ПО СТРАНИЦАМ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ СТРАН СОЦИАЛИЗМА

«Исторически преглед», София, 1979, № 4—5

Жаков А. Българо-съветските отношения в развитието на социалистическа България.

А. Жаков в статье «Болгаро-советские отношения — важный фактор в развитии социалистической Болгарии» характеризует историю отношений между двумя странами в послевоенные годы, подчеркивает значение крепнувшей год от года болгаро-советской дружбы в подъеме экономики и культуры, социальном развитии болгарского общества. В работе использованы документальные публикации, изданные в НРБ и СССР, мемуарная литература, труды болгарских и советских историков по данной теме.

«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», Berlin, 1979, № 4

Behrendt L.-D. Zur Erforschung der Geschichte der sowjetischen Geschichtswissenschaft durch Historiker der DDR.

В статье «Изучение истории советской исторической науки историками ГДР» Л.-Д. Берендт выделяет два этапа в исследовании истории исторической науки СССР исследователями ГДР. На первом этапе (60-е — середина 70-х годов), отмечает он, в центре внимания историков ГДР были научные связи историков Советского Союза и Германии в годы Веймарской республики, помощь, оказанная ведущими советскими учеными-историками в деле становления и развития исторической науки Германской Демократической Республики. Второй этап характеризуется значительным расширением тематики исследований, появлением большого количества диссертаций, посвященных истории развития советской исторической науки. К работе прилагается список основных исследований историков ГДР по этому вопросу.

«Militärsgeschichte», Berlin, 1979, № 3

Eichholtz D. Wirtschaftspolitik und Strategie des faschistischen deutschen Imperialismus im Dnepr-Donetz-Industriegebiet 1941—1943.

В работе «Экономическая политика и стратегия немецко-фашистского империализма в Днепр-Донецком промышленном районе в 1941—1943 гг.» Д. Айхгольц рассказывает о мужественной борьбе советских людей за срыв фашистских планов использования материальных ресурсов и промыш-

ленного потенциала Приднепровья и Донбасса в войне против СССР.

Giertz H. Die Schlacht um Berlin vom 20. April bis zum 2. Mai 1945.

Х. Гиртц в работе «Штурм Берлина (20 апреля—2 мая 1945 г.)» рассматривает политическое и военное значение Берлинской операции Советской Армии, ознаменовавшей окончательный разгром фашизма в Германии.

«Wojskowy przegląd historyczny», Warszawa, 1979, № 2

Majewski R. Operacja dolnośląska Armii Radzieckiej w lutym 1945 r.

В статье «Нижне-Силезская операция Советской Армии в феврале 1945 г.» Р. Маевский характеризует ход операции, ее значение в деле разгрома гитлеровских войск в Центральной Европе. В работе использованы мемуары советских военачальников, труды советских исследователей.

«Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki humanistycznospoleczne», 1979, № 33

Bortnowski W. Nowe formy walki podczas rewolucji 1905 roku w Rosji

В. Бортновский в статье «Новые формы борьбы в период революции 1905—1907 гг. в России» отмечает, что всеобщая стачка и вооруженное восстание явились новыми формами борьбы трудящихся в годы первой буржуазно-демократической революции эпохи империализма, ведущей движущей силой которой выступил российский пролетариат. Автор подробно останавливается на истории июньского восстания пролетариата Лодзи и его роли в развитии революции. В статье использованы труды В. И. Ленина, партийные документы, а также работы советских и польских исследователей революции 1905—1907 гг.

«Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki humanistycznospoleczne», 1979, № 27

Brzeziński A. M. Sir Arthur Nicolson ambassador Wielkiej Brytanii w Rosji. (1906—1910).

В работе «Сэр А. Никольсон — посол Великобритании в России (1906—1907 гг.)» А. М. Бжезинский рассматривает один из эпизодов в истории англо-русских дипломатических отношений, связанный с пребыванием в России посла А. Никольсона,

его переговорами с А. Извольским по вопросу о заключении англо-русского договора 1907 г. Статья написана на основе дипломатических материалов, опубликованных в Англии, Франции и СССР, мемуаров А. Никольсона и А. Извольского, трудов советских и зарубежных историков.

«Slovanský přehled», Praha, 1979, № 2, 6

Kreusova R. *Boj SSSR za odzbrojení v letech 1950—1958; eadem. SSSR v úsilí o odzbrojení na půdě OSN v letech 1959—1961.*

В статьях Р. Креузовой «Борьба СССР за разоружение в 1950—1958 гг.» и «Борьба СССР за разоружение в ООН в 1959—1961 гг.» характеризуются шаги, предпринятые Советским Союзом в области разоружения и ослабления международной напряженности в 50-е годы, конструктивные предложения СССР и других стран социалистического содружества в области разоружения, внесенные в ООН и Комитет по разоружению в Женеве. Автор подчер-

кивает, что борьба за всеобщее и полное разоружение стала одной из центральных задач советской внешней политики в эти годы. В работах использованы документальные публикации, изданные в СССР и Чехословакии, материалы ООН и др.

«Slovanský přehled», Praha, 1979, № 6

Herman K. *První ruská revoluce a západní buržoazní historiografie.*

В работе «Первая революция в России и буржуазная историография» К. Герман подверг критическому анализу взгляды буржуазных историков на причины, характер и цели революции 1905—1907 гг. в России. Опираясь на труды классиков марксизма-ленинизма, обширный документальный материал, автор показал значение первой буржуазно-демократической революции в России, явившейся по выражению В. И. Ленина, «генеральной репетицией» Великой Октябрьской социалистической революции.

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

М. А. РЫБАКОВ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

Советская наука высоко оценивает значение научного краеведения. Оно помогает обнаруживать и вводить в научный оборот новый исторический материал, играет большую роль в деле охраны памятников истории и культуры, в воспитании патриотизма, трудолюбия, общественной активности, чувства верности революционным, боевым и трудовым традициям нашего народа, т. е. активно способствует выполнению задач, выдвинутых в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

Главной задачей, стоящей перед краеведами-историками, является повышение мастерства, качества историко-краеведческих исследований. А это возможно лишь при глубоком изучении теоретико-методических вопросов исторического краеведения. Некоторые наиболее важные из них мы пытаемся рассмотреть в данной работе.

Содержание термина «краеведение» глубоко исторично. Как всякое явление социального порядка, оно не существует вне времени. В разные периоды оно рассматривалось как наука, как общественное движение, как метод изучения, как синтетическая дисциплина и т. п.¹

В настоящее время принято следующее общее определение краеведения: «Краеведение — комплекс естественных и общественных исследований. Краеведение изучает природу, население, хозяйство, историю и культуру родного края. Комплексное краеведение изучает все эти вопросы во взаимосвязи, отраслевое — отдельные разделы: географическое краеведение, историческое, этнографическое, топонимическое. Развивается краеведение, связанное с задачами охраны природы, памятников культуры и др.»² Во многих трудах подчеркивается комплексный характер краеведения³. Что же пони-

¹ См., напр., Марр Н. Я. Краеведение. Л., 1925; Золотарев А. Наука ли краеведение или только метод? — «Краеведение», 1926, № 3; Павлов-Сильванский Н. Н. Краеведение как социальное явление. В сб. На новых путях краеведной работы, Л., 1926; Семеновский В. Н. Пространственное содержание краеведения. Там же; Шенберг Г. Г. Местная география как основа краеведения. Там же; Большаков А. М. Введение в краеведение. Л., 1929; его же. Об определении краеведения. — «Советское краеведение», 1931, № 1; Толстов С. П. Введение в советское краеведение. М.—Л., 1932 и др. Критический разбор различных точек зрения на предмет советского краеведения содержится в обстоятельной работе А. П. Пинкевича «Предмет советского краеведения» («Советское краеведение», 1930, № 1—2).

² Строев К. Ф., Ефремов Ю. К. Краеведение.— БСЭ, изд. 3. М., 1973, т. 13, с. 311.

³ См., напр., Дзенс-Литовский А. И. К вопросу о предмете и методе курса «Краеведение». — «Краеведение», 1923, № 2, с. 113; Крупская Н. К. Краеведение и народное просвещение. — «Известия ЦБК», 1928, № 1, с. 7; Стрельский В. И. За Центральное бюро юных краеведов. Там же, 1929, № 7—8, с. 33—34; Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. М.—Л., 1928, с. 71; Краткая географическая энциклопедия, т. 2. М., 1961, с. 377; Барков А. С. Вопросы методики и истории географии. М., 1961, с. 80 и др.

мать под историческим краеведением и какова структура историко-краеведческого знания?

Исследователи подразумевают под историческим краеведением «часть исторической науки»⁴, считая его отраслью, разделом комплексного краеведения. Историко-краеведческие исследования отличаются от собственно исторических: а) специфичностью форм организации и методов выявления фактического материала; б) большей конкретностью и детализацией описания; в) возможностью изучения жизни современного общества по горячим следам событий; г) более тесной связью с другими науками: исторической географией, исторической топографией, демографией, топонимикой и др.⁵; д) специфичностью источниковой базы, поскольку краеведу доступен широчайший круг местных источников. В целом историко-краеведческие исследования включают вопросы, разрабатываемые не только историей, но и другими науками. Краевед-историк комплексно изучает край на основе исторических источников, своих наблюдений и использует данные краеведов других специальностей. Он изучает предметы и явления не как таковые, а те особенности, которые обусловлены их положением в данном конкретном месте и отношением этих предметов и явлений к другим элементам природы и общественной жизни⁶. Однако местный материал изучается не изолированно от истории всей страны. Ценность локального исследования заключается в том, что в нем выявляются общие особенности исторического процесса на изучаемой территории⁷. Своими работами краеведы-историки дополняют, уточняют (а иногда и исправляют) уже известные науке факты и выводы⁸.

Работа краеведов способствует решению не только конкретных вопросов, но и постановке общих проблем. Без изучения местной истории нельзя, например, всесторонне и исчерпывающе раскрыть решающую роль народных масс в истории, в строительстве социализма и коммунизма.

В литературе давно поставлен вопрос об определении содержания понятия «край». Его решение важно для выяснения объема работы краеведа. Ученые определяли «край» как территорию: совпадающую с административным делением⁹; доступную непосредственному изучению¹⁰; ограниченную естественными (географическими) или искусственными (административными) границами¹¹ (и как оптимальный вариант — совпадение тех и других); как физико-географическую, социально-экономическую и культурно-историческую индивидуальность¹²; как территорию, где сложились определенные экономические отношения, связи, прикрепляющие к ней ее жителей¹³; как территорию, на которой проживают краеведы¹⁴; как часть страны, город или деревню, которые местное население считает родным краем¹⁵; как местность, даже незначительную по размерам, тяготеющую к какому-либо географическому объекту (реке, озеру и пр.) или крупному населенному пункту¹⁶.

⁴ Историческое краеведение. Под ред. Н. П. Милонова. М., 1969, с. 117.

⁵ См. Яцунский В. К. Историческая география. М., 1955; И. М. Город как предмет краеведения. — «Краеведение», 1924, № 3; Бахрушин С. В. Задачи исторического изучения края. — «Краеведение», 1928, № 3.

⁶ См. Дзенс-Литовский А. И. Указ. соч., с. 113; Берг Л. С. Предмет и задачи краеведения. Сб. Как изучать свой край. Л., 1926, с. 13.

⁷ См. Михайловская А. И. Местная история и краеведческий музей. М., 1960, с. 4—5.

⁸ См. Бахрушин С. В. Указ. соч., с. 132.

⁹ См. Сивков К. В. Культурно-историческое изучение небольшого района. М., 1927, с. 12.

¹⁰ См. Сементовский В. Н. Указ. соч., с. 43—44, 48.

¹¹ См. Богданов В. В. Задачи краеведения и история краеведения в России. В кн. Вопросы краеведения. Сборник докладов, сделанных на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года, созданной Академическим центром. Нижний Новгород, 1923, с. 6.

¹² Большаков А. Введение в краеведение. Л., 1929, с. 27.

¹³ Гринкевич В. К. Краеведение и марксизм. Сб. На новых путях краеведной работы. Л., 1926, с. 53.

¹⁴ Лярский П. А. Пособие по краеведению. Минск, 1966, с. 5.

¹⁵ Строев К. Ф., Ефремов Ю. К. Указ. соч., с. 311.

¹⁶ Там же, с. 314.

Отсутствие единства в трактовке понятия «край» влечет за собой различия в определении границ края, т. е. территории, изучаемой краеведами: от улицы до административного района¹⁷, от улицы до области¹⁸, от села до автономной республики¹⁹ и др.

По нашему мнению, край — это местность, обособленная от смежных территорий естественными и исторически сложившимися границами и имеющая в силу этого присущие ей особенности развития. Определяющие край факторы зависят от конкретных условий. В одних случаях это могут быть географические особенности местности, в других — социально-экономические процессы или особенности политического, культурного развития. Но всегда и везде естественноисторическое развитие придает тому или иному краю специфическую определенность, только ему присущее своеобразие.

Таким образом, границы края определяются прежде всего естественноисторическими особенностями его развития, отличающими данную территорию от другой. На этой территории сказывается жесткая зависимость исследуемых явлений от местных условий, здесь есть возможность детально выяснить особенности природы, жизни и деятельности человека.

С вопросом определения понятия «край» тесно связана проблема выработки наиболее оптимальной методики изучения края. Приступая к всестороннему и глубокому изучению края, краевед начинает эту работу с мелких административных единиц (хутор, село, поселок, район), поскольку именно малая территория наиболее доступна непосредственному обследованию и описанию. Изучить край в историческом плане — это значит выяснить взаимосвязь и взаимозависимость тех или иных общественных явлений, присущих данной местности, и определить границы их распространения²⁰.

В пределах сравнительно большого региона могут быть выделены районы для более детального изучения. Это представляется особенно целесообразным в тех случаях, когда разные части края исследованы неравномерно.

Важнейшей проблемой исторического краеведения является вопрос использования исторических источников. К сожалению, до сих пор окончательно не решен вопрос об объеме и характере источников, необходимых при исследовании истории родного края.

Краеведение, комплексно изучающее край в его историческом развитии, широко использует разнообразные исторические источники. Я в своих краеведческих работах руководствуюсь рекомендациями академика М. Н. Тихомирова²¹, но использую также новые типы исторических источников — фото- и фонодокументы.

В последние десятилетия в связи с подъемом краеведческого движения наблюдается значительное пополнение разнообразными источниками архивов, краеведческих музеев, организуются новые архивы, музеи, музейные комнаты, мемориалы и т. п., в которых как правило, откладываются материалы по экономике, культуре, природе края, этнографии, по всем видам народного творчества. Для исследователя-краеведа это — огромное поле деятельности. Многие материалы, находящиеся в краеведческих и школьных музеях, могут дать толчок для углубленных исследований. Так, например, личные вещи и документы троюродной сестры А. С. Пушкина — А. С. Ганнибал, хранящиеся в Одесском музее-комнате А. С. Пушкина, послужили основой для поиска материалов, позволивших выяснить ее биографию, писательскую и литературоведческую деятельность²². Результатом историко-краеведческого исследования на основе документов из Киевского театрального музея и Дома-музея Н. А. Островского в Сочи было выявление и введение в научный оборот новых документов, характеризующих дружбу двух выдающихся представителей ленинской гвардии — «Всеукраинского ста-

¹⁷ Ю н ь е в И. С. Краеведение и туризм. М., 1974, с. 74.

¹⁸ Историческое краеведение. Под ред. Н. П. Милонова. М., 1969, с. 3—4.

¹⁹ Д у б р о в с к и й К. В. Азбука краеведа. М., 1930, с. 3.

²⁰ Подробнее см.: М а т в и е н к о - Г а р н а г а Ф. Т. Краеведение и краеведческая работа. Харьков, 1930, с. 12—15 (на укр. яз.).

²¹ См. Т и х о м и р о в М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962, с. 8.

²² См. Р ы б а к о в М. А. Кто она, Анна Ганнибал? — «Наука і суспільство», 1978, № 9 (на укр. яз.).

росты» Г. И. Петровского и писателя-бойца Н. А. Островского²³. К сожалению, подавляющая часть материалов, хранящихся в краеведческих и иных музеях, не введена в научный оборот, ученые все еще мало используют эти источники в своих исследованиях.

В последнее время большое общественное звучание получил вопрос о сохранении личных архивов. Не случайно в советской печати в 1976—1977 гг. развернулась дискуссия по проблеме критериев отбора документов на государственное хранение. В этой связи особое значение приобретает деятельность краеведов. Именно они, досконально знающие свой край и ведущие непосредственный поиск материалов, должны не только выявлять людей, личные архивы которых представляют общественный интерес, но и способствовать передаче этих архивов на государственное хранение.

Мне лично удалось выявить ряд таких архивов, содержащих ценную историческую информацию. К примеру: личный архив учительницы-пенсионерки Н. Н. Полянской освещает жизнь и деятельность ее сестры С. Н. Луначарской — активной участницы революционного движения в Киеве, игравшей видную роль в культурной жизни города в начале нашего века²⁴. Личные архивы бывшего комиссара бронепоезда «Дарчанин» М. И. Титкова и члена подпольной организации А. Ф. Белована содержат воспоминания, фотографии, планы, письма и газетные вырезки и другие документы, относящиеся к героической обороне Киева в 1941 г. и киевскому подполью 1941—1943 гг.

Краеведу-историку необходимо глубокое ознакомление с извлеченными из источников фактами во всей их совокупности. Однако мало знать факты, необходимо их анализировать. В процессе анализа краевед обязан широко применять выработанные советским источниковедением приемы проверки содержания источников — сопоставление, синтезирование, взаимная проверка, сравнительный анализ и др. Использование этих методов позволит ему тщательно исследовать и критически оценить круг источников, а также обнаружить и исправить в источниках и литературе ошибки, опiski, неточности и т. п.

Таким образом, методика работы краеведа-историка с источниками включает в себя общую источниковедческую методику и вместе с тем имеет свои особенности: а) выявление ценных источников, находящихся в личных архивах; б) большой удельный вес источников, которые в обычных исторических исследованиях играют сугубо вспомогательную роль (фотодокументы и другие изобразительные материалы, фонодокументы); в) изучение края не только по источникам, собранным в хранилищах, но и на основе непосредственных наблюдений на месте; г) более широкое привлечение источников, относящихся к различным историческим эпохам.

Одна из главных задач краеведов — выявление новых источников, особенно в личных архивах, определение их ценности для исследования, взятие их на учет, разъяснение населению важности передачи архивных материалов, имеющих историческое значение, на государственное хранение.

Практика историко-краеведческих исследований подсказывает следующие наиболее эффективные возможности расширения источниковой базы: встречи со старожилами края, использование личных архивов, анкетирование, интервьюирование, ведение дневников и др. Краевед-историк должен освоить и критически оценить обширную и богатую литературу по краеведению вообще, по историческому краеведению в частности, в целях критического использования опыта предшествующих поколений краеведов.

Тщательно и всесторонне изучая край, краеведы-историки наряду с разработкой различных проблем имеют возможность освещать на материалах местной истории ру-

²³ См. Рыбаков М. А. Письма Г. И. Петровского к Н. А. Островскому. — «Советские архивы», 1979, № 5; его же. Продолжай жить и зажигать сердца. — «Вітчизна», 1979, № 9 (на укр. яз.); его же. Так закалялась дружба. — «Наука і суспільство», 1979, № 9 (на укр. яз.).

²⁴ Речь идет о С. Н. Луначарской (Михайловой), жене брата А. В. Луначарского — Н. В. Луначарского (не отождествлять с С. Н. Луначарской-Смидович, женою другого его брата — П. В. Луначарского). См. Рыбаков М. А. Их объединила общая цель. — «Дніпро», 1979, № 3 (на укр. яз.).

ководящую и направляющую роль КПСС и ее организаций, что является важной задачей историко-краеведческого изучения и имеет большое научное и воспитательное значение.

На высоком уровне проведенное краеведческое исследование дает возможность его использования для воспитания трудящихся на революционных, боевых и трудовых традициях нашего народа, интернационального и военно-патриотического воспитания, что «является основой идейно-политического воспитания, мощным средством формирования марксистско-ленинского мировоззрения, идейной убежденности, классового самосознания трудящихся»²⁵.

Историко-краеведческое изучение играет большую роль в деле обнаружения и охраны памятников истории и культуры. В выявленных краеведами местах, связанных с революционными, боевыми и трудовыми традициями трудящихся, устанавливаются памятные и мемориальные доски. Здесь проводятся встречи с ветеранами революции, войны и труда, комсомольские и пионерские линейки.

Ныне проблемам историко-краеведческого изучения уделяется всевозрастающее внимание. На исторических факультетах педагогических институтов введен курс исторического краеведения, который непосредственно связан с локальными историческими исследованиями. Он дает обзор основных источников по истории края, знакомит с методами их выявления и использования, что должно подготовить будущего учителя к всестороннему применению их в учебно-воспитательной работе, а также дать общие знания и навыки, необходимые для самостоятельной историко-краеведческой работы²⁶. Все это, а также разработка теоретико-методических проблем исторического краеведения будут способствовать углубленному изучению истории родного края.

²⁵ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 5. М., 1976, с. 370.

²⁶ Важными работами для учителя истории — краеведа являются: Историческое краеведение. Под ред. Н. П. Милонова. М., 1969; Историческое краеведение. Под ред. Г. Н. Матюшина. М., 1975 и др.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ СССР, СПЕЦИАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН И ИХ ПРЕПОДАВАНИЕ В ВУЗАХ.

Конференция в Новороссийске

С 27 сентября по 1 октября 1979 г. в Новороссийске проходила III Всесоюзная конференция источниковедов, организованная Отделением истории АН СССР, Институтом истории СССР АН СССР, Северо-Кавказским научным центром высшей школы, Московским и Кубанским государственными университетами. В ее работе приняло участие свыше 120 ученых ведущих научных центров и вузов страны.

Конференцию открыл проректор Кубанского университета К. В. Нестеров. От Отделения истории АН СССР собравшихся приветствовал чл.-кор. АН СССР И. Д. Ковальченко (Москва).

На первое пленарное заседание была вынесена тема «Общие проблемы источниковедения», обсуждение которой было затем продолжено в ходе работы секций.

Доклад «О предмете и основных принципах марксистско-ленинской методологии исторического источниковедения» был представлен М. А. Варшавчиком (Киев). Автор остановился на двух вопросах методологии источниковедения — ее предмете и структуре, подчеркнул различия в предмете теории и методологии источниковедения, предпринял попытку раскрыть основные принципы методологии источниковедения, отметил, что одна из задач методологии источниковедения — выяснение иерархии в структуре исследовательских методов. В заключение М. А. Варшавчик обратил внимание на необходимость совершенствования понятийного аппарата источниковедения.

В совместном докладе А. П. Пронштейна и А. В. Лубского (Ростов-на-Дону), посвященном советской историографии методологических проблем источниковедения, были проанализированы высказанные в литературе взгляды на соотношение методологии исторической науки в целом и методологии ее отдельных дисциплин и отраслей, а также на соотношение метода, методологии, методики и техники источниковедения. Значительное внимание было уделено историографическому обзору точек зрения на предмет источниковедения, понятие исторического источника и принципы его классификации.

Большой интерес участников конференции вызвал доклад чл.-кор. АН СССР И. Д. Ковальченко «Исторический источник в свете учения об информации». Как подчеркнул докладчик, одним из важнейших обстоятельств, стимулирующих рост интереса к методологическим вопросам источниковедения, является все явственнее обнаруживающаяся потребность в повышении информативной отдачи источников. В этой связи принципиальное значение имеет выяснение общих возможностей такого повышения. Решению данной задачи может содействовать обращение к учению об информации. Далее И. Д. Ковальченко остановился на характеристике свойств социальной информации, включающей в себя как действующее знание, так и имеющиеся, но не функционирующие данные, т. е. потенциальную, скрытую социальную информацию. Посколь-

ку объективный мир представляет собой безграничное многообразие свойств и связей, указал докладчик, постольку и информация как отражение этого мира также неисчерпаема. Следовательно, возможности получения субъектом социальной информации принципиально не ограничены. Кардинальные проблемы исторического источника, сказал И. Д. Ковальченко, могут анализироваться на основе учения о социальной информации.

Большое внимание в докладе было уделено характеристике трех основных направлений источниковедческих исследований; общего теоретико-методологического, связанного с изучением исторических источников в русле анализа отражательно-информационных процессов в обществе (общефилософского аспекта в источниковедении); общесредневекового, или собственно дисциплинарного, связанного с исследованием исторических источников или их видов как явлений исторической действительности и, наконец, конкретного историко-прикладного, который является основой для анализа тех или иных исторических явлений и процессов. Все указанные направления тесно взаимосвязаны, однако, как отметил докладчик, в исследованиях порой наблюдаются и «нарушения чистоты вида»: попытки сочетать общий подход к историческому источнику с решением задачи методов обработки и анализа содержащихся в нем сведений. Но, поскольку любой источник по своим информационным возможностям неисчерпаем, постольку не может быть методики работы с источником, которая исходит от него самого, вне исследовательской задачи, решаемой на основе данного источника. Докладчик отметил, что учение о социальной информации подтверждает ряд принципиальных положений марксистского источниковедения: об объективной природе отражения в источнике исторической действительности; о том, что информационный потенциал источников неисчерпаем и всякий источник содержит ту или иную объективную информацию и др. Для повышения информационной отдачи источников необходимо разрабатывать принципы, пути и методы извлечения из них скрытой информации. Следует заметить, что основной путь — это анализ взаимосвязей, присущих исследуемым явлениям и процессам, на основе непосредственно выраженных в источниках данных. Таким образом, современные достижения в области социальной информации, подчеркнул И. Д. Ковальченко, имеют много выходов в источниковедение и позволяют более фундаментально, на широкой теоретической и методологической основе решать его общие и конкретные вопросы.

С докладом «О социальных функциях исторических источников» выступил А. Г. Тартаковский (Москва). Он охарактеризовал исторический источник как остаток, «часть» исторической действительности породившей его эпохи. В социальных функциях любого исторического источника, т. е. в том, чем источник был в реальной исторической действительности, какую роль играл в системе общественно-классовых отношений, и каким было его место и значение в ходе исследовательской практики, можно, указал докладчик, выделить его первичную и вторичные функции. В докладе было показано значение социальных функций источников для познания природы источниковых видов. Автор предложил рассматривать социальные функции источников как их коренной видообразующий фактор. Остановившись на многофункциональности, присущей историческим источникам, А. Г. Тартаковский подчеркнул, что совмещение в источнике различных функций не влияет на его принадлежность к определенному виду, поскольку в каждом случае можно выявить основную функцию источника. Далее он осветил ряд еще не решенных проблем, в частности, влияние социальных функций источников на общие условия их сохранности, связь вопроса социальных функций с проблемой репрезентативности в источниковедении. В докладе прозвучала мысль об известной подвижности границ между существованием источника в «доисториографической» стадии и тем моментом, когда он попадает в поле зрения историка, т. е. между его социальным функционированием в общественно-практической деятельности и превращением в средство исторического познания.

Проблеме репрезентативности в источниковедении был посвящен доклад Л. В. Милова (Москва). Само понятие «репрезентативность», подчеркнул он, сравнительно недавно получило распространение в историческом источниковедении, и хотя, в лите-

ратуре уже отмечалась необходимость не смешивать это понятие с «полнотой» источника, практика исследовательской работы свидетельствует, что его применяют как вариант терминов «полнота» и «достоверность». Докладчик отметил, что категория «репрезентативность» относится к классу общенаучных понятий. В исторических исследованиях происходит замещение реального события или явления исторической действительности его аналогом. Последний и должен обладать свойством репрезентативности. Л. В. Милов предложил трактовать репрезентативность в проблемно-историческом аспекте, как создание научно обоснованного аналога тому или иному явлению в виде системы научных фактов или модели, а для уточнения понимания степени репрезентативности использовать критерий изоморфизма. Особое внимание докладчик уделил проблемам репрезентативности так называемой «естественной выборки».

Участники конференции обсудили также два доклада — В. И. Буганова и Г. А. Трукана (Москва), посвященных основным итогам и перспективам развития источниковедения отечественной истории дооктябрьского и советского периодов. В них в числе задач, стоящих перед учеными-источниковедами, были названы следующие: дальнейшая разработка теоретических проблем источниковедения, подготовка коллективных трудов по источниковедению истории СССР с древнейших времен до наших дней и по историографии источниковедения истории СССР, изучение и критика источниковедческой основы трудов буржуазных историков по истории СССР, создание работ по слабоизученным видам источников или источникам отдельных эпох, по истории регионов и т. д.

Современному состоянию источниковедения истории Великого Октября был посвящен доклад Е. Н. Городецкого (Москва). В. И. Недосекин (Краснодар) выступил с докладом «Некоторые проблемы источниковедения истории Северного Кавказа». Автор выделил ряд источниковедческих проблем, требующих комплексного исследования, указал на необходимость издания ряда документальных материалов по данной теме.

Участники конференции приняли активное участие в дискуссии по теме «Общие проблемы источниковедения» и в обсуждении докладов. Характеристике понятия «исторический источник» посвятил свое выступление Л. Н. Пушкарев (Москва). В. Л. Автократов (Москва) говорил о тесной связи источниковедения и архивоведения, взаимопроникновении их методов и вместе с тем о различии в предмете этих дисциплин. А. А. Курносоев (Москва) остановился на вопросах «скрытой» информации, содержащейся в источниках, их репрезентативности, типологии источниковых комплексов. В. Б. Кобрин (Москва) подчеркнул, что репрезентативность источника и «естественная выборка» не существуют вне проблемы. Г. М. Иванов (Томск) осветил вопросы соотношения теории, метода и методологии, понятия «исторический источник» и неисчерпаемости последнего. В дискуссии по докладам приняли также участие В. З. Дробинжев, С. И. Якубовская, В. В. Фарсоби́н (Москва), С. С. Минц (Краснодар) и др. Н. Я. Эйдельман (Москва) показал важность обращения советских источниковедов к дипломатическим документам по истории России, хранящимся в зарубежных архивах. И. В. Поздеева (Москва) посвятила свое выступление задачам археографии и источниковедения в свете Закона СССР об охране и использовании памятников истории и культуры. О. М. Медушевская (Москва) привлекла внимание слушателей к вопросу о функциях современного источниковедения, а также к задачам источниковедческой подготовки студентов в свете современных требований. В. П. Грицкевич (Ленинград) призвал участников конференции уделять больше внимания источниковедению истории науки, в частности истории медицины.

В ряде выступлений критиковались приемы анализа и обработки источников в трудах современных буржуазных авторов. Применительно к истории СССР конца XIX — начала XX в. об этом говорила Н. Б. Селунская (Москва); сюжеты, связанные с интерпретацией советологами истории внешней политики СССР, нашли отражение в выступлении А. М. Филитова (Москва).

На втором пленарном заседании конференции состоялось обсуждение темы «Место источниковедения и специальных исторических дисциплин в подготовке историков».

Общие вопросы структуры курсов были поставлены в докладах С. В. Воронковой (Москва) — «Проблематика и структура курса источниковедения истории СССР в свете современного уровня развития исторической науки», А. В. Муравьева (Москва) — «Специальные исторические дисциплины в системе вузовского преподавания» и Д. И. Будаева (Смоленск) — «Место курса вспомогательные исторические дисциплины в подготовке учителя истории». На заседании был заслушан также совместный доклад В. П. Крикунова (г. Грозный) и Х. Х. Рамазанова (Махачкала), обобщивших опыт преподавания источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в Чечено-Ингушском и Дагестанском университетах. В выступлении В. Н. Ратушняка и В. Е. Щетнева (Краснодар) был проанализирован опыт изучения студентами «Биографии В. И. Ленина».

В ходе дискуссии состоялся широкий обмен мнениями об опыте преподавания источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в университетах и пединститутах страны. Об источниковедческой практике студентов в Университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы говорила Т. В. Батаева (Москва), об участии студентов в работе архивов — Л. А. Котлярская (Калинин), о выявлении и сборе источников — В. П. Шахеров (Иркутск), о преподавании курса архивоведения на историческом факультете Московского университета — Г. Р. Наумова (Москва). В выступлениях были высказаны конкретные предложения по повышению уровня подготовки историков в области источниковедения, выработки оптимальной структуры курса источниковедения истории СССР с учетом современных принципов и методов обучения в высшей школе (М. А. Варшавчик, О. М. Медушевская, И. Д. Ковальченко). Особое внимание обращалось на взаимодействие преподавания и научно-исследовательской разработки проблем источниковедения. Было высказано пожелание о том, чтобы цикл вспомогательных дисциплин состоял из обязательных и факультативных предметов (В. Б. Кобрин), отмечалась также необходимость ликвидации различий в количестве часов, выделяемых на преподавание источниковедения и специальных исторических дисциплин в ряде университетов. Об этом говорил Н. Н. Алеврас (Свердловск), К. А. Заболотская (Кемерово), В. Я. Борщевский (Днепропетровск). Участники обсуждения указывали на важность подготовки новых и переработки существующих учебников и пособий, высказывали предложения о разработке программ читаемых курсов, о более широкой публикации методических материалов (Н. Н. Алеврас, Е. И. Каменцева (Москва), К. А. Заболотская, В. Б. Кобрин, В. П. Крикунов, С. В. Воронкова); рассмотрели вопросы преподавания источниковедения и специальных исторических дисциплин в пединститутах и институтах культуры (М. И. Серова — Краснодар, В. С. Флеров — Ярославль, Н. П. Ковальский — Днепропетровск).

На конференции работали 4 секции. Центральное место в работе секции по источниковедению истории советского общества занял вопрос о закономерностях возникновения и эволюции видов источников в свете марксистско-ленинской теории исторического процесса. В докладе В. В. Журавлева (Москва) «В. И. Ленин и становление советского законодательного акта» была подчеркнута мысль о неисчерпаемости содержания законодательных актов как исторических источников. Автор охарактеризовал основные пути изучения декретов советской власти как исторических источников, остановился на проблемах поиска, атрибуции и использования еще неизвестных ленинских документов.

В ряде докладов и выступлений были рассмотрены проблемы эволюции массовых источников. В докладах Ю. А. Мошкова (Москва) «Происхождение и эволюция годовых отчетов социалистических сельскохозяйственных предприятий как массовых исторических источников» и А. П. Лисовиной (Кишинев) «Эволюция годового отчета социалистического промышленного предприятия (30—50-е гг.)» были прослежены изменения в отчетных формах, числе показателей, намечены пути обработки и использования сведений годовых отчетов в исторических исследованиях. Выступавшие в ходе обсуждения В. З. Дробижев, К. А. Заболотская привели примеры широкого использования данных годовых отчетов как одного из основных источников по истории рабочего класса.

А. К. Соколов (Москва) посвятил свой доклад основным моментам эволюции ряда комплексов массовых источников по истории рабочего класса СССР: переписей, материалов бюджетных и других обследований, первичной учетной документации. Он охарактеризовал изменение методики и техники применения математико-статистических методов и ЭВМ при работе с различными источниками, встающие в связи с этими источниковедческие вопросы. Проблеме эволюции массовых источников и их обработки и анализа с помощью ЭВМ было посвящено и выступление Н. Л. Роговиной (Москва), рассказавшей об опыте использования аграрно-статистических источников 20-х годов для изучения социальной структуры советской деревни. В докладе «Опыт создания нового источника по истории крестьянства в связи с осуществлением программы подъема Нечерноземья (на примере Смоленской области)» Г. Т. Рябков (Смоленск) говорил о создании комплексного источника по истории сел и деревень, исчезающих в результате укрупнения населенных пунктов, а также тех, в которые программа вдохнула новую жизнь. В этой связи он рассказал о работе по анкетированию, сбору фотодокументов, воспоминаний, об использовании полученных материалов в научной и учебной работе.

В ряде докладов и выступлений освещалась специфика использования в исторических исследованиях отдельных документальных комплексов. Так, Р. А. Усиков (Москва) уделил внимание составу и содержанию комплексов историко-партийных документов, указал на необходимость более широкого их использования в исторических исследованиях. В. В. Косарев (Москва) коснулся проблем, связанных с работой над документами партийных органов периода восстановления народного хозяйства в 1921—1925 гг. Характеристике организационно-инструктивных материалов (постановлений, приказов, инструкций, уставов и т. д.) как исторического источника на примере материалов, хранящихся в Министерстве сельского хозяйства Туркменской ССР, было посвящено выступление Н. Рахимова (Ашхабад). В. И. Старцев (Ленинград) обратил внимание на важность точной датировки ленинских документов, позволяющей уточнить ряд моментов в истории подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. Л. М. Чузавков (Москва) раскрыл некоторые проблемы источниковедения истории советской милиции. А. А. Дугин (Москва) рассказал о значении кинофотодокументации как источника по истории советской милиции, некоторых приемах их использования в исследованиях.

В выступлении А. А. Курносова анализировалась типология мемуарных источников по истории Великой Отечественной войны.

Многие участники заседания секции (В. З. Дробижев, Г. А. Трукан, В. И. Старцев, А. П. Лисовина, Т. В. Батаева, М. И. Серова, В. Я. Борщевский и др.) коснулись вопросов координации усилий исследователей в работе над комплексами источников. Они показали необходимость получения более широкой информации о деятельности ученых в различных научных и учебных центрах в области источниковедения, призывая к поиску разнообразных приемов и методов источниковедческих исследований и наиболее эффективных методик.

Основной темой секции источниковедения истории СССР периода капитализма была проблема закономерности возникновения и эволюции видов источников в свете марксистско-ленинской теории исторического процесса. Она рассматривалась на материале делопроизводственной документации, судебно-следственных документов, данных статистики, эпистолярных материалов и других.

Доклад Б. Г. Литвака (Москва) был посвящен закономерностям эволюции делопроизводственной документации в XVIII—XIX вв. Автор отметил слабую изученность источниковедами этого комплекса источников. Опираясь на новейшие достижения архивоведения, документоведения, докладчик предпринял попытку наметить схему эволюции делопроизводственной документации этого периода.

Судебно-следственные материалы как источник по истории освободительного движения в России на разночинском этапе — тема доклада Н. А. Троицкого (Саратов). Осветив значение стенографических отчетов политических процессов, речей и заявлений подсудимых, материалов защиты, обвинительных документов, зарубежных от-

клинков на расправу с революционерами и др., он подчеркнул, что эти документы с достаточной полнотой характеризуют размах революционного движения в стране и карательную политику самодержавия. Ю. Я. Рыбаков (Москва) дал анализ сводам законов первой половины XIX в. как историческому источнику. Выступление В. Н. Черникова (Краснодар) было посвящено характеристике источников по монополизации цементной промышленности дореволюционной России, Б. А. Трехбратов (Краснодар) проанализировал комплекс источников по истории сельскохозяйственного пролетариата Юга России периода капитализма. Он остановился на методике обработки материалов и дал источниковедческую критику отдельных видов источников по теме. Большой интерес вызвали доклады И. В. Пороха (Саратов) и Т. Г. Кучиной (Ленинград), посвященные исследованию эпистолярных источников.

Т. Д. Крупина (Москва) охарактеризовала публикаторскую практику в современной советологии, дала критический анализ западных изданий документов по истории России эпохи капитализма. Н. Б. Селунская рассмотрела изменения в структуре источниковой базы по истории помещичьего хозяйства России эпохи капитализма, которые необходимо учитывать в конкретно-исторических исследованиях хозяйства капиталистической России. Промышленные переписи начала XX в.— тема доклада С. В. Воронковой. Она рассказала о проводившихся в начале столетия массовых обследованиях российской промышленности, показала их информативную ценность, призвала к поиску в архивах разработок итогов переписей.

О формировании делопроизводства Следственной комиссии по делу декабристов говорил С. В. Мироненко (Москва). М. Б. Бабаханов (Душанбе) рассмотрел тему «Письма как источник по истории революционного движения в Туркестане», Б. С. Давлетбаев (Уфа) — такой массовый источник по истории Башкирии, как жалобы и прошения крестьян. Н. А. Кладько (Краснодар) охарактеризовала комплекс источников по истории торговли в Степном Предкавказье в пореформенный период, А. В. Островский (Вологда) раскрыл методику проводимых земствами обследований и значение данного источника для исследования истории России второй половины XIX в.

Значительное место в работе секции истории СССР периода феодализма было уделено вопросам русского летописания XI—XVII вв. Этой теме был посвящен совместный доклад В. И. Буганова, Б. М. Клосса, В. И. Корецкого, Л. Л. Муравьевой (Москва). Авторы отметили ряд нерешенных проблем русского летописания XI—XVII вв. Особое внимание, подчеркивалось в докладе, следует уделить совершенствованию методики летописного исследования. Во введении в научный оборот новых материалов, устранении неясностей в определении источников сводов, реконструкции утраченных памятников, совершенствовании методики исследования — залог дальнейших успехов в изучении русского летописания.

Глубокий интерес вызвал доклад Н. И. Павленко «Источниковедческие аспекты построения биографий исторических деятелей XVII—XVIII вв.» Автор показал значение для создания биографий комплекса источников: личных фондов, писем, следственных дел, донесений иностранных дипломатов и др. Оживленную дискуссию вызвал, в частности, вопрос о возможности построения научной биографии политического деятеля средневековой Руси. По мнению докладчика, наличный корпус источников вплоть до конца XVII в. не позволяет создать полнокровную научную биографию с проникновением в психологию изображаемого лица, поскольку источники, характеризующие внутренний мир личности (дневники, эпистолярные материалы), как правило, появляются позднее. Вместе с тем в ряде выступлений (В. И. Корецкий, Л. Н. Пушкарев) подчеркивалось, что, несмотря на, казалось бы, скудость биографических данных об исторических деятелях периода русского средневековья, все же имеются многочисленные источники, позволяющие создать научные биографии (агиографические источники, летописи, дворцовая документация, актовый материал, статейные списки и др.).

В дискуссии по докладу затронули проблемы классификации мемуарных произведений и их эволюции В. И. Корецкий, В. А. Кучкин (Москва), Л. В. Милов, Л. Н. Пушкарев, Р. В. Овчинников (Москва), Ю. А. Тихонов (Москва), А. Г. Тартаков-

ский, Н. Я. Эйдельман; вопросы эволюции эпистолярного жанра — Л. Н. Пушкарёв, Н. Я. Эйдельман, С. А. Морозов (Москва); роль источников, освещающих деятельность личности для формирования корпуса биографических сведений, — Л. В. Милов, Л. Н. Пушкарёв, Н. Я. Эйдельман; проблему личных фондов — А. Г. Тартаковский, Н. Я. Эйдельман. Были связаны по своей проблематике с докладом Н. И. Павленко выступления Л. Н. Пушкарёва — о записях на старопечатных книгах XVII в. как историческом источнике и Р. В. Овчинникова — о классификации мемуарных источников по истории Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачёва.

С докладом «Древнейшие документы московского великокняжеского архива. Опыт датировки» выступил В. А. Кучкин. Докладчик и принявшие участие в обсуждении (Л. В. Милов, Б. М. Клосс) затронули вопросы эволюции духовных грамот, источниковедения русского летописания и др.

Привлекло внимание исследователей выступление Н. П. Ковальского (Днепропетровск), который рассмотрел вопросы эвристики как составной части источниковедения на материалах источников по социально-экономической истории Украины XVI — первой половины XVII в. И. В. Поздеева подняла важную и малоразработанную проблему источниковедческого изучения литургических источников. В. П. Громов (Краснодар) посвятил свое выступление характеристике наказов казачьих войск Кавказа в Уложенную комиссию 1767 г.; В. Ф. Иванов (Якутск) рассказал об интересном источнике — чертежах (картах) Северо-Восточной Азии XVIII в.; Э. Б. Кяупа (Вильнюс) говорил о эволюции актовых книг органов самоуправления городов Великого княжества Литовского; Г. Н. Шевченко (Краснодар) — об отчетах таврических губернаторов как историческом источнике по истории сельского хозяйства Кубани первой четверти XIX в.

На секции по проблемам специальных исторических дисциплин вызвал интерес доклад чл.-кор. АН СССР В. Л. Янина (Москва) на тему «Генеалогия и землевладение». Автор подчеркнул важность восстановления генеалогии новгородских землевладельцев XI—XV вв., указав, что она способствует реконструкции политических группировок Новгорода, уяснению механизма боярской борьбы за власть, а также анализу истории вотчинной системы. Он показал роль различных источниковых комплексов (берестяных грамот, писцовых книг, актовых сведений) в генеалогическом исследовании. «Антропонимика как специальная историческая дисциплина» — тема выступления В. Б. Кобриня. Он указал, что антропонимика, изучающая личные имена людей, еще редко применяется в исторических исследованиях, не включается в издающиеся в нашей стране общие курсы по вспомогательным историческим дисциплинам. Между тем антропонимические данные важны для анализа идеологической жизни и общественной психологии той или иной эпохи.

Развитию представлений о предмете палеографии в отечественной литературе посвятил свое выступление В. В. Фарсоби. Проблему изучения гербов дореволюционной России осветила Н. А. Соболева (Москва). Она остановилась на значении данных городской геральдики для исследования проблем феодального города и феодального общества в целом. Рассмотренные в комплексе городские гербы, сказала она, дают исследователю сведения по истории изобразительного искусства, средневековой символике, а также об идеологической направленности политики самодержавия в XVIII—XIX вв.

О знаках отличия как историческом источнике говорил В. А. Дуров (Москва). Он подчеркнул, что знаки отличия — ордена, медали и нагрудные знаки, — а также связанная с ними официальная документация могут служить источником по военной и политической истории страны, как атрибутирующий и датирующий элемент. С докладом «Музейный предмет как исторический источник» выступил А. М. Разгон (Москва). Характерной особенностью развития исторической науки на современном этапе является, с одной стороны, быстрое совершенствование методов исследования, с другой — тенденция к комплексному и системному использованию источников. В этой связи, подчеркнул он, особую актуальность приобретает изучение музейных предметов.

В заключение докладчик обозначил вклад, который может быть внесен музееведением в развитие современного источниковедения.

О методике генеалогического исследования на примере московского купечества XVIII в. рассказал А. И. Аксенов (Москва). С докладом «Клады русских монет XVI—XVII вв. как источник по социально-экономической истории русского средневековья» выступила А. С. Мельникова (Москва). О высокой степени информативности оружия в музейных коллекциях как исторического источника говорил Ю. В. Токарев (Москва).

На заключительном пленарном заседании с докладом «Раскопки в Новгороде последних лет» выступил чл.-кор. АН СССР В. Л. Янин. На заседании были также доложены итоги работы секций, высказаны пожелания по дальнейшему исследованию проблем источниковедения и специальных исторических дисциплин, повышению качества их преподавания в вузах. Итоги работы конференции подвел чл.-кор. АН СССР И. Д. Ковальченко.

В. И. Недосекин, Е. И. Пивовар

АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НА ДОНУ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1917—1929 годах

Конференция в Орджоникидзе

Названная региональная научная конференция историков Дона и Северного Кавказа состоялась 28—30 сентября 1979 г. В ее работе приняли участие ученые Ростова-на-Дону, Орджоникидзе, Нальчика, Грозного, Ставрополя, Махачкалы, Элисты, Зернограда.

Группа докладов была посвящена историографии и источникам.

С. М. Смагина (Ростов-на-Дону) в докладе «Советская историография революционных аграрных преобразований на Дону и Северном Кавказе» высказала мысль о том, что революционные аграрные преобразования здесь по сути совпали с землеустройством, и, как подчеркивалось в литературе 20-х годов, проводившееся землеустройство не противоречило основным интересам трудового казачества. Докладчик отметила ряд достижений исследователей: доказана незавершенность аграрных преобразований в 1920 г., выяснены особенности тактики партии по отношению к казачеству и т. д.

Н. Д. Малиев (г. Орджоникидзе), выступивший с докладом «Первые аграрные преобразования на Тереке в советской исторической литературе», считает несостоятельным положение о том, что аграрные революционные преобразования стали проводиться на Тереке только после 1920 г. Он отметил слабую изученность межнациональных отношений и роли рабочего класса в решении аграрного вопроса.

Е. Л. Арутюнова (Ростов-на-Дону) в докладе «Документы Государственного архива Ростовской области о землепользовании и землеустройстве на Дону и Северном Кавказе в 1920—1929 гг.» охарактеризовала комплексы документов, еще слабо используемые исследователями по этой проблеме.

Ряд докладов осветил процесс проведения аграрных преобразований в национальных районах Северного Кавказа.

М. И. Гроев (Орджоникидзе) в докладе «Осуществление ленинской аграрной политики в национальных районах Северного Кавказа» подчеркнул, что история аграрных преобразований на Северном Кавказе — это история участия горских народов в революции, ибо здесь аграрный вопрос был тесно связан с национальным. В Терской

области, в отличие от других районов Дона и Северного Кавказа, Советская власть вначале просуществовала почти год. Тут Комбедов не было, но при Советах вооруженные революционные отряды захватывали земли помещиков и крупных кулаков. Здесь переплетались буржуазно-демократический и социалистический этапы аграрной революции. М. И. Гюев считает ошибочным мнение отдельных исследователей о том, что в 1920 г. Советской власти из-за последствий денкинской аграрной политики все пришлось начинать сначала. В национальных районах Северного Кавказа давали себя знать пережитки прошлого, и задачи второго этапа в основном были выполнены в первые годы нэпа. Успешно разрешился горский вопрос: 150 тыс. горцев были переселены с гор на плоскость. К концу 20-х годов в горском ауле были созданы необходимые предпосылки для полного решения аграрного вопроса.

В докладе А. М. Исрапилова (Махачкала) «О некоторых особенностях первых аграрных преобразований в национальных районах Северного Кавказа» было подчеркнуто своеобразие этого процесса в регионе. Фактически здесь вначале была национализирована не вся земля. Земли многих помещиков, мечетей и духовенства остались нетронутыми. Докладчик предложил следующую периодизацию аграрных преобразований в горских районах Северного Кавказа: первый период — 1918—1919 гг., второй — март 1920—1921 гг. (до начала нэпа), третий — 1921—1929 гг. Он не согласился с точкой зрения, что аграрная революция на Северном Кавказе совпала с землеустройством. Аграрная революция здесь, как и в других районах страны, начинается с первых дней Советской власти, с «Декрета о земле». По мнению докладчика ошибочно утверждение, что до 1927—1929 гг. аграрные преобразования носили здесь только демократический характер. Они в значительной степени носили социалистический характер и необходимо исследовать, что преобладало на данном этапе, в данном месте.

Ч. Карданов (Нальчик) в докладе «Великий Октябрь и аграрные преобразования в Кабардино-Балкарии» отметил, что в марте 1918 г. кабардинскому крестьянству было передано более 63 тыс., а балкарскому — более 8 тыс. дес. частновладельческих земель, а также 44 тыс. дес. пастбищ. Распределение было временным, по едокам. С восстановлением Советской власти в 1922—1924 гг. были распределены частновладельческие земли. Землеустройство усилило процесс крестьянской дифференциации. Большая помощь Советского государства крестьянам Кабардино-Балкарии позволила увеличить посевную площадь к 1928 г. на 45,5% по сравнению с 1913 г.

А. И. Наберухин (Элиста) в докладе «Реализация ленинского «Декрета о земле» в Калмыкии в 1917—1920 гг.» подчеркнула особенности аграрных преобразований в этом районе кочевого животноводства, где земля скотоводческих хозяйств находилась в общинном пользовании. В 1919 г. СНК РСФСР принял декреты о регулировании земельных отношений в Калмыкии и о восстановлении калмыцкого животноводства. Аграрный вопрос решался в теснейшей связи с вопросом о самоопределении калмыцкого народа, создания его автономии.

Часть докладов была посвящена вопросам землеустройства.

П. Г. Чернопницкий (Ростов-на-Дону) в докладе «Землеустройство на Дону и Северном Кавказе в 1920—1927 гг.» остановился на специфике землепользования в регионе, связанной с наличием до революции казачьего войскового землевладения. Отметив характерные черты северокавказской общины, докладчик сказал, что землеустройство было важнейшей социально-экономической и политической мерой, оно должно было фактически осуществить право иногородних на землю и ликвидировать привилегии казачества. Наделение землей в крае было закончено к началу 1928 г. Посевная площадь кулацких (прежде всего казачьих) хозяйств сократилась на 20%. В землеустройстве переплетались демократические и социалистические меры.

Н. Г. Цыганаш (Ростов-на-Дону) осветил роль землеустройства в регулировании землепользования в северокавказской деревне в 1920—1929 гг. По его мнению, нужен системный подход к изучению проблем землепользования. П. И. Юсупов (Грозный) в докладе «Социально-политическое значение землеустройства среди горцев Северного Кавказа в первые годы Советской власти» подчеркнул, что сам факт наделения горцев землей имел огромное политическое значение. Землеустройство способство-

вало обострению классовой борьбы. К 1925 г. горцы обращаются к центральным властям с требованием обуздать кулацкие элементы, мулл, у которых они вынуждены были арендовать землю за высокую плату. Землеустройство расшатало устой феодально-патриархальных отношений, середняк стал центральной фигурой в горском ауле.

В ряде докладов освещались вопросы классовой борьбы.

Г. Х. Мамбетов, Е. Т. Хакушев (Нальчик) остановились на особенностях классовой борьбы в Кабардино-Балкарии в связи с земельными преобразованиями. Г. Х. Мамбетов проанализировал формы борьбы кулачества против землеустройства, привел яркие факты яростного сопротивления кулачества переселению горцев на плоскость. Е. Т. Хакушев обратил внимание на материальные средства, полученные мусульманским духовенством. В 1926/27 хозяйственном году сборы на содержание духовенства (закят) составили в Кабардино-Балкарии 300 тыс. руб., а по сельхозналогу население уплатило 270 тыс. руб. Так же было и в других национальных областях. Преодолевая ожесточенное противодействие врагов революции, Советская власть успешно провела землеустройство. К 1930 г. в Кабардино-Балкарии было создано 58 новых населенных пунктов. Д. Г. Негодов (Ставрополь) показал специфику классовой борьбы в казачьем Терском округе накануне коллективизации.

В выступлениях Ю. О. Оглаева (Элиста), В. Д. Кураева (Ростов-на-Дону), В. И. Зайдинера (г. Зерноград) были сделаны попытки выяснить критерии оценок сущности аграрных преобразований, их периодизации, раскрыть роль рабочих совхозов в проведении аграрных преобразований в регионе.

В. И. Зайдинер, П. Г. Чернолицкий

В ВУЗАХ СТРАНЫ

НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ СССР КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. В. И. УЛЬЯНОВА-ЛЕНИНА

Кафедра истории СССР историко-филологического факультета Казанского университета является крупным учебно-методическим и научным центром, прежде всего в области изучения истории народов Поволжья и Приуралья.

В ее составе 3 доктора наук и 12 доцентов. Ежегодно на кафедре обучается от 11 до 14 аспирантов. С конца 1977 г. работает специализированный Ученый совет по защите кандидатских диссертаций (история СССР, историография и источниковедение).

В 1979 г. получило оформление главное направление научной деятельности кафедры в области истории: «История народов Поволжья и Приуралья с древнейших времен до наших дней». Координационный совет по данному направлению возглавляет заведующий кафедрой проф. И. М. Ионенко.

На кафедре с 1939 г. разрабатывались различные вопросы истории Поволжья и Приуралья, но в последние 10—15 лет заметно усилилось внимание к изучению проблем истории советского общества, прежде всего к истории Великой Октябрьской социалистической революции в Поволжье и Приуралье. Только по этой тематике членами кафедры и аспирантами было защищено 3 докторских и 12 кандидатских диссертаций, издано более 10 монографий и сборников статей, в которых рассматривались

вопросы предпосылок и хода Октябрьской революции в Поволжье и Приуралье, революционной борьбы и национально-демократического движения солдатских масс Казанского военного округа, участие женщин Поволжья, особенно татарок, в Октябрьской революции и гражданской войне, крестьянского движения и аграрных преобразований, триумфального шествия Советской власти, состава рабочего класса, Красной гвардии, низовых солдатских комитетов, социально-психологического аспекта революционной борьбы непролетарских масс трудящихся, национально-освободительного движения, первых преобразований в области культуры и просвещения и т. д.

В 1972 г. вышел в свет сборник статей по историографии и источниковедению Октябрьской революции в Поволжье и Приуралье. В предисловии к сборнику акад. И. И. Минц высоко оценил вклад, внесенный кафедрой в разработку региональной истории Октябрьской революции¹. Основная заслуга в этом принадлежит И. М. Ионенко, который опубликовал на эту тему более 50 статей и четыре монографии. В 1976 г. он издал первую часть своей новой монографии «Солдаты тыловых гарнизонов в борьбе за власть Советов», в которой широко освещается солдатское движение в период мирного развития революции в гарнизонах всего Казанского военного округа.

Проблемам развития национально-освободительного движения в Поволжье и на Урале в период борьбы за победу социалистической революции доц. И. Р. Тагиров посвятил три монографии² и успешно защитил докторскую диссертацию «Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале (март 1917 — март 1918 гг.)».

Проблему проявления общенационального кризиса в Поволжье разрабатывает доц. Р. К. Валеев. На эту тему им опубликовано две монографии³.

Вопросами источниковедения Великого Октября в Поволжье занимается на кафедре доц. Н. М. Силаева. Она — составитель уникального сборника документов по крестьянскому движению в Поволжье накануне Октября⁴ и автор многих статей, посвященных анализу и классификации источников по Октябрьской революции в Поволжье. Ныне Н. М. Силаева завершила работу над монографией «Классификационные группы и системный анализ источников по Октябрьской революции в Поволжье».

В настоящее время на кафедре готовятся к печати коллективная монография, посвященная итогам и перспективам регионального изучения Великого Октября в Поволжье и на Урале.

Специальные курсы и семинары по Октябрьской революции в группах специализации по истории СССР из года в год прививают студентам навыки научной работы. Проводят их И. М. Ионенко, И. Р. Тагиров, Р. К. Валеев, Н. М. Силаева и другие.

Тема исторического подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны постоянно находится в сфере интересов сотрудников кафедры. Было подготовлено 5 кандидатских диссертаций, в которых исследовались: боевой путь и подвиги соединений, сформированных в Татарии, татарские фронтовые газеты как исторический источник, воспитание молодежи на героических традициях и др. Студенты-историки выполнили более 50 дипломных работ по теме «Великая Отечественная война 1941—1945 гг.».

К 30-летию Победы в Великой Отечественной войне на кафедре был подготовлен и издан сборник документов и материалов по истории КГУ периода Великой Отечест-

¹ Октябрь в Поволжье и Приуралье (Вопросы историографии и источниковедения). Казань, 1972.

² Тагиров И. Р. Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале. Казань, 1977; его же. В борьбе за власть Советов. Казань, 1977; Ионенко И. М., Тагиров И. Р. Октябрь в Казани. Казань, 1967.

³ Валеев Р. К. Революционное движение в Среднем Поволжье (июль — октябрь 1917 г.). Казань, 1972; его же. Назревание общенационального кризиса и его проявление в Поволжье и на Урале в 1917 г. Казань, 1979.

⁴ Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября. Сборник документов и материалов. Казань, 1958.

венной войны⁵. В этом году рекомендована к защите кандидатская диссертация бывшего аспиранта кафедры В. А. Попова на тему «Казанский университет в годы Великой Отечественной войны». Завершает работу над диссертацией аспирант В. Ф. Телишев о героических подвигах советских воинов в боях за освобождение Прибалтики.

Плодотворную поисковую работу ведет «Снежный десант» историко-филологического факультета, созданный по инициативе И. М. Ионенко десять лет назад. Ежегодно студенты выезжают в районы бывших сражений, собирают материалы, проводят агитационно-массовую работу с молодежью, изучают боевой путь дивизий и частей, формировавшихся в Приволжском военном округе. При кафедре создан архив «Снежного десанта», который входит в состав источниковедческой коллекции. Члены десанта выступают в печати, участвуют в подготовке книг и брошюр по истории Великой Отечественной войны⁶.

Вопросами истории советской деревни плодотворно занимается доц. Е. Г. Матвеева. Она подготовила к печати монографию, в которой показаны изменения в материально-техническом оснащении и структуре сельского хозяйства Татарии за период с 1959 по 1975 г. Е. Г. Матвеева руководит подготовкой пяти дипломных работ, посвященных жизни советской деревни в условиях развитого социализма. Ее аспиранты исследуют общественно-политическую деятельность колхозников, их участие в работе Советов, роль комсомола в повышении трудовой и общественной активности сельской молодежи и другие вопросы.

В последние годы на кафедре под руководством Н. М. Силаевой создается специализированная источниковедческая лаборатория для сбора и анализа источников по истории фабрик и заводов Татарии периода развитого социализма. Собрана ценная коллекция массовых источников по истории строительства автомобильного завода в Набережных Челнах. Ежегодно организуются экспедиции студентов для сбора источников, проводятся консультации по организации делопроизводства и архивного хранения документации, пишутся по этим темам курсовые и дипломные работы. Этот опыт работы кафедры получил одобрение на археографических конференциях и семинарах в Москве, Киеве, Чебоксарах. В настоящее время три аспиранта кафедры под руководством И. М. Ионенко и Н. М. Силаевой разрабатывают темы по региональной истории рабочего класса периода развитого социализма. Работы выполняются на стыке с социологией, этносоциологией, социальной психологией, с применением новейших методов обработки и анализа массовых источников.

Члены кафедры, занятые изучением вопросов истории советского общества, участвуют в качестве авторов в подготовке коллективного труда по истории крестьянства Среднего Поволжья, а также второго тома «Очерков истории Поволжья».

Одним из результативных направлений в научной деятельности кафедры на протяжении более 20 лет являлось изучение освободительного движения в Поволжье и Приуралье периода первой революционной ситуации. Эта работа ведется под научным руководством проф. Г. Н. Вульфсона, который занимается этой проблемой почти 30 лет. Им опубликовано около 40 научных работ, в том числе 3 монографии⁷. Казанской группой по изучению истории первой революционной ситуации в России подготовлена к печати коллективная монография, в которой подведены итоги изучения проблемы по Поволжско-Уральскому региону и намечены новые сюжеты для дальнейшего исследования. Кроме того, готовится коллективная монография «Три поколения революционеров в Поволжье и на Урале».

⁵ Во имя Отчизны. Казанский университет в годы Великой Отечественной войны. Казань, 1975.

⁶ См. В боях и походах. Казань, 1975; Дюрягин Г. М. Ни шагу назад. Казань, 1978 и др.

⁷ Вульфсон Г., Бушканец Е. Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1859—1861 гг. Казань, 1955; Вульфсон Г. Н. Из истории разночинно-демократического движения в Поволжье и на Урале. Казань, 1963; его же. Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации, Казань, 1974.

Заметный вклад в разработку региональной истории пореформенной России внесли аспиранты Г. Н. Вульфсона. Об этом дают представление темы защищенных ими диссертаций: «Пореформенная деревня Казанской губернии», «Классовая борьба и общественное движение в Симбирской губернии в 70—80-х гг. XIX в.», «Разночинцы Сибири в освободительном движении эпохи падения крепостного права», «Прокламации революционного подполья Поволжья и Урала в эпоху падения крепостного права», «Общественно-политическая борьба в Вятском крае в середине 1850-х гг.», «Положение рабочих на предприятиях Казанской губернии в пореформенный период (1861—1864 гг.)» и др.

Впечатляющих результатов добились археологи. Уже в первые послевоенные годы студенты университета под руководством известного археолога и краеведа Н. Ф. Калининна провели первые фронтальные археологические разведки в Татарии и широкие исследования в зоне будущего Куйбышевского моря. Интересные результаты были получены при раскопках городов Золотой Орды — Сарая-Берке и Сарая-Бату. С 1967 г. проф. А. Х. Халиков возглавил фундаментальные исследования Билярского городища — археологических остатков одной из столиц домонгольской Волжской Булгарии. Материалы проведенных раскопок были изложены в специальных монографиях, многочисленных статьях и археологических обзорах⁸.

Значительны успехи в изучении истории народов Поволжья и Приуралья периода феодализма. Доц. М. А. Усманов опубликовал по этой теме более 40 работ, в том числе монографию «Татарские исторические источники XVII—XVIII вв.» (Казань, 1972), находится в печати его другая монография — «Жалованные акты Джучиева Улуса XIV—XVI вв.». Ежегодно, начиная с 1963 г., кафедра проводит под его руководством археографические экспедиции по выявлению и сбору рукописных источников и литературных памятников на восточных, главным образом тюркских, языках.

Большая археографическая работа проводится также по источникам социально-экономической и политической истории Поволжья XVI—XVII вв. В 1979 г. опубликована Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг.

Значительный научный интерес представляет работа доц. И. П. Ермолаева по разысканию и аннотированию грамот и актов по истории Казанского края второй половины XVI — начала XVII в. Им сдан в печать хронологический перечень этих актов и грамот с кратким изложением их содержания. Под его руководством готовится к изданию коллективная монография «Очерки социально-политической истории Казанского края XVI — XVII вв.».

На кафедре изучаются вопросы социально-экономической истории татарской деревни периода капитализма (доц. С. И. Даншев) и этнографии казанских татар, в частности, генезис народных татарских праздников и свадебных обрядов (доц. Р. Г. Кашафутдинов). Результаты этих исследований опубликованы в кафедральных сборниках, коллективных монографиях и обобщающих трудах.

На протяжении всего послевоенного времени на кафедре проводились исследования по различным вопросам историографии. Историографией опричнины Ивана IV занимался доц. В. И. Пономарев. Доц. Г. Ф. Шамов в 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Роль Казанского университета в изучении Монголии и Китая». В ней и в других его работах впервые было доказано, что Казанский университет являлся в первой половине XIX в. ведущим центром не только отечественной, но и мировой ориенталистики. Из историографических работ следует также отметить монографию, посвященную жизни и научной деятельности профессора Казанского университета Н. Н. Фирсова⁹, и подготовленную Г. Ф. Шамовым монографию об одном из

⁸ Важнейшие из них: Геннинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964; Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1976; его же. Исследования Великого города. М., 1976; его же. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978; Халикова Е. А., Казачков Е. П. Танкеевский могильник. Будапешт, 1977 и др.

⁹ Ермолаев И. П., Литвин А. Л. Профессор Николай Николаевич Фирсов. Казань, 1976.

основоположников научного монголоведения в России — О. М. Ковалевском, статьи И. П. Ермолаева и Г. Ф. Шамова по истории исторической мысли в Казанском университете.

Много сил и времени отдают члены кафедры разработке методических пособий. Всего кафедрой подготовлено и издано около 20 учебно-методических пособий для студентов дневного, вечернего, заочного обучения и подготовительных курсов¹⁰.

В заключение отметим, что многие члены кафедры участвовали в создании коллективных монографий: «Борьба за счастье народное» (Казань, 1967), «Октябрь в Поволжье» (Саратов, 1967), «История Татарской АССР» (Казань, 1968), «История Татарской АССР» (Казань, 1973), «Очерки истории партийной организации Татария» (Казань, 1973), «Юность Татарстана» (Казань, 1978), «История Казанского университета» (Казань, 1979) и др.

¹⁰ Ермолаев И. П. Историческая хронология. Учебное пособие. Казань, 1978; Ермолаев И. П., Кашафутдинов Р. Г., Матвеева Е. Г. История СССР. Пособие для заочных подготовительных курсов. Казань, 1979. Подготовлены к печати: «Хрестоматия по истории Татарии XIX — начала XX в.» (сост. Г. Н. Вульфсон и Н. М. Силаева); Халиков А. Х. Учебное пособие по спецкурсу «Основы этногенеза народов Поволжья и Приуралья» и др.

Г. Ф. Шамов

НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ СССР И УССР ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Усилия профессорско-преподавательского состава и аспирантов кафедры сосредоточены на разработке комплексной темы «Актуальные вопросы социально-экономической и политической истории Украинской ССР» (научный руководитель — проф. Д. П. Пойда). Эта тема исследуется в двух основных направлениях: 1) Социально-экономическое развитие и крестьянское движение на Украине в эпоху феодализма и капитализма; 2) Рабочий класс и массовые общественные организации Украины в социалистическом и коммунистическом строительстве.

Научные исследования сюжетов, относящихся к первому направлению, позволяют глубже и полнее воссоздать страницы героического прошлого украинского народа, исторические корни его братской дружбы с русским и другими народами нашей великой Родины, их совместное участие в революционном движении.

Результаты исследования проблем истории Украины эпохи феодализма изложены в работах ст. преп. А. К. Швидько¹. В них анализируются преимущественно вопросы социально-экономического развития средневековых городов, прослеживается их роль в расширении и укреплении русско-украинских связей в XVI—XVIII вв., предпринята попытка историографического осмысления объекта исследования.

В трудах Д. П. Пойды (их свыше 50) рассматриваются разнообразные вопросы истории крестьянского движения на Украине в пореформенный период. Высокую оценку научной общественности получила, в частности, его крупная монография о крестьянском движении на Правобережной Украине².

Различные аспекты социально-экономического положения и антикрепостнической борьбы помещичьих крестьян Украины в первой половине XIX в. освещаются в статьях

¹ Швидько А. К. Социально-экономическое развитие городов Украины в XVI—XVIII вв. Днепропетровск, 1979; ее же. Советская историография роли городов Украины в укреплении русско-украинских связей в XVI—XVIII вв. В сб. Проблемы историографии и источниковедения истории СССР, вып. 7. Днепропетровск, 1979 и др.

² Пойда Д. П. Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866—1900 гг.). Днепропетровск, 1960.

доцентов Т. Д. Липовской и Р. С. Поповой³. Последняя работает сейчас над докторской диссертацией «Положение и классовая борьба крестьян Юга Украины в дореформенный период». Выяснению экономического и правового положения крестьянства в годы революции 1905—1907 гг., эволюции его политического сознания на примере анализа наказов и приговоров сельских сходов первой Государственной думе посвящены работы к.и.н. В. И. Михайловой⁴.

Формирование горнопромышленной буржуазии Юга России и социально-экономическая политика царского правительства, русско-германские экономические отношения в пореформенное время — таков основной профиль научных изысканий доц. В. В. Крутикова⁵. Над историей создания и развития Екатеринославской (ныне Приднепровской) железной дороги в последней четверти XIX — начале XX в. работает к.и.н. В. Д. Мирончук.

Значительное место в научной работе кафедры занимают исследования по истории советского общества. Так, в статье аспиранта Л. П. Кононенко⁶ показана роль В. И. Ленина в организации вооруженного отпора иностранным интервентам и внутренней контрреволюции на юге страны в начальный период гражданской войны. Предметом научных поисков доц. Н. Я. Белана являются вопросы, связанные с организационно-политическим укреплением сельских Советов Украины и их деятельностью в условиях подготовки массового колхозного движения⁷.

История мопровского движения на Украине, проблемы интернациональных связей и пролетарской солидарности рабочего класса республики с трудящимися зарубежными стран в годы социалистического строительства раскрываются в публикациях доц. В. В. Иваненко⁸. Изучению накопленного профсоюзными организациями Украинской ССР опыта деятельности по повышению культурно-технического уровня и творческой активности рабочих промышленных предприятий, улучшению условий их труда и материального благосостояния в период послевоенных пятилеток посвящены работы доц. Н. А. Шапошниковой, ст. преп. Л. А. Кравченко, преп. Л. А. Гаркуши⁹. Участие рабо-

³ Липовская Т. Д. К вопросу о помещичьем предпринимательстве накануне падения крепостного права (На материалах Левобережной Украины). — В сб. Некоторые проблемы социально-экономической и политической истории Украинской ССР, вып. 6. Днепропетровск, 1975; Попова Р. С. Жалобы и прошения помещичьих крестьян как своеобразная форма антикрепостнической борьбы в дореформенном селе Юга Украины (1841—1860 гг.). — Там же, вып. 5, 1974.

⁴ Михайлова В. И. Наказы и приговоры сельских сходов первой Государственной думе как исторический источник. — Там же, вып. 6, 1975.

⁵ Крутиков В. В. Гірничопромислова буржуазія України і митна політика царизму в останній чверті XIX ст. — «Український історичний журнал», 1978, № 5; е го же. Горнопромышленная буржуазия юга России и русско-германские экономические отношения во второй половине 80-х гг. XIX в. В сб. Исследования по истории русско-германских отношений. Днепропетровск, 1978.

⁶ Кононенко Л. П. В. І. Ленін — організатор єдиного фронту оборони на півдні країни (березень — квітень 1918 р.). — «Український історичний журнал», 1979, № 4.

⁷ Белан Н. Я. К вопросу о роли сельских Советов в борьбе за осуществление налоговой политики Советского государства в деревне 1926—1929 годов (На материалах юга Украины). В сб. Некоторые проблемы социально-экономической и политической истории Украинской ССР, вып. 6, Днепропетровск, 1975.

⁸ Иваненко В. В. О состоянии и перспективах изучения истории мопровского движения в СССР. В сб. Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1978; е го же. Деякі питання шефської роботи мопрівських організацій України в роки другої п'ятирічки. — Питання Історії СРСР, вып. 23. Харьков, 1978.

⁹ Шапошников Н. А. Роль профсоюзных организаций в развитии технического творчества рабочих черной металлургии. В сб. Возрастание социальной активности советского рабочего класса в условиях развитого социализма. (На материалах Украинской ССР). Днепропетровск, 1979; Кравченко Л. А. Из опыта работы профсоюзных организаций по улучшению условий труда и материального благосостояния металлургов Украинской ССР в годы пятой пятилетки (1951—1955 гг.). В сб. Некоторые проблемы социально-экономической и политической истории Украинской ССР, вып. 6. Днепропетровск, 1975; Гаркуша Л. А. Партийное руководство деятельностью профсоюзов по повышению творческой активности рабочего класса в годы восьмой пятилетки. — Научные труды по истории КПСС, вып. 93. Киев, 1978.

чего класса в укреплении сельской общеобразовательной школы и развитии системы здравоохранения на этапе зрелого социализма изучается соответственно аспирантами Г. Г. Кривчицом¹⁰ и Т. А. Чудновой¹¹.

Научные исследования, проводимые на кафедре, координируются ведущими академическими учреждениями республики и страны в области отечественной истории. Установлены и поддерживаются в частности, творческие контакты с Институтом истории СССР АН СССР, Институтом истории АН УССР, родственными кафедрами Московского, Киевского, Харьковского, Донецкого, Симферопольского, Одесского и ряда других университетов и пединститутов. Весьма полезными являются также деловые связи сотрудников кафедры с учеными некоторых крупных научных центров Германской Демократической Республики.

Результаты своих исследований члены кафедры систематически обсуждают на всесоюзных и республиканских конференциях, симпозиумах, совещаниях, выступают с докладами и сообщениями на итоговых научных конференциях, ежегодно организуемых в ДГУ.

Активное участие приняла кафедра в подготовке и проведении на базе Днепропетровского университета в январе 1979 г. Всесоюзной научной сессии, посвященной 325-летию воссоединения Украины с Россией, материалы которой уже вышли из печати¹².

Свой посильный вклад внесли наши ученые в создание фундаментального энциклопедического издания «Днепропетровская область» из серии многотомной «Истории городов и сел УССР».

Следует отметить, что организации планомерной исследовательской работы в значительной степени способствует регулярное издание сборников научных трудов, положительно оцененных общественностью.

В. В. Иваненко

---

¹⁰ Кривчик Г. Г. Участие рабочих совхозов и колхозников в укреплении сельской общеобразовательной школы (1966—1975 гг.). В сб. *Возрастание социальной активности советского рабочего класса в условиях развитого социализма*. Днепропетровск, 1979.

¹¹ Чуднова Т. А. Участие рабочих в развитии здравоохранения в годы восьмой пятилетки.— Там же.

¹² См. *Историческое значение воссоединения Украины с Россией*. Днепропетровск, 1979.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

К 50-летию начала массовой коллективизации в СССР

Зеленин И. Е.— Решающие успехи колхозного движения в период сплошной коллективизации (Осень 1930—1932 г.) 3

Анфимов А. М., Зырянов П. Н.— Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861—1914 гг.) 26
 Пядышев Г. Е. (Одесса) — Поход Игоря в 1185 году. Место битвы 42

К 600-летию Куликовской битвы

Чл.-кор. АН СССР Пашуто В. Т.— «И въспие земля Руская...» 66
 Хорощкевич А. Л.— О месте Куликовской битвы 92

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Акад. Минц И. И.— Метаморфозы масонской легенды 107
 Андреев И. Л.— О происхождении отдельных статей XI главы «Суд о крестьянах» Соборного уложения 1649 года 123
 Сапрыкина Н. Г.— Новые материалы о С. М. Соловьеве 129

Сообщения

Трухановский Г. В.— Борьба СССР за разоружение: проблема запрещения химического и биологического оружия (1945—1978 гг.) 134
 Таршилова Т. М. (Вильнюс) — Рост материального благосостояния колхозного крестьянства Литовской ССР в годы девятой пятилетки 147
 Будянский Д. М., Каннметов А. К. (г. Фрунзе) — Роль интернационального кооператива «Интергельпо» в Киргизии в укреплении солидарности трудящихся 152
 Куприянова Л. В.— К вопросу о протекционистской политике в нефтяной промышленности России (По материалам Общества для содействия русской промышленности и торговле) 161

Критика и библиография

Книги о социальном развитии советского общества

Дорофеев В. И. (Саратов) — Рабочий класс СССР. 1966—1970 173
 Гафт Л. Г., Игитхаян Е. Д., Савоскуя С. С.— Социологические очерки о Советской Эстонии 175
 Твердохлеб А. А.— Изменения социальной структуры советского общества. 1921 — середина 30-х годов 178

Дахшлейгер Г. Ф. (Алма-Ата) — Великий подвиг партии и народа — массовое освоение целинных и залежных земель. Сб. документов и материалов	182
Житов К. Е. (Ташкент) — Национальные отношения в СССР на современном этапе. На материалах республик Средней Азии и Казахстана	184
Молодцыгин М. А. — Установление Советской власти в национальных районах России. Анализ советской историографии и критика буржуазной литературы	186
Кострикин В. И. — А. С. Смирнов. Крестьянские съезды в 1917 году	188
Игрицкий Ю. И. — Г. Л. Соболев. Октябрьская революция в американской историографии. 1917—1970-е годы	190
Комиссаренко А. И. — М. Я. Волков. Очерки истории промыслов России. Вторая половина XVII — первая половина XVIII в. Винокурное производство	192
Мельникова А. С. — А. Н. Дьячков, В. В. Уздеников. Монеты России и СССР. Определитель	195
Слонимский А. Г. (Душанбе) — Методика проведения семинарских занятий на исторических факультетах университетов. Методическое пособие	197

История СССР за рубежом

Кондуфор Ю. Ю., Симоненко Р. Г., Хмель И. С. (Киев) — Критика современных буржуазно-националистических фальсификаций истории дружбы и братства русского и украинского народов	201
Кан А. С. — А. Аттман. Борьба за балтийские рынки. Международные конфликты 1558—1618 гг.	211
По страницам исторических журналов стран социализма	214

Историческое краеведение

Рыбаков М. А. (Киев) — О некоторых вопросах исторического краеведения	216
---	-----

Научная жизнь

Недосекин В. И., Пивовар Е. И. — Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах. Конференция в Новороссийске	221
Зайднер В. И., Чернопицкий П. Г. (Ростов н/Д) — Аграрные преобразования на Дону и Северном Кавказе в 1917—1929 годах. Конференция в Орджоникидзе	228
В вузах страны	
Шамов Г. Ф. (Казань) — На кафедре истории СССР Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина	230
Иваненко В. В. (Днепропетровск) — На кафедре истории СССР и УССР Днепропетровского университета	234

CONTENTS

Articles

<i>Toward the 50th Anniversary of the Beginning of Mass Collectivization</i>	
Zelenin I. Ye.—The Decisive Successes of the Kolkhoz Movement in the Period of Total Collectivization (Autumn 1930—1932)	3
—————	
Anfimov A. M., Zyryanov P. N.—Some Features of the Evolution of the Peasant Commune in Russia in the Post—Reform Period (1861—1914)	26
Pyadyshev G. Ye. (Odessa) — March of Igor in 1185. The Site of the Battle	42
<i>Toward the 600th Anniversary of the Kulikovo Battle</i>	
Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences Pashuto V. T.—«And Stirred Up the Russian Land»	66
Khoroshkevich A. L.—On the Site of the Kulikovo Battle	92

Historiography, Study of Sources, Methods of Historical Research

Acad. Mints I. I.—The Metamorphosis of the Freemasonry Legend	107
Andreev I. L.—On the Genesis of Some Articles of Chapter XI «Law on Peasantry» in the «Sobornoe Ulozhenije» of 1649	123
Saprykina N. G.—New Data on S. M. Soloviev	129

Communications

Trukhanovsky G. V.—The Struggle of the USSR for Disarmament: the Problem of Banning Chemical and Bacteriological Weapons (1945—1978)	134
Tarshilova T. M. (Vilnius) — Growth of Material Welfare of Kolkhoz Peasantry of the Lithuanian SSR during the Ninth Five—Year—Plan	147
Budyansky D. M., Kanymetov A. K. (Frunze) — The Role of International Cooperative «Intergelpe» in Kirghizia in Strengthening Working People's Solidarity	152
Kupriyanova L. V.—On the Problem of Protectionist Policies in Russian Oil Industry (records of the Society for Advancement of Russian Industry and Trade)	161

Book Reviews and Bibliography

- Books on Social Development of the Soviet Society* 173
- Dorofeev V. I. (Saratov) — Working Class of the USSR, 1966—1970
 Gaft L. G., Igitkhanian Ye. D., Savoskul S. S.— Sociological Essays on
 Soviet Estonia 175
- Tverdokhleba A. A.— Change in the Social Structure of the Soviet So-
 ciety, 1921 — Mid — 1930's 178
-
- Dakhshleyger G. F. (Alma-Ata) — Great Deed of the Party and the
 People — Mass Cultivation of Virgin and Long — Fallow Lands.
 A Collection of Documents and Materials 182
- Zhitov K. Ye. (Tashkent) — National Relations in the USSR at the Cur-
 rent Stage. Data on the Republics of Central Asia and Kazakhstan 184
- Molodttsygin M. A.— Establishment of Soviet Power in the National
 Regions of Russia. An Analysis of Soviet Historiography and a Criti-
 que of Bourgeois Literature 186
- Kostrikin V. I.— A. S. Smirnov. Peasant Congresses in 1917 188
- Igritsky Yu. I.— G. L. Sobolev. The October Revolution in American
 Historiography, 1917—1970 190
- Komissarenko A. I.— M. Ya. Volkov. Essays in the History of Trades
 and Business in Russia, Second Half of the 17th Century — First
 Half of the 18th Century. Distilling Business 192
- Melnikova A. S.— A. N. Dyachkov, V. V. Uzenikov. Russian and Soviet
 Coins. A Guide for Determination 195
- Slonimsky A. G. (Dushanbe) — Methods of Seminar Courses for Uni-
 versity Departments of History. An Aid 197

History of the USSR in Foreign Studies

- Kondufor Yu. Yu., Simonenko R. G., Khmel I. S. (Kiev) — A Critique
 of Modern Bourgeois — Nationalist Falsifications of History of
 Friendship and Fraternity between the Russian and Ukrainian Peo-
 ples 201
- Kan A. S.— A. Attman. The Struggle for Baltic Markets. Powers in
 Conflict 1558—1618 211
- Through the Pages of Historical Periodicals in Socialist Countries 214

Study of Local History

- Rybakov M. A. (Kiev) — Some Problems of Study of Local History 216

Academic Life

- Nedosekin V. I., Pivovarov Ye. I.— Urgent Problems of Studying Sources
 on History of the USSR, Special Historical Disciplines and Their
 Teaching in Higher Educational Establishments, A Conference in
 Novorossiysk 221
- Zaidiner V. I., Chernopitsky P. G. (Rostov — on — the — Don) — Agra-
 rian Transformation on the Don and in the Northern Caucasus in
 1917—1929. A Conference in Ordzhonikidze 228

At Higher Educational Establishments

- Shamov G. F. (Kazan) — At the Chair of History of the USSR of the
 Kazan V. I. Ulyanov-Lenin University 230
- Ivanenko V. V. (Dnepropetrovsk) — At the Chair of History of the
 USSR and the Ukrainian SSR of the Dnepropetrovsk University 234

Технический редактор Л. И. Глинкина

Сдано в набор 07.04.80 Подписано к печати 30.06.80 Т-09857 Формат бумаги 70×108/16
 Высокая печать Усл. печ. л. 21,0 Уч.-изд. л. 22,7 Бум. л. 7,5 Тираж 11000 экз. Зак. 4963

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подосенский пер., 21
 2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ НАШЕГО ЖУРНАЛА

Статьи	СССР — ведущая сила мировой социалистической системы Этнодемографические процессы в СССР Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России Генералиссимус А. В. Суворов. Его искусство побеждать
Историография, источниковедение, методы исторического исследования	Советская историография переселения крестьян в Сибирь и на Дальний Восток (1861—1917 гг.) О древнейшей истории кормчих книг на Руси
Сообщения	Изменения численности и состава колхозного крестьянства РСФСР в первые послевоенные годы Об источниках пополнения фабрично-заводского пролетариата в эпоху империализма Основные тенденции развития сельского расселения на северо-западе Руси в XVI—XVII веках
История СССР за рубежом	Историки Франции об общественно-политическом движении в России 70—80-х годов XIX века

Кроме того публикуются различные материалы под рубриками «Критика и библиография» и «Научная жизнь».